

БРАТСТВО ТАЛИСМАНА

КЛИФФОРД
САЙМАК

Клиффорд Саймак

Том 1

Фантастические произведения

ТПО «ИНТЕРФЕЙС»

Москва

1992

Клиффорд Саймак

БРАТСТВО ТАЛИСМАНА

Фантастические произведения

Москва
ТПО «ИНТЕРФЕЙС»
1992

84.7 США
С 14

Клиффорд Саймак

С 14 Братство Талисмана: Фантастика. Т. 1 /Сост.
Д.И.Исаков. — М. 1992. — 448 с.,
ил.

В книгу входят фантастические произведения популярно-
го американского писателя Клиффорда Саймака.

Составитель *Д. Исаков.*

Оформление и иллюстрации *М. Никитенко.*

Технический редактор *В. Шибает*

Художественный редактор *П. Навдаев.*

Корректоры *О. Кириллова, Г. Шаровка*

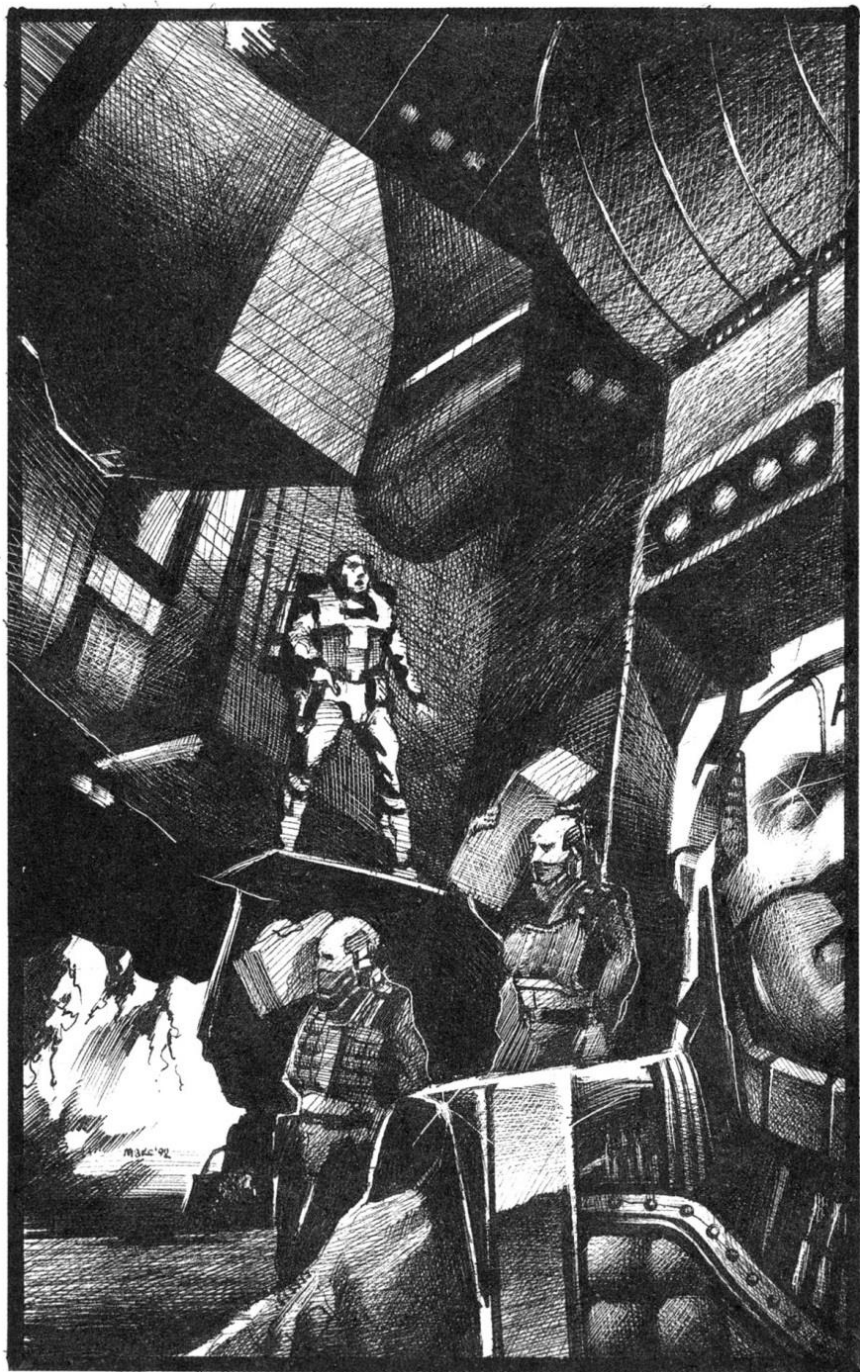
С $\frac{4702010201-02}{К 27(03)-92}$ Без объявл.

ISBN 5-7016-0002-5

© ТПО „ИНТЕРФЕЙС” 1992

© Худ. Никитенко М.

ТОРГОВЛЯ В РАССРОЧКУ

Беда приключилась в сумерки, когда последний грузолет снижался к временному товарному складу и все его восемь небольших двигателей мерцали в полумраке голубыми огоньками.

Только что он плыл, медленно снижаясь, над землей, на нем громоздились грудой ящики, на этой гряде сидели сопровождающие роботы – а в следующее мгновение отказал один двигатель, за ним другой, и вдруг грузолет накренился. Ящики посыпались вниз, а сопровождающие роботы вместе с ними. Потеряв равновесие, грузолет ошалело завертелся и пронзительно воющим колесом яростно ринулся по стремительно сужающейся спирали вниз, к базе.

Стив Шеридан кинулся прочь от ящиков, сложенных рядом с его палаткой. В сотне ярдов от него, с громоподобным грохотом, перекрывшим даже завывание корабля, груз ударился о землю. Упаковка разбилась, и из нее вывалились исковерканные и раздавленные товары, образуя бесформенную гряду.

Пригибаясь, Шеридан ринулся к открытому входу в палатку, и в тот же миг, врезавшись во временную радиорубку, поставленную меньше часа назад, упал сам грузолет. Наполовину уйдя в землю, он выбросил из образовавшегося кратера песок и гравий, и они шквалом обрушились на палатку.

Лоб Шеридана оцарапал голыш, в щеку ударило песком, а потом он очутился внутри палатки, и его руки лихорадочно нащупывали сундучок с трансмогами, что стоял возле письменного стола.

— Езекия! — завопил он. — Езекия, где ты?

Он принялся торопливо перебирать связку ключей, наконец нашел нужный и вставил в замок. Один поворот — и с легким щелчком крышка сундучка открылась.

Снаружи слышался топот бегущих роботов.

Он откинул крышку и начал вынимать из сундучка секции, в ячейках которых размещались трансмоги.

— Езекия! — снова закричал он.

Именно Езекия знал, где какой трансмог; он мог не глядя сразу выудить нужный.

Брезент за спиной у Шеридана зашуршал, и в палатку вбежал Езекия. Он отстранил Шеридана.

— Разрешите мне, сэр, — сказал он.

— Нам будут нужны роботехники, — сказал Шеридан. — Ребята, наверное, здорово грохнулись.

— Вот они. Может, вставьте, сэр? У вас это получается лучше, чем у любого из нас.

Шеридан взял три трансмога и опустил в карман куртки.

— К сожалению, сэр, больше нет, — сказал Езекия. — Это все, что у нас имеется.

— Ну что поделаешь, — сказал Шеридан. — А что с радиорубкой? Там кто-нибудь был?

— Насколько я знаю, не было никого. Сайлас оттуда вышел как раз перед этим. Ему очень повезло, сэр.

— Это точно, — согласился Шеридан.

Пригнувшись, он выбрался из палатки наружу и побежал к груде разбитых ящиков и упаковочных клеток. На ней, обезумело ее раскапывая, копошились роботы. Еще на бегу он увидел, как они наклоняются и вытаскивают из-под ящиков какой-то смятый металлический предмет. Они сволокли его вниз, оттащили в сторонку, опустили на землю и, обступив, стали разглядывать.

Шеридан подбежал к группе, окружавшей кусок металла.

– Эйб, – переводя дух, спросил он, – вы вытащили обоих?

Абрахам обернулся:

– Нет еще, Стив. Макс пока там.

Шеридан протолкался к искалеченному роботу и опустился возле него на колени. Середина корпуса была вдавлена с такой силой, что грудная пластина почти касалась спины. Ноги были сломаны, руки вывернуты и закручены под каким-то невероятным углом. Голова была свернута набок, а кристально чистые глаза глядели без всякого выражения.

– Лем, – прошептал он, – Лемуэль, ты меня слышишь?

– Нет, не слышит, – сказал Абрахам. – Его и вправду здорово тюкнуло.

– Роботехники у меня с собой, в кармане. – Шеридан поднялся. – Целых три. Кто возьмется? Работать придется быстро.

– Рассчитывайте на меня, – сказал Абрахам, – и вот на него, Эбенезера, и...

– И на меня тоже, – добавил Джошуа.

– Нужны инструменты, – сказал Абрахам. – Без инструментов мы не сможем ничего сделать.

– Вот вам инструменты! – крикнул, подбегая, Езекия. – Я знал, что они вам понадобятся.

– И свет, – сказал Джошуа. – Становится темно, а нам, судя по всему, придется возиться с его мозгом.

– Нужно положить его куда-нибудь повыше, – объявил Абрахам, – чтобы мы могли работать. Пока он лежит на земле, мы не сможем сделать ничего.

– Положите его на стол для заседаний, – предложил Шеридан.

– Эй, ребята! – заорал Абрахам. – Перетащите Лема на стол для заседаний!

– Мы откапываем Макса! – прокричал в ответ Гидеон. – Перетащите сами!

– Мы не можем! – закричал Абрахам. – Стив будет сейчас менять нам трансмоги...

– Сядьте, – приказал Шеридан. – Мне не достать, когда вы стоите. А свет у кого-нибудь есть?

– У меня, сэр, – сказал стоявший рядом Езекия и протянул Шеридану фонарик.

– Посвети, чтобы я мог сменить ребятам трансмоги.

Тяжело топая, трое роботов подняли изувеченного Лемуэля и понесли на стол заседаний.

При свете фонарика Шеридан достал ключи и быстро нашел тот, который был ему нужен.

– Держи фонарь так. Я не могу делать это в темноте,

– А когда-то мог, – сказал Эбенезер. – Забыл, Стив? На Галанове. Правда, не разглядел наклейки на трансмогах и вставил Улиссу миссионерский, хотя тебе требовался лесоруб, и он начал проповедовать. Ну и ночка была!

– Помалкивай, – сказал Шеридан, – и сиди спокойно!

Как, по-твоему, я могу их вставить, если ты все время ерзаешь?

Он ловко сдвинул вниз почти невидимую пластину на затылке Эбенезера, просунул внутрь руку и нащупал трансмог космического рабочего. Быстрым движением он вырвал его из гнезда и сунул в карман, а потом воткнул в гнездо трансмог роботехника, и тот, щелкнув, стал на место. Тогда он поднял пластину вверх и услышал, как негромко звякнул ее замок.

Не теряя времени, Шеридан принялся за следующего. Эбенезер едва успел встать на ноги и поднять ящик с инструментами, а он уже сменил трансмоги и у двух остальных.

– Пошли, – сказал Эбенезер, – надо приниматься за Лема.

Размашистым шагом все трое удалились прочь.

Шеридан огляделся. Езекия и его фонарик исчезли – вероятнее всего, поспешили куда-нибудь, где тоже требовалось их присутствие.

Роботы все еще копались в куче товаров. Желая помочь им, он обежал груды вокруг и начал вытаскивать из нее одно, другое, третье и отбрасывать в сторону.

Гидеон, оказавшийся рядом, спросил:

– Обо что это ты стукнулся, Стив?

– Что?

– У тебя все лицо в крови.

Шеридан пощупал. Лицо было мокрое и клейкое.

– Наверное, галька, – сказал он.

– Скажи Езекии, чтобы он этим занялся,

– Когда разыщем Макса, – сказал Шеридан, возвращаясь к работе.

Максимилиана они нашли минут через пятнадцать, в самом низу кучи. Тело его было непоправимо изуродовано, но разговаривать он все же мог.

— Долго же вы копали, ребята, — сказал он.

— Помолчи-ка лучше, — сказал Рубен. — Наверное, сам все и подстроил, чтобы обзавестись новым корпусом.

Они вытащили его из кучи и поволокли. От сломанных рук и ног то и дело отламывались кусочки. Роботы бросили его на землю и побежали к радиорубке.

Максимилиан завопил им вслед:

— Эй, вернитесь! Взяли и бросили меня, как мусор!

Шеридан присел возле него на корточки:

— Не волнуйся, Макс. Грузолет ударил по радиорубке, и дела там плохи.

— А Лемуэль? Что с Лемуэлем?

— Не слишком хорошо. Мальчики над ним работают.

— Не понимаю, что произошло, Стив. Мы летели, все было прекрасно, и вдруг грузолет взбрыкнул и нас скинул.

— Отказали два двигателя, — объяснил Шеридан. — Почему — мы, наверное, никогда не узнаем: грузолет разбился. Ты и вправду чувствуешь себя хорошо?

— Правда. Но не давай им валять дурака. Это было бы на них похоже — не менять мне корпус. Просто так, смеха ради. Ты за ними проследи.

— Корпус ты получишь при первой возможности. Насколько я понимаю, как раз сейчас Езекия разыскивает запасные тела.

— Ну и ну! — сказал Максимилиан. — Переправили с орбиты почти весь груз, на миллиард долларов, не разбили.

— Так всегда и бывает, Макс. Против закона вероятности не пойдешь.

Максимилиан хихикнул.

– Ну и чудные же вы, люди! Все-то вы рассчитываете заранее, предчувствуете, и...

Из темноты вынырнул Гидеон.

– Стив, надо как-то остановить двигатель грузолета. Они будто с цепи сорвались, того и гляди какой-нибудь из них взорвется.

– Но я думал, что вы...

– Стив, космическим рабочим самим здесь не управиться. Нужен атомный техник.

– Тогда пошли со мной.

– Эй! – завопил Максимилиан.

– Я вернусь, – успокоил его Шеридан.

Никаких следов Езекии в палатке не было. Шеридан как безумный начал рыться в сундуке с трансмогами. Наконец он нашел трансмог атомного техника,

– Кажется, идти придется тебе, – сказал он Гидеону.

– Хорошо, – согласился робот. – Но побыстрее, не то какой-нибудь двигатель взорвется и заразит радиацией всю округу. Нам-то ничего, но тебе придется туговато.

Шеридан извлек наружу трансмог космического рабочего и вставил на его место другой.

– До скорого, – сказал Гидеон и опрометью выбежал из палатки.

Шеридан не сводил глаз с разбросанных повсюду трансмогов.

«Ну и задаст же мне Езекия!» – подумал он.

В палатку вошел Наполеон. Белый фартук на нем был заправлен за пояс, а белый поварской колпак надет набекрень.

– Стив, – спросил он, – ты не возражаешь против холодного ужина?

– Нисколько.

– Этот грузолет не только повредил радиорубку, он еще в лепешку расплющил печь.

– Холодный ужин меня вполне устраивает. Послушай, ты не сделаешь для меня еще кое-что?

– Что именно?

– Там Макс остался один, искалеченный и напуганный. Ему очень одиноко. В палатке он почувствовал бы себя лучше.

Наполеон вышел, ворча:

– Я шеф-повар – и кого-то должен таскать...

Шеридан начал подбирать разбросанные по полу трансмоги и подыскивать для каждого нужную ячейку.

Вернулся Езекия. Он помог собрать трансмоги и разложил их по местам.

– С Лемуэлем будет все в порядке, сэр, – уверил он Шеридана. – Просто перепутались провода, и нервная система замкнулась. Пришлось вырезать большие куски провода. Голый мозг – вот почти все, с чем им приходится сейчас иметь дело. Понадобится время, чтобы поместить его в другой корпус и соединить все контакты.

– Мы еще легко отделались, Езекия.

– Пожалуй, вы правы, сэр. Я полагаю, Наполеон сказал вам о печке?

Наполеон втащил все, что осталось от Максимилиана, в палатку и прислонил к столу.

– Что-нибудь еще? – с убийственным сарказмом спросил он.

– Нет, спасибо, Наппи. Это все.

– Ну, – требовательно спросил Максимилиан, – так как насчет нового тела?

– Придется обождать, – сказал Шеридан. – Ребята заняты с Лемуэлем. Работы выше головы. Но скоро с ним будет все в порядке.

– Вот и хорошо, – сказал Максимилиан. – Лем робот что надо. Просто стыд был бы его потерять.

– Не так-то много мы и теряем, – заметил Шеридан.

– Это верно, – сказал Максимилиан. – Мы живучие, уничтожить нас ой как нелегко!

– Сэр, – сказал Езекия, – вас, кажется, немного поранило. Может, я позову кого-нибудь и вставлю в него трансмог врача?

– Пустяки, – сказал Шеридан. – Просто царапина. Вот если бы ты раздобыл воды мне умыться...

– Разумеется, сэр. Если повреждение незначительное, то быть может, я смогу вам помочь.

Он пошел искать воду.

– Этот Езекия тоже хороший парень. – Максимилиан явно был благожелательно настроен к окружающим. – Кое-кто иногда считает его неженкой, но в серьезных случаях он не подводит никогда.

– Не знаю, что бы я делал без Езекии, – ровным голосом произнес Шеридан. – Мы, люди, не так неприхотливы, непритязательны, как вы. Нам нужно, чтобы о нас заботились. Езекия работает в лучших традициях своей профессии.

– Не понимаю, что тебе от меня нужно? – огрызнулся Максимилиан. – Я же сказал: он парень хороший.

С большой жестянкой воды и полотенцем вернулся Езекия.

– Вот вода, сэр. Гидеон просил вам передать, что с двигателями все в порядке. Они их выключили.

– Тогда, пожалуй, действительно все в порядке, если только они спокойны за Лемуэля, – сказал Шеридан.

– Похоже, сэр, что они очень спокойны.

– Вот и прекрасно, – со свойственной роботам безапелляционностью заявил Максимилиан. – Завтра утром можно начинать продажу.

– Да, – сказал Шеридан и, стоя над жестянкой с водой, начал снимать куртку.

– Это-то легко. Месяца через три, а то и раньше разделимся подчистую и отчалим.

Шеридан покачал головой.

– Нет, Макс. Легко не бывает никогда.

Он наклонился над жестянкой и плеснул воду в лицо и на голову.

И так оно и есть на самом деле, сказал он себе. Чужая планета – это чужая планета, как на нее ни посмотри. Какой бы тщательной ни была предварительная разведка, прозорливым – планирование, всегда останется что-то, чего нельзя предвидеть заранее.

Быть может, думал он, если бы экипаж мог заниматься все время одним и тем же делом, в конце концов и удалось бы выработать безошибочный курс действий. Но когда работаешь для «Центральной торговли», и мечтать ни о чем таком не приходится.

Интересы «Центральной торговли» охватывают множество самых разных вещей. На Гарсоне IV это торговля в

подлинном смысле этого слова. В другой раз и в другом месте это может быть дипломатическая миссия или оздоровительная акция. Пока тебе не сообщат нового задания, ты никогда не знаешь, какой сюрприз ждет тебя и твой экипаж роботов.

Шеридан потянулся за полотенцем.

– Помнишь Карвер VII? – спросил он Максимилиана.

– Еще бы, Стив. Но там нам просто не повезло. Не вина Эбенезера, что он совершил эту небольшую ошибку.

– Передвинуть не ту гору – не небольшая ошибка, – с нарочитым спокойствием заметил Шеридан.

– Это все из-за «Центральной». – В голосе Максимилиана зазвучали нотки возмущения. – Они не так поместили чертежи и ...

– Давай-ка бросим трепаться, – предложил Шеридан. – Это было и прошло. Заводиться не к чему.

– Может, ты и прав, – сказал Максимилиан, – но все равно обидно. Мы летим туда и поворачиваем все так, как никакому другому экипажу и не снилось. И тут «Центральная» передергивает карты и во всем начинает винить нас. Нет, я тебе говорю: «Центральная» стала слишком большой и неповоротливой.

«И слишком самодовольной», – подумал, но не сказал Шеридан.

Слишком большой и слишком снисходительной к себе во многих отношениях. Взять, например, эту планету. «Центральной» давно следовало послать сюда торговую бригаду, но она только суежилась и волновалась, интриговала и бездействовала, назначала комиссии, чтобы те занимались создавшейся ситуацией, и иногда о ней упоми-

налось даже на заседаниях совета директоров. Но до тех пор, пока этот вопрос не прополз через весь, от начала до конца, ужасающий лабиринт инстанций, реально не делалось ровным счетом ничего.

Немножко конкуренции, сказал себе Шеридан, вот что по-настоящему нужно «Центральной», быть может, если бы какая-нибудь другая компания поставила себе целью перехватить у нее бизнес, «Центральная торговля» стрянула бы с себя наконец свое большое, жирное чванство.

В палатку вошел, тяжело ступая, Наполеон и брякнул на стол тарелку, бутылку и стакан. На тарелке высилась горка холодного мяса и нарезанных овощей; в бутылке было пиво.

Шеридан глянул с удивлением.

— Я и не знал, что у нас есть пиво.

— И я тоже, — сказал Наполеон, — но смотрю, вот оно. Все меньше и меньше знаешь, Стив, что вокруг тебя происходит.

Шеридан отшвырнул полотенце и сел за стол.

— Я бы предложил и тебе, — сказал он Максимилиану, наливая себе стакан пива, — но ведь знаю, что от него у тебя заржавеют кишки.

Наполеон захохотал.

— В настоящее время, — сказал Максимилиан, — у меня кишок, в общем, нет. Почти все вывалились.

Громко топая, стремительно вошел Абрахам.

— Говорят, вы куда-то упрятали Макса.

— Да вот я, Эйб! — с надеждой в голосе отозвался Максимилиан.

— Да-а, в хорошеньком ты состоянии, нечего сказать, —

протянул Абрахам. – Все шло как по маслу, а вы, два клоуна, взяли и все испортили.

– Как Лемуэль? – спросил Шеридан.

– С ним все в порядке, – ответил Абрахам, – Те двое сейчас над ним работают, и я им, в общем, не нужен. Вот я и пошел искать Макса.

Он повернулся к Наполеону:

– Ну-ка берись покрепче и помоги мне перетащить его на стол.

Ворча, Наполеон ухватился за Максимилиана, и они с Абрахамом его подняли.

– Таскал его половину ночи, – пожаловался он. – Давайте не будем больше возиться с ним. Давайте выкинем его на свалку.

– Только этого он и заслуживает, – с притворной яростью сказал Абрахам.

Они вышли с ним из палатки и понесли его дальше. От Максимилиана по-прежнему отламывались и падали на землю куски.

С сундучком для трансмогов Езекия все закончил – аккуратно разложил трансмоги по местам и, удовлетворенный, опустил крышку.

– Теперь, когда мы одни, – сказал он, – разрешите мне посмотреть ваше лицо.

Шеридан пробурчал что-то набитым ртом.

Езекия осмотрел его.

– Только царапина на лбу, но по левой стороне лица, сэр, как будто кто-то прошелся наждачной бумагой. Вы точно не хотите вставить кому-нибудь трансмог врача? На это надо бы посмотреть медику.

– Да оставь, как есть, – сказал Шеридан. – Пройдет.

В палатку просунул голову Гидеон:

– Езекия, Эйб рвет и мечет по поводу тела, которое вы подобрали Максу. Говорит, старое, латаное. У тебя нет другого?

– Могу посмотреть, – сказал Езекия. – Было довольно темно. Там есть еще несколько. Можно их посмотреть.

Они вышли, и Шеридан остался один.

Продолжая есть, он перебирал в уме события вечера.

Им не повезло, это правда, но все могло обернуться куда хуже. Не бывает, чтобы все шло гладко. Если подумать, так им просто повезло. Потеряли лишь время и один грузолет с товарами, а вообще-то вышли сухими из воды.

В конце концов, успокаивал он себя, начали они хорошо. Корабль и грузовые сани на орбитах, близких к поверхности, груз переправлен вниз, и на этом небольшом полуострове, врезавшемся в озеро, они были в безопасности – в той мере, в какой вообще можно рассчитывать на безопасность, находясь на чужой планете.

Гарсониане, безусловно, не были воинственными, но все равно никогда не следует забывать об опасностях.

Он доел и отодвинул тарелку в сторону. Вытащил из стопки карт и бумаг, лежавших на столе, папку. Медленно развязал тесемки и вытряхнул содержимое. В сотый раз начал просматривать отчеты, доставленные «Центральной торговле» первыми двумя экспедициями.

Люди впервые прибыли на эту планету двадцать с лишним лет назад, произвели предварительную разведку и привезли назад записи, фотоснимки и образцы. Обычная процедура; сколько-нибудь полного или хотя бы широкого

обследования не производили. Никто ни на что особенное и не рассчитывал – просто еще одно дело в ряду похожих других. Много планет подвергалось выборочному обследованию подобного рода, и в девятнадцати случаях из двадцати это ничего не давало впоследствии.

Но в случае Гарсона IV это дало кое-что весьма ощутимое.

«Кое-что» был клубень, на вид ничем не примечательный, очень похожий, по сути, на мелкий сморщенный картофель. Доставленный экспедицией среди всякой всячины, собранной ею на этой планете, он, когда пришла его очередь, был подвергнут обычному лабораторному анализу. Результаты оказались потрясающими.

Из лодара, как называли клубень местные жители, было экстрагировано вещество, которому дали страшно длинное и труднопроизносимое название и которое, как выяснилось, было почти идеальным транквилизатором. Судя по всему, у него не было никаких нежелательных побочных эффектов: оно не приводило к летальному исходу, даже если его принимали слишком большими дозами; более того: те, кто им пользовался, легко к нему привыкали – качество самое привлекательное с точки зрения любого, кто мог быть заинтересован в продаже средства.

Для людей подобное средство было подлинным благословением. Год за годом искали в лабораториях транквилизатор с такими свойствами, и вдруг он появился – дар новонайденной планеты.

Через невероятно короткое, учитывая присущую «Центральной торговле» медлительность, время, на Гарсон IV была послана вторая экспедиция с экипажем роботов, пре-

вращенных при помощи трансмогов в торговых экспертов, психологов и дипломатов. Экспедиция проработала на планете два года с удовлетворительными, в общем-то, результатами. Она увезла с собой на Землю груз лодаров, множество методично собранных данных и торговое соглашение, по условиям которого гарсониане должны производить и хранить лодары до того дня, когда прибудет с товарами для обмена новая экспедиция.

То есть мы, подумал Шеридан.

И все было в порядке, если, разумеется, не считать того, что они запоздали на пятнадцать лет.

Ибо «Центральная торговля», после множества заседаний, решила выращивать лодары на Земле. Это, указывали экономисты, было бы несравненно дешевле долгих и дорогостоящих путешествий, необходимых для того, чтобы доставлять лодары с далекой планеты. Тот факт, что, поскольку дело касалось торгового соглашения, гарсониане от этого потерпят убытки, по-видимому, никому не приходил в голову. Правда, учитывая характер гарсониан, это их, вероятно, не слишком расстроило.

Ибо гарсониане были существами в лучшем случае беспомощными, и вторая экспедиция, когда начала объяснять им, как осуществляется и почему ведется межзвездная торговля, на первых порах испытывала затруднения. Хотя справедливости ради следует сказать, что когда они все поняли, то проявили достаточный интерес.

Земная почва лодарам удивительно подошла. Они росли лучше и более крупными, чем на родной планете. Это и понятно, если принять во внимание, что свою почву гарсониане возделывали кое-как.

Лодары, привезенные второй экспедицией, были использованы как семена, а потом понадобилось еще несколько лет, прежде чем семенных лодаров накопилось достаточно для того, чтобы коммерчески оправдать их выращивание.

И наконец это произошло: первая небольшая партия чудо-лекарства была приготовлена и под рекламные фанфары по высокой цене выпущена в продажу.

Казалось, все идет как нельзя лучше.

Снова фермеры Земли получили с далекой планеты прибыльную культуру. Наконец-то у человека появился транквилизатор, который он искал столько лет.

Но по мере того как годы шли, энтузиазм начал вянуть. Ибо похоже было, что средство, вырабатываемое из лодаров, утратило свою силу. Или оно было не такое хорошее, как показалось поначалу, или при выращивании его на Земле исчезал какой-то существенный фактор.

Лаборатории лихорадочно работали над решением этой проблемы. Лодарами засадили экспериментальные участки на других планетах в надежде, что в почве, воздухе или общих характеристиках какой-нибудь из них окажется вдруг необходимый элемент – если беда была в том, что такого элемента недостает.

И тогда «Центральная торговля» со свойственной ей медлительностью и пристрастием к бюрократическому решению дел стала планировать ввоз клубней, вспомнив (быть может, несколько запоздало) о торговом соглашении, подписанном около двух десятков лет назад. Но особенно она не торопилась – в любой день, как всем хотелось думать, мог быть найден ответ, который спасет будущее этой культуры на Земле.

Когда же ответ был получен, оказалось, что он полностью исключает Землю, как, впрочем, и все другие места, кроме родной планеты лодара. Как обнаружили лаборатории, стойкость воздействия лекарства в большой мере зависела от химических реакций простейшего организма, живущего в корнях лодара. А этому виду простейших хорошо жилось, по-видимому, только на Гарсоне IV.

И наконец, через пятнадцать с лишним лет, на Гарсон IV отправилась третья экспедиция. Она спустилась, переправила на планету груз и теперь была готова на следующее же утро начать скупку лодаров.

— Крохотные деревушки, — продолжал Езекия, — и в каждой на площади красный амбар. Выглядит, простите меня, сэр, как смесь Новой Англии с Нижней Растрепией.

— Ну уж ты скажешь — Нижней Растрепией! С нашими гарсоннианскими друзьями дело обстоит совсем неплохо. Может быть, они и вправду немного беспомощны и довольно-таки беспечны, но свои селения они содержат в чистоте, а уж дома их прямо сверкают.

Он вытащил из стопки бумаг фотографию:

— Вот, посмотри.

На фотографии можно было видеть деревенскую улицу, чистую и тихую, с рядами опрятных домиков, спрятавшихся в тени деревьев, вдоль улицы тянулись ряды ярких цветов, и кругом были люди — маленькие, веселые, похожие на гномов человечки.

Езекия взял фотографию.

— Готов признать, сэр, на вид они веселые. Хотя, быть может, не слишком сообразительные.

Шеридан поднялся:

– Пожалуй, посмотрю, что там происходит, и проверю, как идут дела.

– Все в порядке, сэр, – сказал Езекия. – Место падения ребята расчистили. К сожалению, сэр, должен сказать, что уцелела только небольшая часть груза.

– Удивительно, что хоть что-то осталось, если учесть, как все выглядело.

Шеридан неторопливо перебирал листы из папки. Вообще говоря, думал он, нет никакой необходимости снова смотреть на все эти данные, он и так знает их на память.

Зашуршал брезент, и в палатку вошел Езекия.

Шеридан поднял голову.

– Прекрасно, – сказал он, – вот ты и вернулся. Починили Макса?

– Мы нашли для него подходящее тело, сэр.

Шеридан отодвинул бумаги в сторону.

– Езекия, как твое впечатление?

– От планеты, сэр?

– Вот именно.

– Дело в том, что амбары... Вы их видели, сэр, когда мы опустились. По-моему, я говорил вам о них.

Шеридан кивнул:

– Строить их научила гарсониян вторая экспедиция. Чтобы хранить в них лодары.

– Все они выкрашены в красный цвет, – сказал робот. – Точь-в-точь как амбары на наших рождественских открытках.

– Ну и что здесь не так?

– Вид у них, сэр, немного странный.

Шеридан рассмеялся.

– Станный не странный, но в этих амбарах для нас все! Они, наверное, битком набиты лодарами. Пятнадцать лет гарсониане их копили и почти наверняка ждали, когда же мы наконец прилетим торговать...

– Не уходите слишком надолго, – сказал Езекия. – Вам нужно хорошенько выспаться. День завтра предстоит нелегкий, вы будете на ногах еще до рассвета.

– Скоро вернусь, – пообещал Шеридан и, пригнув голову, вышел из палатки.

Уже стояли группами, отгоняя черноту ночи, прожекторы на столбах. С места, куда упал грузолет, доносились мерные звуки ударов по металлу. От грузолета не осталось и следа, и бригада роботов – космических рабочих хлопотливо возводила новую радиорубку. Еще одна бригада ставила шатер над столом для заседаний, где Абрахам с его роботехниками все еще колдовал над Лемуэлем и Максимилианом. А перед временной кухней, сидя на корточках, самозабвенно играли в кости Наполеон и Гидеон.

Шеридан увидел, что Наполеон снова установил свою печь под открытым небом.

Когда он подошел к роботам, они повернули головы в его сторону и поздоровались, а потом как ни в чем не бывало продолжили игру.

Шеридан понаблюдавал за ними некоторое время, затем медленно побрел дальше.

Он покачал недоуменно головой: фанатичная увлеченность роботов азартными играми всегда его удивляла. Это, думал он, просто одна из тех многих вещей, которые человеческому существу никогда не понять.

Ведь, казалось бы, с точки зрения робота, азартные иг-

ры – совершенно бессмысленная затея. У роботов нет собственности, нет денег, нет вещей. Ни в чем этом они не нуждаются и ничего этого для себя не хотят и, однако же, играют в азартные игры как одержимые.

Возможно, говорил он себе, они лишь обезьянничают, подражают в этом людям. Сама природа робота надежно ограждает его от возможности предаваться человеческим порокам – почти всем. Но вот азартные игры даются ему так же легко, а может быть, даже легче, чем любому человеку.

Но что это им дает, изумлялся он. Никакой выгоды, никакой прибыли – таких вещей, как выгода и прибыль, для робота не существует. Быть может, волнующие переживания? Выход для их агрессивности?

Или же они ведут в уме эфемерный счет – мысленно подсчитывают выигрыши и проигрыши, – и тот из них, кто выигрывает в азартных играх больше других, приобретает некоторый престиж, не замечаемый человеком и, более того, тщательно от человека скрываемый?

Человеку, подумал Шеридан, не дано узнать своих роботов до конца, и, возможно, это даже к лучшему – было бы недостойно срывать с робота последние клочья индивидуальности.

Ибо если роботы многим обязаны человеку – своим изобретением, изготовлением и жизнью, то стольким же, если не большим, человек обязан роботам.

Без роботов человек не смог бы так далеко, или так быстро, или с такими результатами распространиться по Галактике. Из-за одного лишь недостатка средств для транспортировки квалифицированной рабочей силы продвигаться вперед ему пришлось бы черепашьями шагами.

Но с появлением роботов эта проблема была решена.

И подобным же образом с появлением трансмогов была ликвидирована нехватка знаний, навыков и умений (которая иначе ощущалась бы обязательно), нужных для решения многообразных проблем, возникающих на отдаленных планетах.

Шеридан подошел к краю лагеря и стал за линию прожекторов лицом к мраку, из которого доносились плеск бегущих волн и чуть слышное завывание ветра.

Он откинул голову, устремил взгляд в небо и изумился, как уже изумлялся не раз на многих других планетах, ужасающему чувству одиночества, которое испытываешь под чужими, незнакомыми звездами. Какие преходящие ориентиры выбирает себе человек, думал он, — случайную конфигурацию звезд, аромат цветка, цвет заката...

Но место, где он находился сейчас, совсем незнакомым, конечно, не было. Две экспедиции с Земли здесь уже побывали. И теперь прибыла третья, с санями, нагруженными целой горой товаров.

Он резко повернулся к озеру спиной и посмотрел туда, где лежал сложенный грудями, надежно укрытый плотными пластиковыми покрывалами, поблескивающими в свете звезд, груз. Он лежал на чужой почве, словно стадо горбатых чудовищ, расположившееся на ночлег.

Еще не построен корабль, способный перевезти за один раз столько груза, — самый большой может вместить в себя лишь ничтожную часть товаров, нужных для межзвездной торговли. Для этого существуют грузовые сани.

Сани, выведенные на орбиту вокруг планеты, где они построены, нагружает снующий взад-вперед флот грузо-

летов. Нагруженные сани снабжают экипажем роботов, и экспедиционный корабль дает старт их долгому путешествию. Благодаря двигателям самих саней и тяге экспедиционного корабля скорость все растет и растет.

Трудный момент наступает, когда достигают скорости света, но после этого становится легче — хотя для межзвездных перелетов нужна скорость, превышающая скорость света во много раз.

И так сани несутся вперед, следуя за экспедиционным кораблем, который, как лоцман, ведет их через ту удивительную серую область, где пространство и время скручиваются во что-то совсем другое, нежели обычные пространство и время.

Без роботов грузовые сани были бы немыслимы: никакой экипаж, состоящий из людей, не смог бы, летя на грузовом корабле, непрерывно проводить необходимые осмотры и проверки груза.

Шеридан снова повернулся к озеру и засомневался, действительно ли он видит белые завитки на гребнях волн или же это только плод его воображения. Тихо стонал ветер, и наверху светили незнакомые звезды, и по ту сторону вод лежали, свернувшись, гарсониане в своих деревнях с большими красными амбарами, высящимися в свете звезд на деревенских площадях

II

Утром, когда роботы собрались вокруг стола заседаний под цветным шатром, Шеридан и Езекия достали металлические коробки с наклейками: «специальный — Гарсон IV».

– Теперь, я думаю, – сказал Шеридан, – если вы, джентльмены, соблаговолите уделить мне немного внимания, мы можем приступить к делу. – Он открыл одну из металлических коробок. – Здесь несколько трансмогов, изготовленных специально для работы, которая нам здесь предстоит. Мы располагали кое-какой предварительной информацией об этой планете и потому смогли изготовить специальный набор. Так что в данном случае нам не придется начинать с пустого места, как сплошь и рядом бывает...

– Хватит болтать, Стив, – крикнул Рубен, – давай приступим к делу!

– Пусть говорит, – возразил Абрахам. – У него есть на это право, как и у любого из нас.

– Спасибо, Эйб, – сказал Шеридан.

– Продолжай, – сказал Гидеон. – Рубу просто надо было разрядиться от излишнего напряжения.

– В основе своей это трансмоги продавцов. Такой трансмог даст каждому из вас личность и специальные знания продавца. Но вдобавок они содержат информацию о положении вещей на этой планете, язык гарсониан и массу фактов о Гарсоне IV.

Он открыл замок другой коробки и откинул крышку.

– Ну как, начнем? – спросил он.

– Давай, да поскорее, – потребовал Рубен. – Этот трансмог космического рабочего мне до смерти надоел.

Вместе с Езекией, который нес за ним коробки, Шеридан обошел каждого из них. Вернувшись на место, он отодвинул в сторону коробки, теперь наполненные трансмогами космических рабочих и других профессий, перед ним сидела бригада продавцов.

– Ну, как оно? – спросил он.

– Прекрасно, – сказал Лемуэль. – Знаешь, Стив, я только теперь понял, до чего туп космический рабочий.

– Не обращай на него внимания, Стив, – явно скандализованный, сказал Абрахам. – это его любимая шутка.

Максимилиан рассудительно заметил:

– Я думаю, дело пойдет неплохо. Этот народец уже привык смотреть на нас как на торговых партнеров. Начального сопротивления быть не должно. Возможно даже, они с нетерпением ждут, когда начнется торговля.

– К тому же у нас с собой товары, интерес к которым они уже проявили, – вставил Дуглас. – Нам не придется тратить время на то, чтобы выяснять во всех подробностях, что им от нас нужно.

– Судя по всему, картина рынка проста, – неторопливо сказал Абрахам. – Осложнений быть не должно. Главное, по-видимому, установить цены, чтобы они знали, сколько лодаров им придется отдать за лопату, сколько – за мотыгу или другие товары, которыми мы располагаем.

– Цены придется устанавливать методом проб и ошибок, – сказал Шеридан.

– Придется здорово поторговаться, – заговорил Лемуэль, – чтобы установить фиктивную розничную цену, а потом отдать им все оптом, этот прием часто дает хорошие результаты.

Абрахам встал.

– Так принимаемся за дело. Ты, Стив, я думаю, останешься в лагере.

Шеридан кивнул.

– Буду около радио ждать от вас сообщений – как только у нас появится что сообщить.

Роботы принялись за дело. Они начали скрестить и шлифовать друг друга и занимались этим, пока не засверкали. Достали из ящиков блестящую мишуру и прикрепили ее к себе магнитными скрепками. Тут были разноцветные шарфы, ряды сверкающих кусочков металла, ювелирные изделия, выполненные хоть и не в самом лучшем вкусе, однако рассчитанные специально на то, чтобы произвести впечатление на гарсониан.

Приготовив грузолеты, они нагрузили их образцами товаров из торгового склада. Шеридан развернул карту и показал каждому его деревню. Быстро проверили рации, посмотрели, не забыли ли взять с собой доски для записи заказов.

К полудню все улетели.

Шеридан вернулся в палатку, сел на складной стул и через уступы берега устремил взгляд на озеро, искрившееся в лучах полуденного, высоко стоящего солнца.

Наполеон принес обед и, аккуратно подобрав на колени белый фартук, чтобы не мести им землю, уселся рядом на корточки. Свой высокий белый колпак он сдвинул набок, и от этого вид у него стал прямо-таки ухарский.

— Как, по-твоему, все обернется, Стив?

— Заранее никто ничего не скажет, — ответил Шеридан. — Ребята настроились на то, что будет легко, и я хочу надеяться, что они окажутся правы. Но это чужая планета, а за жителей чужой планеты никогда нельзя ручаться.

— Считаешь, что есть риск?

— Я ничего не считаю. Сiju, жду и пытаюсь надеяться на лучшее. Вот когда начнут поступать сообщения...

— Если ты так тревожишься, то почему бы тебе не отправиться и не посмотреть самому?

Шеридан покачал головой.

– Наппи, подумай сам: я не продавец, а эта бригада – продавцы. Нет никакого смысла отправляться туда самому – я ведь не получил нужной подготовки.

И если уж говорить начистоту, вообще никакой, подумал он. Он не продавец, он не космический рабочий, он ничто из того, что есть или чем могут быть роботы.

Он только человек, и все: шестеренка, необходимая для экипажа, составленного из роботов.

Закон гласил: задание роботу или группе таковых может быть дано лишь в том случае, если за выполнением его будет наблюдать человек. Но дело было не только в этом законе. Существовало, пожалуй, что-то органически свойственное роботам, не встроенное в них специально, но нечто такое, что всегда в них было и, очевидно, всегда будет: нерасторжимая связь между роботом и его хозяином.

Отправленный без человека экипаж роботов начал бы делать ошибку за ошибкой, все бы у них шло вкривь и вкось и под конец развалилось бы совсем – они не только не приносили бы пользы, они принесли бы вред. Когда же их сопровождал человек, почти не было предела тому, что хотели или могли совершить роботы.

Возможно, думал он, они испытывают потребность в руководстве, хотя, если говорить правду, люди не такие уж и хорошие руководители, возможно, им необходим какой-то символ авторитета – и однако, отдавая дань уважения и внимания своему хозяину, роботы на самом деле никаких авторитетов не признают.

Тут что-то более глубокое, сказал себе Шеридан, чем

просто руководство или просто авторитет. Это можно сравнить с привязанностью и пониманием, которые связывают такими прочными узами человека и собаку, и, однако, тут нет и намека на поклонение, с которым собака взирает на человека.

Он сказал Наполеону:

— Ну, а ты? Неужели тебе никогда не хочется побродить? Только скажи, и ты пойдешь.

— Мне нравится готовить, — заявил Наполеон. Он поковырял в земле металлическим пальцем. — Пожалуй, Стив, правильно будет сказать, что во мне довольно много от старого слуги.

— Стоит сменить трансмог, и все будет по-другому.

— А кто тогда станет для тебя готовить? Ты же знаешь, повар ты никудышный.

Шеридан съел обед и остался сидеть на стуле, глядя на озеро и дожидаясь первых радиосообщений.

Наконец-то они приступили к делу. Все, что ему предшествовало — погрузка, долгое путешествие в космосе, выход на орбиту и разгрузка, — было не более чем простой подготовкой к сегодняшнему дню.

Да, наконец они приступили — но и только. Предстоят еще месяцы работы. Предстоит множество затруднений и тысяча неприятностей. Но они провернут все, гордо и уверенно сказал он себе. Ничто, абсолютно ничто не остановит его ребят.

Уже к вечеру пришел Езекия и принес весть:

— Сэр, радирует Абрахам. Там, кажется, что-то неладно.

Шеридан вскочил на ноги и побежал к радиорубке. Он пододвинул стул и потянулся за наушниками:

– Это ты, Эйб? Как дела?

– Плохо, Стив, – сказал Абрахам. – Они не заинтересованы в торговле. Товары им нужны, это видно по тому, как они на них смотрят. Но они не покупают. Знаешь, что мне кажется? По-моему, им нечего нам предложить.

– Но это смешно, Эйб. Они выращивали лодары все эти годы. Амбары набиты ими доверху.

– Их амбар заколочен, – сказал Абрахам. – Поперек дверей перекладыны, а окна заколочены досками. Когда я попробовал к нему подойти, они повели себя не очень-то учтиво.

– Я скоро буду, – сказал Шеридан. – Хочу посмотреть на это сам. – Он поднялся и вышел из радиорубки. – Езекия, приготовь автолет, мы отправляемся к Эйбу. А ты, Наппи, побудь около радио. Я буду в деревне, где Эйб, свяжись со мной, если что-нибудь случится.

– Я никуда не отлучусь, останусь здесь, – обещал Наполеон.

Езекия посадил автолет на деревенской площади, рядом с грузолетом, на котором все еще громоздились товары.

Абрахам подошел сразу же, как только они сели.

– Рад, что ты здесь, Стив. Они хотят, чтобы я отсюда убрался. Не хотят, чтобы мы здесь были.

Шеридан сошел с автолета и, с трудом переступая затекшими ногами, остановился посреди площади. Что-то было не то и с деревней, и с жителями – что-то изменилось к худшему, стало не так.

На площади было много народу, одни стояли в дверных проемах, прислонившись к косякам, другие – присло-

нившись к деревьям. Несколько жителей маячили перед заколоченной дверью массивного амбара на площади, будто стража, которой поручено его охранять.

— Когда я только спустился, — сказал Абрахам, — они столпились вокруг грузолета и стали пялиться на товар. По всему было видно, что они еле удерживаются от того, чтобы не потрогать его руками. Я пытался было с ними заговорить, но они особо не стали разговаривать — сказали только, что у них ничего нет. Ну а теперь стоят поодаль и пялятся.

Рядом с крохотными домиками деревни амбар выглядел монументальным зданием. Он высился, квадратный, прочный, совсем без украшений, и был здесь чужим — пришельцем с чужой планеты, Земли. Ибо, осознал вдруг Шеридан, это был такой же амбар, какие он видел на фермах Земли где-нибудь в лесной глухомани: огромная шатровая крыша, широченная дверь, к которой надо подниматься по пологому скату, и даже вытяжная труба, оседлавшая конек крыши.

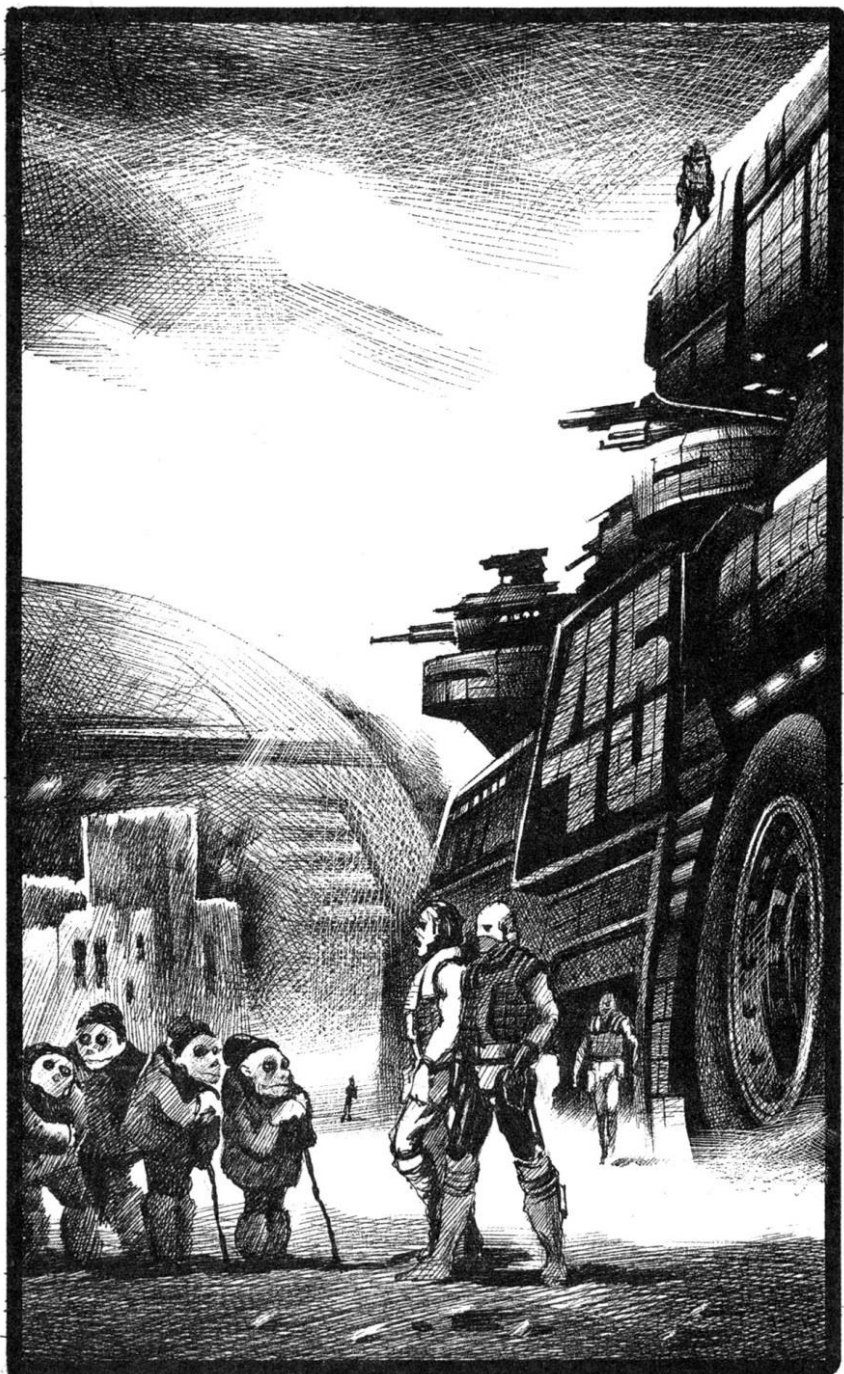
Человек и двое роботов тонули в омуте враждебного молчания. Гарсониане, стоявшие в ленивых позах, не сводили с них глаз, и что-то решительно было не так.

Шеридан медленно обвел площадь взглядом и вдруг понял, что изменилось.

Все было вокруг заброшенное, а то и просто-напросто грязное. Запущенные домики потеряли свой опрятный вид, улицы были завалены мусором. И соответственно выглядели сами жители.

— Сэр, — сказал Езекия, — на них жалко смотреть.

И он был прав.

В лицах жителей была какая-то обреченность, они горбились и казались усталыми.

– Не понимаю, – удивленно сказал Абрахам. – Если верить нашим данным, это был беззаботный народец, но посмотрите на них сейчас. Может, данные были неверные?

– Нет, Эйб. Изменились сами жители.

Ибо совершенно исключалось, что данные могут быть неверные. Их собирал отряд специалистов, один из самых лучших, и у человека, его возглавлявшего, был многолетний опыт работы на чужих планетах. Экипаж провел на Гарсоне IV два года и сделал все для того, чтобы узнать об этой цивилизации как можно больше.

С местными жителями явно что-то произошло. Неизвестно почему, но они утратили свойственные им веселое расположение духа и чувство собственного достоинства. Они перестали заботиться о своих домах. Дошли до того, что стали племенем грязнуль.

– Вы, ребята, оставайтесь здесь, – сказал Шеридан.

– Не надо, сэр, – встревоженно сказал Езекия.

– Будь осторожен, Стив, – предупредил Абрахам.

Шеридан отправился к амбару. Стоявшие перед входом не шевельнулись. Метрах в двух от них он остановился.

Вблизи, живые, они больше походили на гномов, чем на фотографии, привезенных на Землю исследовательским экипажем. Сморщенные гномики, но не жизнерадостные, как прежде. Вид у них был болезненный, чувствовалось, что они затаили обиду на что-то и, быть может, злобу. В них было что-то виноватое, и кое-кто даже шаркал ногами от смущения.

– Я вижу, вы нас не понимаете, – непринужденно начал

Шеридан. — Мы слишком долго не возвращались — куда дольше, чем рассчитывали.

Он боялся, что не справляется с их языком. Вообще-то говоря, это был не самый легкий язык в Галактике. На какой-то миг он ощутил острое сожаление, что не существует чего-нибудь вроде трансмога, чтобы вставить в человеческий мозг, — насколько легче было бы тогда в моменты, подобные этому!

— Мы вас помним, — угрюмо сказал один из гарсониан.

— Вот и чудесно! — с наигранной радостью воскликнул Шеридан. — За эту деревню говорите вы?

«Говорите» — потому что не было вождя, не было руководителя, не было вообще никакой власти, а были только, время от времени, бестолковые обсуждения повседневных дел, проходивших возле местного эквивалента деревенской лавки, и лишь изредка — в тех случаях, когда возникала какая-нибудь критическая ситуация, — подобие общего собрания, но никаких должностных лиц, которые бы претворяли принятые решения в жизнь.

— Я могу говорить за них, — несколько уклончиво ответил гарсонианин. Медленно шаркая ногами, он шагнул вперед. — У нас были другие, похожие на вас, — это случилось много лет назад.

— И вы с ними подружились?

— Мы дружим со всеми.

— Но особенно с ними. Вы обещали им, что будете хранить лодары.

— Слишком долго их хранить нельзя. Лодары гниют.

— У вас для них был амбар.

— Сперва сгнил один лодар. Вскоре сгнило два. А по-

том сгнило сто лодаров. Амбар не годится для того, чтобы их хранить. Никакое место не годится, чтобы их хранить.

— Но мы — те, кто здесь был до нас, — научили вас, что нужно делать. Лодары нужно перебрать и гнилые выбросить. Тогда другие лодары останутся хорошими.

Гарсонианин пожал плечами:

— Слишком трудно. Очень долго это делать.

— Но ведь не все же лодары сгнили! Часть из них наверняка сохранилась.

Гарсонианин развел руками:

— У нас были плохие времена, друг. То слишком мало дождя, то слишком много. Все не так, как надо. Урожай был все время плохой.

— Но мы привезли вещи в обмен на лодары. Много вещей, которые вам нужны. Нам было очень трудно их доставить. Мы прилетели издалека. Нам пришлось лететь очень долго.

— Жаль, — сказал гарсонианин. — Лодаров нет. Вы сами видите, мы очень бедны.

— Но куда же подевались все лодары?

— Мы, — стоял на своем гарсонианин, — больше лодаров не выращиваем. Мы выращиваем теперь другое. С лодарами нам очень не повезло.

— Ну, а эти растения на полях?

— Мы не называем их лодарами.

— Неважно, как вы их называете. Это лодары?

— Лодаров мы не выращиваем.

Шеридан резко повернулся на каблуках и пошел назад, к роботам.

— Заело. Что-то здесь произошло. Они стали морочить

мне голову, а под конец, чтобы выбить у меня из рук карты, заявили, что лодаров больше не выращивают.

— Но ведь у них поля лодаров! — возмутился Абрахам. — Если прежние сведения верны, то они даже увеличили посевные площади. Я, когда подлетал, проверил. Они сейчас выращивают больше, чем прежде.

— Знаю, — сказал Шеридан. — Получается какая-то ерунда. Езекия, свяжись, пожалуйста, с базой и узнай, что там происходит.

— Минуточку, — сказал Абрахам. — А торговое соглашение, которое мы с ними заключили? Имеет оно какую-нибудь силу?

Шеридан покачал головой:

— Не знаю. Может быть, и стоило ткнуть им этим соглашением в нос и посмотреть, что из этого получится. Это могло бы послужить чем-то вроде психологического клина — немного позднее, когда нам удастся их немного смягчить.

— Если удастся.

— Сегодня наш первый день здесь, и это всего лишь одна деревня.

— По-твоему, использовать соглашение как дубину мы не сможем?

— Послушай, Эйб, я не юрист, и у нас нет с собой трансмога юриста по дьявольски простой причине — на этой планете никакой правовой системы нет. Но допустим, мы сумели как-нибудь затащить их в галактический суд. Кто подписывался от имени этой планеты? Какие-то ее жители, которых выбрали мы, а не сами жители планеты; подписи их никого и ни к чему не обязывают. Вся эта за-

тея с составлением контракта была не более чем пышной церемонией без какой-либо правовой основы просто чтобы гарсониане побоялись отказаться вести с нами дела.

— Но вторая экспедиция, по-видимому, считала, что это подействует.

— Ну, разумеется. У гарсониан довольно сильное нравственное чувство — у каждого в отдельности и в семьях. Сможем ли мы добиться, чтобы они расширили круг тех, к кому оно применяется? Вот в чем проблема, которую предстоит нам решить.

— Иными словами, нам нужно придумать подход, — сказал Абрахам. — Хотя бы для одной этой деревни.

— Если такое положение только в этой деревне, — сказал Шеридан, — то пусть сидят на своих лодарах. Мы сумеем обойтись и без них.

Но такое положение было не только в этой деревне. Точно так же обстояло дело и в других.

Новость эту принес Езекия.

— Наполеон говорит, что не ладится ни у кого, — объявил он. — Никто ничего не продал. Судя по тому, что он говорит, везде одно и то же.

— Пожалуй, надо всех собрать, — сказал Шеридан. Положение следует обсудить. Придется выработать курс действий. Нельзя распылять силы в десятке разных подходов.

— И еще, пожалуй, надо собрать побольше лодаров, — подал голос Абрахам, — и посмотреть, лодары это или что-нибудь другое.

III

Шеридан вставил в голову Эбенезеру трансмог химика, и Эбенезер произвел анализ. С ним он и явился на обсуждение торговых дел, участники которого собрались за столом для заседаний.

— Есть только одно различие, — сказал он. — В лодарах, которые я подверг анализу, содержание калентроподенсии (так называется средство, используемое в качестве транквилизатора) выше, чем в лодарах, которые привезли первая и вторая экспедиции. Разница примерно в десять процентов, хотя не исключено, что она меняется от поля к полю в зависимости от погодных и почвенных условий — особенно, мне кажется, почвенных.

— Выходит, они лгали, когда говорили, что не выращивают лодаров, — сказал Абрахам.

— По их собственным меркам, — заметил Сайлес, — они, возможно, нам вовсе и не лгали. Не всегда легко понять инопланетную этику с человеческой точки зрения. По словам Эбенезера, химический состав клубня в известной мере изменился. То ли благодаря лучшей обработке почвы, то ли благодаря лучшим семенам, или обилию осадков, или более высокому содержанию в почве связанной с лодаром бактерии, а может быть, благодаря каким-то действиям, намеренно совершенным местными жителями, чтобы вызвать это изменение...

— Сай, — сказал Гидеон, — я не понимаю, куда ты клонишь.

— А вот куда. Если они об этом знали, это могло послужить для них основанием изменить название лодара. А

возможно, какие-то особенности их языка потребовали, чтобы они изменили название. Или, чтобы оставить себе лазейку, они прибегли к какому-то словесному трюку. А может, дело просто в суеверии. Гарсонианин в деревне сказал Стиву, что им не повезло с лодарами. И потому, быть может, они решили, что переименование лодара принесет им удачу.

— По-твоему, это этично?

— Для них — возможно, да. Вы, друзья, все попутешествовали немало и должны бы знать, что местные жители остальной части Галактики в своих действиях редко руководствуются тем, что мы с вами считаем логикой и этикой.

— Все же я не понимаю, — сказал Гидеон, — к чему им менять название, если только не специально для того, чтобы с нами не торговать. Тогда, изменив название, они получают возможность сказать нам, что лодаров они не выращивают.

— Мне кажется, именно для того они их и переименовали, — сказал Максимилиан. — И все это как-то связано с заколоченными амбарами. Они знали, что мы прибыли. Невозможно себе представить, чтобы они этого не знали. Целый рой наших грузолетов сновал вверх-вниз, и не увидеть они их просто не могли.

— В деревне, где мы были, — сказал Шеридан, — у меня создалось впечатление, что они как-то неохотно говорили нам о том, что не выращивают лодаров. Оттягивали сколько могли, словно это был последний аргумент, которым, они надеялись, им не придется воспользоваться, отчаянный, последний довод на случай, если остальные не подействуют, и...

– Просто пытаются вздуть цену, – тоном, не допускающим возражений, перебил его Лемуэль.

Максимилиан покачал головой.

– Не думаю. Ведь никакой исходной цены предложено не было. Как можно вздуть цену, которой нет?

– Есть цена или ее нет, – раздраженно заявил Лемуэль, – все равно они в состоянии создать ситуацию, которая позволила бы им обобрать нас до нитки.

– Есть другое обстоятельство, и оно может оказаться для нас благоприятным, – сказал Максимилиан. – Если они переименовали растение для того, чтобы оправдать свое нежелание торговать с нами, то из этого следует, что вся деревня ощущает по отношению к нам моральный долг, и ей нужно как-то оправдать свой отказ.

– Иными словами, – сказал Шеридан, – мы можем попытаться их уговорить. Что ж, возможно. Во всяком случае, попробуем.

– Слишком уж все здесь не так, – вмешался Дуглас.

– Слишком уж многое изменилось. У лодаров новое название, амбары заколочены, вид у гарсониан неопрятный, их деревни запущены. Все на планете перевернулось. По-моему, прежде всего нужно выяснить, что здесь случилось. Когда выясним, тогда, быть может, появится надежда, что мы что-нибудь сумеем продать.

– Я не прочь заглянуть в амбары, – сказал Джошуа.

– Что в них? Как вы думаете, можем мы как-нибудь исхитриться и посмотреть?

– Только применив силу, – сказал Абрахам. – Мне кажется, пока мы здесь, они будут охранять их денно и нощно.

– Применение силы исключается, – сказал Шеридан. – Все вы прекрасно знаете, что с нами случится, если мы применим силу не для целей самозащиты, против жителей другой планеты. У экипажа отберут лицензию, и все вы, друзья, проведете остаток жизни, полируя до блеска полы в дирекции.

– Может, нам просто прокрасться как-нибудь? Как сыщикам...

– Это мысль, Джош, – сказал Шеридан. – Не знаешь, Езекия, есть у нас трансмоги для сыщиков?

– Мне о таких не известно, сэр. И я даже не слышал, чтобы какой-нибудь экипаж такими пользовался.

– Ну, а что, если бы они даже были? – заметил Абрахам. – Все равно нам было бы чертовски трудно замаскироваться.

– Если бы среди нас нашелся доброволец, – с некоторым воодушевлением сказал Лемуэль, – мы могли бы переконструировать и изменить его внешний вид и...

– Мне лично кажется, – сказал Сайлес, – что нам надо разработать все мыслимые подходы. Тогда один мы сможем испытать на одной деревне, другой – на другой, и так до тех пор, пока не натолкнемся на подход, который работает.

– Что предполагает, – назидательно произнес Максимилиан, – что все деревни будут реагировать в принципе одинаково.

Сайлес сказал:

– Я бы исходил именно из этого. В конце концов, культура одна и та же, а средства связи, по-видимому, примитивные. Пока не пройдет некоторый, пусть небольшой,

отрезок времени, ни одна из деревень не будет знать, что происходит в другой, это обстоятельство для наших экспериментов превращает каждую из деревень в идеальную морскую свинку.

— Я думаю, ты прав, Сай, — сказал Шеридан. — Так или иначе, но нам придется найти способ преодолеть их сопротивление. В настоящий момент мне все равно, какую цену нам придется платить за лодары. Пожалуйста, вначале пусть обдирают нас как липку. Лишь бы стали продавать, а там уж мы сможем начать сбивать цену и под конец сочтемся по справедливости. В конце концов, самое главное — нагрузить на наши сани столько лодаров, сколько они смогут увезти.

— Хорошо, — сказал Абрахам, — тогда за работу.

И они взялись за работу. Провели за ней целый день. Наметили самые разные коммерческие подходы. Выбрали каждый себе деревню. Шеридан разделил роботов на бригады, и каждая бригада получила собственное задание. Выработали все детали. Не оставили на волю случая ничего.

Когда Шеридан сел ужинать, у него было такое чувство, что все, что нужно, сделано, что теперь все в порядке, — если не сработает один подход, сработает другой. Вся их беда заключалась в том, представлялось ему теперь, что они не провели заблаговременного планирования. Они были до того уверены, что все пройдет гладко, что ринулись торговать, ничего не продумав.

Утром роботы, преисполненные оптимизма, отправились в путь.

Бригаде Абрахама предоставлялось обойти все дома в

своей деревне, и они поработали на совесть. Они не пропустили ни одного дома, и ответ в каждом был «нет»; иногда это была дверь, захлопнутая у них перед носом, иногда ссылка на бедность.

Одно было ясно как день: с гарсонианами поодиночке управиться ничуть не легче, чем со всеми гарсонианами вместе.

Гидеон и его бригада попробовали применить трюк с образцами товаров — они стали дарить образцы жителям одного дома за другим и при этом сообщали, что вернутся с другими товарами. Оказалось, что гарсонианам абсолютно ничего не нужно. Брать образцы они отказывались.

Лемуэль устроил лотерею. Лотерея, как утверждали ее сторонники, вызывает к жажде наживы, присущей каждому индивиду. А лотерея эта была задумана так, чтобы вызывать к ней максимально. Цена была самой низкой, какую только можно было вообразить: один лодар за билет. Выигрыши же были просто сказочными. Но, судя по всему, гарсониан жажда наживы не обуревала. Ни одного билета продано не было.

И самым странным во всем этом, неразумным, не укладывающимся в сознании, попросту невозможным, было то, что получить товары гарсонианам явно хотелось.

— Было видно, как они борются с собой, — сообщил Абрахам на вечернем заседании. — Было видно, что какая-то вещь из тех, что мы продаем, им нужна, но невероятным усилием воли они заставляли себя отказываться.

— Возможно, что они уже почти готовы, — сказал Лемуэль. — Возможно, достаточно небольшого толчка, и дело будет в шляпе. Не начать ли нам кампанию распростране-

ния слухов? Может, стоит распустить слух, что некоторые деревни покупают у нас вовсю. Вероятно, это поколебало бы их сопротивление.

Но Эбенезер засомневался.

— Надо докопаться до причин. Надо выяснить, что кроется за этой забастовкой. Возможно, что-нибудь совсем простое. Если бы только знать...

Эбенезер побывал со своей бригадой в отдаленной деревне. Они захватили с собой заранее приготовленный магазин самообслуживания и установили его на деревенской площади. Заманчиво разложили на полках товары. Создали вокруг шумную ярмарочную атмосферу. Развесили по селению громкоговорители, и оттуда с оглушительным ревом повалили выгодные предложения.

Абрахам и Гидеон возглавили бригады с говорящими рекламными досками. Они облетели округу, расставляя яркие, радующие глаз доски с записанной на магнитной пленке рекламой. Еще до начала операции Шеридан вставил в Оливера и Сайлеса трансмоги специалистов-семантиков, и те наговорили эти пленки — дело очень тонкое, требующее большого умения. На коммерческую сторону, хотя она, несомненно, там присутствовала, они слишком не нажимали. Кое-где тон был вкрадчивый, кое-где откровенный, но не было ни одного слова, которое бы звучало неискренне. Они превозносили гарсониан, этот народ, такой достойный и несгибаемый; произносили прочувственные проповеди о честности, добропорядочности и обязательности; пытались представить себя чем-то средним между недоумками, перехитрить которых проще простого, и благотворителями.

Пленки крутили день и ночь. Они забрасывали беззащитных гарсониан льстивой, вкрадчивой рекламой, и эффект должен был быть фантастическим, ибо ни с какой рекламой гарсонианам никогда еще не приходилось сталкиваться.

Лемуэль остался на базе и тяжело топал взад-вперед по берегу, сжав руки за спиной и с остервенением размышляя. Временами он останавливался – ровно на столько времени, сколько было нужно, чтобы, лихорадочно спеша, записать новую мысль.

Он обдумывал, как применить к делу старый коммивояжерский ход, который, он был уверен, наверняка подействует, если повернуть его понятным гарсонианам образом, – этот старый как мир трюк: «Я работаю, чтобы заплатить за свое ученье».

Джошуа и Таддеус пришли к Шеридану и попросили штучки две трансмогов драматурга. Шеридан сказал, что таких у них нет, но Езекия с его неизменным оптимизмом погрузился на самое дно сундучка с трансмогами и вынырнул с одним, на котором была наклейка «аукционер», и с другим с наклейкой «оратор» – самое близкое к желаемому из всего, что ему удалось найти. Джошуа и Таддеус с негодованием их отвергли, уединились и стали сочинять, вкладывая в эту работу всю душу, номера для юмористического представления.

Например, как следует писать шутки для жителей другой планеты? Что их смешит? Непристойность? Великолепно – только для того, чтобы так шутить, нужно досконально знать интимную жизнь существ, для которых такая шутка предназначена. Шутка про тещу? В этом случае то-

же нужно знать, как к ней отнесутся: существует множество мест, где тещи пользуются глубоким уважением, но есть и другие, где одно упоминание о них считается дурным тоном. Юмор, построенный на использовании диалектов и говоров, разумеется, исключался напрочь, как он того и заслуживал. Точно так же, поскольку дело касалось гарсониан, исключалась и шутка ловкача-бизнесмена. Гарсониане – народ совершенно не деловой, и шутка такого рода была бы им попросту недоступна.

Однако Джошуа и Таддеуса все это, в общем-то, не обескуражило. Они отобрали у Шеридана папки, где хранились сведения о планете, и провели над ними не один час, анализируя те стороны гарсонианской жизни, которые они, ничем не рискуя, могли бы использовать для своего либретто. Они делали горы выписок и заметок. Вычерчивали сложные графики, демонстрирующие отношения между словами гарсонианского языка и хитросплетениями местной социальной жизни. Писали и переписывали, перечитывали заново и оттачивали. В конце концов либретто они смастерили.

– Ничем нельзя так расположить к себе, – убежденно сказал Шеридану Джошуа, – как веселым представлением. Зрителям становится хорошо, и они растормаживаются. Кроме того, они начинают чувствовать себя в некотором смысле в долгу перед тобой. Ты их развлекал, и они, вполне естественно, не могут не испытывать потребности сделать тебе приятное.

– Надеюсь, это подействует, – сказал Шеридан без особого энтузиазма.

Ибо ничто другое не действовало.

В отдаленной деревне, где был построен магазин, гарсонiane расшевелились в достаточной мере для того, чтобы его посмотреть, — но только посмотреть, а не покупать в нем товары. Казалось, будто магазин для них — какой-то огромный музей или выставка. Они шли гуськом по проходам, глазели на товары, иногда даже протягивали руку и трогали их, но не покупали. Более того, когда высказывалось предположение, что они, возможно, хотят что-нибудь купить, они делали оскорбленную мину.

В других селениях говорящие рекламные доски привлекли к себе широкое внимание. Вокруг них собирались толпы и целыми часами слушали. Но вскоре блеск новизны исчез, и теперь местные жители обращали на магнитные записи очень мало внимания. И они все так же игнорировали роботов. И даже еще более подчеркнуто — игнорировали или резко пресекали любые попытки что-нибудь им продать.

От этого опускались руки.

Лемуэль перестал ходить по берегу и выбросил свои записи. Он признал, что потерпел фиаско. Здесь, на Гарсоне IV, не было никакой надежды довести до сознания местных жителей, что значит быть студентом, который торговлей зарабатывает себе на учение.

Болдуин со своей бригадой попытался распространять слухи. Но жители решительно отказывались верить, будто какая-то деревня могла хоть что-нибудь у них купить.

Оставалось попробовать юмористическое представление, и Джошуа с Таддеусом создали труппу и принялись репетировать. Дело немного затруднялось тем, что даже Езекии не удалось найти актерских трансмогов, но все равно получалось у них неплохо.

Несмотря на то что ни одна из их попыток не дала результатов, роботы снова и снова отправлялись в деревни, трудились не покладая рук, снова и снова пытались продать товары, в надежде, что рано или поздно они найдут ключ, который поможет им отпереть дверь скрытности и упрямства, за которой прячутся местные жители.

В один прекрасный день Гидеон радировал на базу откуда-то издалека, где он был один:

— Стив, тебе бы надо посмотреть самому кое на что здесь под деревом.

— Кое на что?

— На существо совсем другой породы. Вроде бы разумное.

— Гарсонианина?

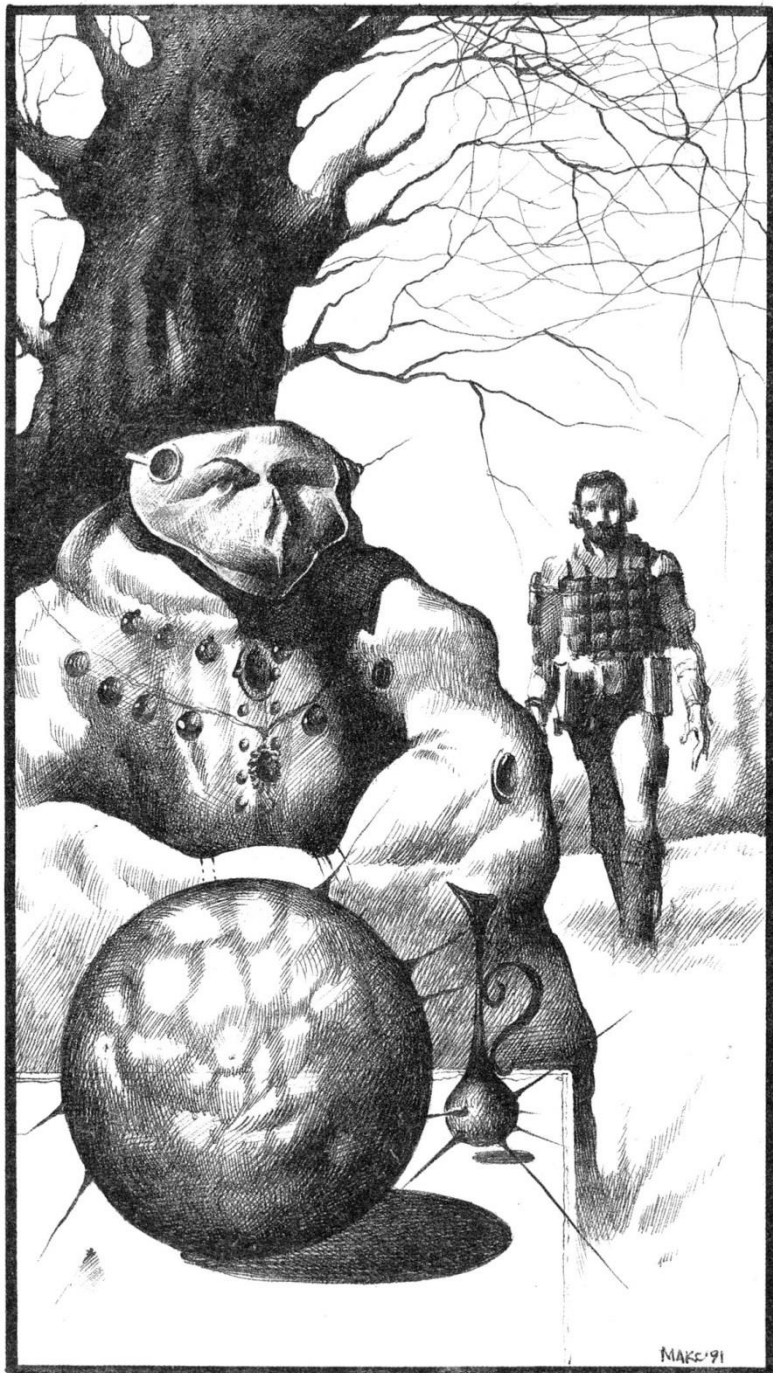
— Тоже гуманоида, но не гарсонианина.

— Сейчас буду, — сказал Шеридан. — Оставайся на месте, чтобы ты мог мне его показать.

— Оно, наверно, меня заметило, — сказал Гидеон, — но я к нему близко не подходил. Я подумал, что тебе, может быть, захочется заняться им самому.

Существо, как и говорил Гидеон, сидело под деревом. Перед ним была расстелена искристо поблескивавшая скатерть, на ней стоял затейливо разукрашенный сосуд, и существо было занято тем, что доставало разные разности из чего-то, что, очевидно, служило корзиной для провизии.

Будучи, как и гарсониане, гуманоидом, существо, однако, выглядело куда приятнее, чем они. Лицо было точечное, а тело — змеино-гибкое в своей стройности. Его облакали одежды из роскошных тканей, и на нем было множество драгоценностей. Вид у него был явно светский.

– Привет, друг, – сказал по-гарсониански Шеридан.

Кажется, существо его поняло, но высокомерно улыбнулось. Судя по всему, появление Шеридана его не обрадовало.

– Быть может, – сказало оно не сразу, – у вас найдется время присесть?

Тон, каким это было сказано, ясно и недвусмысленно предлагал Шеридану сказать: нет, он благодарит, но не может, ему надо идти.

– С радостью, – вместо этого сказал Шеридан. – Большое вам спасибо.

Он сел и стал смотреть, как существо достает из своей корзины со съестным все новые и новые припасы.

– Для нас с вами несколько затруднительно, – сказало существо, – общаться друг с другом на этом варварском языке. Но другого выбора, я полагаю, у нас нет. Вы, случайно, не говорите на балльском?

– Увы, – сказал Шеридан. – Я даже никогда о нем не слышал.

– Я подумал: а вдруг? На нем говорят многие.

– Мы вполне сможем объясниться и на языке этой планеты, – спокойно сказал Шеридан.

– О, безусловно! – согласилось существо. – Надеюсь, я не вторгся ненароком в ваши владения? Если да, то я, разумеется...

– Что вы! Я был рад вас здесь встретить.

– Я бы предложил вам пообедать вместе со мной, но боюсь. Ваш обмен веществ наверняка отличен от моего. Мысль, что я могу отравить вас, для меня непереносима.

Шеридан кивнул в знак благодарности. Пища и вправ-

ду выглядела весьма привлекательно. Вся в красивой упаковке, и кое-что на вид было так соблазнительно, что у него потекли слюнки.

– Я посещаю эти места для того, чтобы...

Существо искало гарсоннианское слово и не находило его.

Шеридан попытался помочь:

– На своем родном языке я бы, пожалуй, назвал это пикником.

– Поесть-на-воздухе, – сказал незнакомец. – Это самое близкое, что я могу обнаружить в языке наших любезных хозяев.

– Мы с вами думаем одинаково.

От этого свидетельства взаимопонимания настроение существа ощутимо поднялось.

– По-моему, мой друг, у нас много общего. Быть может, я могу оставить вам часть пищи с тем, чтобы вы сделали ее анализ? Тогда в следующий раз, когда я снова здесь буду, вы смогли бы составить мне компанию.

Шеридан покачал головой:

– Не думаю, чтобы я задержался здесь надолго.

– Ах вот как? – сказал незнакомец, кажется приятно удивленный. – Так вы здесь тоже только на время? Шорох крыльев в ночи – только что был рядом и уже унесся навеки.

– Весьма поэтично, – сказал Шеридан, – и весьма образно.

– Впрочем, – сказала существо, – я здесь бываю довольно часто. Мне понравилась эта планета. Чудесное место для того, чтобы поесть на воздухе. Все так спокойно,

просто, неторопливо. Никакой суеты, и жители так чисто-сердечны в своей приветливости, хотя, увы, грязноваты и чрезвычайно, чрезвычайно глупы. Но, заглядывая в свое сердце, я обнаруживаю, что люблю их за неискuschenность, за близость к природе, за ничем не омраченный взгляд на жизнь и за простоту, с которой они эту свою жизнь проживают.

Он умолк и испытующе посмотрел на Шеридана.

— Вы с этим не согласны, мой друг?

— Разумеется, согласен! — довольно поспешно сказал Шеридан.

— В Галактике так мало мест, — загрустил незнакомец, — где можно побыть в блаженном уединении. О, я не имею в виду уединение полное — кого-то ты встречаешь и здесь; но в уединении в том смысле, что есть где повернуться, что ты перестаешь быть игрушкой слепых ненасытных желаний и тебя не душит неодолимый напор чужих характеров. Существуют, конечно, ненаселенные планеты, ненаселенностью своей обязанные лишь тому, что на них невозможно жить физически. Их мы исключаем.

Он ел понемножку, изящно, даже манерно, однако из сосуда с затейливыми украшениями отхлебнул изрядно.

— Вкус превосходный, — сказал незнакомец и протянул сосуд Шеридану. — Может, рискнете все-таки?

— Нет, я лучше воздержусь.

— Это, пожалуй, мудро, — признал тот. — Жизнь не принадлежит к числу тех вещей, с которыми расстаются, не раздумывая.

Он глотнул еще, поставил сосуд к себе на колени и теперь, продолжая разговор, то и дело его поглаживал.

— Это отнюдь не означает, — сказал он, — что я ставлю жизнь превыше всего. У вселенского бытия наверняка есть и другие грани, ничуть не менее...

Они просидели за приятной беседой до самого вечера.

Когда Шеридан пошел к автолету, сосуд у незнакомца был уже пуст, а сам он лежал, раскинувшись, в блаженном опьянении, среди остатков пикника.

IV

Хватаясь за одну нить, за другую, Шеридан судорожно искал в общей картине место, куда бы вписался любящий пикники пришелец с другой планеты, но такого места не находилось.

Быть может, он, в конце концов, и есть то, чем хочет казаться, — путешествующий бездельник, одержимый страстью есть в одиночестве на воздухе и любовью к бутылке.

И в то же время он знает местный язык и, по его словам, бывает здесь часто — и одно это более чем странно. Ему, по-видимому, доступна вся Галактика, так что же тянет его к Гарсону IV — планете (во всяком случае, на человеческий взгляд), весьма мало к себе располагающей. И еще: как он сюда попал?

— Гидеон, — спросил Шеридан, — ты, случайно, не заметил где-нибудь там, поблизости, транспортного средства, на котором наш друг мог прибыть сюда?

Гидеон покачал головой:

— Теперь, когда ты об этом заговорил, я могу точно сказать, что нет. Я бы увидел, обязательно.

– Не приходило ли вам в голову, сэр, – спросил Езекия, – что он, быть может, владеет способностью к телепортации? Это не исключено. Например, та цивилизация, на Пилико...

– Верно, – сказал Шеридан, – но пиликоане одолевали сразу не больше мили или около того. Помнишь, как они скакали? Будто большой заяц прыгнет на целую милю, но так быстро, что самого прыжка и не видно. А этот тип, судя по всему, прыгнул через световые годы. Он спрашивал меня о языке, о котором я никогда не слышал. Сказал, что этот язык широко распространен – по крайней мере, в некоторых частях Галактики.

Сэр, вы уделяете этому слишком много внимания, – сказал Езекия. – Нам следует подумать о делах более важных, чем этот праздношатающийся инопланетянин с его любовью к странствиям.

– Ты прав, – согласился Шеридан. – Если дело с торговлей не пойдет, мне головы не сносить.

Но ему так и не удалось окончательно отделаться от мыслей о той встрече под деревом.

Он попытался оживить в своей памяти их долгую праздную болтовню и, к своему изумлению, обнаружил, что она-таки действительно была совершенно праздной. Он не помнил, чтобы существо рассказало ему о себе хоть что-нибудь. Битых три часа, а то и дольше оно говорило не умолкая – и ухитрилось не сказать за все это время ровным счетом ничего.

Вечером Наполеон, когда принес ужин, присел на корточки возле стула, на котором сидел Шеридан, аккуратно подобрав белоснежный фартук к себе на колени.

– Наши дела плохи, ведь так? – спросил он.

– Да, пожалуй.

– Как нам быть, Стив, если мы так и не сможем ничего сделать – вообще не достанем лодаров?

– Наппи, – сказал Шеридан, – я изо всех сил стараюсь об этом не думать.

Но теперь, когда Наполеон об этом заговорил, Шеридан живо себе представил, как будет реагировать «Центральная торговля», если весь груз стоимостью в миллиард долларов ему придется доставить назад. И даже, в несколько более ярких красках, что ему придется выслушать, если он просто оставит его здесь и вернется без груза.

Каким угодно способом, но продать груз он должен!

Если не продаст, карьере его конец.

Хотя, осознал он вдруг, на карту поставлена не только его карьера. Затронуты интересы всего человечества.

Существует реальная и настоятельная потребность в транквилизаторе, изготовляемом из клубней лодара. Поиски такого лекарства начались сотни лет назад, и нужда в нем подтверждается тем фактом, что все это время поиски не прекращались. Это было нечто, в чем человек остро нуждался, по существу, с того самого мгновения, когда он перестал быть животным.

И здесь, на этой планете, находится ответ на эту острейшую человеческую потребность, ответ, которого их лишает и в котором им безрассудно отказывает этот упрямый и безалаберный народец.

– Если бы только эта планета была нашей, – сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к Наполеону, если бы мы

только сумели завладеть ею, мы бы смогли выращивать столько лодаров, сколько нам нужно. Мы бы сделали из Гарсона IV одно большое поле и выращивали бы лодаров в тысячу раз больше, чем в самые лучшие времена их выращивали гарсониане.

— Но мы не можем, — сказал Наполеон. — Это противозаконно.

— Да, Наппи, ты прав. Противозаконно, и даже очень.

Ибо гарсониане были разумны, не потрясаясь разумны, но, по крайней мере, разумны в том смысле, какой вкладывает в это слово закон.

А в отношениях с разумными существами нельзя делать ничего, что содержало бы в себе хотя бы намек на применение силы. Нельзя даже купить или арендовать у них землю, так как, говорит закон, покупая землю, ты лишаешь полноправную цивилизацию ее неотчуждаемых прав.

Можно работать вместе с ними и их учить — это всячески поощряется. Но научить гарсониан хотя бы чему-нибудь было не так-то просто. Можно, если только ты тщательно следишь за тем, чтобы не облапошивать их слишком уж беспардонно, вести с ними меновую торговлю. Но гарсониане теперь вести ее не хотят.

— Не знаю, что мы будем делать, сказал Шеридан. — Как нам выпутаться?

— У меня есть предложение. Может, увлечь местных жителей сложностями игры в кости? Мы, роботы, как ты, наверное, знаешь, играть в кости большие мастера.

Шеридан поперхнулся. Медленно и очень осторожно он поставил чашку с кофе на стол.

– Обычно, – с напускной суровостью сказал он Наполеону, – я на такие методы смотрю косо. Но в данной ситуации... что, если ты и вправду соберешь несколько ребят и попробуешь?

– Буду рад, Стив.

– И... э-э, Наппи...

– Что, Стив?

– Я надеюсь, ты выберешь лучших игроков?

– Естественно, – сказал Наполеон, поднимаясь и разглаживая свой фартук.

Джошуа и Таддеус отправились со своей трупой в далекую деревню на совершенно девственной территории, которой ни одна из прежних попыток начать торговлю не коснулась, и выступили перед гарсонианами со своим представлением.

Успех превзошел все ожидания. Местные жители, держась за животы и обессилев от смеха, катались по земле. Они выли, задыхались, вытирали слезы, ручьями льющиеся из глаз. В восторге от веселых шуток, они били друг друга по спине, по плечам. Ничего похожего они не видели за всю свою жизнь, ничего похожего вообще никогда не было на Гарсоне IV.

И когда они совсем размякли от веселья, когда еще чувствовали себя вполне убогоустроенными, в тот точно рассчитанный психологический момент, когда сняты все торможения и смолкают голоса враждебности и упрямства, Джошуа предложил им начать торговлю.

Смех оборвался. Веселья как не бывало. Зрители теперь просто стояли и таращили на них глаза.

Труппа быстро собралась и в глубоком унынии потащилась назад, на базу.

Шеридан сидел в палатке и предавался созерцанию мрачного будущего. База словно вымерла. Никто не шутил, не пел, не смеялся, проходя мимо палатки: никто не топал по-добрососедски.

— Шесть недель, — горько сказал он Езекии. — Шесть недель — и ни одной сделки. Мы сделали все, что в наших силах, и даже с места не сдвинулись. — Он сжал руку в кулак и ударил по столу: — Если бы только выяснить, в чем дело! Наши товары нужны, а покупать они отказываются. В чем же дело, Езекия? Тебе что-нибудь приходит в голову?

Езекия покачал головой.

— Ничего, сэр. Я просто озабочен. И не только я, но и все мы.

— Они там, в «Центральной», меня распнут, — сказал Шеридан. — Прибьют гвоздями и будут держать в таком виде в назидание другим ближайшие десять тысяч лет. Неудачи случались и раньше, но не такие.

— Не знаю, следует ли мне это говорить, — сказал Езекия, — но мы могли бы и дать деру. Может, это и есть наилучший для нас выход. Мальчики на это пойдут. Теоретически они преданы «Центральной», но фактически, если заглянуть поглубже, они более преданы вам. Мы могли бы погрузить все снова, и это дало бы нам капитал, вполне достаточный для начала...

— Нет, — твердо сказал Шеридан. — Попробуем еще — может, нам все-таки удастся разобраться в ситуации. Если нет, я подставлю шею и отвечу за неудачу... — Он потер подбородок. — Кто знает, может быть, нас выручит Наппи со своими игроками. Кажется невероятным, но ведь случались вещи и более странные.

Наполеон и его товарищи вернулись подавленные и растерянные.

– Разделали нас под орех, – сказал, явно еще не оправившись от потрясения, Наполеон. – Эти парни просто самородки, прирожденные игроки. Но когда мы хотели выплатить проигрыш, они не стали брать наш товар!

– Придется встретиться с ними и поговорить начистоту. Как, по-твоему, Наполеон, если мы выложим карты на стол и расскажем им, в каком жутком положении мы оказались, подействует это на них?

– Не думаю, – ответил Наполеон.

– Будь у них правительство, – заметил Эбенезер, тоже входивший в сколоченную Наполеоном бригаду игроков, – встретиться с ними имело бы смысл. Можно было бы поговорить с кем-то, кто представляет все население. Но в реальных условиях, в тех, какие есть, придется говорить отдельно с каждой деревней, а это продлится целую вечность.

– Ничего не поделаешь, Эйб, – сказал Шеридан. – Выбирать не из чего.

Но прежде чем они встретились с гарсонианами, начался сбор лодаров. Гарсониане трудились на полях, как бобры, – выкапывали клубни, складывали их в кучи сушиться, ссыпали высушенные растения на тележки и свозили в амбары, используя исключительно собственную мускульную силу – никаких тягловых животных у гарсониан не было.

Выкапывали и свозили в амбары, те самые амбары, где, клялись они, никаких лодаров у них не хранится. Но в этом, если задуматься, не было ничего удивительного:

ведь точно так же они клялись, что вообще не выращивают лодаров.

Естественно было ожидать, что они распахнут большие двери амбаров, однако именно этого они делать не стали. Они просто открывали крохотную, в их рост, дверцу, вделанную в большую, и через нее ввозили лодары. И стоило показаться вблизи кому-нибудь из участников экспедиции, как всю деревенскую площадь моментально окружала усиленная охрана.

– Лучше их не трогать, – посоветовал Абрахам. – Если мы попробуем на них давить, потом хлопот не оберешься.

И роботы вернулись на базу и стали ждать, когда гарсониане кончат собирать урожай. Наконец те кончили, и Шеридан посоветовал роботам не предпринимать ничего еще в течение нескольких дней, чтобы дать гарсонианам возможность вернуться к их повседневным делам.

Тогда они отправились к гарсонианам снова, и на этот раз на одном из грузолетов вместе с Абрахамом и Гидеоном полетел Шеридан.

Деревня, куда они прибыли, нежилась в лучах солнца, безмолвная и ленивая. Не видно и не слышно было никого живого.

Абрахам посадил грузолет на площадь, и все втроем они сошли с него.

Площадь была пуста, и вокруг царило молчание – глубокое, гробовое.

Шеридан почувствовал, как по спине побежали мурашки, ибо в этом безмолвии таилась какая-то скрытая неестественная угроза.

– Может, они устроили засаду? – вслух подумал Гидеон.

– Не думаю, – сказал Абрахам. – По складу характера гарсониане миролюбивы.

Настороженные, они пересекли площадь и медленно двинулись вдоль одной из улиц.

По-прежнему не видно было ни души.

И что было еще более удивительным, двери некоторых домов были распахнуты настежь. Окна, казалось, следили за пришельцами слепыми глазами, и занавесок из пестрой домотканой ткани в них больше не было.

– Быть может, – предположил Гидеон, – они ушли на какой-нибудь праздник урожая или что-то в этом роде.

– Они бы не оставили дверей открытыми настежь ни на один день, – заявил Абрахам. – Я прожил бок о бок с ними не одну неделю и хорошо их изучил. Я знаю, как они бы поступили: они тщательно закрыли двери и еще проверили, хорошо ли те закрыты.

– Может, ветер?..

– Исключено, – твердо стоял на своем Абрахам. – Одну дверь – мог. Но я отсюда вижу четыре открытых двери.

– Надо, чтобы кто-нибудь посмотрел, – сказал Шеридан. – Да пожалуй, я сам.

Он свернул в калитку перед домом, одна из дверей которого была распахнута, и медленно пошел по дорожке. У порога он остановился и заглянул внутрь. В комнате было пусто. Он перешагнул порог и пошел из комнаты в комнату, и все они оказались пусты – не было не только жителей дома, но и вообще ничего. Ни мебели, ни орудий труда, ни домашней утвари. Не было никакой одежды. Не было ничего. Дом был мертв, гол и пуст – рухлядь, за ненадобностью брошенная его обитателями.

Шеридан почувствовал, как в душу ему закрадывается чувство вины. А что, если прогнали их мы? Что, если своими домогательствами мы довели их до того, что они решили бежать, лишь бы больше нас не видеть?

Но это же смешно, подумал он. Для этого невероятно-го, массового исхода должна быть какая-то другая причина.

Он вернулся назад. Абрахам и Гидеон зашли в другие дома. Всюду было пусто.

— Может, только эта деревня? — предположил Гидеон. — Может, в остальных все по-прежнему?

Но Гидеон ошибался.

Вернувшись на грузолет, они связались с базой.

— Не понимаю, — сказал Езекия. — То же сообщили четыре другие группы. Я как раз собирался вам радировать, сэр.

— Пошли все грузолеты, какие у тебя есть, — сказал Шеридан. — Пусть проверят все деревни в округе. И ищи гарсониан. Может, они где-нибудь в лесах или на полях. Не исключено, что они на празднике урожая.

— Если они на празднике, сэр, — спросил Езекия, — то почему взяли с собой свое имущество? Никто не берет с собой мебель, когда отправляется на праздник.

— Знаю, — сказал Шеридан. — Ты попал в точку. Разошли всех, пожалуйста.

Существует отдаленная вероятность, — снова заговорил Гидеон, — что они переселяются. Быть может, у них есть обычай раз во столько-то лет строить для себя новую деревню. Быть может, дело в древнем санитарном законе, согласно которому через определенный промежуток времени лагерь надо переносить на другое место.

Возможно, — устало сказал Шеридан. — Поживем — увидим.

Абрахам ткнул большим пальцем в сторону амбара.

Шеридан заколебался было, потом отбросил осторожность.

— Валяй, — сказал он.

Гидеон по скату поднялся к двери, протянул руку и ухватился за одну из прибитых поперек досок. Раздался болезненный скрип выкручиваемых гвоздей, и доска отлетела в сторону. За ней последовала другая, потом еще одна, и тогда Гидеон нажал плечом, и одна из створок двери распахнулась.

Внутри, в полутьме амбара, тускло поблескивал металл — на полу, загородив собой проход, стояла огромная машина.

Холодный, пустой ужас сковал Шеридана.

Нет, подумал он. Машины здесь быть не может.

Гарсонианам просто не полагалось иметь машины. Их культура не знала никаких механизмов. Вершиной их достижений оставались пока мотыга и колесо они еще не додумались даже соединить их вместе, чтобы получился плуг.

Когда лет пятнадцать назад отправлялась в обратный путь вторая экспедиция, машин у гарсониан не было, и преодолеть за такой короткий промежуток времени свое отставание они не могли. За эти пятнадцать лет они, по всем внешним признакам, не продвинулись ни на дюйм.

И однако проход амбара перегораживала машина.

Это был солидных размеров цилиндр, поставленный на попу, и с одной стороны у него была дверь. Верх венчал

куполообразный колпак. Если бы не дверь, цилиндр был бы очень похож на огромную тупоносую пулю.

Чье-то вмешательство, подумал Шеридан. За время между отбытием второй экспедиции и прибытием третьей кто-то побывал на этой планете.

– Гидеон! – сказал он.

– Что, Стив?

– Отправляйся на базу и привези оттуда сундучок с трансмогами. Скажи Езекии, чтобы он как можно скорее переправил сюда мою палатку и все прочее. Отзови несколько мальчиков с разведки – нас ждет работа.

Кто-то здесь побывал, снова подумал он. Ба, да ведь вот кто! Изысканно вежливое существо, что сидело под деревом, перед расстеленной для пикника скатертью, прикладывалось к сосуду, проговорило битых три часа и ухитрилось при этом не сказать ровным счетом ничего!

V

Посланец «Центральной торговли» посадил свой небольшой корабль на краю деревенской площади, неподалеку от места, где теперь стояла палатка Шеридана. Прозрачный колпак сдвинулся в сторону, и он вылез из сиденья.

Он постоял несколько секунд, сверкая на солнце, пока поправлял значок со словами «специальный курьер», скобочившийся на его металлической груди. Затем решительно зашагал к амбару, направляясь к сидевшему на скамье Шеридану.

– Вы Шеридан?

Шеридан кивнул, окидывая курьера внимательным взглядом. Великолепная вещь!

– Найти вас оказалось нелегко. Ваша база, похоже, брошена?

– Мы столкнулись с некоторыми трудностями, – спокойно сказал Шеридан.

– Не слишком серьезными, надеюсь? Я вижу, ваш груз сохранил свой первоначальный вид.

– Скажем так: особенно нам не докучали.

– Понятно, – сказал робот, разочарованный тем, что происходящего ему пока не объясняют. Меня зовут Тобиас, и я кое-что должен вам передать.

– Я слушаю.

Иногда, сказал себе Шеридан, бывает просто необходимо сбить с этих роботов из штаб-квартиры хоть чуточку спеси.

– Передать устно. Могу вас заверить, что меня полностью ввели в курс дела. Я в состоянии ответить на любой вопрос, который вы пожелаете задать.

– Будьте добры, – сказал Шеридан. – Сначала послание.

– «Центральная торговля» желает сообщить вам, что фирма, именующая себя «Галактическими предприятиями», предложила поставлять «Центральной торговле» лекарство, именуемое калентроподенсией, практически в неограниченных количествах. Мы хотели бы знать, можете ли вы пролить какой-нибудь свет на это событие.

– «Галактические предприятия», – сказал Шеридан. – Никогда о таких не слышал.

– «Центральная торговля» тоже. Не скрою от вас, что мы несколько растеряны.

– Могу себе представить.

Тобиас расправил плечи:

– Мне поручено обратить ваше внимание на то, что вас послали на Гарсон IV для приобретения груза лодаров, из которых изготавливается вышеназванное лекарство, и что задание, ввиду предварительной работы, уже проделанной на планете, не должно было быть настолько трудным, чтобы...

– Минуточку, минуточку, – остановил его Шеридан. – Давайте не будем заводитьсь. Если это хоть сколько-нибудь успокоит вашу совесть, можете записать, что я получил от вас взбучку, которую вам было поручено мне дать.

– Но вы...

– Насколько я понимаю, «Галактические предприятия» заломили за свою калентроподенсию изрядную цену.

– Просто грабительскую. «Центральная торговля» затем и послала меня, чтобы выяснить...

– ...когда я доставлю груз лодаров. В настоящий момент я вам ответить на этот вопрос не могу.

– Но я должен привезти отчет!

– Сейчас это у вас не получится. Я не смогу сказать вам ничего определенного по меньшей мере в течение нескольких дней. Вам придется подождать.

– Но по инструкциям, которые я получил...

– Поступайте как вам угодно, – резко сказал Шеридан. – Дожидайтесь ответа или возвращайтесь без ответа. Мне наплевать на то, как именно вы поступите!

Он поднялся со ската и вошел в амбар.

Роботам, увидел он, удалось наконец каким-то образом

снять с огромной машины колпак, и теперь он лежал на боку в проходе – так, чтобы было видно, что там внутри.

– Стив, – горько сказал Абрахам, – ты только посмотри!

Шеридан посмотрел. Внутри колпака была груда сплавившегося металла.

– Тут были какие-то рабочие части, – сказал Гидеон, – но они уничтожены.

Шеридан почесал затылок.

– Намеренно? Реле саморазрушения?

Абрахам кивнул.

– Они, видно, все закончили. Не будь здесь нас, они, я думаю, отправили бы и эту машину, да и все остальные, домой, где бы этот их «дом» ни находился. Но допустить возможность того, что хотя бы одна из них попадет к нам в руки... Это было слишком рискованно. И поэтому они нажали кнопку или что другое, и все их хозяйство – фьюить...

– Но есть другие машины. По-видимому, по одной в каждом амбаре.

– Наверно, там все так же, как здесь, – сказал, поднимаясь с колен, Лемуэль.

– Что ты об этом думаешь? – спросил Шеридан.

– Машина для мгновенного перемещения материи, телепортатор – называй как хочешь, – ответил Абрахам.

– Вывод, конечно, сделан не на основании чего-то в самой машине, но из всех обстоятельств дела. Посмотри на этот амбар. В нем ни одного лодара. Лодары куда-то исчезли. Этот твой друг, любитель есть на свежем воздухе...

– Они называют себя «Галактические предприятия», – сказал Шеридан. – Только что прибыл курьер. Говорит, те предлагают «Центральной торговле» лекарство, сделанное из лодаров.

– И теперь «Центральная торговля», – подхватил Абрахам, – вконец расстроенная и понесшая огромный материальный ущерб, свалит вину на нас, ссылаясь на то, что мы не поставили ей ни единого лодара.

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Шеридан. – Все зависит от того, сможем мы разыскать наших местных друзей или нет.

– По-моему, надежды на это никакой, – сказал Гидеон. – Разведка показала, что деревни опустели на всей планете. Как ты думаешь, не могли они смыться через эти машины? Если машины транспортируют лодары, то могут транспортировать и людей.

– Может быть, все, что начинается с буквы «л»? – попытался сострить Лемуэль.

– Есть ли надежда узнать, как эти машины работают? – спросил Шеридан. – «Центральной» это могло бы очень пригодиться.

Абрахам покачал головой:

– Не могу сказать, Стив. Если учесть, сколько на планете таких машин – по одной в каждом амбаре, – есть некоторая статистическая вероятность, что нам попадетсся одна, которую не успели разрушить.

– Но даже если мы такую и найдем, – подхватил Гидеон, – есть большущая вероятность, что, едва мы начнем в ней копать, как она моментально сама разрушится.

– А если мы не найдем целой?

– Не исключено, – признал Лемуэль. – Хотя невероятно, чтобы все они разрушали себя в одинаковой степени. И характер повреждения не всегда будет один и тот же. Вполне возможно, что, пересмотрев, скажем, тысячу таких машин, можно составить довольно ясное представление о том, какое устройство находилось в куполе.

– Ну, а если бы мы все же это выяснили?

– На это трудно ответить, Стив, – сказал Абрахам. – Даже если бы мы располагали одной, которая уцелела и работает, я, честно говоря, не знаю, смогли бы мы разобраться в принципе ее работы настолько, чтобы изготовить самим такую же. Не забывай, что пока еще роду человеческому не удалось достичь ничего хотя бы отдаленно похожего.

Увы, этого Шеридан не понимать не мог. Видеть, как работает совершенно незнакомое устройство, более того, перенести его, до малейшей детали, на кальку, при отсутствии теоретической основы это не давало абсолютно ничего. А такой основы у них не было, и заполучить ее было куда труднее, чем чертеж или даже работающую модель.

– При помощи этих машин они переправляли куда-то лодары, – сказал он, – и, возможно, гарсониан. И если это так, то гарсониане наверняка пошли в машины по своей доброй воле. Если бы была применена сила, мы бы это знали... Эйб, ты можешь мне сказать, почему они отсюда ушли?

– Понятия не имею, – сказал Абрахам. – Во мне сейчас всего лишь трансмог физика. Дай мне трансмог социолога, и тогда я схлестнусь с этой проблемой.

Снаружи раздался крик, и они разом повернулись к двери. По скату поднимался Эбenezер, в руках он нес кро-

хотную фигурку, руки и ноги которой безжизненно болтались.

– Один из них! – задохнулся Гидеон. – Гарсонианин, точно!

Эбenezер стал на колени и осторожно опустил его на пол.

– Нашел в поле. Он там лежал в канаве. Боюсь, что его дела плохи.

Шеридан шагнул вперед и склонился над гарсонианином. Это был старик, один из тысяч стариков, которых он видел в деревнях. То же дубленое, старое лицо в морщинах, оставленных дождем и ветром, те же косматые брови, нависшие над глубоко посаженными глазами, те же редкие усы, то же выражение давно позабытой беспечности, а также обреченности и упрямства.

– Отстал, – сказал Эбenezер. – Отстал, когда уходили все остальные. Наверно, стало плохо, и он свалился там, в поле...

– Дай мою фляжку, – сказал Шеридан. – Она висит у двери.

Старик открыл глаза и окинул взглядом глядящие на него сверху лица. Он провел, оставляя грязные полосы, рукой по щеке.

– Я упал, – пробормотал он. – Помню, как падал. Упал в канаву.

– Вот вода, Стив, – сказал Абрахам.

Шеридан взял фляжку, приподнял старика, прижал его к своей груди и поднес фляжку к губам. Неопратно, хлюпая, старик стал пить. Вода проливалась и капала, стекая по усам, ему на живот.

Шеридан убрал фляжку.

– Спасибо, – сказал гарсонианин, и Шеридан подумал, что это было первое вежливое слово, которое они услышали от местных жителей.

Старик снова провел по лицу грязной рукой.

– Ушли все?

– Все, – ответил Шеридан.

– Опоздал, – сказал старик. – Если бы не упал, то, может, успел бы. Они, наверно, меня искали...

Голос его все слабел и наконец совсем смолк.

– Если вы не против, сэр, – предложил Езекия, – я до стану трансмог врача.

– Может, и стоит, – сказал Шеридан. – Хотя я сомневаюсь, что от этого будет много проку. Для него было бы лучше, если бы он умер там, в поле, еще несколько дней назад.

– Стив, – мягко сказал Гидеон, – врач, который лечит людей, инопланетянину помочь не сможет. Через некоторое время, если бы время у нас было, мы смогли бы узнать об этом бедняге больше – о биохимии, обмене веществ. Тогда бы мы смогли лечить его.

– Это верно, Стив, – сказал Абрахам.

Шеридан пожал плечами.

– Тогда, Езекия, трансмога не надо.

Он снова опустил старика на пол, потом поднялся с колен и, присев на корточки, закачался на пятках взад-вперед.

– Быть может, – сказал он гарсонианину, – ты ответишь на один вопрос. Куда ушел твой народ?

– Туда, – сказал старик, приподняв слабую руку и показав на машину. – Туда, и оттуда они ушли так же, как ушел урожай, который мы собрали.

Шеридан сидел, не поднимаясь, на корточках возле немощного гарсонианина.

Рубен внес охапку травы и положил гарсонианину под голову вместо подушки.

Значит, гарсониане и вправду ушли, сказал себе Шеридан, взяли и покинули родную планету. Покинули, используя машины, которые были поставлены для транспортировки лодаров. А уж если «Галактические предприятия» располагают такими машинами, то до них, независимо от того, кто они и где они, «Центральной торговле» невероятно далеко. Ибо тяжеловесным грузовым саням «Центральной торговли», как черепахи ползущим сквозь световые годы, трудно конкурировать с такими машинами.

Он думал, вспомнил Шеридан, в первый же день, когда они сюда прибыли, что немного конкуренции – вот что нужно «Центральной торговле». И пожалуйста, вот вам конкуренция; конкуренция без намека на этику. Конкуренция, прокрававшаяся следом за «Центральной торговлей» и заграбаставшая рынок, в котором «Центральная торговля» нуждалась, – рынок, которым «Центральная» могла бы завладеть безраздельно, не занимаясь она глупостями, не хитри и не ловчи так беспринципно, пытаясь приспособить культуру лодара к земным условиям.

Но интересно, где и когда, подумал он, узнали «Галактические предприятия» о лодарах и о важности лекарства, которое из лодаров вырабатывают? При каких обстоятельствах стал им известен отрезок времени, в течение которого они могли действовать на рынке лодаров, не боясь, что «Центральная торговля» им помешает? И не проявили ли «Галактические предприятия» в отношении этого отрезка

времени излишний оптимизм и потому вынуждены были разрушить все эти великолепные машины?

Шеридан негромко рассмеялся. Ну и обидно же, наверно, было их разрушать!

Не трудно, однако, представить себе сто или тысячу разных способов, при помощи которых они могли узнать о лодарах, ведь они обворожительнейшие существа, их манеры просто обезоруживают. Он не удивится, если окажется, что кто-нибудь из них тайно орудует внутри «Центральной торговли».

Гарсонианин зашевелился. Он вытянул костлявую руку и дернул Шеридана за рукав куртки.

— Что, друг?

— Ты побудешь со мной? — В голосе гарсонианина звучала мольба. — Эти здесь не такие, как ты и я.

— Я все время буду с тобой, — обещал Шеридан.

— Мы, пожалуй, уйдем, — сказал Гидеон. — Может быть, мы его тревожим.

Роботы тихо вышли из амбара, оставив их вдвоем.

Протянув руку, Шеридан положил ее гарсонианину на лоб. Лоб был липкий и холодный.

— Дружище, — сказал он, — я думаю — может, ты должен мне что-нибудь?

Старик покачал головой — медленно повернул ее на травяной подушке сначала в одну сторону, потом в другую. И в глазах у него вспыхнул огонек упрямства и какой-то хитрости.

— Вам мы не должны ничего, — сказал он. — Мы должны другим.

И это, конечно, было вовсе не то, что имел в виду Шеридан.

Но вот они лежат перед ним – слова, которые объясняют все, решение загадки, которой является Гарсон IV.

– Так вот почему вы не хотели с нами торговать, – сказал Шеридан, обращаясь скорее к себе, чем к лежащему на полу старому гарсонианину. – Вы так задолжали тем, другим, что для выплаты долга вам нужны были все лодары, какие у вас были?

И так, очевидно, оно и было на самом деле. Теперь, когда он думал об этом, он видел, что это дает логическое объяснение всему, что произошло. Реакция гарсониан, их отчаянное сопротивление торговле – это ведь как раз то, чего следует ожидать от тех, кто по уши влез в долги.

Вот почему так запущены дома, а одежда в лохмотьях. И вот почему на смену беспечности и беззаботности пришли забитость, загнанность и отчаяние. Подгоняемые, затравленные, обуянные страхом (а вдруг выплатить долг не удастся?), они заставляли себя работать все больше и больше, выбивались из сил, выжимая из земли все лодары, какие она могла им дать.

– В этом было дело? – спросил он резко. – Именно в этом?

Гарсонианин неохотно кивнул.

– Они пришли к вам и предложили такую мену, что отказать было просто невозможно.

– На машины, быть может? Машины, которые отправят вас в другие места?

Гарсонианин покачал головой:

– Нет, не на машины. В машины мы клали лодары, и лодары уходили. Так мы платили.

– Платили все эти годы?

– Да, – сказал гарсонианин. А потом добавил, и в голо-

се его послышалась гордость: – Но теперь мы расплатились сполна.

– Прекрасно, – сказал Шеридан. – Очень хорошо, когда ты честно платишь свои долги.

– Они уменьшили нам платежи на целых три года, – прочувствованно сказал гарсонианин. – Правда, они поступили хорошо?

– Ну конечно, – с горькой усмешкой сказал Шеридан.

Он терпеливо сидел на корточках, прислушиваясь к слабому шепоту ветра на чердаке и к хриплому дыханию гарсонианина.

– Но потом твой народ использовал эти машины для того, чтобы отсюда уйти. Не можешь ты мне сказать, почему?

Старого гарсонианина сотряс раздирающий кашель, и громкие вдохи и выдохи стали похожи на рыдания.

Шеридана охватил стыд за то, что ему приходится делать. Я бы должен дать ему умереть в мире, подумал он. Я не должен загонять его, как загоняют животное. Я должен бы дать ему уйти с достоинством, а не травя и допрашивая его до последнего вздоха.

Но оставался еще тот, последний ответ – его Шеридану нужно было получить непременно.

Он тихо спросил:

– Но скажи мне, друг, на что вы менялись? Что они давали вам взамен?

Услышал ли тот? Не было никаких признаков того, что гарсонианин его слышит.

– Что они дали вам взамен? – спросил Шеридан снова.

– Планету, – наконец ответил гарсонианин.

– Но у вас была планета!

– Это была другая, – еле слышно прошептал гарсонин. – Планета бессмертия. Тот, кто попадет туда, никогда не умрет.

Сидя на корточках, Шеридан оцепенел в потрясенном, полном гнева молчании.

И из молчания пришел шепот – шепот, все еще исполненный веры и сожаления, шепот, который будет преследовать до конца дней услышавшего его человека.

– Вот что я потерял, – шептал старик. – Вот что я потерял...

Шеридан сжал руки, мысленно сдавливая руками точечную шею, обрывая гладко льющийся поток изысканных слов.

Если бы он мне попался, подумал он, если бы только он мне теперь попался!..

Он вспомнил расстеленную для пикника скатерть и кувшин с затейливыми украшениями, и аппетитную пищу; вспомнил ни к чему не обязывающую, ни на чем не задерживающуюся болтовню и ту уверенность, с которой его собеседник держался. И даже методичность, с которой тот напивался для того, чтобы их встреча закончилась без неприятных вопросов и ненужных подозрений. Вспомнил высокомерие, с которым тот спросил, не знает ли он балльского, сам почти наверняка умея говорить по-английски.

Так что теперь наконец у «Центральной торговли» есть конкурент. Теперь «Центральной торговле» придется драться, и драться, прижавшись спиной к стене. Ибо эти шутники из «Галактических предприятий» не чисты на руку и идут ва-банк.

Конечно, гарсониане были наивными дурачками, но «Галактическим предприятиям» наверняка по плечу и куда более трудные дела. Они, несомненно, подбирают каждой рыбе особую наживку, но на старую басню о бессмертии, если ее умно подать, могут клонуть даже самые искушенные.

Козырями «Галактических предприятий» были абсолютная неразборчивость в средствах и телепортирующие машины.

Какая же судьба постигла жителей этой планеты, думал Шеридан? Куда они девались после того, как вслед за своими лодарами входили в эти машины?

Не нашли ли случайно где-нибудь молодцы из «Галактических предприятий» рынок для нескольких миллионов рабов? Или же они просто решили отправить гарсониан куда-нибудь подальше, чтобы прервать поставку лодаров «Центральной торговле» и таким путем обеспечить легкую и выгодную продажу своих запасов калентроподенсии?

А может, они хитростью сманили гарсониан с планеты для того, чтобы захватить ее самим?

В случае если верно последнее (а может быть, и в любом случае), «Галактические предприятия» эту первую схватку определенно проиграли. Может быть, сказал себе Шеридан, на самом деле они не такие уж острые.

Они дали нам как раз то, в чем мы нуждались, осенило его вдруг, и он довольно усмехнулся. Они оказали нам услугу!

Неповоротливая, самодовольная старуха, «Центральная торговля», в конечном счете выиграла первый раунд.

Он встал и двинулся к двери. Но вдруг остановился и повернулся к гарсонианину.

– Быть может, друг, – сказал он, – повезло именно тебе. Но этих слов гарсонианин уже не услышал.

У дверей его ждал Гидеон.

– Как он? – спросил робот.

– Умер, – сказал Шеридан. – Ты не позаботишься о похоронах?

– Конечно, – сказал Гидеон. – Покажешь мне отчеты – этот обряд мне нужно подзубрить.

– Но сперва сделай для меня кое-что другое.

– Только скажи, Стив.

– Знаешь, этого Тобиаса, курьера из «Центральной торговли»? Найди его и проследи за тем, чтобы он не улетел.

Гидеон растянул рот в улыбке:

– Можешь быть спокоен.

– Благодарю.

По пути к палатке Шеридан прошел мимо корабля курьера. В нем, обратил он теперь внимание, все было подчинено скорости – в нем не было почти ничего, кроме пульта управления и сиденья, закрепленных на мощном двигателе.

На таком корабле, подумал он, пилот и вправду может выиграть время.

Уже почти у самой палатки ему встретился Езекия.

– Пошли со мной, – сказал он, – у меня есть для тебя работа.

В палатке он сел на стул и взял лист бумаги.

– Езекия, – сказал он, – поройся в сундучке. Найди самый лучший трансмог дипломата, какой только у нас есть.

– Я знаю, где он, – сказал, уже копаясь в сундучке, Езекия.

Он достал нужный трансмог и положил на стол.

– Езекия, – сказал Шеридан, – слушай меня внимательно. Запомни каждое мое слово.

– Сэр, – обиженно сказал Езекия, – я всегда слушаю внимательно.

– Знаю. К тебе я испытываю полнейшее доверие. Поэтому я и посылаю тебя в «Центральную».

– В «Центральную», сэр? Вы, конечно, шутите? Вы же знаете, что мое место здесь. Кто будет заботиться о вас, сэр? Кто будет следить за тем, чтобы вы...

– Я смогу управиться и один. Ты скоро вернешься. И кроме того, у меня есть Наполеон.

– Но я хочу остаться здесь, сэр!

– Езекия, мне нужен кто-то, кому я могу доверять. Мы вставим в тебя этот трансмог, и...

– Но ведь это займет недели, сэр!

– Не на курьерском корабле. Вместо курьера на нем полетишь ты. Я напишу документ, который даст тебе все полномочия представлять меня. Как будто ты – это я.

– Но ведь есть Абрахам. Или Гидеон. Вы могли бы послать любого из остальных...

– Только тебя, Езекия. Ты самый старый мой друг.

– Сэр, – сказал Езекия, став по стойке «смирно», – что я должен буду там сделать?

– Ты должен сообщить «Центральной», что Гарсон IV ныне необитаема. Должен сказать, что ввиду этого я формально, от имени «Центральной торговли», заявляю на нее права. Передай, что мне срочно нужны пополнения: не исключено, что «Галактические предприятия» попытаются

ее у нас отнять. Для начала «Центральная торговля» должна прислать одни сани, нагруженные роботами (авангард оккупирующих и колонизирующих сил), и еще одни — с сельскохозяйственными орудиями, чтобы мы могли приступить к выращиванию лодаров. Заодно все до последнего лодары, какие у них есть, на семена. И, Езекия...

— Да, сэр?

— Насчет роботов. Пусть их уложат в разобранном виде. Так смогут погрузить побольше. Мы их здесь соберем.

Езекия подавил дрожь.

— Я им скажу, сэр.

— Прости, Езекия.

— Все в порядке, сэр.

Шеридан дописал доверенность.

— Передай «Центральной торговле», — сказал он, — что постепенно мы превратим всю эту планету в одно огромное засаженное лодарами поле. Но пусть не теряют ни минуты. Никаких обсуждений, комиссий, никаких заседаний дирекции, никакой волокиты. Не оставляй их в покое ни на секунду.

— Я не дам им покоя, сэр, — заверил его Езекия.

VI

Курьерский корабль скрылся из виду. Сколько ни вглядывался Шеридан, он больше не мог его разглядеть.

Добрый старый Езекия, подумал он, уж этот сделает все как надо. «Центральная торговля» долго потом не сможет опомниться.

Он наклонил голову и потер ноющую шею.

Потом сказал Гидеону и Эбенезеру:

– Теперь можете его отпустить.

Те, широко улыбаясь, поднялись с распростертой фигуры Тобиаса.

Тобиас встал. Он был взбешен.

– Мы еще поговорим об этом, – пообещал он Шеридану.

– Да, я знаю, – сказал Шеридан. – Ты бы съел меня с потрохами.

Абрахам шагнул вперед:

– Что теперь?

– Теперь, – сказал Шеридан, – я думаю, нам всем придется собирать клубни.

– Клубни?

– Наверняка остались лодары, которых гарсониане, когда их собирали, не заметили. Все, какие мы только найдем, нам понадобятся на семена.

– Но ведь все мы тут физики, инженеры-механики, химики и тому подобное. Ты, конечно, не ждешь, чтобы специалисты такой высокой квалификации...

– Это поправимо, – сказал Шеридан. – Я думаю, мы сумеем разыскать трансмоги космических рабочих. Они сойдут, пока «Центральная» не пришлет сельскохозяйственных рабочих.

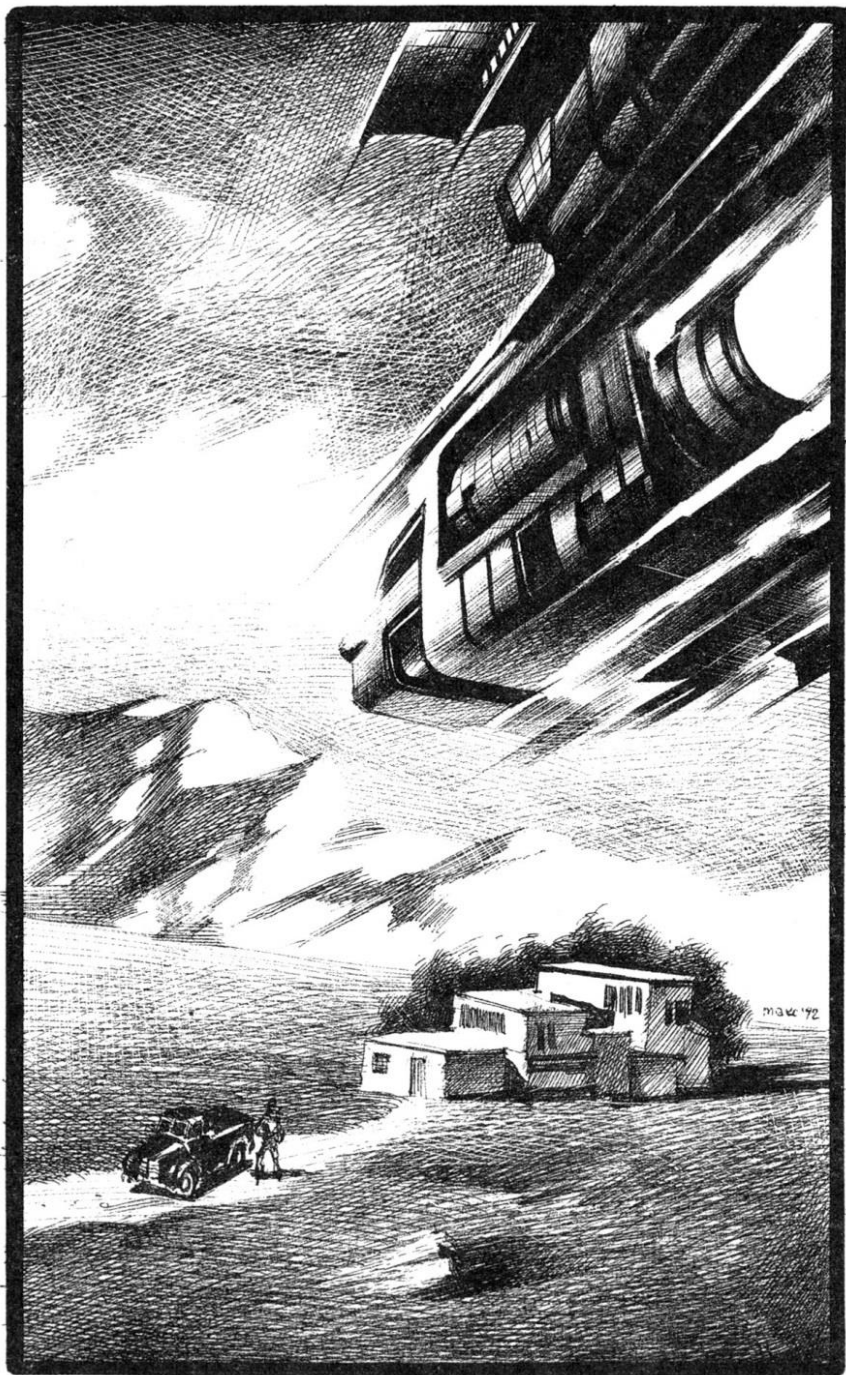
Тобиас шагнул вперед и стал рядом с Абрахамом:

– Требую, чтобы, пока мне приходится быть здесь, для меня нашли занятие. Болтаться без дела не в натуре робота.

Шеридан хлопнул по карману куртки и ощутил выпуклость трансмога, который он вынул из Езекии.

– Кажется, у меня есть как раз то, что тебе нужно, – сказал он Тобиасу.

НЕОБЪЯТНЫЙ ДВОР

Хайрам Тэн проснулся и сел в постели.
Таузер лаял и скреб лапами пол.
– Цыц! – прикрикнул на него Тэн.

Нелепые уши Таузера поднялись торчком, а затем собака снова принялась лаять и царапать пол.

Тэн протер глаза, провел рукой по спутанным, давно не стриженным волосам. Потом снова лег и натянул на голову одеяло.

Но разве уснешь под этот лай?

– Ну что с тобой? – сердито спросил он собаку.

– Гав, – ответил Таузер, продолжая скрести пол.

– Если тебе надо выйти, открой дверь. Ты ведь знаешь, как это делается. Первый раз, что ли? – сказал Тэн.

Таузер перестал лаять, уселся и стал смотреть, как хозяин встает с постели.

Тэн надел рубаху и брюки, но с ботинками возиться не стал.

Таузер проковылял в угол, приложился носом к плинтусу и принялся его шумно обнюхивать.

– Мышь? – спросил Тэн.

– Гав!.. – с чувством ответил Таузер.

– Что-то я не припомню, чтобы ты раньше поднимал столько шума из-за мышей, – озадаченно произнес Тэн. – Совсем уже спятил.

Стояло ясное летнее утро. Окно было раскрыто настежь, и солнце заливало комнату.

«Неплохой денек для рыбной ловли», – подумал Тэн,

но тут же вспомнил, что ничего не выйдет. Надо ехать смотреть ясеневую кровать с пологом, о которой ему говорили по дороге на Вудмен. Похоже, что за нее заломят двойную цену. Вот так и получается – честным путем и доллара не заработаешь. Нынче все стали разбираться в старинных вещах.

Тэн встал с постели и вошел в гостиную.

– Пошли! – сказал он Таузеру.

Таузер медленно поднялся и двинулся за хозяином, по пути останавливаясь и обнюхивая все углы.

– И что тебя так беспокоит? – спросил Тэн.

«Может быть, крыса, – подумал он. – Дом постепенно разрушается».

Он открыл затянутую сеткой дверь и выпустил Таузера.

– Брось ты сегодня своего сурка, – посоветовал ему Тэн. – Гиблое дело. Все равно тебе его не достать.

Тэн обошел вокруг дома. Что-то произошло с вывеской, висевшей на столбе около подъездной дорожки: одна из цепей была снята с крюка, и табличка повисла.

Тэн пересек площадку и, ступая босыми ногами по траве, еще мокрой от росы, подошел к столбу, чтобы поправить вывеску. Она была невредима – видно, просто цепь соскочила с крюка. Может быть, здесь разгулялся ветер или какой-нибудь озорной мальчишка? Хотя вряд ли. Тэн был в прекрасных отношениях с ребятами, они не досаждали ему, как другим жителям поселка. Особенно доставалось от них Бейнкеру Стивенсу. Они его буквально изводили.

Тэн отошел немного назад, чтобы проверить, ровно ли висит табличка.

Наверху большими буквами было написано:

«МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ»

а ниже помельче:

«Чиню все подряд»

и еще ниже:

«Продажа старинных вещей.

Не хотите ли вы что-нибудь обменять?»

«Может, – подумал он, – следовало бы сделать две вески: одну насчет мастерской, а вторую – об обмене и продаже вещей». Он решил, что как-нибудь на досуге напишет два новых объявления и повесит их по обе стороны дорожки. Так будет эффектнее.

Тэн обернулся и посмотрел на дорогу, которая вела к Тернерс Вудс. «Великолепный вид, – подумал он. – Удивительно, что сохранился такой кусок леса на краю поселка. Надежное прибежище для птиц, сурков, кроликов и белок. Кроме того, в нем полно крепостей, построенных несколькими поколениями мальчишек из Уиллоу Бенда».

Можно не сомневаться, что в самом недалеком будущем какой-нибудь ловкий делец купит этот участок и понастроит здесь стандартные дома. «Когда это произойдет, – подумал Тэн, – большой кусок детства уйдет из моей жизни».

Из-за угла появился Таузер. Он двигался боком, ежеминутно останавливаясь и обнюхивая нижнюю часть тесовой обшивки дома: от любопытства уши у него стояли торчком.

– Ты, псина, совсем рехнулся, – сказал Тэн и направился к дому.

Шлепая босыми ногами, он прошел на кухню, налил в

чайник воды и поставил на плиту. Затем он включил приемник, совершенно забыв, что тот не работает, и, только услышав шум, вспомнил и с раздражением выключил. «Так всегда бывает, – подумал он. – Другим чинишь всякий хлам, а на себя не хватает времени».

Тэн пошел в спальню, надел туфли и убрал постель.

Вернувшись, он увидел, что плита остыла. Сняв чайник, он двинул плиту ногой. Потом подержал над ней ладонь и тут же почувствовал тепло.

«Слава богу, работает», – подумал он.

Тэн знал, что рано или поздно ее придется разобрать. Возможно, где-то плохой контакт.

Он снова поставил чайник на плиту.

Снаружи послышался шум, и Тэн вышел на крыльцо узнать, что случилось.

Бизли, парень, который служил у Хортонов одновременно дворником, шофером, садовником и выполнял еще много других обязанностей, развернув на дорожке дребезжащий грузовик, подкатил к крыльцу. Рядом с ним в кабине восседала Эби Хортон, жена Генри Хортон, самого влиятельного жителя поселка, а в кузове, обвязанный веревками и наполовину укутанный в ослепительно полосатое, красно-розовое одеяло, стоял громадный телевизор. Он был хорошо знаком Тэну.

Уже лет десять, как этот телевизор вышел из моды, но все еще оставался самым дорогим из всех, что украшали дома жителей Уиллоу Бенда.

Эби выпрыгнула из грузовика. Это была энергичная, шумная женщина с властным голосом.

– Доброе утро, Хайрам, – сказала она. – Вы сможете починить мой телевизор?

– Я еще не видал вещи, которую не мог бы починить, – ответил Тэн, неприязненно оглядывая телевизор. Ему не раз приходилось его ремонтировать, и он знал, сколько предстоит возни.

– Боюсь, что починить его обойдется дороже, чем купить новый, – заметил он. – Вам и в самом деле нужно купить новый. Этот уже устарел и...

– Генри говорит то же самое, – резко перебила его Эби. – Он хочет купить один из самых новомодных цветных телевизоров. Но я не желаю расставаться с моим. Ведь здесь есть все – и радио, и проигрыватель, а кроме того, дерево и фасон подходят к моей мебели.

– Я знаю, – сказал Тэн.

Он уже не раз все это слышал.

«Бедняга Генри, – подумал он. – Что за жизнь? С утра он крутится на своем заводе счетных машин, и еще дома эта ведьма».

– Бизли, – приказала Эби голосом сержанта, проводящего учение, – полезай наверх и распакуй телевизор.

– Хорошо, мэм.

Бизли был высокий, неуклюжий парень с туповатым выражением лица.

– Смотри, осторожно. Не поцарапай его.

– Хорошо, мэм, – ответил Бизли.

– Я помогу тебе, – предложил Тэн.

Они вдвоем влезли в кузов и начали разматывать одеяло.

– Он тяжелый, – предупредила Эби. – Будьте осторожны.

– Хорошо, мэм, – сказал Бизли.

Телевизор и впрямь был очень тяжелым. Бизли и Тэн с трудом распеленали его и по черному ходу перенесли в подвал под лестницей.

Эби глазами хищной птицы следила за тем, чтобы они не поцарапали ценное дерево.

В подвале Тэн устроил мастерскую и одновременно выставку мебели. В одном углу стояли скамьи, станок, и весь пол был заставлен ящиками с гвоздями, проволокой, инструментами. В другом – разместилось собрание ветхих стульев, покосившиеся спинки кроватей, старинные высокие комоды и не менее древний низкий шкафчик, старый ящик для угля, железные каминные решетки и еще много всякого хлама, купленного по случаю.

Они осторожно опустили телевизор на пол. Эби следила за ними сверху.

– У вас новый потолок, Хайрам? – взволнованно спросила она. – Теперь здесь стало совсем хорошо.

– Что? – поинтересовался Тэн.

– Потолок, я сказала. Вы сделали потолок?

Тэн поднял голову и увидел, что над ним был потолок, которого он никогда не делал.

Он проглотил слюну и на минуту опустил голову. Когда он снова поднял глаза, ничего не изменилось – потолок был на месте.

– Это не панельная обшивка, – с восхищением отметила Эби. – Совсем не видно швов. Как вам это удалось, Хайрам?

Тэн снова проглотил слюну, прежде чем обрел дар речи.

– Как-то придумал, – произнес он слабым голосом.

— Вы должны прийти к нам и сделать то же самое у нас в подвале. У нас прекрасный подвал. Бизли сделал потолок в бильярдной, но вы сами знаете, чего стоит работа Бизли.

— Да, мэм, — виновато проговорил Бизли.

— Я вам тоже сделаю, когда будет время, — пообещал Тэн. Он готов был пообещать все что угодно, лишь бы скорее их выпроводить.

— У вас было бы куда больше времени, если бы вы без конца не таскались по округе и не скупали всякую рухлядь, которую вы зовете старинной мебелью, — сказала Эби ледяным тоном. — Вы еще можете надуть горожан, которые сюда приезжают, но не меня.

— На некоторых вещах я иногда зарабатываю кучу денег, — спокойно ответил Тэн.

— И теряете последнюю рубашку на всем остальном.

— У меня здесь есть старый фарфор. Это то, что вам нужно, — предложил Тэн. — Я нашел его несколько дней назад и заплатил недорого. Могу вам уступить.

— Я не собираюсь ничего покупать, — процедила Эби, поджав губы. Она повернулась и стала подниматься по лестнице.

— Она сегодня не в духе, — заметил Бизли. — Встала с левой ноги. Если заведется с утра, то так всегда и бывает.

— Да не обращай на нее внимания, — посоветовал Тэн.

— Я пытаюсь, но это очень трудно. Тебе случайно не нужен помощник? Ты можешь мне платить совсем немного.

— К сожалению, не нужен, Бизли. Знаешь, старина, приходи как-нибудь вечером, сыграем в шашки.

– Приду, Хайрам. Знаешь, ты первый человек, который меня пригласил. Все остальные только кричат на меня или смеются надо мной.

Сверху донесся сердитый голос Эби.

– Где ты застрял, Бизли? Целую вечность готов стоять и чесать языком, а ковры еще не выбиты.

– Да, мэм, – сказал Бизли и стал подниматься по лестнице.

Уже сидя в грузовике, Эби громко спросила:

– Тэн, вы скоро почините телевизор? Без него как-то пусто в доме.

– В два счета сделаю, – откликнулся Тэн.

Он стоял и смотрел, как они отъезжали, потом оглянулся, ища Таузера, но пса нигде не было видно. «Снова сидит у норы в лесу за дорогой, – подумал Тэн. – Убежал голодный».

Когда Тэн вернулся на кухню, чайник прыгал на плите. Тэн насыпал в кофейник кофе и залил его кипятком. Потом спустился вниз.

Потолок был на месте. Тэн включил все лампы и, не сводя с него глаз, обошел подвал.

Потолок был сделан из какого-то блестящего белого материала, на вид полупрозрачного, просвечивающего изнутри, но не насквозь. Самое удивительное, что на нем не было ни одного шва: обшивка аккуратно охватывала водопроводные трубы и весь свод.

Тэн встал на стул и постучал костяшками пальцев по перекрытию. Раздался звон, словно постучали по тонкому бокалу.

Он слез и долго стоял, качая головой. Все это было со-

вершенно непонятно. Вчера он провозился здесь целый вечер, чинил садовую косилку Бейнкера Стивенса. И готов поклясться, что перекрытия не было.

Тэн порылся в ящике и нашел дрель, потом отыскал самое маленькое сверло и вставил его в патрон. Затем всунул вилку в розетку, снова взобрался на стул и приставил сверло к потолку. Жужжащая сталь скользнула по поверхности, не оставив на ней и следа. Он выключил дрель и внимательно осмотрел потолок. Ни одной царапины. Тэн снова пробовал сверлить, изо всех сил нажимая на дрель. Вдруг раздался треск – кончик сверла отскочил и ударился о стену.

Тэн спрыгнул со стула, нашел новое сверло, вставил его и стал медленно подниматься по лестнице, пытаясь обдумать все спокойно, но мысли путались. Если он, Тэн, еще не окончательно спятил, он мог чем угодно поклясться, что не делал этого потолка.

Вернувшись в гостиную, он отогнул конец старого выцветшего ковра, включил дрель и, став на колени, начал сверлить пол. Сверло легко прошло сквозь старый дубовый паркет и остановилось. Тэн надавил сильнее, но инструмент крутился на месте.

Но ведь под этим деревом ничего нет, ничего, что могло бы задержать сверло. Пройдя паркет, оно попадает в пустое пространство между балками.

Тэн выключил дрель и отложил ее в сторону. Потом пошел на кухню. Кофе уже вскипел. Но прежде чем налить себе, Тэн выдвинул ящик стенного шкафа и достал оттуда карманный фонарь. Затем вернулся в комнату и осветил высверленную в полу дыру. На дне ее что-то блеснуло.

Тэн снова вернулся в кухню, нашел вчерашние черствые пышки и налил в чашку кофе.

Сидя за кухонным столом и жуя пышки, Тэн пытался спокойно все обдумать. Он понимал, что сейчас бессилён что-либо сделать, даже если весь день будет ходить и гадать, что же произошло под лестницей. Его душа янки и бизнесмена восставала против такой бессмысленной траты времени. Нужно еще посмотреть ясеновую кровать с поломом, пока ее не зацапал какой-нибудь беспардонный городской маклер. Такая штука, если все сложится удачно, должна пойти по хорошей цене. Можно заработать кучу денег, если все делать с головой.

«Не исключено, — подумал Тэн, — что эту кровать удастся еще и обменять на что-нибудь. Получил же я в прошлом году настольный телевизор за пару коньков. Эти люди в Вудмене рады будут получить в обмен на кровать отремонтированный телевизор. Телевизор совсем как новый. А на этой кровати никто не спит. Вряд ли они догадываются об ее истинной стоимости».

Тэн торопливо доел пышку, выпил еще чашку кофе, потом сложил на тарелку остатки еды для Таузера и выставил ее за дверь. Затем спустился в подвал, достал телевизор и погрузил его в свой пикап. Подумав, он сунул в машину отремонтированное охотничье ружье, еще вполне пригодное для охоты, если не стрелять из него большими зарядами, а также кое-какие мелочи для обмена.

Вернулся Тэн поздно: день был трудный, хотя закончился вполне удачно. В машине, помимо кровати с поломом, находились еще качалка, экран для камина, кипа старых журналов, старинная маслобойка, комод орехового

дерева и кресло семнадцатого века, которое незадачливый реставратор покрыл слоем бледно-зеленой краски. За все это Тэн отдал телевизор, охотничье ружье и еще приплатил пять долларов. Но забавнее всего то, что там, в Вудмене, сейчас, очевидно, покатываются со смеху, вспоминая, как ловко они его надули.

Ему стало стыдно — они славные люди и так хорошо его приняли, и даже оставили обедать. А потом сидели и разговаривали с ним, показывали ферму и приглашали заходить, если он будет в их краях.

На это ушел весь день, и Тэну было жаль времени. Но он тут же подумал, что, может быть, стоит убить день и заработать репутацию человека, который страдает разжижением мозгов и не понимает, что такое доллар. Это поможет ему когда-нибудь повернуть еще не одно дельце в этих местах.

Открыв заднюю дверь, он услышал громкие и ясные звуки. Телевизор... С чувством, близким к панике, Тэн спустился по лестнице в подвал. После того, как сегодня был продан настольный телевизор, внизу оставался только телевизор Эби, а он — уж это Тэн знал наверняка — не работал.

Это был действительно телевизор Эби. Он стоял на том же месте, куда они с Бизли поставили его утром, и на экране виднелось... цветное изображение.

Цветное изображение!

Тэн остановился на нижней ступеньке и, чтобы не упасть, оперся на перила.

Экран прекрасно передавал цвет.

Тэн осторожно приблизился к телевизору, обошел его

кругом. Кто-то снял заднюю стенку и прислонил ее к скамье. Внутри телевизора перемигивались веселые огоньки.

Тэн присел на корточки и стал разглядывать светящиеся детали. Все они были какие-то диковинные. Тэн много раз чинил этот телевизор и полагал, что знает, как он выглядит изнутри. Теперь все было по-другому, но что именно изменилось, Тэн не мог сказать.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и дружелюбный голос пробасил:

– Хайрам, я вижу, вы уже починили телевизор.

Тэн выпрямился от неожиданности и застыл в напряженной позе, совершенно утратив дар речи.

Наверху, широко расставив ноги и весело улыбаясь, стоял Генри Хортон. Вид у него был довольный.

– Я говорил Эби, что вы еще не могли закончить ремонт. Но она велела мне зайти. Послушайте, Хайрам, это что – цвет? Как вам это удалось это сделать, старина?

Тэн слабо улыбнулся.

– Я только кончил возиться.

Генри, тяжело ступая, спустился с лестницы и остановился перед телевизором. Заложив руки за спину, он смотрел на экран властным взглядом человека, привыкшего отдавать приказания. Затем медленно покачал головой.

– Я никогда бы не подумал, что это возможно, – сказал он.

– Эби упомянула в разговоре, что вы хотите цветной.

– Да, конечно. Безусловно, я говорил. Но я не думал о моем старом телевизоре. Никак не ожидал, что его можно переделать на цветной. Как вам это удалось, Хайрам?

– Я не смогу вам точно сказать, – пробормотал Тэн.

И это было чистейшей правдой.

Под одной из скамеек Генри заметил бочонок с гвоздями, выкатил его и поставил перед своим допотопным телевизором. Потом осторожно опустился на бочонок и, усевшись поудобнее, с наслаждением стал смотреть на экран.

— Обычная история, — заметил он. — Вот есть такие люди, как вы, янки-ремесленники. Правда, они не так уж часто встречаются. Вечно возятся с чем-то, хватаются то за одно, то за другое, а потом гладишь — что-то придумали, хотя часто и сами толком не понимают, что и как у них получилось.

Он сидел на бочонке и смотрел на экран.

— Чудесная вещь, — продолжал он, — по цвету куда лучше, чем телевизоры, которые я несколько раз видел в Миннеаполисе. Скажу вам честно, Хайрам, ни один из них этому и в подметки не годится.

Тэн вытер лоб рукавом. Он весь взмок. Здесь внизу становилось жарковато.

Генри достал из кармана большую сигару и протянул ее Тэну.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Вероятно, умно делаете. Отвратительная привычка.

Хортон сунул сигару в рот и стал ее жевать.

— Каждому свое, — торжественно произнес он, — и когда требуется сделать этакое, вы именно тот человек, который нужен. Вы мыслите механическими и электронными схемами. А я в этом ни черта не понимаю. Сам занимаюсь счетными машинами, а ничего в них не смыслю. Я подбираю людей, которые знают в этом толк, а сам не умею

распилить доску или вытащить гвоздь. Но зато я могу организовать дело. Помните, Хайрам, как все веселились, когда я начал строить завод?

— Помню. Во всяком случае, некоторые.

— Они неделями ходили, отворачивая физиономии, чтобы не расхохотаться. Разве не говорили: «О чем думает Генри, когда строит завод счетных машин здесь, в глуши? Не собирается ли он конкурировать с большими заводами на Востоке?» Замолчали они только тогда, когда я продал полторы дюжины приборов и получил заказы на два года вперед.

Генри вынул из кармана зажигалку и осторожно зажег сигару, не сводя глаз с экрана.

— Это дело может оказаться очень денежным, — рассудительно произнес он. — Любой телевизор можно приспособить, если его немного переделать. Коли вы эту развалину сделали цветной, значит, можно наладить любой телевизор. — Не выпуская изо рта сигары, он громко хмыкнул. — Если бы в «Радио корпорейшн» знали, что здесь происходит в эту минуту, они не выдержали бы и перерезали себе глотку.

— Но я и сам не знаю, как я это сделал, — сказал Тэн.

— Отлично, — обрадовался Генри. — Я завтра же возьму приемник на завод и дам его ребятам. Пусть разберутся, что вы тут наворотили.

Он вынул изо рта сигару и внимательно посмотрел на нее, потом сунул обратно.

— Как я вам уже говорил, Хайрам, разница между нами в том, что вы умеете что-то делать руками, но не используете своих возможностей. Я же в отличие от вас ничего

не в состоянии сделать, но зато могу все устроить после того, как вещь готова. Вот увидите, стоит нам взяться за это дело, и вы будете утопать в долларах.

— Но я не знаю, должен ли...

— Не беспокойтесь. Предоставьте это мне. У меня есть завод и необходимые средства. Мы договоримся.

— Это очень любезно с вашей стороны, — машинально ответил Тэн.

— Ну, что вы? Не стоит говорить об этом, — снисходительно сказал Генри. — Это мне должно быть неудобно лезть в ваши дела, но когда пахнет большими деньгами, во мне просыпается хищник.

Он сидел на бочонке, курил и следил за цветным изображением.

— Знаете, Хайрам, — проговорил он. — Я часто думаю об одном деле, но все руки не доходят. У меня на работе есть старая счетная машина. Мы все равно должны будем ее списать, чтобы освободить помещение. Это одна из наших ранних и неудачных экспериментальных моделей. Ясно, что сейчас она уже ничего не стоит. Это довольно сложная штука. И никто ничего из нее так и не смог сделать. Несколько раз мы пытались к ней подступиться, но, видно, так и не нашли верного решения. А может быть, и правильно делали, да нет хорошего специалиста. Она и стоит в углу все эти годы. Давно бы надо выкинуть ее на свалку, но что-то мешало мне это сделать. И вот я подумал — не могли бы вы с ней повозиться?

— Не знаю, — ответил Тэн.

— Я не требую никаких обязательств, — великодушно заявил Генри. — Выйдет — хорошо. Возможно, что и вы ни-

чего не сделаете, и, откровенно говоря, я был бы удивлен, если бы что-нибудь получилось. Но попытка не пытка. Вы можете, если понадобится, разобрать машину и использовать детали для ремонта. Там одного оборудования на несколько тысяч долларов. Вам могут пригодиться части.

— Да, это интересно, — без особой радости откликнулся Тэн.

— Вот и прекрасно, — весело подхватил Генри, вложив в это «прекрасно» весь запас недостающего Тэну энтузиазма. — Я завтра пришлю своих парней с грузовиком. Эта штука тяжелая, нужно много рабочих. Они помогут выгрузить машину и перенести ее в подвал.

Генри осторожно поднялся и стряхнул с колен пепел.

— А заодно попрошу ребят забрать и телевизор, — произнес он. — Скажу Эби, что вы его еще не починили. Если я притащу телевизор домой, она тут же в него вцепится.

Тэн видел, как Генри тяжело поднялся по ступенькам, затем хлопнула дверь.

Он стоял в темноте и смотрел, как Генри пересек двор вдовы Тейлор и исчез за соседним домом. Глубоко вдохнув свежий ночной воздух, он помотал головой, надеясь, что хоть немного прояснится в мозгу. Но это не помогло — голова по-прежнему гудела. Слишком много событий за один день, слишком много — сперва потолок, а теперь телевизор. Может быть, когда он выспится хорошенько, то будет в состоянии разобраться во всем.

Из-за угла вышел пес и, ковыляя, медленно взобрался по ступенькам и встал рядом с хозяином. С головы до кончика хвоста он весь был забрызган грязью.

— Видно, и у тебя тоже был хороший денек, — заметил

Тэн. – Все как по-писаному – никакого сурка ты не поймал.

– Гав, – печально ответил Таузер.

– Ничем ты от нас не отличаешься. Точь-в-точь, как мы с Генри, да и все остальные тоже. Вот ищешь и думаешь, будто знаешь, что ищешь. А на самом деле и понятия не имеешь, за чем ты охотишься, – мрачно заключил Тэн.

Таузер вяло ударил хвостом по крыльцу. Тэн открыл дверь, посторонился и, пропустив пса вперед, вошел за ним следом.

Он пошарил в холодильнике и отыскал там пару ломтиков мяса, засохший кусок сыру и полкастрюли вареных макарон. Сварив кофе, Тэн разделил ужин с Таузером.

После еды Тэн спустился вниз и выключил телевизор. Затем достал лампу с рефлектором, вставил вилку в штепсельную розетку и осветил внутренность телевизора. Присев на корточки с лампой в руках, Тэн пытался понять, что же произошло с этой развалиной. Теперь она выглядела совсем по-другому, но определить, в чем заключалась разница, было нелегко. Что-то произошло с лампами – они странным образом изогнулись. Кроме того, кто-то вставил в схему маленькие белые металлические кубики. Они, казалось, были расположены без всякой системы. Монтаж схемы тоже изменился, появились какие-то новые цепи. Чувствовалось, что все это было сделано наспех. Кому-то понадобилось как можно быстрее включить телевизор, и этот «кто-то» починил его на скорую руку.

«Кто-то», – подумал Тэн. – Но кто же этот «кто-то»? Тэн обошел помещение, заглядывая во все углы, и вдруг почувствовал, как мурашки забегали у него по спине.

Шкафчик был снят со стены и придвинут к скамейке. Шурупы, которыми была привинчена крышка, лежали аккуратно в ряд на полу. Собрав телевизор на скорую руку, неизвестные мастера сделали все намного лучше, чем было прежде.

«Если это называется на скорую руку, можно себе представить, что бы они сделали, будь у них время», — подумал Тэн.

Но, конечно, у них не было времени. Они испугались, заслышав его шаги, и не успели поставить крышку на место.

Тэн встал: ноги были как деревянные.

Утром потолок, а теперь телевизор Эби.

И потолок, коли вдуматься хорошенько, не был простым перекрытием. Еще одна прокладка, если эту штуку можно назвать прокладкой, оказалось, была положена под пол, там, где между балками было пустое пространство. Именно на эту вторую прокладку и наткнулся Тэн, когда пытался сверлить пол.

Интересно, всюду ли такая прокладка?

Было ясно только одно — в доме, кроме него и Таузера, находился кто-то посторонний.

Таузер услышал, учуял — ощутил его присутствие и потому так яростно царапал пол у двери, как будто перед ним была нора сурка.

Но теперь Тэн знал наверняка — это был не сурок.

Он убрал лампу и поднялся вверх.

Таузер лежал, свернувшись калачиком, на ковре у качалки и при виде хозяина приветливо застучал хвостом. Тэн остановился и посмотрел на пса. Таузер ответил ему сытым сонным взглядом, вздохнул и закрыл глаза.

Если утром Таузер что-то слышал или чуял, то сейчас ничто не тревожило его сон.

Тут Тэн вдруг вспомнил: днем он налил чайник, чтобы вскипятить воду для кофе, включил плиту, и впервые она зажглась без фокусов – ее даже не пришлось толкать ногой.

Он проснулся утром – кто-то сжал его ноги. Он испуганно сел. Но это был только Таузер, который ночью забрался к нему в постель и устроился в ногах. Пес тихонько заскулил, его задние лапы дернулись, как будто он во сне гнался за кроликом.

Тэн высвободил ноги и протянул руку за одеждой. Было еще рано, но он вспомнил, что вся мебель, привезенная накануне, так и осталась на грузовике. Нужно было стащить ее вниз и уже потом приступить к реставрации.

Таузер продолжал спать.

Тэн прошел на кухню и выглянул в окно. На крыльце у черного хода, скорчившись, сидел Бизли, «универсальный» слуга Хортонов.

Тэн открыл дверь, чтобы узнать, в чем дело.

– Я ушел от них, Хайрам, – сказал Бизли. – Она все время ругала меня. Я никак не мог ей угодить. Плюнул и ушел.

– Ну, заходи, – предложил Тэн. – Надеюсь, ты не откажешься от завтрака и кофе?

– Я все думаю, Хайрам, не остаться ли мне на несколько дней здесь у тебя, пока я не найду место.

– Там будет видно, – заметил Тэн. – Сначала давай позавтракаем.

Все это ему не нравилось, очень не нравилось. Через

час прилетит Эби, устроит скандал и будет обвинять его в том, что он сманил Бизли. Ведь Бизли, несмотря на свою тупость, делал всю черную работу и безропотно сносил ругань и придирки. В поселке не найдется другого человека, который стал бы работать у Эби Хортон.

— Твоя матушка всегда угощала меня печеньем, — сказал Бизли. — Она была очень хорошая женщина, Хайрам.

— Это правда, — согласился Тэн.

— Моя мать говорила, что вся ваша семья — это настоящие люди, не чета тем, кто больше всех в поселке задирает нос. Она говорила, что вы были среди первых поселенцев. Это правда, Хайрам?

— Не самые первые, но этот дом стоит здесь почти сто лет. Мой отец любил говорить, что не было ночи, когда хотя бы один Тэн не ночевал под его крышей. Мне кажется, все это имело большое значение для моего отца.

— Должно быть, приятное чувство. Ты можешь гордиться своим домом, Хайрам.

— Не то слово. Я как-то очень сроднился с этим домом. Даже не могу представить себя в другом месте.

Тэн включил плиту, подошел к крану и налил в чайник воды. Потом он пнул ногой плиту, но спираль и без того начала краснеть.

«Второй раз подряд включаю, и она действует, — подумал Хайрам. — Сама исправилась».

— Какой у тебя шикарный приемник, Хайрам, — сказал Бизли.

— Он никуда не годится. Не работает. Все нет времени починить.

— А по-моему, работает, Хайрам. Я только включил, и он сразу же начал нагреваться.

– Нагреваться? А ну-ка пусти! – закричал Тэн.

Бизли не ошибся – из приемника послышалось легкое потрескивание, затем прорвался голос, который все усиливался по мере того, как нагревались лампы.

Слов он не мог разобрать.

– А по-какому они говорят? – спросил Бизли.

– Не знаю, – с отчаянием ответил Тэн.

Сначала телевизор, потом плита, а теперь приемник.

Он начал яростно крутить ручку, но стрелка не побежала, а поползла по шкале. В эфире быстро сменялись голоса, музыка.

Тэн подстроился к какой-то станции – говорили на незнакомом языке. И вдруг он словно прозрел: «Да это же всеволновый супер, один из тех, что рекламируют на обложках модных журналов, стоит перед ним на кухонном столе, на месте его дешевенького приемника».

Поднявшись, Тэн предложил Бизли:

– Поищи, может, поймашь что-нибудь на английском, пока я поджарю яичницу.

Он включил вторую горелку, достал с полки сковородку, поставил ее на плиту и вынул из холодильника мясо и яйца.

Бизли поймал наконец какой-то джаз.

– Ну, как? – спросил он.

– Превосходно, – ответил Тэн.

Таузер вышел из спальни, зевая и потягиваясь. Он направился к двери, всем своим видом показывая, что хочет выйти. Выпуская его, Тэн посоветовал:

– На твоём месте я плюнул бы на сурка. Тебе придется обшарить весь лес, чтобы найти его.

– А он ищет не сурка, Хайрам, – заметил Бизли.

– Ну, кролика.

– И не кролика. Я вчера улизнул, когда Эби думала, что я выбиваю ковры. Из-за этого-то она и разошлась.

Тэн проворчал что-то, выливая яйца на сковородку.

– Так вот, я смылся и пошел на то место, где рыл Таузер. Я с ним поговорил, и он сказал мне, что это и не сурок, и не кролик, а что-то другое. Я залез в яму и помог ему копать. Он выкопал там какую-то штуку, похожую на старый бак. Кто-то зарыл ее здесь, в лесу.

– Таузер не мог откопать бак. Его интересуют только кролики и сурки.

– Он трудился вовсю, – настаивал Бизли. – И был очень взволнован.

– Может быть, сурок выкопал себе нору под этим баком?

– Может, и так, – сказал Бизли.

Он покрутил приемник – послышалась дикая музыка, ее сопровождал голос комментатора.

Тэн разложил мясо и яичницу по тарелкам, поставил их на стол, налил по большой чашке кофе и стал намазывать гренки маслом.

– Ну, нажимай, Бизли, – предложил он.

– Я очень благодарен тебе, Хайрам, за твою доброту, я сразу же уйду, как только найду работу.

– Но я ведь еще ничего не обещал...

– Знаешь, временами, когда мне кажется, что у меня на свете нет ни единого друга, я вспоминаю твою матушку. Она всегда была добра ко мне.

– Ну ладно, хватит об этом, – бросил Тэн, чувствуя, что сдается.

Он поставил на стол новую порцию хорошо поджаренных гренок и банку с вареньем и, наконец, сел к столу и начал есть.

— Может быть, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил Бизли, стирая тыльной стороной ладони остатки яичницы с подбородка.

— Там у меня на дороге стоит куча мебели. Помоги снести ее под лестницу.

— С радостью, — откликнулся Бизли. — Ведь я здоровый и сильный и никакой работы не боюсь. Я только не люблю, когда меня пилят.

После завтрака они стащили мебель под лестницу.

С креслом семнадцатого века им пришлось повозиться, оно было очень громоздким.

Когда они, наконец, кончили, Тэн внимательно осмотрел кресло. «Человек, заляпавший краской чудесное вишневое дерево, должен был бы ответить за это», — подумал он.

Он сказал Бизли:

— Придется снять краску, причем очень осторожно. Нужно взять растворитель, обмотать шпатель тряпкой и просто протирать поверхность. Хочешь попробовать?

— Конечно, Хайрам. А что у нас будет на ленч?

— Не знаю, — ответил Тэн. — Что-нибудь соорудим. Неужели ты голоден?

— Думаешь, легко таскать эти вещи?

— Там в кухне на полке банка с печеньем, — заметил Тэн. — Пойди и возьми.

Когда Бизли поднялся наверх, Тэн медленно обошел подвал. Потолок был на месте. Все остальное тоже.

А может быть, телевизор, плита и радио – просто «их» способ расплатиться со мной за квартиру? «Если это так, – подумал он, – пусть бы они пожили здесь подольше».

Он посмотрел вокруг и не обнаружил ничего подозрительного, затем поднялся наверх и позвал Бизли.

– Пойдем в гараж. Поищем какой-нибудь растворитель, и я покажу тебе, как им пользоваться.

Бизли с запасом печенья в руках покорно поплелся за ним. Свернув за угол, они услышали приглушенный лай Таузера. Тэн прислушался, и ему показалось, что пес охрип.

«Третий день, а может быть, даже четвертый. Если не принять мер, этот дурак совсем изведется», – подумал он.

Тэн зашел в гараж и вернулся оттуда с двумя лопатами и киркой.

– Пошли, – бросил он Бизли. – Нужно кончать, а то покоя не будет.

Таузер произвел в лесу настоящие раскопки. Пса почти не было видно – из вырытой им ямы торчал лишь самый кончик хвоста, который, как всегда, подрагивал.

Бизли сказал правду: эта странная штука действительно напоминала бак. Часть его выглядывала из ямы.

Таузер выбрался наверх и сел, тяжело дыша – на усах налипла грязь, язык свисал набок.

– Он говорит, что пора нам принять участие в этом деле, – произнес Бизли.

Тэн обошел яму и стал на колени. Затем попытался рукой стряхнуть землю с выступающей из ямы части бака, но прилипшая глина затвердела и плохо поддавалась. На ощупь казалось, что бак был сделан из какого-то тяжелого металла.

Тэн взял лопату и стукнул ею по баку. Раздался звон металла.

Они дружно взялись за работу, снимая лопатами слой почвы над баком. Бак оказался больше, чем они думали, и понадобилось немало времени, чтобы откопать его. Но это было далеко не все: нужно было очистить всю поверхность от приставшей к ней земли.

– Я голоден, – пожаловался Бизли.

Тэн взглянул на часы. Почти час.

– Беги домой, – предложил он Бизли. – И найди себе что-нибудь в холодильнике. Там есть молоко.

– А ты, Хайрам, – ты разве не голоден?

– Ну, принеси мне сэндвич и посмотри, нет ли там мастера.

– А для чего тебе мастерок?

– Я хочу соскрести грязь с этой штуки и посмотреть, что это такое.

Он опустился на колени рядом с выкопанным предметом и смотрел, как Бизли исчез в лесу.

– Таузер, – заметил он, – это самая странная штука из всех, которые ты когда-либо выкапывал.

«Когда от страха места себе не находишь, остается только одно – обратить все в шутку», – подумал Тэн.

Бизли, конечно, не испугался. У него не доставало воображения, чтобы бояться непонятных вещей.

Тэн осмотрел бак: он был овальной формы, не менее семи метров в высоту и четырех в поперечнике. «Целая комната, – подумал он. – В Уиллоу Бенде никто сроду не видывал такой штуки».

Он вынул из кармана складной нож и очистил от глины

кусочек поверхности. Бак был сделан из какого-то диковинного материала, неизвестного Тэну, похожего на стекло.

Тэн продолжал соскребать грязь с бака, пока не очистил кусок величиной с ладонь.

Теперь Тэн почти не сомневался: все же это был не металл, а полупрозрачное вещество, скорее напоминавшее стекло, из которого делают кубки и вазы. Тэн вечно за ними охотился – любители сходят с ума по такому стеклу и платят бешеные деньги.

Тэн закрыл нож, спрятал его в карман и присел на корточки, чтобы получше рассмотреть находку Таузера.

В нем росла уверенность: существа, поселившиеся в его доме, прибыли именно в этой штуке, откуда бы они не явились – из космоса или из какого-нибудь другого времени. Он сам удивился своим мыслям – раньше он ни о чем таком не думал.

Тэн взялся за лопату. На этот раз он стал копать глубже, подрывая закругленный край незнакомого предмета, все еще крепко сидящего в земле.

Он спрашивал себя – что ему говорить обо всем этом и говорить ли вообще. Может быть, самое правильное – засыпать всю эту штуку землей, чтобы ни одна живая душа не узнала?

Бизли, конечно, будет болтать. Но кто обращает внимание на то, что несет Бизли? Все в Уиллоу Бенде знали, что Бизли тронутый.

Наконец, вернулся Бизли. В старой газете он принес три неумело сделанных сэндвича и почти полную бутылку молока.

– Да ты, как я вижу, не очень торопился, – без раздражения заметил Тэн.

– А мне было интересно.

– Что именно?

– Приехали три больших грузовика и привезли какие-то тяжелые вещи. Два или три больших шкафа и еще кучу всякого барахла. Они все поставили в подвал. Ты знаешь телевизор Эби? Они его забрали. Я им говорил, чтобы они не брали, а они все равно взяли.

– Совсем забыл, – спохватился Тэн. – Генри предупреждал, что пришлет счетную машину, а я забыл.

Он съел сэндвичи, разделив их с Таузером, который в порыве благодарности измазал его маслом.

Покончив с едой, Тэн поднялся и взял в руки лопату.

– А теперь за работу, – предложил он. – Мы должны кончить.

– Но в подвале-то все так и стоит.

– Подождет, – ответил Тэн. – Нужно развязаться с этим делом.

Когда они кончили копать, было совсем темно. Тэн устало оперся на лопату.

Четыре метра на семь в поперечнике и три в высоту – и все из матового стекла, звенящего от прикосновения лопаты. «Должно быть, они совсем маленькие, – подумал Тэн. – Иначе как бы они уместились в этом ящике, особенно если их много. Неизвестно, какой путь им пришлось проделать. Но все же они как-то разместились. Значит, все у них было предусмотрено. Не будь они такими крошечными, они не смогли бы забраться в щели между балками пола (при условии, что они вообще реально существуют и все это не сплошная чушь)».

Если они и побывали в доме, то ясно, что сейчас их там нет. Таузер чуял или слышал что-то утром, а сейчас он был совсем спокоен.

Тэн вскинул лопату на плечо и прихватил с собой кирку.

— Двинулись, Бизли, — кивнул он. — День был длинный и тяжелый.

Пройдя напрямик через кустарник, они вышли на дорогу. В ночной тьме то там, то здесь мелькали светлячки, уличные фонари покачивались от легкого летнего ветерка. Звезды были яркие и четкие.

«Возможно, они еще в доме, — подумал Тэн. — Наверное, поняли, что Таузер их учуял, и что-нибудь сделали, чтобы он больше не ощущал их присутствия. Вероятно, они хорошо приспособливаются. Похоже, что так. С какой легкостью они устроились в человеческом жилье».

Они с Бизли шли в темноте по усыпанной гравием дорожке, ведущей в гараж. Нужно было положить инструменты. Но странное дело — гаража не оказалось.

Не было гаража, не было и фасада дома: дорожка резко обрывалась, и за ней не было ничего; в том месте, где кончался гараж, стена изгибалась.

Они подошли ближе к стене и остановились в темноте, еще не веря своим глазам.

Не было ни гаража, ни порога, ни фасада дома. Будто кто-то взял противоположные углы фасада, свел их вместе, и вся передняя стена дома оказалась внутри кривизны.

Теперь Тэн стал владельцем дома с завернутым внутрь фасадом. И хотя это выглядело просто, на самом деле все оказалось сложнее — кривизна была не такой, какой следо-

вало бы ожидать в подобном случае – длинная линия, изящно изогнутая и очень нечеткая, будто фасад совсем убрали, а оставшаяся часть дома расположилась так, чтобы как-то замаскировать это исчезновение.

Тэн выронил кирку и лопату – они со стуком ударились о твердую дорожку. Он провел рукой по глазам, будто снимая с них невидимую пелену.

Когда он убрал руку, ничего не изменилось.

Фасада по-прежнему не было.

Он несколько раз обежал вокруг дома, едва сознавая, что делает, и внутри у него рос страх.

Задняя стена была на месте. С ней ничего не произошло.

Он поднялся на крыльцо, Бизли и Таузер последовали за ним. Распахнув дверь, Тэн ворвался в переднюю, пронесся по лестнице, в три прыжка пересек кухню и бросился в гостиную, чтобы снова посмотреть, что же произошло с фасадом.

Остановившись в дверях и ухватившись за косяк, Тэн ошалело уставился в окно. Он отлично знал, что на дворе ночь, прекрасно видел светлячков в кустах и в камышах, фонари на улице, звезды в небе. Но в окна его комнаты лился поток солнечного света, а за домом лежала какая-то незнакомая страна, ничем не напоминающая Уиллоу Бенд.

– Бизли, – крикнул он. – Погляди в окно!

Бизли поднял голову.

– Интересно, что это за местность? – спросил он.

– Я и сам бы хотел это знать, – откликнулся Тэн.

Таузер нашел свою миску и, подталкивая носом, начал возить ее по всей кухне, давая этим понять Тэну, что его пора кормить.

Тэн прошел через комнату и открыл наружную дверь. Гараж был на месте. Пикап стоял, упираясь носом в открытую дверь гаража, а легковая машина, как всегда, находилась внутри.

Фасад тоже был в полном порядке, но остальное...

В двух футах от грузовика дорожка обрывалась и за ней не было ни двора, ни леса, ни дороги, а просто пустыня, покрытая галькой и песком, плоская уходящая вдаль пустыня, ровная, как пол, с редкими пятнами камней и кустами чахлой зелени. Огромное слепящее солнце висело прямо над горизонтом, который виднелся где-то очень далеко. Но самое удивительное заключалось в том, что солнце находилось на севере, где ему было совсем не место. Кроме того, оно сияло ослепительно белым светом.

Бизли вышел на порог, и Тэн увидел, что он дрожит, как испуганный пес.

– Может быть, тебе лучше вернуться и состряпать нам ужин? – мягко спросил Тэн.

– Но как же, Хайрам... – начал было Бизли.

– Все в порядке, – успокоил его Тэн. – Все будет в порядке.

– Ну, если ты так говоришь, Хайрам...

Он вошел в дом, хлопнув дверью, и через минуту Тэн слышал, как он гремит посудой на кухне.

Не удивительно, что Бизли так перепугался. Хоть кого свалит такая штука: выйти из своей парадной двери и очутиться в незнакомой стране.

Конечно, человек может и не к такому привыкнуть, но все же на это нужно время.

Тэн спустился с крыльца, прошел мимо грузовика за

гараж. Огибая его, он почти надеялся увидеть знакомые дома Уиллоу Бенда – ведь когда он входил через заднюю дверь, поселок еще стоял на месте.

Но Уиллоу Бенда не было. Перед ним лежала пустыня, бесконечная пустыня.

Он обошел дом вокруг и теперь не нашел задней стены. Задняя часть дома представляла собой то же, что фасад, когда Тэн впервые увидел его, – те же сведенные вместе углы. Он пошел дальше, но повсюду расстилалась пустыня. Фасад был на месте, и все оставалось по-прежнему. На обрезанной дорожке стоял грузовик, дверь гаража была открыта и внутри виднелась машина.

Тэн прошел в глубь пустыни, наклонился и зачерпнул горсть гальки – галька была самая обыкновенная. Он присел на корточки и начал пропускать камешки сквозь пальцы.

В Уиллоу Бенде была задняя дверь его дома, а фасад исчез. А здесь, правда, непонятно как, все было наоборот: передняя дверь осталась, но отсутствовала задняя стена.

Он встал, выбросил оставшиеся камни и вытер ладони о брюки.

Уголком глаза он уловил какое-то движение на пороге – они были здесь.

Отрад крошечных зверьков, – если их вообще можно так назвать – строем спустился с лестницы. Все они были не выше десяти сантиметров и передвигались, опираясь на четыре конечности, хотя было ясно видно, что их передние конечности – не ноги, а руки. Их крысиные мордочки с длинными острыми носами отдаленно напоминали человеческие лица. Казалось, что зверьки покрыты чешуей, так

как их тела при движении блестели и переливались. Хвосты зверьков, очень похожие на те проволоочные закругленные хвостики, какие бывают на заводных игрушках, торчали вверх и подрагивали на ходу.

Они сошли со ступенек четким шагом, сохраняя дистанцию в полфута и держась прямо, как по линейке, двинулись в пустыню. В них чувствовалась железная целеустремленность, и тем не менее было видно, что они не очень торопятся.

Тэн насчитал шестнадцать зверьков. Он долго стоял, провожая их взглядом, пока они не растворились в пустыне.

«Вот они, мои новые жильцы, — подумал Тэн. — Это они обили потолок, починили телевизор, исправили плиту и приемник. И похоже, что они путешествовали в этом странном сосуде из матового стекла, который лежит там, в лесу. Но даже если они прибыли на Землю в этой штуке, то все равно непонятно, откуда они появились».

Тэн поднялся на крыльцо, открыл дверь и увидел, что его гости прорезали в дверной сетке круг диаметром в пятнадцать сантиметров. «Иначе бы им не выйти, — подумал он и тут же мысленно отметил: — как-нибудь надо выбрать время и заделать дыру». Он вошел в дом, громко хлопнув дверью.

— Бизли! — закричал он.

Ответа не было.

Таузер выполз из-под кушетки и виновато заскулил.

— Все в порядке, дружок, — сказал Тэн. — Эта компания меня тоже напугала.

Он пошел на кухню. Неяркий свет, лившийся с потоло-

ка, отражался в перевернутом кофейнике, в осколках чашки посреди пола и в опрокинутой миске с яйцами. Разбитое яйцо расплылось на линолеуме бледно-желтым пятном.

Поднявшись по лестнице, Тэн увидел, что дверь, ведущая на черный ход, почти уничтожена — ржавая металлическая сетка разорвана на куски, и рама, на которой она была натянута, расколота.

Тэн посмотрел на дверь не без восхищения.

— Вот дурни, — изумился он, — прошли сквозь дверь и даже открыть не попытались.

Он зажег свет и стал спускаться по лестнице. Но на полпути остановился в изумлении: слева от него была стена, сделанная из того же материала, что и потолок.

Перегнувшись через перила, Тэн увидел, что стена делила его мастерскую пополам — она шла от пола до потолка, перерезая подвал.

Что же осталось в мастерской?

Он вспомнил, что там стояла счетная машина, которую утром прислал Генри. Три грузовика, сказал Бизли. Три грузовика деталей попали прямо к ним в лапы.

Тэн устало опустил на ступеньки.

Должно быть, они считают его своим союзником. Не иначе, как они решили, что Тэн знает об их существовании и действует заодно с ними. Или, может быть, они решили, что он таким образом расплатится за ремонт телевизора, плиты и приемника.

Но если рассуждать последовательно — зачем они починили плиту, телевизор и приемник? Что это — своего рода плата за постой? Или просто знак дружеского располо-

жения? А может быть, пришельцы решили попрактиковаться – проверить, смыслят ли они что-либо в технике чужого мира, посмотреть, как можно применить свои знания в условиях вновь открытой планеты?

Тэн постучал костяшками пальцев по стене у перил – белая гладкая поверхность зазвенела.

Приложив ухо к стене, он внимательно прислушался – ему показалось, что там слышен приглушенный гул, но он не был в этом совершенно уверен.

За стеной осталась садовая косилка Бейнкера Стивенса и еще много разного хлама, который нужно было чинить. «Ведь хозяева с меня шкуру сдерут, – подумал Тэн, – особенно Бейнкер Стивенс. Это ведь известный жмот».

Бизли, наверное, совсем одурел от страха. Когда он увидел, как эти типы поднимаются по лестнице, у него последний разум отшибло, и он полез в дверь, даже не открыв ее. А теперь он, очевидно, носится по поселку и трезвонит обо всем каждому, кто захочет его слушать.

Правда, обычно никто не обращает внимания на болтовню Бизли. Но если он заладит без конца одно и то же, да еще в таком возбужденном состоянии, не исключено, что кто-нибудь да и прислушается. И тогда они ворвутся сюда, все обыщут, всюду сунут нос и, в конце концов, кто-нибудь из них зацапает все в свои руки.

А это уже их совсем не касается, повторял Тэн, чувствуя, что в нем заговорил старый бизнесмен. Сразу же за его двором начинались огромные неосвоенные пространства, и путь к ним лежал только через его дом. И вся эта земля по праву принадлежала ему. Может быть, она ни на что не годна – ведь это пустыня. Но прежде чем ее отдать, он должен сам все посмотреть и во всем убедиться.

Он вышел из подвала и направился к гаражу.

Солнце по-прежнему находилось на севере, над самым горизонтом, и вокруг все было спокойно. Тэн нашел в гараже молоток, гвозди, несколько коротких досочек и принес их в дом. Он заметил, что Таузер, воспользовавшись паникой, уснул на кресле с парчовой обивкой, но не стал его трогать.

Закрыв черный ход, Тэн прибил на дверь несколько планок, затем запер кухню, закрыл окна в спальне и тоже забил их досками.

Это хоть ненадолго задержит жителей поселка, сказал он себе, когда они примчатся поглазеть на то, что здесь происходит.

Он достал из шкафа свое охотничье ружье, коробку патронов, бинокль и старую флягу, которую наполнил водой из крана, и положил в мешочек продукты на дорогу для себя и Таузера, так как времени на еду уже не оставалось.

Потом Тэн прошел в комнату и согнал Таузера с кресла.

— Пошли, Тауз, — сказал он. — Пойдем сами все поглядим.

Проверив бензин — бак был почти полный, — он влез в машину и положил ружье на сиденье, рядом с собой. Таузер прыгнул вслед за ним. Затем, дав задний ход, Тэн развернулся и поехал на север через пустыню.

Машина шла легко. Почва была ровная, как пол. Иногда она становилась ухабистой, но не более чем проселочные дороги, по которым он мотался в поисках мебели.

Ландшафт оказался на редкость однообразным. Повсюду расстилалась плоская пустыня, и лишь кое-где вы-

ступали низкие холмы. Тэн все время ехал на север, держа курс по солнцу. Несколько раз он пересекал песчаные полосы – песок был твердый, хорошо спрессованный, и колеса шли легко.

Через полчаса он поравнялся с отрядом своих гостей. Шестнадцать зверьков все так же неторопливо шли строем по пустыне.

Тэн сбавил скорость и некоторое время ехал параллельно с ними. Но толку от этого не было никакого – зверьки придерживались строго определенного направления, не обращая на Тэна никакого внимания.

Увеличив скорость, Тэн обогнал их.

Солнце по-прежнему неподвижно стояло на севере. Это было очень непривычно. Может быть, подумал Тэн, этот мир вращается вокруг своей оси гораздо медленнее, чем Земля, поэтому и день здесь длиннее. Судя по тому, что солнце так долго стоит на одном месте, намного длиннее.

Согнувшись за рулем и всматриваясь в бесконечную пустыню, он впервые обратил внимание на необычность пейзажа.

Несомненно, это был другой мир. Другая планета вращалась вокруг другой звезды, и никто на Земле не знал, какое место она занимает в космосе. Но из-за странных действий шестнадцати существ, шагавших строем по пустыне, новая планета начиналась сразу же за парадной дверью его дома.

Вдалеке маячил довольно высокий холм. По мере того как Тэн приближался к холму, он начал различать на его вершине какие-то блестящие предметы. Вскоре он остановил грузовик и взялся за бинокль.

Тэн с удивлением увидел, что блестящие предметы — баки из молочно-белого стекла, точно такие же, как тот, что он нашел в лесу. Он насчитал их восемь штук. Они лежали в углублениях из серого камня и ослепительно ярко блестели на солнце. Некоторые гнезда пустовали. Тэн опустил бинокль и стоял, размышляя, стоит ли взбираться на холм, чтобы получше разглядеть их. Потом покачал головой — успеется. Сейчас лучше проехать как можно дальше. Ведь это еще не серьезная исследовательская экспедиция, а лишь предварительная разведка.

Он влез в машину и двинулся дальше, все время поглядывая на указатель уровня бензина. Когда стрелка дойдет до середины шкалы, ему придется повернуть обратно.

Впереди, над темной линией горизонта, Тэн заметил неясное белое облачко. Он присмотрелся внимательнее. Временами облако рассеивалось, потом снова появлялось. Из-за большого расстояния трудно было разобрать, что это такое.

Он взглянул на указатель уровня — тот показывал чуть больше половины. Тэн остановил машину и снова взялся за бинокль.

Когда он вышел, то с удивлением почувствовал, что ноги точно налиты свинцом. Он сообразил, в чем дело — ему давно следовало быть в постели. Часы показывали два. Это означало, что там, на Земле, было два часа ночи и он уже больше двадцати часов на ногах, причем большую часть времени провел в страшном напряжении, выкапывая эту странную штуку в лесу. Тэн снова поднес к глазам бинокль — белая неясная линия оказалась цепью гор. Огром-

ная синяя скалистая гряда со сверкающими от снега вершинами высилась над пустыней. Горы были очень далеко и даже в мощный бинокль выглядели голубой туманной полосой. Тэн медленно обвел биноклем линию горизонта: по ней тянулись и тянулись горы.

Повернувшись, Тэн стал рассматривать в бинокль пустыню. Все та же плоская земля, те же одиночные холмы, та же чахлая растительность.

И дом.

Когда он опустил бинокль, руки его дрожали. Затем он снова поднес его к глазам и посмотрел еще раз. Сомнений не было — перед ним находился самый настоящий дом, очень странного вида. Он стоял у подножия холма, скрытый в тени, и поэтому его нельзя было разглядеть невооруженным глазом.

Дом был небольшой, с заостренной конусообразной крышей, и казался крепко прижатым к земле, так что чудилось, будто он, пригнувшись, ползет по пустыне. Тэн разглядел овальную дыру, должно быть, дверь, но не увидел никаких окон.

Опустив бинокль, Тэн оглянулся. «Пять или шесть километров, — подумал он. — Пикап дотянет, и если и не хватит бензина, последние несколько километров до Уиллоу Бенда можно пройти пешком».

«Интересно, что дом только один», — подумал Тэн. На протяжении всего пути не было видно никаких признаков жизни, не считая шестнадцати маленьких крысоподобных существ, шеренгой шагавших по пустыне: никаких искусственных сооружений, кроме этих восьми странных белых штук, лежащих в своих каменных ложах.

Тэн сел в машину и нажал на педаль акселератора. Через десять минут он подъехал к фасаду дома, стоящего в тени холма.

Он вышел из пикапа и достал ружье. Таузер прыгнул на землю, внезапно зарычал, и шерсть у него встала дыбом.

– Что случилось, дружище? – спросил Тэн.

Таузер в ответ снова зарычал.

Дом стоял безмолвный, казалось, хозяева давно покинули его.

Стены были сложены из грубых неотесанных камней, наспех скрепленных каким-то похожим на глину веществом. Крыша первоначально была покрыта дерном. Странно, откуда он взялся – во всей пустыне не существовало ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего дерн. Хотя еще можно было разглядеть места, где соединялись полосы дерна, но казалось, что это просто обожженная солнцем земля.

Дом был какой-то безликий, без всяких украшений. Видно, никто даже не пытался смягчить его суровую неуютность и сделать пригодным для жилья. Такой дом могли сложить скотоводы-кочевники. Время оставило на нем свои следы: камень расслоился и начал крошиться.

Взяв ружье под мышку, Тэн двинулся к домику. Он подошел к двери и заглянул внутрь – там было темно и тихо.

Тэн обернулся, ища Таузера. Пес забился под машину и выглядывал оттуда, тихо рыча.

– Не ходи далеко, – сказал Тэн. – Не убегай, слышишь? – Выставив ружье, он шагнул во мрак, постоял немного, чтобы глаза привыкли к темноте.

Теперь он мог разглядеть комнату, в которой находился: совсем простая, с грубой каменной скамьей вдоль одной стены. На другой темнели какие-то странные ниши, а в углу стоял деревянный предмет, но Тэн так и не понял его назначения.

«Старое покинутое жилище, давным-давно заброшенное», — подумал он.

Может быть, в какие-то далекие времена, когда пустыня была богатой и цветущей, здесь жило пастушье племя.

В углу была еще одна дверь. Распахнув ее, Тэн услышал слабый приглушенный стук и еще какой-то звук — будто шум падающего дождя. Из открытой двери, ведущей куда-то вглубь, потянуло морским воздухом, и Тэн так и застыл в изумлении посреди комнаты.

Еще один дом, ведущий в другой мир!

Он медленно вышел в открытую дверь и попал в туманный, пасмурный день. Потоки дождя низвергались на землю из бешено мчавшихся облаков. А в полукилометре, за полем, где в беспорядке громоздились серо-стальные валуны, лежало беспокойное море. Оно свирепо билось о берег, и фонтаны яростных брызг вздымались в воздух.

Тэн вышел из дома и взглянул на небо — дождь больно захлестал по его лицу. Воздух был промозглый и холодный, и все это место казалось каким-то таинственным, сверхъестественным. Мир, выхваченный из старой сказки о привидениях и эльфах.

Он оглянулся — ничего не было видно. Дождь заштриховал мир, который простирался за прибрежной полосой. Тэну вдруг почудилось что-то за дождем. Задохнувшись от страха, он повернулся и, спотыкаясь, бросился обратно в дом.

Новый мир отделял его от Уиллоу Бенда, а теперь появился и второй. Расстояние в два мира – это больше, чем может выдержать обыкновенный человек. Ему стало не по себе при мысли о том, как страшно одинок он сейчас, и, почувствовав, что не может дольше оставаться в этом заброшенном доме, Тэн выбежал наружу.

Солнце светило по-прежнему ярко, было тепло и приятно. Одежда Тэна промокла, и капли влаги лежали на стволе ружья.

Тэн оглянулся, ища Таузера, но собаки не было видно. Он не нашел ее и под машиной. Пес исчез.

Хозяин позвал его, но Таузер не отозвался. Голос Тэна одиноко прозвучал в окружающей пустоте и безмолвии.

В поисках собаки он обошел дом. Теперь второй двери снаружи не было. Сложенные из грубого камня стены закруглялись, изгибаясь так же странно, как и фасад его дома, а задней стены и вовсе не было.

Но Тэна это сейчас мало трогало и ничуть не удивляло – он искал пса и ни о чем больше не желал думать. Он понимал, что отъехал слишком далеко от дома, и чувствовал, как внутри у него все леденеет от страха.

Потратив на поиски три часа, он вернулся в дом, но Таузера не было и там. Тэн снова вышел в другой мир и безуспешно искал пса среди хаотического нагромождения камней. Затем пошел обратно в пустыню и направился к холму. Взобравшись наверх, он поднес к глазам бинокль – вокруг простиралась безжизненная равнина.

Падая от усталости, спотыкаясь и засыпая на ходу, Тэн вернулся к машине.

Прислонившись к кузову, он попробовал собраться с

мыслями. Продолжать поиски в таком состоянии было бесполезно. Он должен хоть немного поспать. Нужно вернуться в Уиллоу Бенд, наполнить бак, взять запас бензина, чтобы расширить радиус поисков.

Он не мог оставить пса здесь — это было невыносимо. Необходимо все обдумать и действовать разумно. Чем он поможет Таузеру, шатаясь по пустыне в таком состоянии?

Тэн завел машину и двинулся обратно к Уиллоу Бенду, ориентируясь по едва заметным следам шин на песчаных участках и все время борясь с острым желанием немедленно заснуть.

Проезжая мимо горы, на которой виднелись белые стеклянные баки, Тэн на минуту остановил машину и вышел поразмяться — иначе бы он заснул за рулем. На этот раз только семь баков лежало в гнездах. Но все это не имело значения. Главное — побороть усталость, которая все сильнее овладевала им, удержать в руках руль и дотянуть до Уиллоу Бенда. А там можно поспать немного и вновь приняться за поиски Таузера.

Примерно на полпути он увидел, что к нему приближается машина, и стал следить за ней в немом изумлении, ибо его грузовик и машина в гараже были единственным транспортом по эту сторону дома.

Он резко затормозил и вышел. Легковая машина подъехала, и из нее выпрыгнули Генри Хортон, Бизли и незнакомый человек со служебным знаком на груди.

— Ну, слава богу, нашелся! — закричал Генри, бросаясь к нему.

— А я и не терялся, — возразил Тэн. — Я возвращаюсь домой.

– Он валится с ног, – заметил незнакомец.

– Это шериф Хансон, – сказал Генри. – Мы ехали по вашим следам.

– Я потерял Таузера, – пробормотал Тэн. – Мне пришлось его оставить. Пустите. Мне нужно искать Таузера. Я сам доберусь до дома...

Тэн пошатнулся и ухватился за дверцу машины, чтобы не упасть.

– Вы взломали дверь, – обратился он к Генри. – Вы ворвались в мой дом и взяли машину.

– Мы вынуждены были это сделать, Хайрам. Мы боялись – а вдруг с вами что-нибудь случилось. Бизли все расписал так, что у нас волосы на голове стали дыбом.

– Вы лучше пересадите его в машину, – предложил шериф, – а я отведу назад грузовик.

– Но мне нужно искать Таузера.

– Прежде всего вам надо отдохнуть.

Генри схватил его под руку и повел к машине. Бизли придерживал дверцу.

– Вы знаете эти места? – прошептал Генри тоном заговорщика.

– Понятия не имею, – пробормотал в ответ Тэн. – Может быть, какой-то другой...

Генри ухмыльнулся.

– Да это, по-моему, не имеет значения. Что бы тут ни было, но нас с вами уже засекли. Мы попали в последние известия и заголовки газет. В городе полно репортеров и кинооператоров, ждут приезда начальства. Я уверен, Хайрам, это выдвинет вас...

Но Тэн уже ничего не слышал. Он заснул раньше, чем опустился на сиденье.

Проснувшись, Тэн некоторое время лежал неподвижно. В комнате было прохладно и спокойно, шторы опущены.

«Хорошо проснуться в знакомой комнате, где провел всю свою жизнь, в доме, который принадлежит твоей семье почти столетие», — подумал он.

Затем Тэн вдруг все вспомнил и сел на постели. И тотчас же услышал шум за окном. Он спрыгнул с кровати, отогнул угол шторы и выглянул в окно. Солдаты сдерживали толпу, заполнившую задний двор его дома и дворы соседних домов.

Тэн бросил штору и принялся искать туфли. Он так и спал — одетым. Очевидно, Генри и Бизли положили его в постель, сняв с него только башмаки. Должно быть, он еще в машине, как только Генри втолкнул его на заднее сиденье, заснул мертвым сном.

Тэн нашел башмаки на полу и, сев на кровать, принялся надевать их, лихорадочно обдумывая, что же делать дальше.

Он должен добыть где-нибудь бензин, наполнить бак и на всякий случай взять одну или две запасные канистры. Кроме того, нужно прихватить с собой воду, еду и, может быть, спальный мешок. Он твердо решил, что не вернется, пока не разыщет собаку.

Надев башмаки и завязав шнурки, Тэн вышел в гостиную. Там никого не было, но на кухне слышались голоса. Он выглянул в окно — такая же пустыня, как и прежде. Правда, солнце поднялось выше, но во дворе перед его домом все еще было утро.

Тэн посмотрел на часы. Они показывали шесть, да и тени, на которую он обратил внимание, выглянув в окно

спальни, легко было определить, что сейчас шесть часов. Должно быть, Тэн проспал около суток. Ему стало не по себе. Он не собирался столько спать и оставлять Таузера так долго одного.

Он направился в кухню. Там сидели трое – Эби, Генри Хортон и какой-то военный.

– Вот и вы, – весело воскликнула Эби. – А мы гадаем, когда вы проснетесь.

– Вы сварили кофе, Эби?

– А как же, целый кофейник. Я сейчас вам что-нибудь приготовлю.

– Только гренки, – попросил Тэн. – Некогда. Я должен ехать искать Таузера.

– Хайрам, – сказал Генри, – это полковник Райан из Национальной гвардии. Его ребята там, на улице.

– Да, я видел их из окна.

– Это было необходимо сделать, – объяснил Генри. – Совершенно необходимо. Шериф не мог справиться. Здесь бы все разнесли на куски. Я позвонил губернатору.

– Тэн, присядьте, пожалуйста. Я хочу с вами поговорить, – объявил полковник.

– Я понимаю, – сказал Тэн, придвигая стул. – Простите, полковник, но я очень спешу, у меня пропала собака.

– То, что здесь происходит, – заметил полковник, – куда важнее любой собаки.

– Полковник, ваши слова доказывают только, что вы не знаете Таузера. Он самый лучший пес из всех, каких мне довелось держать, а уж поверьте, у меня их перебывало немало. Я его взял щенком, и все эти годы он был мне хорошим другом.

– Ну и прекрасно, – произнес полковник. – Я понимаю, он ваш друг. Но тем не менее я должен с вами поговорить.

– Сядьте и выслушайте полковника, Хайрам, – велела Эби. – Я сейчас сделаю оладьи. Генри принес с фермы какую-то колбасу.

Дверь черного хода отворилась, и, сопровождаемый ужасным металлическим звяканьем, пошатываясь, вошел Бизли. Он нес три пустые пятигалонные канистры в одной руке и две в другой – все они гремели и дребезжали.

– Послушайте, – закричал Тэн, – что здесь происходит?

– Успокойтесь, Тэн, – отвечал Генри. – Вы даже не знаете о проблемах, которые здесь возникли. Мы хотели принести сюда большой бак для бензина, но он не прошел. Потом пытались разобрать стену кухни и не смогли.

– Пытались что сделать?

– Разобрать стену кухни, – спокойно повторил Генри. – Через обычную дверь невозможно внести эти большие бензобаки, но как только мы начали пилить, убедились, что весь дом изнутри проложен тем же материалом, который вы использовали для потолка под лестницей. Когда мы хотели разрубить стену, топор сразу же затупился.

– Но, Генри, это мой дом, и никто не имеет права его ломать.

– Экстренный случай, – сказал полковник. – Мне хочется знать, Тэн, что это за материал, который мы так и не смогли пробить?

– Не волнуйтесь, Хайрам, – предупредил Генри. – За дверью нас ждет огромный новый мир.

– Он ждет совсем не вас. И вообще это никого не касается! – заорал Тэн.

– Но мы должны исследовать его, а для этого нам требуются огромные запасы бензина. И поскольку мы не можем внести большой бак, бензин приходится носить в канистрах. Позже мы пропустим через дом бензопровод.

– Но послушайте, Генри!..

– Мне бы хотелось, – твердо заявил Генри, – чтобы вы перестали прерывать меня и выслушали все, что я хочу сказать. Вы даже не представляете, с какими трудностями мы столкнулись в связи с организацией снабжения. Мы связаны по рукам и ногам размерами двери, мы должны запастись горючим и организовать транспорт. Легковые машины и грузовики были бы совсем не лишними. Мы должны их разобрать и протащить их по частям. Но вот самолет – проблема уже почти неразрешимая.

– Послушайте, Генри. Я не позволю тащить сюда самолет. Этот дом почти сто лет принадлежит моей семье. Я здесь хозяин, и вы не имеете права самовольно являться сюда и всем распоряжаться, да еще протаскивать через мой дом всякую дрянь.

– Ну поймите, Тэн, – плаксивым голосом произнес Генри, – нам до зарезу нужен самолет, ведь, имея самолет, можно обследовать сразу огромную территорию.

Бизли, гремя канистрами, прошел через кухню в гостиную.

Полковник вздохнул.

– Я надеялся, мистер Тэн, что вы войдете в наше положение. Мне казалось естественным, что сотрудничество с нами в этом деле вы сочтете своим патриотическим долгом. Правительство, конечно, может воспользоваться своим правом верховной власти и конфисковать ваше владение.

ние. Но оно предпочло бы этого не делать. Я говорю сейчас неофициально, но я думаю, было бы правильным предупредить вас заранее, что власти предпочли бы прийти к дружескому соглашению.

— Сомневаюсь, — сказал Тэн на удачу, хотя сам толком ничего не знал, — что в этом случае можно применить право высшей власти. Вот если бы мой дом стоял на дороге...

— А это и есть дорога, — спокойно возразил полковник. — Прямая дорога через ваш дом в другой мир.

— Во-первых, — продолжал Тэн, — правительство еще должно доказать, что все это делается в интересах общества и что отказ владельца передать право владения государству равносильно вмешательству в действия правительства. А во-вторых...

— Мне кажется, — перебил его полковник, — правительство сможет доказать, что это делается в общественных интересах.

— Боюсь, что мне придется обратиться к адвокату, — сердито заметил Тэн.

— Если вам действительно понадобится очень хороший юрист, а я в этом уверен, то я смогу рекомендовать вам фирму, которая будет прекрасно защищать ваши интересы, притом за умеренную плату, — предложил Генри, всегда готовый прийти на помощь.

Полковник в негодовании поднялся.

— Вам придется держать ответ перед властями, Тэн. Правительство пожелает задать вам много вопросов. Во-первых, оно заинтересуется тем, как вам удалось здесь все так ловко устроить. Вы готовы ответить на этот вопрос?

— Нет, — признался Тэн. — Пожалуй, что нет.

Он с тревогой подумал – они считают, что я сделал все это сам, и накинутся на меня, как стая волков, чтобы узнать секрет. Он представил себе ФБР, государственный департамент, Пентагон и, даже не вставая со стула, почувствовал, что колени у него дрожат.

Полковник повернулся и строевым шагом вышел из кухни.

Слышно было, как громко хлопнула задняя дверь.

Генри задумчиво посмотрел на Тэна.

– Вы и в самом деле так думаете? – спросил он. – Вы собираетесь тягаться с ними?

– Я обозлился, – ответил Тэн. – Они не имеют права являться сюда и распоряжаться в моем доме без спросу. Мне наплевать, как они к этому отнесутся. Это мой дом, я здесь родился, прожил всю жизнь, мне нравится это место и...

– Ну, конечно, – перебил его Генри. – Прекрасно понимаю ваши чувства.

– Я знаю, что это мальчишество. Коли уж они пришли, я бы ничего не имел против, если бы видел, что они хотят сесть, поговорить по-человечески и посвятить меня в свои планы. Но их даже не интересует мое мнение. Поверьте, Генри, все обстоит не так просто, как вам кажется. Независимо от того, что думают в Вашингтоне, вряд ли можно прийти и сразу захватить эту новую страну. Здесь могут произойти самые неожиданные события, и нужно все время быть начеку...

– Сидя здесь, – опять перебил его Генри, – я подумал о том, что ваша позиция очень похвальна и вы заслуживаете всяческой поддержки. Не по-соседски сидеть сложа руки и

не прийти вам на помощь. Мы можем нанять целый штат блестящих юристов и выиграть дело. Потом оформить право на землю и организовать компанию по ее освоению. Нужно все сделать так, чтобы этот ваш новый мир был использован должным образом. И для меня естественно, Хайрам, поддержать вас в этом деле, стоять плечом к плечу с вами. Мы ведь уже и так компаньоны по выпуску телевизоров.

— А как насчет моего телевизора? — визгливым голосом спросила Эби, шлепнув на стол перед Тэном тарелку с оладьями.

— Эби, — терпеливо сказал Генри. — Я уже тебе объяснил, что он остался внизу за перегородкой, и сейчас трудно сказать, когда его можно будет вытащить оттуда.

— Да, я знаю, — ответила Эби. Она принесла блюдо с сосисками и разлила кофе по чашкам.

Вскоре опять появился Бизли и, гроыхая канистрами, пошел к выходу.

— И вообще, как мне кажется, — заметил Генри, воспользовавшись паузой, — я в этом деле не посторонний наблюдатель. Сомневаюсь, могло ли у вас хоть что-то получиться без счетной машины, которую я вам прислал.

«Опять начинается, — подумал с тоской Тэн. — Даже Генри считает, что это сделал я».

— Неужели Бизли вам не говорил?

— Бизли много болтал, но вы же знаете Бизли.

Предположения Тэна оправдывались. Для жителей поселка — это лишь еще одна побасенка Бизли, еще одна придуманная им небылица. Ведь не найдется никого, кто бы всерьез поверил хотя бы одному слову Бизли.

Тэн взял чашку и маленькими глотками принялся отхлебывать кофе, стараясь выиграть время для ответа. Но ничего не приходило на ум. Если он расскажет им все как есть, это будет звучать не правдоподобней, чем любая ложь.

– Мне-то вы можете признаться, Хайрам. Ведь в конце концов мы с вами компаньоны.

«Он считает меня дурачком, – подумал Тэн. – Генри воображает, что может обвести вокруг пальца любого, кого он изволит причислить к дуракам или простачкам».

– Вы все равно не поверили бы мне, Генри, если бы я рассказал вам правду.

– Ну хорошо, – процедил Генри и поднялся с обиженным видом. – Я понимаю, с этим можно повременить.

Снова, гремя жестянками, через кухню прошел Бизли.

– Мне нужно немного бензина, чтобы ехать искать Таузера, – попросил Тэн.

– Сейчас все устрою, – мгновенно согласился Генри. – Пришлю Эрни с бензином. Можно будет пропустить шланг через дом. Я узнаю, не поедет ли кто-нибудь с вами.

– Это лишнее. Я поеду один.

– Если бы у нас был передатчик, мы могли бы с вами поддерживать связь.

– Но ведь у нас его нет, Генри, а я не могу больше ждать. Таузер где-то там совсем один.

– Понимаю. Я знаю, как вы к нему относитесь, Хайрам. Поезжайте и ищите его, если считаете это необходимым, а я пока займусь другими делами. Подыщу адвокатов, и мы составим бумаги на право освоения земель.

– Послушайте, Хайрам, – вмешалась Эби, – у меня к вам просьба.

– Да, пожалуйста.

– Не поговорите ли вы с Бизли? Глупо вести себя так. Не было никакого повода все бросать и уходить от нас. Может быть, иногда я и бываю с ним резка, но его тупость выводит из себя. Он убежал и полдня помогал Таузеру выкапывать какого-то сурка, а после...

– Хорошо, я поговорю с ним, – ответил Тэн.

– Спасибо, Хайрам. Он вас слушает. Вы – единственный человек, которого он слушается. Мне так хотелось, чтобы вы починили мой телевизор, да тут началась эта заваруха. Он мне очень нужен. И комнате будто чего-то не хватает. Он очень подходит к моей мебели. Вы помните?

– Да, помню, – сказал Тэн.

– Ну так ты идешь, Эби? – спросил Генри уже в дверях. Он поднял руку и с видом заговорщика махнул Тэну.

– Увидимся позже, Хайрам. Я все устрою.

«Нисколько не сомневаюсь», – подумал Тэн.

После их ухода он подошел к столу и тяжело опустился в кресло.

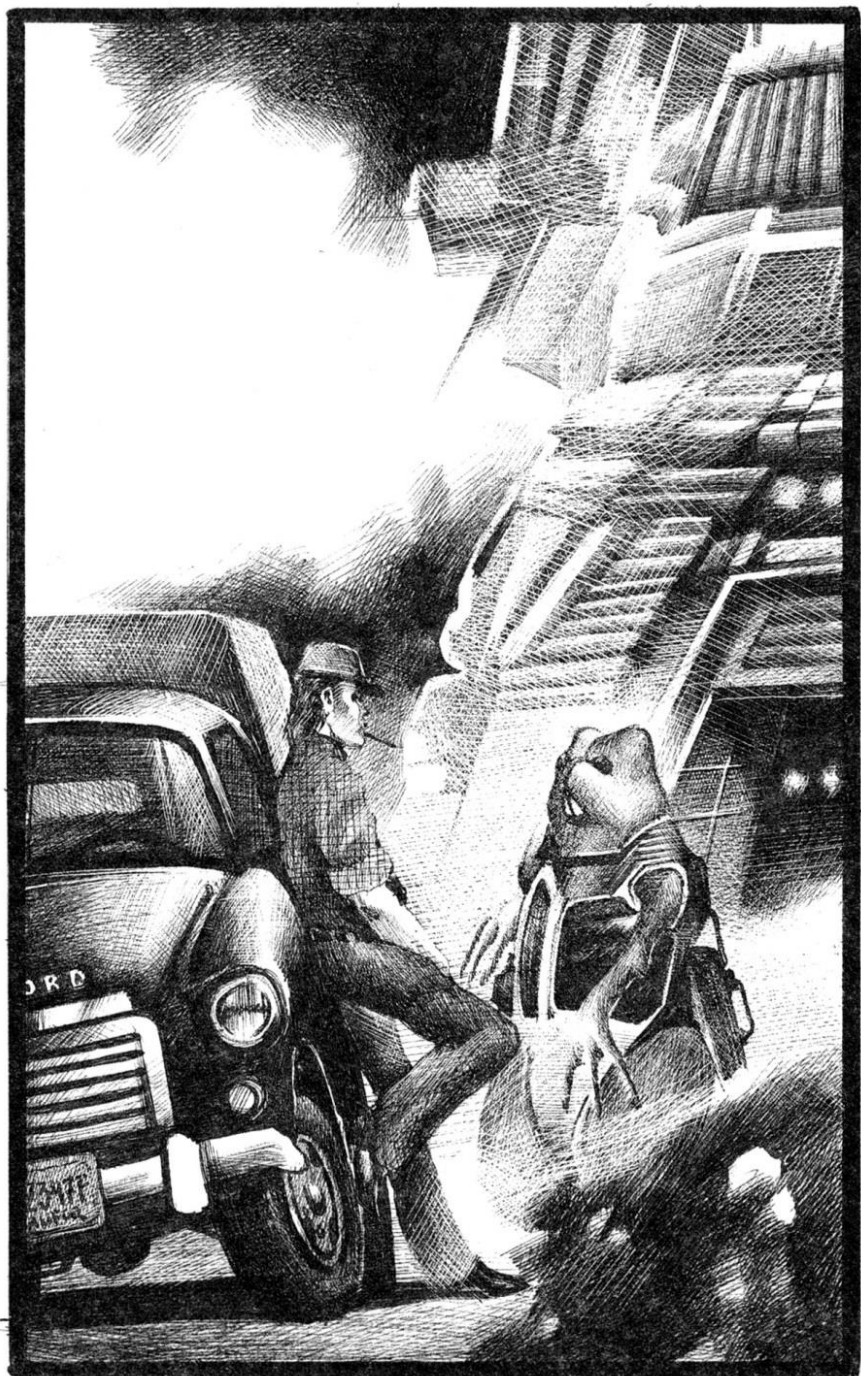
Наружная дверь хлопнула и, задыхаясь от волнения, вбежал Бизли.

– Таузер вернулся, – заорал он. – Он пришел и привел с собой большого сурка. Ты такого еще никогда не видел.

Тэн вскочил.

– Сурка? Но ведь это не Земля. Здесь не водятся сурки.

– Иди посмотри сам, – крикнул Бизли и выбежал из комнаты. Тэн выскочил за ним.

Зверь на самом деле был похож на гигантского сурка из детской книжки. Он был ростом с человека и шел на задних лапах, пытаясь сохранить достоинство, но то и дело с опаской поглядывал на Таузера.

Таузер следовал за ним в ста шагах, видимо, предпочитая на всякий случай держаться в приличном отдалении. У него был вид хорошо обученного пастушьего пса. Настояженно пригнув голову, он готов был в любую минуту броситься на чужака.

Сурок подошел к самому дому и остановился. Потом оглянулся, посмотрел на пустыню и сел на задние лапы. Вскинув свою большую голову, он стал наблюдать за Бизли и Тэном – выразительный взгляд его темных глаз был похож на человеческий.

Тэн подбежал к Таузеру, схватил его на руки и крепко прижал его к груди. Пес завертел головой и лизнул хозяина мокрым языком прямо в лицо.

Тэн стоял с собакой в руках и глядел на гигантского сурка с чувством облегчения и благодарности.

«Все теперь стало на место, – подумал он, – раз Таузер вернулся». Он поднялся на крыльцо и пошел на кухню.

Там он опустил Таузера на пол, достал миску, налил в нее воды из крана. Таузер стал жадно лакать, разбрызгивая воду по линолеуму.

– Спокойнее, – предупредил Тэн, – не надо сразу так налегать.

Он пошарил в холодильнике, вынул остатки какой-то еды и положил в миску Таузеру. Тот замахал хвостом, выражая свое одобрение.

– По-настоящему следовало бы взять веревку и отстегать тебя за то, что ты удрал, – заметил Тэн.

Топоча ногами, вошел Бизли и объявил:

– Этот сурок – славный парень. Он кого-то ждет.

– Ну и прекрасно, – ответил Тэн, не вслушавшись в то, что сказал Бизли.

Он взглянул на часы.

– Половина восьмого. Мы можем послушать известия. Ты не хочешь включить радио, Бизли?

– С удовольствием, Хайрам. Я знаю, как ловить того парня, который всегда говорит из Нью-Йорка.

– Именно его и надо поймать, – заявил Тэн.

Он вошел в комнату и посмотрел в окно – огромный сурок сидел на том же месте, прислонившись к стене, и глядел на дорогу, по которой пришли Тэн и Таузер.

– Он кого-то ждет, – сказал Бизли.

Тэн посмотрел на сурка, у которого был такой вид, будто он и впрямь кого-то ждал. Но что только не взбредет в голову Бизли?

«Ну, а если сурок на самом деле ждет, – подумал Тэн. – Кого он может ждать? Впрочем, весть о том, что пробита дверь еще в один мир, очевидно, уже разнеслась по планете. Интересно, сколько таких дверей было распахнуто за прошедшие века».

Генри говорил, что огромный неизведанный мир только и ждет, чтобы жители Земли пришли и завоевали его. Но здесь дело не только в этом. Ведь дорога вела в обе стороны.

Голос диктора ворвался в комнату обрывком фразы: «...и наконец стали действовать. Сегодня вечером московское радио сообщило, что советская делегация завтра собирается внести в ООН предложение об интернационали-

зации вновь открытого мира, а также ведущей к нему дороги.

Из дома, через который осуществляется связь с новым миром, больше не поступало никаких сведений. Дом принадлежит человеку по имени Хайрам Тэн. Все держится в строжайшей тайне, кордон войск плотным кольцом окружил дом, сдерживая толпы людей. Все попытки связаться с домом по телефону потерпели неудачу. Резкий голос отвечает, что вызовы по этому номеру не принимаются. Сам Тэн из дома не выходит».

Тэн пошел на кухню и сел за стол.

— Это он про вас говорит, — с гордостью заявил Бизли.

«Сегодня утром прошел слух, что Тэн, скромный деревенский механик и маклер по продаже старинных вещей, до вчерашнего дня мало кому известный, наконец вернулся из путешествия в неведомую страну. Нашел ли он там что-нибудь — пока остается тайной. Мы больше не имеем никаких сведений о новом мире и знаем только, что это — пустыня, в настоящий момент безжизненная.

Паника вчера вечером была вызвана тем, что в лесу, через дорогу от дома, нашли странный предмет. Вся местность оцеплена, и до сих пор полковник Райан, командующий войсками, не сообщил нам, что именно было найдено.

Непонятную роль во всем этом деле играет некий Генри Хортон, единственное неофициальное лицо, имеющее доступ в дом Тэна. Хортон не ответил почти ни на один из вопросов, заданных ему сегодня утром, но при этом с видом заговорщика упомянул о том, что они с Тэном компаньоны в каком-то таинственном деле. Кроме того, он не-

двусмысленно намекнул, что они сотрудничают в открытии нового мира.

Интересно отметить, что Хортон – директор небольшого завода, выпускающего счетные машины. Как стало известно из осведомленных источников, Хортон недавно передал Тэну машину или какой-то прибор, назначение которого он пытается сохранить в тайне. Ходят слухи, что эта машина создавалась в течение шести или семи лет.

Очевидно, ответить на вопрос о том, что же все-таки происходит в Уиллоу Бенде, мы сможем лишь после того, как приступит к работе группа ученых, которая вылетела сегодня из Вашингтона после длительного совещания в Белом доме. В совещании участвовали руководители Пентагона, Государственного департамента, ФБР и Комитета по новым видам вооружения.

Эффект, произведенный вчерашними сообщениями об Уиллоу Бенде, можно сравнить только со взрывом атомной бомбы двадцать лет назад. Многие наблюдатели склонны считать, что последствия событий в Уиллоу Бенде должны потрясти мир сильнее, чем Хиросима.

По вполне понятным причинам Вашингтон настаивает на невмешательстве, полагая, что это – сугубо внутреннее дело, и правительство намерено действовать в интересах нации.

Однако во всем мире поднялось движение за то, чтобы сделать планету достоянием всего мира, а не одной страны.

По непроверенным сведениям, наблюдатель ООН срочно вылетает в Уиллоу Бенд. Франция, Англия, Боливия, Мексика, Индия уже просили у Вашингтона разреше-

ния прислать своих наблюдателей к месту событий, и не приходится сомневаться, что и другие страны последуют их примеру.

Сегодня вечером весь мир как на иголках в ожидании вестей из Уиллоу Бенда».

Тэн протянул руку и выключил радио.

— Если верить тому, что они говорят, — сказал Бизли, — мы должны ждать нашествия иностранцев.

«Да, — подумал Тэн, — нашествия иностранцев. Но не в том смысле, в каком понимает Бизли. Значение этого слова явно устарело. Скоро ни одного жителя Земли нельзя будет назвать иностранцем, — потому что рядом, буквально за дверью, нас встретит чужая жизнь. Кто эти обитатели каменного дома?»

Речь идет не об одной планете. Он нашел только одну дверь, а таких дверей может быть великое множество, и неизвестно, каково их назначение и в какие миры они ведут.

Неведомый «некто» или «нечто» нашел способ проникать на новые планеты через бездны пространства, нашел более простой и короткий путь, чем полет через космические океаны. После того как дверь была открыта, попасть из одного мира в другой стало так же легко, как перейти из одной комнаты в другую.

Лишь одно не укладывалось у него в сознании — как движутся по орбитам и вращаются вокруг своей оси соединившиеся планеты? Ведь невозможно, размышлял он, создать прочные связи между объектами, если каждый из них движется сам по себе.

Еще два дня назад мысль, что он будет ломать голову

над такими проблемами, показалась бы ему фантастичной. Тем не менее это был совершившийся факт, а если произошло одно невероятное событие, то может случиться и второе.

Зазвонил звонок. Тэн пошел открыть дверь. Это был Эрни, торговец бензином.

— Генри говорил, что вам нужен бензин. Я пришел предупредить вас, что до утра ничего нельзя сделать.

— Это неважно, — ответил Тэн. — Бензин мне больше не нужен.

Он быстро захлопнул входную дверь и еще долго стоял, прижавшись к ней спиной, пытаясь привести в порядок мысли. Все равно когда-нибудь придется встретиться с людьми. Нельзя же навеки запереться от целого мира. Рано или поздно жители Земли и он, Тэн, должны будут взглянуть правде в глаза.

Он злился на себя за эти мысли, но ничего не мог поделать.

У него за дверью находилось нечто очень важное для человечества, то, в чем люди нуждались или по крайней мере думали, что нуждались.

Но в конечном счете он один был за все в ответе. Это произошло в его владениях, в его доме. И быть может, он как-то невольно способствовал этому.

«Земля и дом принадлежат мне, — подумал он со злостью. — И весь этот мир, как бы велик он ни был, лишь продолжение моего двора».

Тэн вернулся обратно в комнату. В кресле с парчовой обивкой, свернувшись клубком, тихонько посапывал Таузер. Тэн решил не прогонять его. Пес заработал себе право спать там, где ему хочется.

Осторожно обойдя кресло, Тэн подошел к окну – пустыня простиралась до горизонта, а прямо перед окном спиной к дому сидели рядом и глядели на пустыню огромный сурок и Бизли. Казалось естественным, что они мирно сидят бок о бок, и Тэну пришло в голову, что они во многом схожи.

Это было хорошее начало – человек и существо из другого мира, дружески сидящие рядом.

Тэн попытался представить себе симбиоз двух соединенных вместе планет, одной из которых была Земля. Сердце лихорадочно застучало, когда он подумал, какие возможности таятся в таком сближении.

Что может принести Земле ее контакт с другими мирами?

И вдруг оказалось, что контакт уже установлен в такой спокойной, такой будничной обстановке, что никто даже не воспринял это событие как величайшую в истории человечества встречу. Сурок и Бизли там под окном и воплощали собой этот контакт. Если все будет продолжаться так и дальше, нет оснований волноваться.

И ведь это не случайность, подумал он. Все было спланировано и проделано с ловкостью и сноровкой, которые даются лишь долгой практикой. Конечно, это не первый мир, открытый ими для контактов, и нет оснований думать, что последний.

Маленькие крысоподобные существа пересекли космическое пространство, – и даже трудно представить, сколько световых лет они преодолели в корабле, который он откопал в лесу. Они запрятали свой корабль, как дети прячут игрушки в песок. Пришельцы выбрали именно дом

Тэна для установки своей аппаратуры, с помощью которой превратили его в связующее звено между двумя мирами и навсегда покончили с необходимостью еще раз пересекать космос. Нужно только однажды проделать долгий путь, чтобы навсегда связать планеты.

После того как все было закончено, крысоподобные существа удалились, убедившись, что ворота, соединяющие планеты, крепки и могут противостоять всем попыткам разрушить их. Они обшили дом изнутри каким-то диковинным материалом, который не поддается топору и способен выдержать удары любой силы.

Четким тренированным маршем они прошли к холмам, где в гнездах лежало восемь воздушных кораблей. И теперь там, на холме, осталось только семь кораблей, а существа, похожие на крыс, ушли, и, кто знает, может быть, в будущем они высадятся на другой планете, и тогда откроется дверь еще в один новый мир.

«И ведь это гораздо больше, чем простое сближение планет, — подумал Тэн. — Это сближение жителей новых миров».

Маленькие зверьки были пионерами и исследователями, открывателями новых планет, похожих или непохожих на планету Земля. И существо, которое ждет кого-то под окном, сидя рядом с Бизли, тоже служит какой-то цели и, может быть, в недалеком будущем той же цели станет служить человек.

Тэн отошел от окна и оглядел комнату. Она была такая, какой он помнил ее с незапамятных времен, и, несмотря на бурные события за стенами дома, оставалась неизменной.

«Это – реальность, – подумал Тэн. – Это – единственная реальность. Неизвестно, что впереди, но пока я еще стою здесь, в комнате с почерневшим от времени камином, с книгами, захватанными пальцами, качалкой на старом потертом ковре, по которому много лет ступали ноги любимых и близких».

Но он знал, что это спокойствие – лишь затишье перед бурей.

Еще немного – и начнут прибывать ученые, правительственные чиновники, военные, наблюдатели из разных стран, сотрудники ООН.

Тэн понимал, что безоружен перед всеми этими людьми и не сможет сопротивляться, что бы он ни говорил. Он не может вступить в единоборство со всем миром.

Сегодня дом Тэнов доживал свой последний день. Он простоял почти столетие, и теперь его ждет другая судьба. Впервые за все эти годы ни один Тэн не будет спать под его крышей.

Тэн посмотрел на камин, на книжные полки; ему почудилось, что по комнате бродят старые бледные привидения. Он нерешительно поднял руку, как бы прощаясь с призраками и комнатой, но тотчас же опустил ее.

«Какой смысл», – подумал он.

Тэн вышел на крыльцо и уселся на ступеньках. Бизли, услышав его шаги, обернулся.

– Хороший он парень, – заметил Бизли, похлопав сурка по спине. – Совсем как большой плюшевый медведь.

– Это верно, – сказал Тэн.

– И больше всего мне нравится, что я могу с ним разговаривать.

– Да, понимаю.

Тэн вспомнил, что Бизли разговаривал и с Таузером. Он подумал, что хорошо бы пожить какое-то время в уютном, незатейливом мире Бизли.

Но все же почему крысоподобные существа, прибывшие в космическом корабле, остановили свой выбор именно на Уиллоу Бенде и его доме? Каким образом они узнали, что найдут здесь все необходимое, чтобы быстро и легко наладить свою аппаратуру? Сейчас уже не придется сомневаться, что они разрушили счетную машину и использовали детали. Тут, пожалуй, Генри оказался прав. Сейчас, думая об этом, Тэн понимал, что Генри все же сыграл в этой истории известную роль. Но как они сумели предвидеть, что именно на этой неделе и в этом самом доме появится возможность быстро и без особого труда осуществить то, ради чего они проделали далекое путешествие?

Неужели они, помимо высоких технических знаний, обладают еще даром предвидения?

– Кто-то идет, – проговорил Бизли.

– Я никого не вижу.

– И я не вижу. Но сурок сказал мне, что он видит.

– Сказал тебе?

– Я же тебе объяснял, что мы с ним разговариваем. А теперь и я вижу.

Они были еще далеко и шли очень торопливо – три маленькие точки быстро двигались по пустыне в сторону дома.

Тэн сидел и смотрел, как они приближались. «Нужно пойти за ружьем», – подумал он, но не тронулся с места.

Все равно без толку. Бесполезно хвататься за оружие, а в данном случае просто глупо. Лучшее, что может сейчас сделать человек, – это встретить пришельцев из другого мира с чистым сердцем и чистыми руками.

Они подъехали ближе, и Тэну показалось, что они сидят в каких-то невидимых седлах, которые быстро движутся по воздуху.

Теперь Тэн уже видел, что их трое и что они похожи на людей.

Они подкатили как-то неожиданно и резко остановились в ста шагах от крыльца.

Тэн сидел на ступеньках и молча глядел на них, едва удерживаясь от смеха. Эти трое были, пожалуй, ниже его ростом и черные, как пиковый туз. Их одежда состояла из узких, обтягивающих ноги небесно-голубых брюк и таких же жилетов, которые были им несколько велики. Но это еще полбеды. Самое удивительное, что пришельцы прибыли в обыкновенных седлах со стременами, к которым сзади было привязано нечто вроде скатанного одеяла.

Седла плавали, в них легко и грациозно сидели незнакомые всадники и во все глаза смотрели на Тэна.

Наконец, он поднялся и сделал шаг им навстречу. И сразу же все трое спешили и тоже двинулись к нему, а седла так и остались неподвижно висеть в воздухе.

Путешественники остановились шагах в шести от Тэна.

– Они тебя приветствуют, Хайрам, – произнес Бизли. – Говорят, что рады тебя видеть.

– Ну, хорошо, тогда передай им... Но, послушай, Бизли, а как ты это узнал?

– Сурок сказал мне, о чем они говорят, а я – тебе. Ты скажи мне, я ему, а он передаст им. Так можно разговаривать. Для этого он и пришел сюда.

– Ну, хорошо, я попробую, – сдался Тэн. – Так ты на самом деле можешь с ними разговаривать?

– Я же тебе все время про это толкую, – возмущенно ответил Бизли. – Я же тебе говорил, что могу разговаривать с Таузером, но ты считал меня сумасшедшим.

– Это телепатия, – сказал Тэн. – Оказывается, на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Выходит, похожие на крыс существа знают не только про дом, но и про Бизли тоже.

– Ты что-то сказал, Хайрам?

– Да нет, ничего, – ответил Тэн. – Попроси своего друга передать им, что я рад их видеть, и узнай, чем я могу быть полезен.

Тэн стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на гостей. Он увидел у них на куртках множество карманов, набитых, вероятно, тем, что заменяло им табак, носовые платки, перочинные ножи и прочую ерунду.

– Они говорят, что хотят маклачить.

– Маклачить?

– Да. Ну, как бы торговать. – Бизли тихонько хмыкнул. – Угодили прямо в лапы к маклеру-янки. Так про вас говорит Генри. Он еще говорит, что вы любого облапошите.

– Генри здесь ни при чем, – резко ответил Тэн. – Может быть, хотя бы здесь мы обойдемся без Генри.

Он сел на землю, и те трое тоже уселись напротив него.

– Спроси их, чем они хотят торговать.

– Идеями, – перевел Бизли.

– Идеями? Что за бред!

Но он уже понимал, что это не так. Идеи были самым лучшим товаром, который могли предложить пришельцы, наиболее ценным и ходким, но не требующим специальных складов и не подрывающим экономики, во всяком случае на первое время. Кроме того, торговля реальными товарами меньше способствует развитию цивилизации.

– Спроси их, что они хотят в обмен не идею седел, на которых они приехали? – поинтересовался Тэн.

– Они спрашивают, что вы можете предложить.

Вот в этом-то и заключалась загвоздка. Ответить на такой вопрос было нелегко.

Машины и грузовики, двигатель внутреннего сгорания, очевидно, не годятся. У них уже есть седла. С точки зрения этих существ, Земля далеко отстала от них в развитии транспорта.

Строительство? Вряд ли это подойдет. Он вспомнил про дом в пустыне. Значит, они знают, как строить дома. Может быть, одежда? Но на них была одежда.

«Краска, – подумал Тэн. – Краска – вот то, что им нужно».

– Спроси, не интересуется ли их краска, – обратился он к Бизли.

– Они спрашивают, что это такое. Объясни им, пожалуйста.

– Сейчас. Дай подумать. Краска – это защитный слой, которым можно покрыть любую поверхность. Она компактна, что важно для хранения и перевозки; применять ее несложно. Кроме того, она предохраняет предметы от непогоды и коррозии. Имеет декоративное значение. Суще-

ствуют краски любых цветов. Изготовление их стоит недорого.

– Они обмозговывают эту идею, – передал Бизли. – Кажется, заинтересовались. Но им хочется узнать подробнее. Расскажи им что-нибудь еще.

«Ну, это уже на что-то похоже», – подумал Тэн. Он почувствовал себя в родной стихии.

Усевшись поудобнее и слегка наклонившись, он всматривался в три черных и плоских, как сковорода, лица, пытаясь понять, что делается в мозгу у пришельцев.

Наконец-то все стало на свои места.

Но лица пришельцев были непроницаемы.

Внутренний голос подсказывал Тэну, что среди этой троицы он найдет себе достойных партнеров. И это тоже радовало его.

– Скажи им, что я не совсем уверен, хорошо ли они меня поняли. Я говорил слишком быстро. Ведь краска – очень ценная идея.

– Они говорят, что были бы очень благодарны, если бы ты им еще что-нибудь рассказал: они заинтересовались.

«Зацепило, – подумал Тэн. – Только бы провести все на уровне».

И он с азартом принялся маклачить.

Через несколько часов появился Генри в сопровождении типичного горожанина с внушающим уважение чемоданчиком в руке.

Оба они в изумлении застыли на пороге: Тэн сидел на корточках, а перед ним лежала доска, по которой он водил кистью. Незнакомцы внимательно следили за его движениями. Судя по пятнам на их лицах и одежде, было видно,

что они уже пробовали красить. Вокруг были разбросаны вымазанные краской доски и штук двадцать банок.

Тэн поднял голову и посмотрел на Генри и гостя.

— Я все время надеялся, что кто-нибудь появится, — сказал он.

— Хайрам, — начал Генри, и в голосе у него было еще больше важности, чем обычно. — Я хочу познакомить вас с мистером Ланкастером. Он специальный представитель Организации Объединенных Наций.

— Рад познакомиться с вами, сэр, — ответил Тэн. — Вот я думаю, не могли бы вы мне...

— Мистер Ланкастер, — прервал его Генри, — не мог пробиться сквозь кордон, и я предложил ему свои услуги. Я уже объяснил, каков наш общий интерес в этом деле.

— Да, это было очень любезно со стороны мистера Хортонна, — вставил Ланкастер. — Там был такой дурак сержант.

— К людям надо уметь подходить, — произнес Генри. Это изречение, как заметил Тэн, не было должным образом оценено представителем Объединенных Наций.

— Могу я узнать, мистер Тэн, — чем вы занимаетесь в данный момент? — спросил Ланкастер.

— Маклачу.

— Маклачите? Что за странный способ выражать свои мысли?

— Старинное слово с некоторой модификацией. Когда вы торгуете с кем-нибудь, то происходит обмен товарами, а когда вы маклачите, это значит, что вы хотите содрать три шкуры.

— Очень интересно, — сказал Ланкастер. — Как я вас по-

нял, вы собираетесь освежевать этих господ в голубых жилетах?

– Хайрам, – с гордостью заявил Генри, – лучший маклер в здешних местах. Он торгует старинными вещами, и поэтому ему приходится все время здорово ловчить.

– А не скажете ли вы мне, для чего здесь эти банки с краской? – спросил Ланкастер, совершенно не обращая внимания на Генри. – Эти джентльмены покупают краску?

Тэн отбросил доску и с раздражением вскочил.

– Заткнетесь вы оба когда-нибудь? – закричал он. – С той самой минуты, как вы появились, я не могу вставить ни одного слова. А это очень важно, поверьте мне.

– Хайрам! – в ужасе воскликнул Генри.

– Ничего, ничего, не беспокойтесь, – сказал представитель ООН. – Мы действительно мешаем своей болтовней. В чем же дело, мистер Тэн?

– Понимаете, я зашел в тупик, – признался Тэн. – И мне нужна помощь. Я продал этим голубчикам идею краски, но я об этой самой краске ровным счетом ничего не знаю. Словом, я понятия не имею, из чего и как она делается и на что идет.

– Мистер Тэн, но вы ведь продаете им краску. И какая вам разница...

– Да я не продаю краску! – закричал Тэн. – Вы что, не понимаете? Им не нужна краска. Им требуется *идея* краски. Принцип краски, они об этом никогда не думали и потому заинтересовались. Я предложил им идею краски в обмен за седла и почти договорился.

– Седла? Вы говорите об этих штуках, которые висят в воздухе?

– Да. Бизли, не попросишь ли ты наших друзей продемонстрировать седла?

– Отчего же нет, – ответил Бизли.

– Ничего не понимаю, – сказал Генри. – Какое отношение ко всему этому имеет Бизли?

– Бизли – переводчик. Если угодно, можете называть его телепатом. Помните, как он всегда говорил, что может разговаривать с Таузером?

– Но Бизли всегда хвастается.

– На этот раз все оказалось правдой. Он передает мои слова этому смешному чудовищу, похожему на сурка, а сурок переводит пришельцам. А они говорят ему, он – Бизли, а Бизли – мне.

– Весело! – фыркнул Генри. – Да у Бизли никогда в жизни не хватит сообразительности стать этим... как вы говорите?

– Телепатом, – подсказал Тэн.

Один из гостей взобрался на седло, проехался на нем назад и вперед по воздуху, потом спрыгнул и снова уселся на землю.

– Чудеса! – изумился представитель ООН. – Какое-то автоматическое антигравитационное устройство! Мы действительно могли бы его использовать.

Он почесал подбородок.

– И вы хотите обменять идею краски на идею седла?

– Вот именно, – откликнулся Тэн. – Но мне нужна помощь. Мне нужен химик или специалист по производству красок, или еще какой-нибудь знаток, чтобы объяснить, как ее делают. И еще мне нужен какой-нибудь профессор или вообще человек, который разберется в том, что они будут говорить о принципе устройства седла.

– Все ясно, – изрек Ланкастер. – Да, задача трудная. Мистер Тэн, вы мне кажетесь человеком проникательным.

– Вы не ошиблись, мистер Ланкастер, – вмешался Генри. – Хайрам – человек исключительной проникательности.

– Тогда, я думаю, вы понимаете, – заметил представитель ООН, – что вся процедура в некотором роде необычна.

– Ничего подобного! – воскликнул Тэн. – Это их метод работы. Они открывают новую планету и выменивают идеи. Они уже очень давно торгуют с вновь открытыми мирами. И им нужны идеи, новые идеи, потому что только таким путем они развивают свою технику и культуру. И у них, сэр, есть множество идей, которыми человечество могло бы воспользоваться.

– Вот тут-то и зарыта собака, – сказал Ланкастер.

– Это, пожалуй, самое важное событие за всю историю человечества. За какой-нибудь год мы получим столько идей и сведений, что сможем в своем развитии, по крайней мере теоретически, продвинуться на тысячу лет вперед. Это дело огромной государственной важности, и нужно, чтобы оно попало в руки людей опытных и знающих.

– Но где вы найдете человека, который мог бы торговаться лучше, чем Хайрам? – возмутился Генри. – Когда он берется за дело – тут только держись. Почему не предоставить это ему? Он будет работать для вас. Вы можете создать комиссию специалистов и группу по планированию, а Хайраму поручить практическую сторону. Эти существа уже с ним освоились, и видно, что у них с

Хайрамом налажен контакт. Что вы еще хотите? Ему нужна только небольшая помощь.

Подошел Бизли и уставился на представителя ООН.

– Я ни с кем больше работать не буду, – объявил он.

– Если вы выгоните Хайрама, я уйду с ним. Хайрам – единственный, кто обращался со мной по-человечески.

– Вот видите, – с торжеством в голосе произнес Генри.

– Постойте, Бизли, – сказал представитель ООН. – Мы можем договориться. Я представляю себе, что переводчик в такой ситуации, как эта, может заработать кучу денег.

– Деньги для меня ничего не значат, – ответил Бизли. – Друзей я не куплю, а люди все равно будут смеяться надо мной.

– Он не шутит, мистер Ланкастер, – произнес Генри. – Нет человека, который бы переупрямил Бизли. Я это хорошо знаю. Ведь он у нас работал.

Вид у представителя ООН был растерянный и несчастный.

– И вы нес скоро найдете нового телепата, по крайней мере такого, который сможет разговаривать с ними, – заявил Генри.

Казалось, что представителю ООН не хватает воздуха.

– Сомневаюсь, – признался он, – можно ли на всем земном шаре найти другого.

– Ну, хорошо, – безжалостно произнес Бизли. – Давайте решать. Я не могу стоять здесь весь день.

– Уговорили! – воскликнул представитель ООН. – Вы двое идите и продолжайте работу. Вы согласны, Хайрам? Это случай, который нельзя упускать. И скажите, пожалуйста, чем я могу быть полезен? Могу я что-нибудь для вас сделать?

– Можете, – ответил Тэн. – Скоро сюда понаедут всякие шишки из Вашингтона и из других стран. Держите их всех от меня подальше.

– Я им все объясню. Они вам не будут мешать.

– А мне нужен химик и еще какой-нибудь специалист, который сможет понять все про седла. И очень срочно. Я могу еще немного задержать этих голубчиков, но ненадолго.

– Через несколько часов я вам доставлю любого эксперта, какого угодно, – заверил представитель ООН. – А через день или два сотни специалистов будут дежурить здесь, чтобы явиться по вашему первому зову.

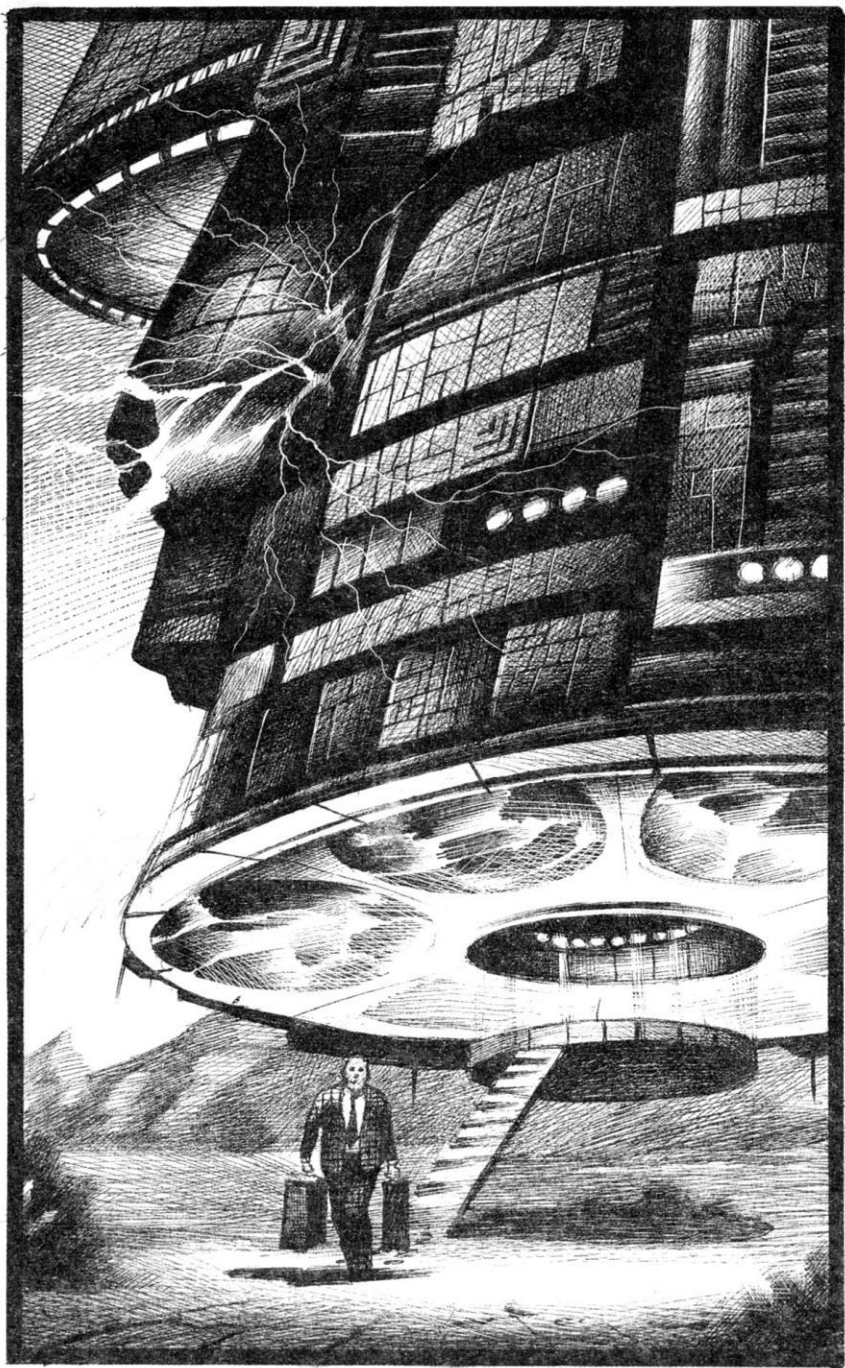
– Сэр, – заговорил Генри елейным голосом. – Это прекрасное решение. Оба мы, Хайрам и я, очень вам благодарны. А сейчас, поскольку все решено, нам надо идти, нас ждут репортеры. Они заинтересованы в нашем интервью, мистер Ланкастер.

Представитель ООН, казалось, ничего не имел против, и они с Генри затопали по лестнице.

Тэн обернулся и посмотрел на пустыню.

– Ведь все это – мой собственный необъятный двор, – сказал он вслух.

КИМОН

Он был единственным пассажиром, направлявшимся на Кимон, и на борту космического корабля уже за одно это все носились с ним, как со знаменитостью.

Для того чтобы доставить его к месту назначения, кораблю пришлось сделать крюк в два световых года. Селдону Бишопу казалось, что деньги, которые он заплатил за проезд еще на Земле, не возмещали ущерба и вполовину.

Но капитан не роптал. Он сказал Бишопу, что считает делом чести доставить пассажира на Кимон.

Бизнесмены, летевшие на том же корабле, домогались его общества, платили за выпивку и доверительно рассказывали о перспективах торговли с новооткрытыми солнечными системами.

Но, несмотря на все эти доверительные разговоры, смотрели они на Бишопу с плохо скрываемой завистью и повторяли: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес».

То один, то другой бизнесмен толковал с Бишопом наедине и после первой же рюмки предлагал миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Миллиарды... а пока у него в кармане не было и двадцати кредиток, и он с ужасом думал о том, что ему тоже придется угощать других. Он не был уверен, что на свои кредитки сможет угостить всю компанию.

Представительные матроны брали его на свое попече-

ние и осыпали материнскими ласками; женщины помоложе, завлекая его, осыпали ласками отнюдь не материнскими. И куда бы он ни направился, позади говорили вполголоса:

— На Кимон! Милочка, вы знаете, что значит отправиться на Кимон! Для этого нужна положительно сказочная квалификация, надо готовиться годы и годы, а экзамен выдерживает один из тысячи.

И так было всю дорогу до самого Кимона.

Кимон был галактическим Эльдorado, страной несбыточных грез, краем, где кончается радуга. Мало кто не мечтал о поездке туда, многие стремились осуществить свои мечты на деле, но среди тех, кто пытался добиться своего, преуспевали лишь очень немногие. Немногим более ста лет назад до Кимона добрался (было бы неправильно говорить, что его открыли или что с ним вступили в контакт) неисправный космический корабль с Земли, который сел на планету и подняться с нее уже не мог.

До сих пор никто так и не узнал, что же там, в сущности, произошло, но в конце концов экипаж разломал свой корабль, поселился на Кимоне, а родные получили письма, в которых члены экипажа извещали их, что возвращаться не собираются.

Совершенно естественно, что между Кимоном и Землей никакого почтового сообщения быть не могло, но письма доставлялись самым фантастическим, хотя и, впрочем, самым логичным способом. И возможно, этот способ убедительнее всего показал земным властям, что Кимон именно таков, каким он изображался в письмах... Письма были свернуты в трубку и помещены в своеобраз-

ный футляр, напоминавший футляр пневматической почты. Он был доставлен прямо на стол руководителя мирового почтового ведомства. Не на стол какого-нибудь подчиненного, а на стол самого главного начальника. Футляр появился, пока начальник ходил обедать, и, как было установлено тщательным расследованием, на стол его никто не клал.

Тем временем чиновники почтового ведомства, попрежнему убежденные, что стали жертвами какой-то мистификации, отправили письма к адресатам со специальными курьерами, которые обычно добывали себе хлеб насущный службой в Бюро Расследований.

Адресаты все как один утверждали, что письма подлинные, так как в большинстве случаев узнавали знакомый почерк. И кроме того, в каждом письме содержались подробности, знакомые только адресатам, и это было еще одним доказательством, что письма настоящие.

Затем каждый адресат написал ответное письмо, их поместили в футляр, в котором прибыли письма с Кимона, а сам футляр положили на стол руководителя почтового ведомства, на то самое место, где его в свое время нашли.

С футляра не сводили глаз, и некоторое время ничего не происходило, но потом вдруг он исчез, а как исчез, никто не заметил — футляра просто не стало, и все. Через неделю-другую перед самым концом рабочего дня футляр появился снова. Руководитель почтового ведомства был увлечен работой и не обращал внимания на то, что происходило вокруг. И вдруг снова увидел футляр. И снова в нем были письма, но на сей раз конверты раздувались от сотенных кредиток, которые потерпевшие крушение кос-

монавты посылали в подарок своим родственникам, хотя тут же следует отметить, что сами космонавты, по-видимому, не считали себя потерпевшими крушение.

В письмах они извещали о получении ответов, посланных с Земли, и сообщали некоторые сведения о планете Кимон и ее обитателях. Во всех письмах подробно объяснялось, как космонавты достали сотенные кредитки на чужой планете. Бумажные деньги, говорилось в письмах, были фальшивыми, сделанными по образцу тех, что были у космонавтов в карманах, но когда земные финансовые эксперты и служащие Бюро Расследований взглянули на банкноты, то отличить их от настоящих денег они не смогли. Но руководители Кимона, говорилось в письмах, не хотят, чтобы их считали фальшивомонетчиками. И чтобы валюта не обесценилась, кимонцы в самое ближайшее время сделают взнос в земной банк материалами, которые по своей ценности не только эквивалентны посланным деньгам, но и, если потребуется, покроют дальнейший выпуск денег.

В письмах пояснялось, что денег как таковых на Кимоне нет, но поскольку Кимон хочет дать работу людям с Земли, то пришлось изыскать способ оплаты их труда, и если земной банк и все организации, имеющие отношение к финансам, согласны...

Правление банка долго колебалось и толковало о всяких глубоких финансовых соображениях и экономических принципах, но все эти разговоры ни к чему не привели, потому что через несколько дней, во время перерыва, рядом со столом председателя правления банка появились несколько тонн тщательно упакованного урана и два мешка алмазов.

Теперь Земле ничего не оставалось делать, как принять существование Кимона за чистую монету и считать, что земляне, севшие на Кимон, возвращаться не собираются.

В письмах говорилось, что кимонцы – это гуманоиды, что они обладают парапсихическими способностями и создали культуру, которая намного обогнала культуру Земли и любой другой планеты Галактики, открытой к этому времени.

Земля подремонтировала один из космических кораблей, собрала корпус самых красноречивых дипломатов, давала им кучу дорогих подарков и отправила все это на Кимон. Но уже через несколько минут после приземления дипломатов вышибли с планеты самым недипломатическим образом. По-видимому, Кимон не имел никакого желания связываться с второразрядной варварской планетой. Дипломатам дали понять, что когда Кимон пожелает установить дипломатические отношения с Землей, об этом будет объявлено особо. На Кимон же допускались люди, которые не только обладали определенной квалификацией, но и ярко проявили себя в научной деятельности.

С тех пор ничего не изменилось.

На Кимон нельзя было поехать просто по желанию. К этому надо было готовиться.

Прежде всего требовалось пройти специальное испытание умственных способностей, которое не выдерживали девяносто девять процентов. Выдержав испытание, надо было посвятить годы и годы изнурительному учению, а потом опять держать письменный экзамен, и вновь происходил отсев. Едва ли один из тысячи выдерживал все экзамены.

Год за годом мужчины и женщины Земли пробивались на Кимон, селились там, процветали и писали письма домой. Ни один из уехавших не вернулся. Попавшему на Кимон, видимо, и в голову не приходило вернуться на Землю.

И все же за столько лет сведений о Кимоне, его обитателях и культуре стало ненамного больше. Эти сведения черпались только из писем, доставлявшихся со скрупулезной точностью каждую неделю на стол руководителя почтового ведомства. В них писали о таких заработках, которые на Земле и не снились, о великолепных возможностях разбогатеть, о кимонской культуре и о самих кимонцах, но все это так, вообще, — ни одной подробности о той же культуре, деловой жизни или о чем бы то ни было другом письма не сообщали.

И возможно, адресаты не слишком жалели об отсутствии конкретных сведений потому, что почти в каждом письме приходила пачка денег, новеньких и хрустящих, подкрепленных тоннами урана, мешками алмазов и штабелями слитков золота, которые время от времени появлялись у стола председателя правления банка.

Со временем у каждой семьи на Земле появилось честолюбивое желание послать хотя бы одного своего члена на Кимон, так как пребывание родственника там означало в конце концов, что здесь все его близкие будут иметь гарантированный и приличный доход на всю жизнь.

Естественно, о Кимоне рассказывали легенды. Конечно, в основном это были выдумки. В письмах опровергались слухи о том, что улицы там вымощены золотыми брусками, что кимонские девицы носят платья, усеянные бриллиантами.

Но те, чье воображение не ограничивалось золотыми улицами и бриллиантовыми платьями, прекрасно понимали, что по сравнению с возможностями, которые открываются на Кимоне, золото и бриллианты — это чепуха. Земной культуре до кимонской было далеко, люди там приобрели или развили в себе естественным путем параспсихические способности. На Кимоне можно было научиться тому, что произвело бы революцию в галактической промышленности в средствах сообщения, а кимонская философия направила бы человечество по новому и лучшему (и более прибыльному?) пути.

И рождались все новые и новые легенды, которые каждый толковал в зависимости от собственного интеллекта и образа мышления.

Руководители Земли оказывали всяческую поддержку тем, кто хотел отправиться на Кимон, потому что руководители, как и все прочие, понимали, какие в этом таятся возможности для революции в промышленности и эволюции человеческой мысли. Но так как со стороны Кимона приглашения признать его дипломатически не следовало, они выжидали, строили планы и делали все, чтобы на Кимон поехало как можно больше людей. Но людей достойнейших, так как даже самый древний бюрократ понимал, что на Кимоне Земля должна быть представлена в лучшем виде.

Но почему кимонцы разрешали приезжать людям с Земли? Это было неразрешимой загадкой. По-видимому, Земля была единственной планетой Галактики, получившей разрешение присылать своих людей. Конечно, и земляне и кимонцы были гуманоидами, но это оставляло во-

прос открытым, потому что они не были единственными гуманоидами в Галактике. Ради собственного утешения земляне считали, что исключительное гостеприимство кимонцев объясняется некоторым взаимопониманием, одинаковым мировоззрением, некоторым сходством эволюционного развития (конечно, при небольшом отставании Земли).

Как бы там ни было, Кимон был галактическим Эльдorado, страной несбыточных грез, местом, куда надо стремиться и где надо жить, краем, где кончается радуга.

Селдон Бишоп оказался в местности, напоминавшей земной парк. Тут его высадила быстроходная космическая шлюпка, ибо космодромов на Кимоне не было, как не было многого другого.

Он стоял среди своих чемоданов и смотрел вслед шлюпке, направлявшейся в космос к орбите лайнера.

Когда шлюпка исчезла из виду, он сел на чемодан и стал ждать.

Местность чем-то напоминала земной парк, но на этом сходство ограничивалось. Деревья были слишком тонкими, цветы – чересчур яркими, трава – немного не такого цвета, как на земле. Птицы, если это были птицы, напоминали ящериц, оперение у них было непривычной расцветки и вообще не такое, как у земных птиц. Ветерок донес запахи, не похожие на запахи Земли. Чужие запахи, чужие цвета...

Сидя на чемодане посреди парка, Бишоп старался вызвать у себя ощущение радости оттого, что он, наконец, на Кимоне. Но он не чувствовал ничего, кроме удовлетворе-

ния, что ему удалось сохранить свои двадцать кредиток в целости и сохранности.

Ему потребуется немного наличных денег, чтобы продержаться, пока он найдет работу. Но и тянуть с этим нельзя. Конечно, брать первую попавшуюся работу тоже не стоит, надо поискать немного и найти наиболее подходящую. А для этого потребуется время.

Он пожалел, что не оставил побольше денег про запас. Но это значило бы, что он приехал бы сюда не с такими хорошими чемоданами, и костюмы пришлось бы шить не у портного, а покупать готовые...

Он говорил себе, что важно с самого начала произвести хорошее впечатление, и чем больше думал сейчас, тем меньше сожалел, что истратил почти все деньги, чтобы произвести хорошее впечатление.

Может быть, следовало взять у Морли займы. Морли ему ни в чем не отказал бы, а он потом расплатился бы, как только найдется работа. Но просить было противно, ибо, как он теперь понимал, это значило бы уронить достоинство, которое он чувствовал особенно сильно с тех пор, как его избрали для поездки на Кимон. Все, даже Морли, смотрели с почтением на человека, прорвавшегося на Кимон, и тут уж никак нельзя было просить о деньгах и прочих одолжениях.

Бишоп вспомнил свое последнее посещение Морли. Теперь он уже понимал, что, хотя Морли и его друг, в этом последнем визите был какой-то оттенок тех, дипломатических обязанностей, которые Морли приходилось выполнять по долгу службы.

На дипломатическом поприще Морли пошел далеко и

пойдет еще дальше. Руководители департамента говорили, что в девятнадцатом секторе политики и экономики по манере говорить и вести себя, по умению ориентироваться он выделяется среди всех молодых людей. У него были подстриженные усы, и бросалось в глаза, что он тщательно ухаживает за ними. Волосы его всегда были в порядке, а ходил он пружинисто, как пантера.

Они сидели на квартире у Морли, на душе было приятно и легко. Вдруг Морли встал и начал ходить из угла в угол.

— Мы дружим с незапамятных времен, — сказал Морли. — Мы побывали вместе не в одной переделке. — И оба улыбнулись, вспомнив переделки, в которых они побывали.

— Когда я услышал, что вы едете на Кимон, — продолжал Морли, — я, естественно, обрадовался. Я рад любому вашему успеху. Но я обрадовался еще и по другой причине. Я сказал себе: «Вот, наконец, человек, который может сделать то, что нам надо».

— А что вам надо? — произнес Бишоп таким тоном, будто спрашивал Морли, хочет ли тот выпить шотландского виски или чего-либо другого. Правда, такого вопроса он никогда бы не задал, так как было известно, что все молодые люди из ведомства иностранных дел — ревностные поклонники шотландского виски. Во всяком случае, задал он этот вопрос непринужденно, хотя чувствовал, что вся непринужденность разговора рассеивается как дым.

В воздухе стала витать тень плаща и кинжала. Бишоп вдруг ощутил бремя официальной ответственности, и на мгновение сердца его коснулся холодок страха.

— У этой планеты должен быть какой-нибудь секрет, — сказал Морли, — для кимонцев никто из нас, ни одна из других планет не существует. Нет такой планеты, которая бы получила дипломатическое признание. На Кимоне нет ни одного представителя какого бы то ни было другого народа. По-видимому, они и не торгуют ни с кем, и все же они должны торговать, потому что ни одна планета, ни одна культура не может существовать совершенно самостоятельно. Наверно, с кем-то у них все-таки дипломатические отношения есть. Должны быть какие-нибудь причины... кроме того, что мы по сравнению с ними отсталый народ... почему они не хотят признавать Землю. Ведь даже во времена варварства многие правительства и народы признавали те страны, которые были гораздо ниже в культурном отношении.

— Вы хотите, чтобы я узнал все это?

— Нет, — сказал Морли. — Мы хотим подобрать ключ. И это все. Мы ищем ключ, какой-нибудь намек, который помог бы нам разобраться в обстановке. Хотя бы воткнуть клинышек, вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. А уж все остальное мы сделаем сами.

— А другие? — спросил его Бишоп. — Тысячи других поехали туда. Не один же я получил право поехать на Кимон?

— Вот уже более пятидесяти лет, — ответил Морли, — наш сектор дает такие же напутствия и всем другим.

— И вам ничего не сообщили?

— Ничего, — сказал Морли, — или почти ничего. Или ничего такого, что могло бы послужить нашим целям.

— Они не могли...

– Они не могли ничего поделать, потому что, прибыв на Кимон, они совершенно забывали о Земле... нет, не забывали, это не совсем так. Но они уже были неверны Земле. Кимон действовал на них ослепляюще.

– Вы так думаете?

– Не знаю, – сказал Морли. – Но у нас нет другого объяснения. Вся беда в том, что говорили мы с ними только раз. Ни один из них не вернулся. Конечно, мы можем писать им письма. Мы можем напоминать им... намеками. Но прямо спрашивать не можем.

– Цензура?

– Нет. Телепатия. Кимонцы узнали бы все, если бы мы попытались что-нибудь внушить своим. А мы не можем рисковать всей проделанной нами работой.

– Но я уеду с такими мыслями...

– Вы забудете их, – сказал Морли. – У вас впереди несколько недель, за которые вы можете забыть их... запрягать в глубины своего сознания. Но не совсем... не совсем.

– Понятно, – сказал Бишоп.

– Поймите меня правильно. В этом нет ничего злобешего. Вам не следует упорно доискиваться всего. Может быть, все обстоит очень просто. Может быть, просто мы не так причесываемся. Есть какая-то причина... наверно, очень маленькая.

Морли быстро переменял тему разговора, налил по бокалу виски, сел и стал вспоминать школьные годы, знакомых девочек и загородные поездки.

В общем, это был приятный вечер.

Но прошло несколько недель, и Бишоп почти забыл обо всем. А теперь он сидел на своих чемоданах посере-

дине парка и ждал, когда появится встречающий кимонец. Он знал, как будет выглядеть кимонец, и не собирался удивляться.

И все же он удивился.

Туземец был двухметрового роста. Сложенный, как античный бог, он был совсем-совсем человеком. Только что Бишоп сидел один на поляне в парке, и вдруг рядом оказался туземец.

Бишоп вскочил.

– Мы рады вам, – сказал кимонец. – Добро пожаловать на Кимон, сэр.

Голос и произношение туземца были такими же совершенными и красивыми, как и его скульптурное тело.

– Спасибо, – сказал Бишоп и тут же почувствовал, как неловко он это произнес, каким запинаящимся и глуховатым был его голос по сравнению с голосом туземца. Взглянув на кимонца, он невольно сравнил себя с ним.

Каков у него, наверно, взъерошенный, мятый, нездоровый вид.

Бишоп полез в карман за бумагами. Негнущимися, неловкими пальцами он с трудом откопал их («откопал», иначе не скажешь).

Кимонец взял документы, скользнул по ним глазами (именно «скользнул») и сказал:

– Мистер Селдон Бишоп. Рад познакомиться с вами. У вас очень хорошая квалификация. Экзаменационные оценки, как я вижу, великолепные. Хорошие рекомендации. И, как я вижу, вы спешили к нам. Очень рад, что вы приехали.

– Но... – возразил было Бишоп. И тут же замолчал,

крепко стиснув зубы. Не говорить же кимонцу, что тот только скользнул глазами по документам, а не прочел их. Содержание документов было, по-видимому, известно этому человеку.

— Как доехали, мистер Бишоп?

— Благодарю вас, путешествие было прекрасным, — сказал Бишоп и вдруг преисполнился гордости за то, что отвечает так легко и непринужденно.

— Ваш багаж, — сказал туземец, — говорит о вашем великолепном вкусе.

— Спасибо, я...

И тут Бишоп разозлился. Какое право имеет этот кимонец снисходительно отзываться о его чемоданах!

Но туземец сделал вид, что ничего не заметил.

— Не желаете ли вы отправиться в гостиницу?

— Как вам будет угодно, — очень сухо сказал насторожившийся Бишоп.

— Позвольте мне...

На мгновение сознание Бишопа затуманилось, все поплыло перед глазами, и вот он уже стоит не на полянке в парке, а в небольшой нише, выходящей в вестибюль гостиницы, а рядом аккуратно сложены чемоданы.

Он не успел насладиться своим триумфом там, на полянке, ожидая туземца, глядя вслед удалявшейся шлюпке. И здесь все существо его охватила буйная, пьянящая радость. Комок подкатил к горлу. Бишопу стало трудно дышать.

Это Кимон! Наконец-то он на Кимоне! После стольких лет учения он здесь, в этом сказочном месте... Вот чему он отдал многие годы жизни!

«Высокая квалификация», – так говорили люди друг другу вполголоса... высокая квалификация, жестокие замены, которые сдает один из тысячи.

Он стоял в нише, и ему не хотелось выходить, пока не пройдет волнение. Он должен пережить свою радость, свой триумф наедине с собой. Надо ли давать волю этому чувству? Во всяком случае, показывать его не стоит. Все личное надо запрятывать поглубже.

На Земле он был единственным из тысячи, а здесь он ничем не отличается от тех, кто прибыл раньше его. Наверно, он не может быть с ними даже на равной ноге, потому что они уже в курсе дела, а ему еще предстоит учиться.

Вот они, в вестибюле... счастливчики, прибывшие в сказочную страну раньше его... «блестящее общество», о котором он мечтал все эти утомительные годы... общество, к которому он теперь будет принадлежать... люди Земли, призванные годными для поездки на Кимон.

Приехать сюда могли только лучшие... только лучшие, самые умные, самые сообразительные. Земле не хотелось ударить в грязь лицом, иначе как бы Земля могла убедить Кимон в том, это она родственная планета?

Сначала люди в вестибюле казались всего лишь толпой, неким блестящим, но безликим сборищем. Однако, когда Бишоп стал присматриваться, толпа распалась на индивидуальности, на мужчин и женщин, которых ему вскоре предстояло узнать.

Бишоп заметил портье только тогда, когда тот оказался рядом. Портье (наверное, портье) был более высоким и красивым, чем туземец, встретивший его на поляне.

– Добрый вечер, сэр, – сказал портье. – Добро пожаловать в «Риц».

Бишоп вздрогнул.

– «Риц»? Ах да, я забыл... Это и есть отель «Риц».

– Мы рады, что вы остановились у нас, – сказал портье.

– Мы надеемся, что вы у нас пробудете долго.

– Конечно, – сказал Бишоп. – Я тоже надеюсь.

– Нас известили, – сказал портье, – что вы прибываете, мистер Бишоп. Мы взяли на себя смелость подготовить для вас номер. Хочется думать, что он вас устроит.

– Я уверен, что устроит, – сказал Бишоп.

Будто на Кимоне что-нибудь может не устроить!

– Может быть, вам захочется переодеться, – сказал портье. – До обеда еще есть время.

– О конечно, – сказал Бишоп. – Мне очень хочется...

И тут же пожалел, что сказал это.

– Вещи вам доставят в номер. Регистрироваться не надо. Это уже сделано. Позвольте проводить вас, сэр.

Номер ему понравился. Целых три комнаты. Сидя в кресле, Бишоп думал о том, что теперь ему и вовек не расплатиться.

Вспомнив о своих несчастных двадцати кредитках, Бишоп запаниковал. Придется подыскать работу раньше, чем он предполагал, – потому что с двадцатью кредитками далеко не уедешь... хотя, наверно, в долг ему поверят.

Но он тотчас оставил мысль просить денег взаймы, так как это значило бы признаться, что у него нет с собой наличных. До сих пор все шло хорошо. Он прибыл сюда на лайнере, а не на борту потрепанного грузового судна: его багаж (что сказал этот туземец?) подобран со вкусом:

его гардероб такой, что комар носа не подточит: не кинется же он занимать деньги только потому, что его смутила роскошь номера.

Он прохаживался по комнате. Ковра на полу не было, но сам пол был мягким и пружинистым. На нем оставались следы, которые почти немедленно сглаживались.

Бишоп выглянул в окно. Наступил вечер, и все вокруг подернулось голубовато-серой дымкой. Вдаль уходила холмистая местность, и не было на ней ничего, абсолютно ничего. Ни дорог, ни огоньков, которые бы говорили о другом жилье.

Он подумал, что ничего не видно только с этой стороны дома. А на другой стороне, наверно, есть улицы, дороги, дома, магазины.

Бишоп обернулся и снова стал осматривать комнату. Мебель похожа на земную... Подчеркнуто спокойные и элегантные линии... Красивый мраморный камин, полки с книгами... Блеск старого полированного дерева... Бесподобные картины на стенах... Большой шкаф, почти целиком закрывающий одну из стен комнаты.

Бишоп старался определить, для чего же нужен этот шкаф. Красивая вещь, вид у нее древний, и полировка...

Нет, это не лак, шкаф отполирован прикосновениями человеческих рук и временем.

Он направился к шкафу.

— Хотите выпить, сэр?

— Не прочь, — ответил Бишоп и тотчас стал как вкопанный, сообразив, что шкаф заговорил с ним, а он ответил.

В шкафу откинулась дверца, а за ней стоял стакан.

— Музыку? — спросил шкаф.

– Если вас не затруднит, – сказал Бишоп.

– Какого типа?

– Типа? А, понимаю. Что-нибудь веселое, но и чуть-чуть грустное. Как синие сумерки, разливающиеся над Парижем. Кто это сказал? Один из древних писателей. Фицджеральд. Вероятнее всего, Фицджеральд.

Музыка говорила о том, как синие сумерки крались над городом на далекой Земле, и лил теплый апрельский дождь, и доносился издали девичий смех, и блестела мостовая под косым дождем.

– Может быть, вам нужно что-нибудь еще, сэр? – спросил шкаф.

– Пока ничего.

– Хорошо, сэр. До обеда у вас остался час, успеете переодеться.

Бишоп вышел из комнаты, на ходу пробуя напиток. У него был какой-то незнакомый привкус.

В спальне Бишоп пощупал постель, она была достаточно мягкой. Посмотрел на туалетный столик и большое зеркало, а потом заглянул в ванную, оборудованную автоматическими приборами для бритья и массажа, не говоря уже о ванне, душе, машине для физкультурных упражнений и ряде других устройств, назначения которых он не смог определить.

В третьей комнате было почти пусто. В центре ее стояло кресло с широкими плоскими подлокотниками, и на каждом из них виднелись ряды кнопок.

Бишоп осторожно приблизился к креслу. Что же это? Что за ловушка? Хотя это глупо. Никаких ловушек на Кимоне не может быть. Кимон – страна великих возможно-

стей, здесь человек может разбогатеть и жить в роскоши, набраться ума и культуры, выше которой до сих пор в Галактике не найдено.

Он наклонился к широким подлокотникам кресла и увидел, что на каждой кнопке была надпись. Бишоп читал: «история», «поэзия», «драма», «скульптура», «астрономия», «философия», «физика», «религия» и многое другое. Значения некоторых надписей он не понимал.

Бишоп оглядел пустую комнату и впервые заметил, что в ней нет окон. Видимо, это был своеобразный театр или учебная аудитория. Садись в кресло, нажимаешь какую-нибудь кнопку и ...

Но времени на это не было. Шкаф сказал, что до обеда оставался час. Сколько-то уже прошло, а он еще не переоделся.

Чемоданы были в спальне. Бишоп достал костюм. Пиджак оказался измятым.

Он держал пиджак и смотрел на него. Может, повесить, и пиджак отвисится. Может... Но Бишоп знал, что пиджак за это время не отвисится. Музыка прекратилась, и шкаф спросил:

— Что вам угодно, сэр?

— Можете ли вы погладить пиджак?

— Конечно, сэр, могу.

— За сколько?

— За пять минут, — сказал шкаф. — Дайте мне и брюки.

Зазвонил звонок, и Бишоп открыл дверь. За дверью стоял человек.

— Добрый вечер, — сказал человек и представился: — Монтэгю. Но все зовут меня Монти.

– Входите, пожалуйста, Монти.

Монти вошел и оглядел комнату.

– Хорошо у вас, – сказал он.

Бишоп кивнул.

– Я ни о чем и не заикался. Они сами мне все дали.

– Умницы эти кимонцы, – сказал Монти. – Большие умницы.

– Меня зовут Селдон Бишоп.

– Только что приехали? – спросил Монти.

– Примерно час назад.

– И полны благоговения перед этим замечательным Кимоном?

– Я ничего не знаю о нем, – сказал Бишоп. – Кроме того, конечно, что говорилось в учебном курсе.

– Я знаю, – косо взглянув на него, проговорил Монти. – Скажите по-дружески... вас тревожат какие-нибудь опасения?

Бишоп улыбнулся, он не знал, как ему быть.

– Чем вы собираетесь здесь заняться? – спросил Монти.

– Деловой администрацией.

– Ну, тогда на вас, наверно, нечего рассчитывать. Вы этим не заинтересуетесь.

– Чем?

– Футболом. Или бейсболом. Или крикетом. Или атлетикой.

– У меня никогда не было на это времени.

– Очень жаль, – сказал Монти. – Вы сложены, как спортсмен.

– Не хотят ли джентльмены выпить? – спросил шкаф.

– Будьте любезны, – сказал Бишоп.

– Идите переодевайтесь, – сказал Монти. – А я посижу и подожду.

– Пожалуйста, возьмите ваши пиджак и брюки, – сказал шкаф.

Дверца открылась, и за ней лежали вычищенные и вытюженные пиджак и брюки.

– Я не знал, – сказал Бишоп, – что вы здесь занимаетесь спортом.

– Нет, мы не занимаемся, – сказал Монти. – Это деловое предприятие.

– Деловое предприятие?

– Конечно. Мы хотим дать кимонцам возможность заключать пари. Может быть, они увлекутся этим. Хотя бы на время. Вообще-то они держать пари не могут...

– Я не понимаю, почему не могут...

– Сейчас объясню. У них совсем нет спортивных игр. Они не могли бы играть. Телепатия. Они знали бы на три хода вперед, что собираются делать их соперники. Телекинез. Они могли бы передвигать мяч или что бы там ни было, не притрагиваясь к нему пальцем. Они...

– Кажется, я понимаю, – сказал Бишоп.

– Но мы все-таки собираемся создать несколько команд и устроить показательные состязания. По возможности подогреть интерес к ним. Кимонцы повалят толпами. Будут платить за вход. Делать ставки. Мы, конечно, будем держать тотализатор и загребем комиссионные. Пока это будет продолжаться, мы неплохо заработаем.

– Конечно, но ведь это ненадолго.

Монти пристально посмотрел на Бишоп.

– Быстро вы все поняли, – сказал он. – Далеко пойдете.

– Джентльмены, напитки готовы, – сказал шкаф.

Бишоп взял стаканы и протянул один из них гостю.

– Пожалуй, я вас подключу, – сказал Монти. – Может быть, вы тоже подработаете. Тут больших знаний не требуется.

– Валяйте подключайте, – согласился Бишоп.

– Денег у вас немного, – сказал Монти.

– Как вы узнали об этом?

– Вы боитесь, что не сможете расплатиться за номер.

– Телепатия? – спросил Бишоп.

– Вы попали в самую точку, – сказал Монти. – Только я владею телепатией самую малость. С кимонцами нам нечего тягаться. Никогда мы не будем такими. Но время от времени что-то до тебя доходит... какое-то ощущение проникает в мозг. Если ты пробыл здесь достаточно долго....

– А я думал, что никто не заметит.

– Многие заметят, Бишоп. Но пусть это вас не беспокоит. Мы все друзья. Сплотились против общего врага, можно сказать. Если вам надо призанять денег...

– Пока нет, – сказал Бишоп. – Если понадобится, я вам скажу.

– Мне или кому-нибудь другому. Мы все друзья. Нам надо быть друзьями.

– Спасибо.

– Не стоит. А теперь одевайтесь. Я подожду. Мы пойдем вместе. Все хотят познакомиться с вами. Приезжает не так уж много людей. Все хотят знать, как там Земля.

– Как?..

– Земля, конечно, на месте. Как она поживает? Что там нового?

Бишоп только теперь рассмотрел гостиницу как следует. До этого он лишь мельком бросил взгляд на вестибюль, пока стоял со своими чемоданами в нише. Портье слишком быстро провел его в номер.

Но теперь он увидел эту овеществленную чудесным образом сказочную страну с ее фонтанами и неведомо откуда доносящейся музыкой, с тончайшей паутинкой радуг, выгнувшихся арками и крестовыми сводами, с мерцающими стеклянными колоннами, в которых отражался и множился весь вестибюль таким образом, что создавалось впечатление, будто помещению этому нет ни конца, ни края... и в то же время всегда можно было отыскать укромный уголок, чтобы посидеть с друзьями.

Иллюзия и вещественность, красота и ощущение домашнего покоя... Бишоп подумал, что здесь всякому придется по душе, что здесь всякий забудет все что пожелает. Будто волшебством человек отгораживался от мира с его несовершенствами и проникался чувством довольства и собственного достоинства только от одного сознания, что он находится в таком месте.

На Земле такого места не было и быть не могло, и Бишоп подозревал, что в этом здании воплощена не только человеческая архитектурная сноровка...

– Впечатляет? – спросил Монти. – Я всегда наблюдаю за выражением лиц новичков, когда они входят сюда.

– А потом первое впечатление стирается?

Монти покачал головой.

– Друг мой, впечатление не тускнеет, хотя уже и не так ошеломляет, как в первый раз.

Бишоп пообедал в столовой, в которой все было старомодным и торжественным. Официанты-кимонцы были готовы услужить в любую минуту, рекомендовать блюдо или вино.

К столу подходили, здоровались, расспрашивали о Земле, и каждый старался делать это непринужденно, но по выражению глаз можно было судить, что скрывалось за этой непринужденностью.

— Они стараются, чтобы вы чувствовали себя как дома, — сказал Монти. — Они рады новичкам.

Бишоп чувствовал себя как дома... в жизни у него не было более приятного чувства. Он не ожидал, что освоится так быстро, и был немного удивлен этим.

Порадовался он и тому, что с него не потребовали денег за обед, а просто попросили подписать счет. Все казалось прекрасным, потому что такой обед унес бы большую часть двадцати кредиток, которые гнездились в его кармане.

После обеда Монти куда-то исчез, а Бишоп пошел в бар, взгромоздился на высокий стул и потягивал напиток, который рекомендовал ему буфетчик-кимонец.

Невесть откуда появилась девушка. Она взлетела на высокий табурет рядом с Бишопом и спросила:

— Что вы пьете, дружок?

— Не знаю, — ответил Бишоп и показал на буфетчика. — Попросите его приготовить вам такой же.

Буфетчик взялся за бутылки и шейкер.

— Вы, наверно, новенький, — сказала девушка.

— Вот именно, новенький.

— Здесь не так уж плохо... то есть неплохо, если не думаешь.

– Я не буду думать, – пообещал Бишоп. – Я не буду думать ни о чем.

– Вы привыкнете, – сказала девушка. – Немного погода вы будете не прочь поразвлечь их. Вы подумаете: «Какого черта! Пусть смеются, если им хочется, а мне пока неплохо». Но придет день...

– О чем вы говорите? – спросил Бишоп. – Вот ваш стакан. Окунайте мордашку и...

– Придет день, когда мы устареем, когда мы больше не будем развлекать их. Мы больше не сможем выдумывать новые трюки. Возьмите, например, мои картины...

– Послушайте, – сказал Бишоп, – я ничего не могу понять.

– Навестите меня через неделю, – сказала девушка. – Меня зовут Максайн. Просто спросите, где Максайн. Через неделю мы поговорим. Пока!

Она соскочила со стула и вдруг исчезла.

К своему стакану она не притронулась.

Он пошел наверх, в свой номер, и долго стоял у окна, глядя на невыразительный пейзаж, пока не услышал голос шкафа:

– Почему бы, сэр, вам не попробовать окунуться в другую жизнь?

Бишоп тотчас обернулся.

– Вы хотите сказать...

– Пройдите в третью комнату, – сказал шкаф. – Это вас развлечет.

– Окунуться в другую жизнь?

– Совершенно верно. Выбирайте и переноситесь, куда хотите.

Это было похоже на приключения Алисы в стране чудес.

– Не беспокойтесь, – добавил шкаф. – Это безопасно, вы можете вернуться в любое время.

– Спасибо, – сказал Бишоп.

Он вошел в третью комнату, сел в кресло и стал изучать кнопки. История? Можно и историю. Бишоп немного знал ее. Он интересовался историей, прослушал несколько курсов и прочел много литературы.

Он нажал кнопку с надписью «История». Стена перед креслом осветилась, и на ней появилось лицо – красивое бронзовое лицо кимонца.

А бывают ли среди них некрасивые? Бишоп ни разу не видел ни уродов, ни калек.

– Вам какую историю, сэр? – спросил кимонец с экрана.

– Какую?

– Галактическую, кимонскую, земную? Почти любое место.

– Земную, пожалуйста, – сказал Бишоп.

– Подробности?

– Англия, 14 октября 1066 года, Сенлак¹.

Он уже не сидел в кресле в четырех голых стенах комнаты, а стоял на склоне холма в солнечный осенний день, и кругом в голубоватой дымке высились деревья с золотой и красной листвой, и кричали люди.

Бишоп стоял как вкопанный на траве, покрывавшей

¹ 14 октября 1066 года на реке Сенлак близ Гастингса произошло сражение между войсками англосаксонского короля Гарольда и нормандского герцога Вильгельма, (прим. перев.)

склон. Трава уже перезрела и увяла на солнце... а дальше, внизу, на равнине, он увидел неровную линию всадников. Солнце играло на их шлемах и щитах, трепетали на ветру знамена с изображениями леопардов.

Это было 14 октября, в субботу. На холме стояло, укрывшись за стеной сомкнутых щитов, Гарольдово войско, и, прежде чем солнце село, в бой были введены новые силы, решившие, каким курсом пойдет история страны.

Тэйллефер, подумал Бишоп. Тэйллефер помчится впереди войска Вильгельма, распевая «Песнь о Роланде» и крутя мечом так, что будет виден только огненный круг.

Нормандцы пошли в атаку, но впереди не было никакого Тэйллефера. Никто не крутил мечом, никто не распевал. Слышались только хриплые вопли людей, мчавшихся навстречу смерти.

Всадники мчались прямо на Бишопа. Он повернулся и бросился бежать. Но не успел, и они наскочили на него. Он увидел, как блестят отшлифованные копыта лошадей и жестокая сталь подков, он увидел мерцающие острия копий, болтающиеся ножны, красные, зеленые и желтые пятна плащей, тусклые доспехи, разинутые рты людей и... вот они уже над ним. И промчались они сквозь него и над ним, словно его здесь не было.

А выше на склоне холма раздавались хриплые крики: «Ут! Ут!» – и слышался пронзительный лязг стали. Вокруг поднялись тучи пыли, а где-то слева кричала издыхающая лошадь. Из пыли показался человек и побежал вниз по склону. Он спотыкался, падал, поднимался, снова бежал, и Бишоп видел, как лила кровь сквозь искореженные доспе-

хи, струилась по металлу и окропляла мертвую сухую траву.

Снова появились лошади, на некоторых уже не было всадников. Они мчались, вытянув шеи, с пеной на губах. Поводья развевались на ветру. Один из всадников обмяк и свалился с седла, но нога его запуталась в стремях, и лошадь поволокла его по земле.

«Выпустите меня отсюда! – беззвучно кричал Бишоп. – Как мне отсюда выбраться! Выпустите...»

Его выпустили. Он был снова в комнате с четырьмя голыми стенами и единственным креслом.

Он сидел, не шевелясь, и думал. «Не было никакого Тэйллефера. Никто не ехал, не пел, не крутил мечом. Сказание о Тэйллефере – всего лишь выдумка какого-нибудь переписчика, который додумал историю по прошествии времени».

Но люди умирали. Израненные, они бежали, шатаясь, вниз по склону и умирали. Они падали с лошадей. Их затаптывали насмерть.

Бишоп встал, руки его дрожали, он нетвердо зашагал в другую комнату.

– Вы будете спать, сэр? – спросил шкаф.

– Наверно, – сказал Бишоп.

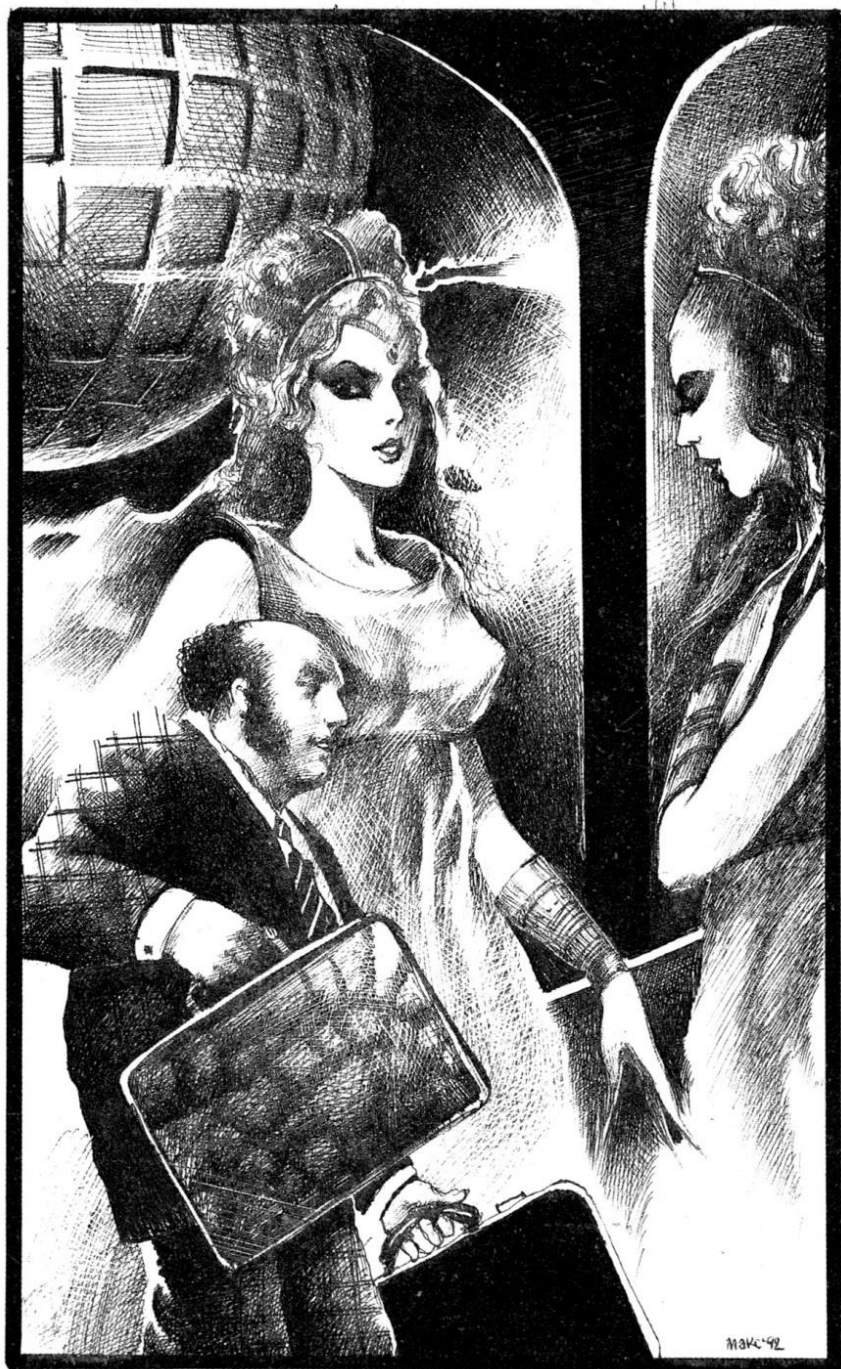
– Прекрасно, сэр. Я запру дверь и погашу свет.

– Вы очень любезны.

– Обычное дело, сэр, – сказал шкаф. – Не угодно ли вам чего?

– Совершенно ничего, – сказал Бишоп, – спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сказал шкаф.

Утром Бишоп пошел в агентство по найму, которое оказалось в одном из углов вестибюля.

Там была только высокая, белокурая, сложенная, как статуэтка, девушка-кимонка, грациозности движений которой позавидовала бы любая земная красавица. Женщина, подумал Бишоп, явившаяся из какого-то классического греческого мифа, белокурая богиня во плоти. На ней не было ниспадающих свободными складками греческих одежд, но они пошли бы ей. По правде сказать, одежды на ней почти не было, и красота ее от этого только выигрывала.

— Вы новичок, — сказала она.

Бишоп кивнул.

— Я знаю о вас, — сказала она, бросив на него всего один взгляд. — Селдон Бишоп, двадцать девять земных лет.

— Да, мадам.

Она внушала раболепные чувства.

— Ваша специальность — деловая администрация.

Он уныло кивнул.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Бишоп, и мы обо всем поговорим с вами.

Он сидел и думал. «Хорошо ли для красивой девушки быть такой рослой и крепкой? Или такой компетентной?»

— Вы хотели бы взяться за какую-нибудь работу, — сказала девушка.

— Была у меня такая мысль.

— Вы специализировались на бизнесе. Боюсь, что в этой области у нас не слишком много вакантных мест.

— Для начала я не рассчитываю на многое, — сказал ей Бишоп с приличествующей, как ему казалось, скромно-

стью и реальной оценкой обстановки. — Я готов заняться любым делом, пока не докажу, на что способен.

— Вам придется начать с самых низов. И целые годы набираться опыта. Дело не только в навыках, но и в мировоззрении, в философии.

— Мне все...

Он заколебался. Он хотел сказать, что ему все равно. Но ему не все равно. Ему совсем не все равно.

— Я потратил на учебу многие годы, — сказал он. — Я знаю...

— Кимонский бизнес?

— Разве здесь все по-иному?

— Наверно, вы в совершенстве изучили систему заключения контрактов.

— Конечно.

— На всем Кимоне не заключается ни одного контракта.

— Но...

— В контрактах нет необходимости.

— Здесь все держится на честности?

— На честности и кое на чем еще.

— На чем же?

— Вы не поймете.

— Попробуйте объяснить мне.

— Бесполезно, мистер Бишоп. Для вас это были бы понятия совершенно новые. Они связаны с поведением. С мотивами действий. На Земле побудительная причина деятельности — выгода...

— А разве здесь это роли не играет?

— Очень маленькую роль.

— Каковы же другие побудительные причины?

– Например, культурное самоусовершенствование. Можете вы представить себе, что стремление к самоусовершенствованию является таким же мощным стимулом, как и выгода?

Бишоп ответил откровенно.

– Нет, не могу, – сказал он.

– А это стимул более мощный, чем выгода. Но это еще не все. Вот деньги... Денег у нас нет. Они по рукам не ходят.

– Но деньги есть. Кредитки.

– Это сделано только для того, чтобы было удобно людям с Земли, – сказала она. – Деньги, как свидетельство богатства, понадобились нам, чтобы привлекать на работу ваших людей и оплачивать их труд... и я бы сказала, что мы оплачиваем его очень хорошо. Для этого мы сделали все, что полагается у вас. Деньги, которые мы создали, имеют силу во всей Галактике. Они обеспечены вкладами в земные банки и являются для вас законным платежным средством. Но на самом Кимоне денег в обращении нет.

– Ничего не могу понять, – выдавил из себя Бишоп.

– Конечно, не можете, – сказала девушка. – Для вас это нечто совершенно новое. Ваша культура зиждется на том, что полезность и богатство каждой личности должны иметь как бы свое физическое воплощение. Здесь мы в этом не нуждаемся. Здесь у каждой личности своя простая бухгалтерия – это он способен сделать, а это он должен делать. Он сам обо всем знает. И это всегда известно его друзьям – или партнерам по бизнесу, если хотите.

– Тогда это не бизнес, – сказал Бишоп. – Не бизнес, как я понимаю его.

– Вы совершенно правы.
– Но меня готовили для бизнеса. Я потратил...
– Годы и годы на учение. Но на земные методы ведения дел, а не на кимонские.

– Но здесь есть бизнесмены. Сотни.
– Есть ли? – спросила она с улыбкой. Она улыбалась не с превосходством, не насмешливо... просто улыбалась.

– В первую очередь, – продолжала она, – вам необходимо общение с кимонцами. Осмотритесь. Вам надо дать возможность оценить наш взгляд на вещи и узнать, как и что мы делаем.

– Вот это по мне, – сказал Бишоп. – Что же мне делать?
– Иногда люди с Земли нанимаются компаньонами.
– Не думаю, чтобы это мне подошло. Наверно, надо будет сидеть с детишками, или читать старушкам книги, или...

– Вы умеете играть на каком-нибудь инструменте или петь?

Бишоп покачал головой.

– Писать маслом? Рисовать? Танцевать?

Ни того, ни другого, ни третьего делать он не мог.

– Может быть, вы занимаетесь боксом? – спрашивала девушка. – Иногда он вызывает интерес, если не слишком жесток.

– Вы говорите о призовой борьбе?

– Думаю, вы можете это называть и так.

– Нет, боксом я не занимаюсь.

– Тогда у вас остается не слишком большой выбор, – сказала девушка, беря со стола какие-то бумаги.

– Может быть, я могу работать на транспорте? – спросил он.

– Транспортировка – личное дело каждого.

Конечно, она права, подумал он. Телекинез дает возможность транспортировать себя или что бы то ни было... без помощи механических средств.

– Связь, – сказал он слабым голосом. – Наверно, и с ней дело обстоит так же?

Она кивнула.

Телепатия, подумал он.

– Вы знакомы с транспортом и связью?

– С их земными разновидностями, – ответил Бишоп. – Думаю, здесь мои знания не пригодятся.

– Нет, – согласилась она. – Хотя мы могли бы устроить вам лекционное турне. Наши помогли бы вам подготовить материал.

Бишоп покачал головой.

– Я не умею выступать перед публикой.

Девушка встала.

– Я наведу справки, – сказала она. – Заходите. Мы найдем что-нибудь подходящее для вас.

Бишоп поблагодарил ее и вышел в вестибюль.

Он пошел гулять.

Гостиница стояла на равнине, а вокруг было пусто. Ни других зданий. Ни дорог. Ничего.

Здание гостиницы было громадное, богато украшенное и одинокое, словно перенесенное сюда невесть откуда. Оно застыло на фоне неба, и кругом не было никаких зданий, с которыми оно гармонировало бы и которые скрадывали бы его. У него был такой вид, будто кто-то в спешке свалил его здесь и так оставил.

Бишоп направился через поле к каким-то деревьям, ко-

торые, по-видимому, росли на берегу речки, и все удивлялся, почему нет ни тропинок, ни дорог... но вдруг сообразил, почему их нет.

Он подумал о годах, которые убил на зубрежку способов ведения бизнеса, и вспомнил о толстенной книге выдержек из писем, которые писались домой с Кимона и содержали намеки на успешный бизнес, на ответственные должности.

И ему пришло в голову, что во всех выдержках из писем было нечто общее – на все сделки и должности только намекали, но никто и никогда не писал определенно, чем занимается.

«Зачем они это делали? – спрашивал себя Бишоп. – Почему они дурачили нас?»

Хотя, конечно, он еще многого не знает. Он не пробыл на Кимоне и целого дня. «Я наведу справки, – сказала белокурая гречанка, – мы найдем что-нибудь подходящее для вас».

Он пересек поле и там, где выстроились деревья, нашел речку. Это была равнинная речка – широкий поток прозрачной воды медленно струился меж поросших травой берегов. Он лег на живот и глядел на речку. Где-то в глубине ее блеснула рыба.

Бишоп снял ботинки и стал болтать ногами в воде. Они знают о нас все, думал он. Они знают все о нашей культуре и жизни, они знают о знаменах с изображениями леопардов и о том, как выглядел Сенлак в субботу 14 октября 1066 года, о войске Гарольда, стоявшем на вершине холма, и о войске Вильгельма, сосредоточившемся в долине. Они знают, что движет нами, и они разрешают нам приезжать сюда, потому что им это для чего-то нужно.

Что сказала девушка, которая появилась невесть откуда на стуле, а потом исчезла, так и не притронувшись к своему стакану? «Вы будете служить развлечением, – сказала она. – Но вы привыкнете к этому. Если вы не будете думать обо всем слишком много, вы привыкнете».

«Навестите меня через неделю, – сказала она еще. – Через неделю мы поговорим».

Они знают нас, но с какой стороны?

Возможно, Сенлак – это инсценировка, но во всем, что он увидел, была какая-то странная тусклая реальность, и он всеми фибрами души своей чувствовал, что зрелище это подлинное, что все так и было. Что не было никакого Тэйллефера, что, когда человек умирал, его кишки волочили по траве, что англичане кричали: «Ут! Ут!»

Озябший Бишоп сидел в одиночестве и думал, как кимонцы делают это. Как они дают возможность человеку нажать кнопку и оказаться вместе с давно умершими, увидеть смерть людей, прах которых давно смешался с землей?

Способа узнать, как они это делают, конечно, не было. И догадки бесполезны.

Морли Рид сказал, что техническая информация революционизирует весь облик земной экономики.

Он вспомнил, как Морли ходил из угла в угол и повторял: «Мы должны узнать. Мы должны узнать».

И способ узнать... есть, великолепный способ.

Бишоп вытащил ноги из воды и осушил их пучками травы. Он надел ботинки и пошел к гостинице.

Белокурая богиня все еще сидела за своим столом в бюро по найму.

– Я согласен приглядывать за детишками, – сказал Бишоп.

Она была очень, почти по-детски удивлена, но в следующее же мгновение лицо ее снова стало бесстрастным, как у богини.

– Да, мистер Бишоп.

– Я все обдумал, – сказал он. – Я согласен на любую работу.

В ту ночь Бишоп долго лежал в постели и не мог уснуть. Он думал о себе, о своем положении и пришел к заключению, что все обстоит не так уж плохо.

Работа, по-видимому, найдется. Если кимонцы этого хотят. И даже если это не та работа, которую хочется получить, начало по крайней мере будет положено. С этого опорного пункта человек может подняться выше... умный человек, конечно. А все мужчины и женщины, все земляне на Кимоне, безусловно, умны: если бы они не были умны, они не попали бы сюда, чтобы начать новую жизнь. Все они, по-видимому, преуспевают.

В тот вечер он не видел ни Монти, ни Максайн, но поговорил с другими, и все они казались довольными своей долей... или по крайней мере делали вид, что довольны. Бишоп говорил себе, что если бы все были разочарованы, то довольного вида у них не было бы, потому что земляне больше всего любят тихо плакаться друг другу в жилетку. Ничего подобного он не заметил. Никто не жаловался.

Ему говорили о том, что организуются спортивные команды, и некоторые собеседники возлагали на это очень большие надежды, как на источник дохода.

Он разговаривал с человеком по имени Томас, который

был специалистом-садоводом и работал в крупных кимонских поместьях. Тот больше часа рассказывал о выращивании экзотических цветов. Коротышка Вильямс, сидевший с Бишопом в баре, с восторгом говорил о том, что ему поручено написать книгу баллад на основе кимонской истории. Некий Джексон работал над статуей по заказу одной местной семьи.

Бишоп подумал, что если человек может получить работу, которая его удовлетворяет, то жизнь на Кимоне становится приятной.

Взять хотя бы номер, который он получил. Красивая обстановка — дома на такую он рассчитывать бы не мог. Послушный шкаф-робот делает коктейли и бутерброды, гладит одежду, выключает свет и запирает дверь, предупреждает любое, даже невысказанное желание. А комната — комната с четырьмя голыми стенами и единственным креслом, снабженным кнопками? Там, в этой комнате, можно получить знания, найти забаву и приключения. Он сделал дурной выбор, попросив показать для начала битву при Гастингсе. Но есть другие места, другие времена, другие, более приятные и менее кровавые, события, при которых он может присутствовать.

Он присутствовал... не только смотрел. Он действительно шел вверх по склону холма, он пытался выскочить из-под копыт мчащихся лошадей, хотя в этом не было необходимости. Ты вроде бы был и там и не там, находился в самой гуще и вместе с тем с интересом наблюдал из безопасного места.

А есть немало событий, которые стоило бы увидеть. Можно пережить всю историю человечества, с времен до-

исторических до позавчерашнего дня... и не только историю человечества, а еще и кимонскую и галактическую... Прогуляться с Шекспиром... Плыть с Колумбом...

Когда-нибудь, подумал Бишоп, я прогуляюсь с Шекспиром. Когда-нибудь я поплыву с Колумбом. Он видел подлинные события. Правда, она чувствуется.

Все размышления Бишоп свелись к тому, что какими бы странными ни были условия, жить в них все-таки можно.

А условия были странными потому, что это чужая сторона, культура и технология которой неизмеримо выше земных достижений. Здесь не было необходимости в искусственной связи и механических средствах транспортировки. Здесь не было необходимости в контрактах, потому что это исключено телепатией.

Надо только приспособиться. Надо научиться жить по-кимонски и не лезть со своим уставом в чужой монастырь.

Он добровольно приехал на чужую планету. Ему позволили остаться, и поэтому он должен приспособиться.

— Вам беспокойно, сэр, — сказал из другой комнаты шкаф.

— Нет. Я просто думаю.

— Я могу вам дать снотворное. Очень мягкое и приятное снотворное.

— Только не снотворное, — сказал Бишоп.

— Тогда, быть может, — предложил шкаф, — вы позволите мне спеть вам колыбельную.

— Будьте любезны, — согласился Бишоп. — Мне нужна именно колыбельная.

Шкаф запел колыбельную, и вскоре Бишоп уснул.

Кимонская богиня в агентстве по найму сказала ему на следующее утро, что работа для него найдена.

– Новая семья, – сказала она.

Бишоп не знал, радоваться ли ему, что семья новая. Возможно, было бы лучше, если бы он попал в старую семью.

– У них никогда не было человека с Земли, – пояснила девушка. – Вы будете получать сто кредиток в день.

– Сто...

– Вы будете работать только в дневное время, – продолжала она. – Я буду телепортировать вас каждое утро туда, а по вечерам они будут телепортировать вас обратно.

– Сто кредиток! – запинаясь, сказал Бишоп. – Что я должен делать?

– Будете компаньоном, – ответила богиня. – Но не надо беспокоиться. Мы проследим, чтобы с вами обращались хорошо...

– Хорошо обращались?

– Не заставляли вас слишком много работать или...

– Мисс, – сказал Бишоп, – да за сотню бумажек в день я...

Она не дала ему договорить.

– Вы согласны на эту работу?

– С радостью, – сказал Бишоп.

– Позвольте мне...

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

...Бишоп стоял в нише, а перед ним было узкое, заросшее лесом ущелье с водопадом, и со своего места он ощущал, как тянет прохладой от падающей воды. Кругом росли папоротники и деревья, громадные деревья, похожие на

узловатые дубы, которые обычно встречаются на иллюстрациях к историям о короле Артуре и Робин Гуде.

По берегу речки вверх по склону бежала тропинка. Ветерок доносил музыку и запах духов.

По тропинке шла девушка. Это была кимонка, но не такая высокая, как другие, которых он уже видел, и у нее был не такой величественный, олимпийский вид.

Затаив дыхание он следил за ее приближением, и на мгновение забыл, что она кимонка, и думал о ней только, как о хорошенькой девушке, которая идет по лесной тропинке. Она была красива, она была прелестна.

Девушка увидела его и захлопала в ладоши.

— Вы, наверно, он, — сказала она.

Бишоп вышел из ниши.

— Мы вас ждали, — продолжала она. — Мы надеялись, что вас не задержат и пошлют тотчас же.

— Меня зовут Селдон Бишоп, и мне сказали...

— Конечно, это вы и есть, — сказала девушка. — Вам даже не надо представляться. Это у вас на уме.

Она обвела рукой вокруг головы.

— Как вам понравился наш дом? — спросила она.

— Дом?

— Я, конечно, говорю глупости. Это всего лишь жилая комната. Спальни наши наверху, в горах. Но мы переменили здесь все только вчера. Все так много поработали. Я очень надеюсь, что вам понравится. Смотрите, здесь все, как на вашей планете. Мы хотели, чтобы вы чувствовали себя дома.

— Это дом? — снова спросил он.

Она взяла его за руку.

– Вы какой-то расстроенный, – сказала она. – Вы еще не начали понимать.

Бишоп покачал головой.

– Я прибыл только вчера.

– Но вам здесь нравится?

– Конечно, нравится, – сказал Бишоп. – Здесь все словно из какой-нибудь старой легенды о короле Артуре. Так и ждешь, что из лесу выедет верхом Ланселот или выйдет королева Джиневра...

– Вы знаете эти легенды?

– Конечно, знаю. Я то и дело перечитываю Теннисона.

– И вы их нам расскажете.

Он в замешательстве посмотрел на нее.

– Вы хотите послушать их?

– Конечно, хотим. А для чего же вы здесь?

«Вот оно. А для чего же я здесь?!»

– Вы хотите, чтобы я начал сейчас же?

– Не сейчас, – сказала она. – Вы еще должны познакомиться с другими. Меня зовут Элейн. Конечно, это не точно. Меня зовут по-другому, но Элейн ближе к тому, что вы привыкли произносить.

– Я могу попробовать произнести ваше настоящее имя. Я способен к языкам.

– Элейн – вполне сносное имя, – беспечно сказала девушка. – Пойдемте.

Он пошел следом за ней по тропинке.

И тут он увидел, что это действительно дом – деревья были колоннами, поддерживавшими искусственное небо, которое все же не казалось слишком искусственным, а проходы между деревьями оканчивались большими окнами, смотревшими на пустошь.

Но трава и цветы, мох и папоротники были настоящими, и Бишоп не удивился бы, если бы и деревья оказались настоящими.

— Не все ли равно, настоящие они или нет, — сказала Элейн. — Их не отличишь.

Они поднялись вверх по склону и оказались в парке, где трава была подстрижена так коротко и казалась такой бархатистой, что Бишоп на мгновение подумал, что это не настоящая трава.

— Настоящая, — сказала ему Элейн.

— Вы узнаете все, что я ни подумаю.

— Все.

— Значит, я не должен думать.

— О, мы хотим, чтобы вы думали, — сказала Элейн. — Это входит в ваши обязанности.

— Вы меня наняли и ради этого?

— Совершенно верно, — подтвердила девушка.

Посреди парка стояло что-то вроде пагоды — ажурное здание, созданное, казалось, из света и тени, а не из грубой материи. Возле него Бишоп увидел шесть человек. Они смеялись и болтали. Голоса их были похожи на музыку — радостную и в то же время серьезную музыку.

— Вот они! — воскликнула Элейн. — Пойдемте.

Она побежала, и бег ее был похож на полет. У Бишопы перехватило дыхание при виде изящества и грациозности ее движений.

Он побежал следом, но совсем не грациозно. Он чувствовал, что бежит тяжело. Это был какой-то галоп, неуклюжий бег вприпрыжку по сравнению с бегом Элейн.

Он подумал, что бежит, как собака. Как щенок-

переросток, который пытается не отстать и бежит, переваливаясь с ноги на ногу, свесивши язык и тяжело дыша.

Он попытался бежать более грациозно и ничего не думать.

«Я не должен думать. Я не должен думать совсем. Они все узнают. Они будут смеяться надо мной».

Они смеялись именно над ним. Он чувствовал их смех — молчаливое снисходительное веселье.

Она подбежала к группе и подождала его.

— Быстрее! — крикнула она, и, хотя голос у нее был добрый, Бишоп чувствовал, что она забавляется.

Он спешил. Он тяжело скакал, почти задохнулся. Его взмокшее тело было очень неуклюжим.

— Вот кого нам прислали, — сказала Элейн. — Он знает легенды, связанные с такими местами, как это.

Она представила Бишопу присутствующих.

— Это Пол. Там Джим. Бетти. Джейн. Джордж. А там, с краю, Мэри.

— Вы понимаете, — сказал Джим, — что это не наши имена...

— Лучшее, что я могла придумать, чтобы было похоже, — добавила Элейн.

— И чтобы вы могли произнести их, — сказала Джейн.

— Если бы вы только знали... — сказал Бишоп и вдруг замолчал.

Вот чего они хотят, они хотят, чтобы он протестовал и проявлял неудовольствие. Они хотят, чтобы ему было неловко.

«Не думать. Стараться не думать. Они узнают все».

— Сядем, — сказала Бетти. — Бишоп будет рассказывать нам легенды.

– Быть может, – обратился к нему Джим, – вы опишете нам жизнь на Земле? Мне было бы очень интересно послушать.

– Я знаю, что у вас есть игра, называемая шахматами, – сказал Джордж. – Мы, конечно, играть не можем. Вы знаете почему. Но мне было бы интересно поговорить с вами о технике и философии игры в шахматы.

– Не все сразу, – сказала Элейн. – Сначала он будет рассказывать нам легенды.

Все уселись на траву в кружок и взглянули на Бишоп.

– Я не совсем понимаю, с чего я должен начать, – сказал он.

– Но это же ясно, – откликнулась Бетти. – Начните с самого начала.

– Хорошо, – сказал Бишоп.

Он глубоко вздохнул.

– Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали...

– Именуемый... – сказал Джим.

– Вы читали эти легенды?

– Это слово у вас на уме.

– Это древнее слово, архаичное. В некоторых вариантах легенд...

– Когда-нибудь мне будет очень интересно обсудить с вами происхождение этого слова, – сказал Джим.

– Продолжайте рассказывать, – добавила Элейн.

Бишоп снова глубоко вздохнул.

– Однажды, давным-давно, на острове Британия жил великий король, которого звали Артур. Женой его была королева Джиневра, а Ланселот был его самым верным рыцарем...

Пишущую машинку Бишоп нашел в письменном столе, стоявшем в гостиной. Он сел за стол, чтобы написать письмо.

«Дорогой Морли», – начал он.

А что писать? Что он благополучно прибыл и получил работу? Что за работу платят сто кредиток в день – в десять раз больше того, что человек его положения может заработать на любой земной работе?

Бишоп снова склонился над машинкой.

«Прежде всего хочу сообщить, что я благополучно до-ехал и уже устроился на работу. Работа, может быть, не слишком хорошая, но я получаю сотню в день. На Земле я столько не зарабатывал бы».

Он встал и начал ходить. Следует сказать гораздо больше. Нельзя ограничиваться одним абзацем. Бишоп даже вспотел. Ну что он напишет? Он снова сел за машинку.

«Для того чтобы скорее познакомиться с местными условиями и обычаями, я поступил на работу, которая даст мне возможность тесно общаться с кимонцами. Я нахожу, что это прекрасные люди, но иногда не совсем понимаю их. Я не сомневаюсь, что вскоре буду понимать их и по-настоящему полюблю».

Он отодвинулся вместе со стулом назад и стал читать то, что написал.

Да, это похоже на любое из тысячи писем, которые он читал.

Бишоп представил себе тысячи других людей, которые садились писать свое первое письмо с Кимона и судорожно придумывали сказочки, безобидную полуправду, баль-

зам, способный принести облегчение уязвленной гордости.

«Работа моя состоит в том, что я развлекаю и веселю одну семью. Я рассказываю им легенды и позволяю смеяться над собой. Я делаю это, так как не хочу признаться себе в том, что сказка о Кимоне – это ловушка для дураков и что я попал в нее...»

Нет, так писать не годится. И так тоже:

«Но, несмотря ни на что, я держусь. Пока я получаю сотню в день, пусть их смеются, сколько им угодно. Я остаюсь здесь и сорву большой куш, чтобы...»

Дома он был единственным из тысячи. Дома о нем говорили вполголоса, потому что он добился своего.

Бизнесмены на борту корабля говорили ему: «Человек, который разберется в обстановке на Кимоне, сделает большой бизнес», – и предлагали миллиарды на случай, если потребуется финансовая поддержка.

Бишоп вспомнил, как Морли ходил из угла в угол. Он сказал, что надо вставить ногу, чтобы дверь не могла закрыться. Найти способ разобраться в кимонцах. Найти способ понимать их. Узнать самую малость... тут уж не до большого. Узнать самую малость. Пусть это окажется чем угодно, но только бы увидеть что-нибудь еще, кроме бесстрастного лика Кимона, обращенного к землянам.

Письмо надо как-нибудь кончить. Нельзя оставлять его так. Он снова сел за машинку.

«Позже я напишу тебе более подробно. Сейчас я очень тороплюсь».

Бишоп нахмурился. Но что бы он ни написал, все будет вранье. Это не хуже десятка других отговорок:

*«Спешу на заседание... У меня свидание с клиентом...
Надо срочно просмотреть бумаги...»* Все это вранье.

Бишоп написал: *«Часто думаю о тебе. Напиши мне,
когда сможешь»*.

Морли напишет ему. Восторженное письмо, письмо, слегка окрашенное завистью, письмо человека, который хотел бы поехать на Кимон, но не может.

Нельзя говорить правду, когда всякий отдал бы правую руку, чтобы поехать на Кимон.

Нельзя говорить правду, раз тебя считают героем. Иначе тебя станут считать омерзительнейшим из негодяев Галактики.

А письма из дому? И гордые, и завистливые, и дышащие счастьем оттого, что тебе живется хорошо, — все это только дополнительные цепи, которые приковывают к Кимону и кимонской лжи.

— Нельзя ли чего-нибудь выпить? — спросил у шкафа Бишоп.

— Пожалуйста, сэр, — сказал шкаф. — Сейчас будет, сэр.

— Налейте побольше и покрепче.

— Да, сэр. Побольше и покрепче...

Бишоп встретил ее в баре.

— Это опять вы, — сказала она таким тоном, будто они встречались очень часто.

Он сел на табурет рядом с ней.

— Неделя почти кончилась, — напомнил Бишоп.

Максайд кивнула.

— Мы наблюдали за вами. Вы держитесь хорошо.

— Вы обещали что-то сказать мне.

— Забудьте это, — сказала девушка. — Что говорить... Вы мне показались умным, но не совсем зрелым человеком. Мне стало жаль вас.

— Скажите, — спросил Бишоп, — почему на Земле ничего не известно? Я, конечно, тоже писал письма. Но не признался в том, что происходит со мной. И вы не писали о своем состоянии. Никто из окружающих не писал. Но кто-то же из людей за все эти годы...

— Все мы одинаковы, — сказала Максайн. — Как горошины в стручке. Мы все тут как на подбор упрямы, тщеславны, трусливы. Мы прошли огонь, воду и медные трубы, чтобы попасть сюда. Мы оттерли других. И они уже никогда не оправятся от этого. Неужели вы не понимаете? У них тоже есть гордость, и она попорчена. Но с чем можно было бы сравнить их радость, если бы они узнали всю правду! Именно об этом и думаем все мы, когда садимся писать письма. Мы думаем, как будут надрываться от смеха тысячи наших конкурентов. Мы прячемся за чужие спины, стараемся сжаться, чтобы никто не заметил нас...

Она сжала кулачок и постучала себя по груди.

— Вот вам и ответ, — продолжала она. — Вот почему мы никогда не пишем правду. Вот почему мы не возвращаемся.

— Но это продолжается многие годы. Почти сотню лет. За это время кто-нибудь да должен был проговориться...

— И потерять все это? — спросила Максайн. — Потерять легкий заработок? Быть исключенным из братства пропащих душ? Потерять надежду? Не забывайте этого. Мы всегда надеемся, что Кимон раскроет свои секреты.

— А он их раскроет?

– Не знаю. Но на вашем месте я бы на это не надеялась.

– Но ведь такая жизнь не для достойных...

– Не говорите этого. Какие же мы достойные люди!

Мы трусливы и слабы, все мы!

– Но жизнь, которую...

– Вы хотите сказать, что здесь нам хорошо живется? У нас нет прочного положения. А дети? Немногие из нас имеют детей. Детям не так плохо, как нам, потому что они ничего иного и не знают. Ребенок, родившийся рабом, не так страдает, как взрослый человек, некогда бывший свободным.

– Мы не рабы, – сказал Бишоп.

– Конечно, нет, – согласилась Максайн. – Мы можем уехать отсюда, когда захотим. Нам достаточно подойти к местному жителю и сказать: «Я хочу обратно на Землю». Вот и все. Любой из них может отослать вас обратно... точно так, как они отправляют письма, точно так, как они доставляют вас к месту работы или в вашу комнату.

– Но никто еще не возвратился.

– Конечно, никто, – подтвердила Максайн. – Запомните, что я вам сказала. Не думайте. Только так можно жить. Никогда не думайте. И вам будет хорошо. Вы будете жить спокойно, легко.

– Верно, – сказал Бишоп, – только так можно жить.

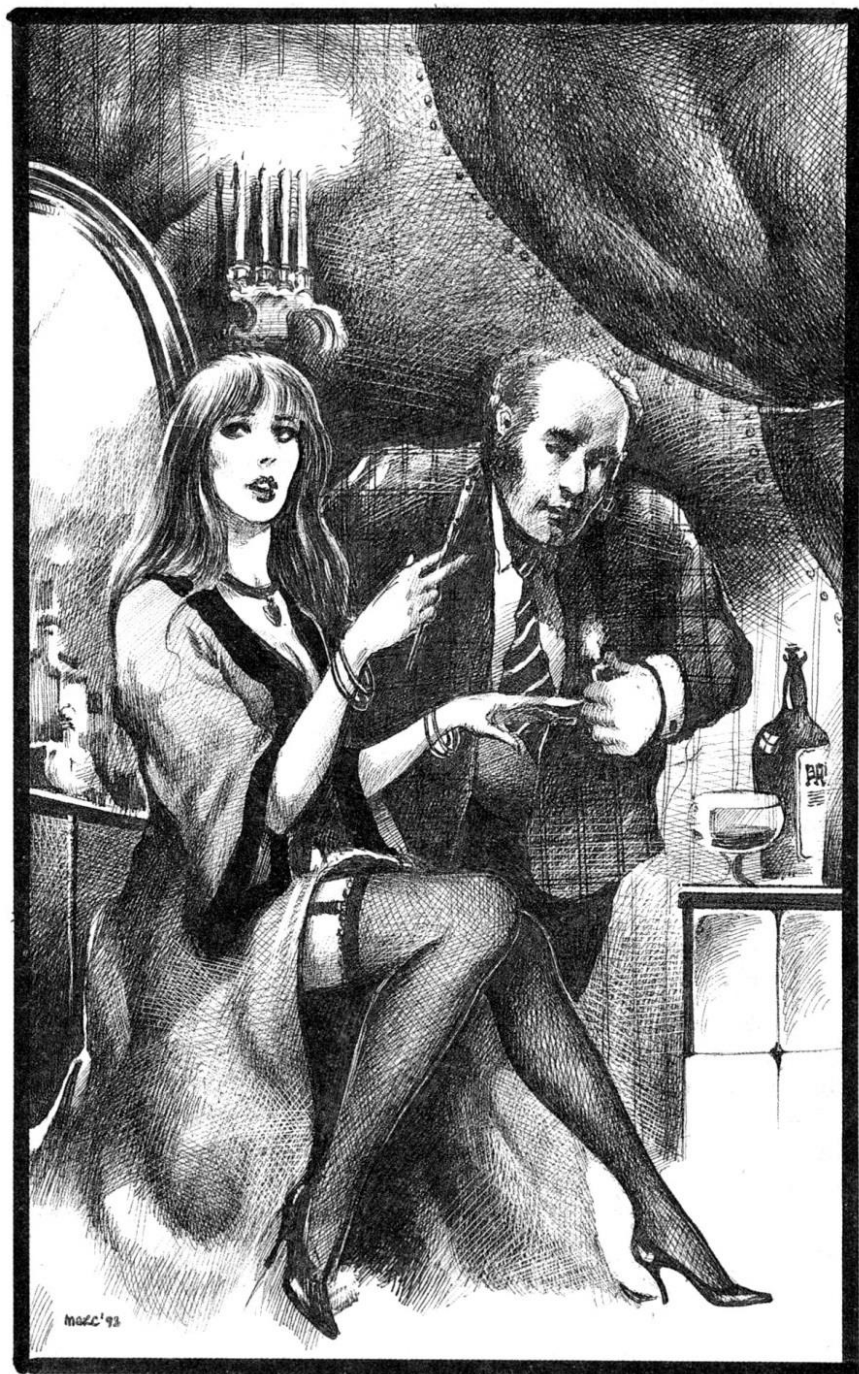
Она искоса посмотрела на него.

– Вы начинаете понимать, в чем тут дело.

Они заказали еще по одному коктейлю.

В углу какая-то компания пела хором. Неподалеку ссорилась парочка.

– Тут слишком шумно, – сказала Максайн. – Не хотите ли посмотреть мои картины?

– Ваши картины?

– То, чем я зарабатываю себе на жизнь. Они довольно плохи, но в этом никто не разбирается.

– Я бы посмотрел.

– Тогда хватайтесь за меня и держитесь.

– Хватайтесь...

– Мысленно. Не руками, конечно. К чему пользоваться лифтом?

Бишоп удивленно смотрел на нее.

– Учитесь, – сказала Максайн. – В совершенстве вы этим не овладеете никогда, но двум-трем трюкам научитесь.

– А что мне делать?

– Просто расслабьтесь – сказала Максайн. – Умственно, конечно. Постарайтесь быть поближе ко мне. Не пытайтесь помогать. Вы не сможете.

Он расслабился и постарался быть поближе к ней, сомневаясь, правильно ли он все делает.

Вселенная раскололась и соединилась вновь.

Они стояли в другой комнате.

– Я сделала глупость, – сказала Максайн. – Когда-нибудь я ошибусь и засяду в стене или где-нибудь еще.

Бишоп вздохнул, огляделся и присвистнул.

– Как здесь хорошо, – сказал он.

Вдалеке едва виднелись стены, на западе возвышались снежные горы, на востоке текла река, берега которой поросли густым лесом. Прямо из пола росли цветы и кусты. В комнате были синеватые сумерки, а где-то вдалеке играл оркестр.

Послышался голос шкафа:

– Что угодно, мадам?

– Коктейли, – сказала Максайн, – не слишком крепкие. Мы уже раздавили бутылочку.

– Не слишком крепкие, – повторил шкаф. – Сию минуту, мадам.

– Иллюзия, – сказала Максайн. – Все тут иллюзия. Но прекрасная иллюзия. Хотите попасть на пляж? Он ждет вас. Стоит только подумать о нем. Или на Северный полюс. Или в пустыню. Или в старый замок. Все это будет как по мановению волшебного жезла.

– За ваши картины, должно быть, хорошо платят, – предположил Бишоп.

– Не за картины. За мою раздражительность. Начинайте с этого. Впадите в черную меланхолию. Начните подумывать о самоубийстве. Тогда все у вас будет наверняка. Вас быстренько вознесут в номер получше. Сделают все, лишь бы вы были довольны.

– Вы хотите сказать, что кимонцы сами переместили вас сюда.

– Конечно. Вы еще новичок, и потому у вас не такой номер.

– Мне мой номер нравится, – сказал Бишоп.

Коктейли были готовы.

– Садитесь, – сказала Максайн. – Хотите луну?

Появилась луна.

– Хотите две или три? – продолжала она. – Но это уже будет слишком. С одной луной совсем как на Земле. Так вроде бы уютней.

– Но ведь должен быть предел, – сказал Бишоп. – Не могут же они улучшать ваше положение до бесконечно-

сти. Должно прийти время, когда даже кимонцам нельзя уже будет придумать ничего нового и неизведанного.

— На вашу жизнь хватит. Все вы, новички, одинаковы. Вы недооцениваете кимонцев, в вашем представлении они люди, земные люди, которые знают чуточку больше нас. Но они совсем другие. Ни в чем не похожие на нас. Только вид у них человеческий. Они снисходят до общения с нами.

— Но для чего им нужно общаться с нами?

— Вот об этом, — сказала Максайдн, — мы никогда не спрашиваем. От этого можно с ума сойти.

Бишоп рассказал своим кимонцам об обычае людей устраивать пикники. Эта мысль им никогда не приходила в голову, и они ухватились за нее с детской радостью.

Они выбрали для пикника уголок в горах, прорезанных глубокими ущельями, поросшими деревьями и цветами.

Тут же была горная речка с водой, прозрачной, как стекло, и холодной, как лед.

Они устраивали различные игры и боролись. Они плавали, загорали и слушали рассказы Бишопа, усаживаясь в кружок, отпуская язвительные замечания, перебивая, споря.

Но Бишоп посмеивался над ними, не открыто, конечно, так как он знал, что они не хотят оскорбить его, а просто забавляются.

Еще несколько недель назад он обижался, сердился и чувствовал себя униженным, но постепенно привык... Заставил себя привыкнуть. Если им нужен клоун, пожалуйста, он будет клоуном. Если уж ему суждено быть при-

дворным шутом, одетым в разноцветный костюм с бубенчиками, то он должен с достоинством носить дурацкую одежду и стараться, чтобы бубенчики звенели весело.

Временами в их поведении была какая-то злобность, какая-то жестокость, но долго это не продолжалось. С ними можно было ладить, если только знать, как это делать.

К вечеру они разложили костер и, усевшись вокруг него, разговаривали, шутили, смеялись, оставив, наконец, Бишоп в покое. Элейн и Бетти были чем-то встревожены. Джим посмеивался над их тревогой.

– Ни один зверь к костру не подойдет, – сказал он.

– А тут есть звери? – спросил Бишоп.

– Немного есть, – ответил Джим. – Кое-какие еще остались.

Бишоп лежал, глядя на огонь, прислушиваясь к разговору, радуясь, что его оставили в покое. Наверно, такое же ощущение бывает у собаки, подумал он. У щенка, который прячется в угол от детишек, которые не дают ему покоя.

Он смотрел на огонь и вспоминал, как когда-то с друзьями совершал вылазки за город, как они раскладывали костер и лежали вокруг него, глядя на небо, на старое знакомое небо Земли.

А здесь другой костер. И пикник. Но костер и пикник – земные, потому что люди Кимона не имели представления о пикниках. Они не знают и о многом другом. Народные обычаи Земли им незнакомы.

В тот вечер Морли советовал ему присматриваться к мелочам. Может быть, они дадут ответ...

Кимонцам нравятся картины Максайд, потому что они примитивны. Это примитив, но не лучшего сорта. А может

быть, до знакомства с людьми Земли кимонцы тоже не знали, что могут быть такие картины?

В конце концов есть ли в броне, покрывающей кимонцев, какие-нибудь щели? Пикники, картины и многое другое, за что они ценят пришельцев с Земли... Может быть, это щели?

Наверно, это зацепка, которую ищет Морли.

Бишоп лежал и думал, забыв, что думать не следует, так как кимонцы читают мысли.

Голоса их затихли, и наступила торжественная ночная тишина. Скоро, подумал Бишоп, мы вернемся — они домой, а я в гостиницу. Далеко ли она? Может быть, до нее полмира. И все же я окажусь там в одно мгновение. Надо бы подложить в костер дров.

Он встал и вдруг заметил, что остался один.

Бишопа охватил страх. Они ушли и оставили его одного. Они забыли о нем. Но этого не может быть. Они просто тихонько скрылись в темноте. Наверно, шутят. Хотят напугать его. Завели разговор о зверях, а потом спрятались, пока он лежа дремал у костра. Теперь наблюдают из темноты, наслаждаясь его мыслями, которые говорят им, что он испугался.

Он нашел ветки и подбросил их в костер. Они загорелись и вспыхнули. Бишопа охватило безразличие, но он почувствовал, что инстинктивно ежится.

Сейчас он впервые понял, насколько чужд ему Кимон. Планета не казалась чужой прежде, за исключением тех нескольких минут, когда он ждал в парке после того, как его высадила шлюпка. Но даже тогда она не была очень чужой, ибо он знал, что его встретят, что кто-то непременно позаботится о нем.

В том-то все и дело, подумал он. Кто-то должен позаботиться обо мне. О нас заботятся... хорошо. Прямо-таки окружают заботой. Нас приютили, нас опекают, нас балуют... да, да, именно балуют. А почему? Сейчас им надоест эта игра, и они вернутся в круг света. Наверно, я должен полностью отработать получаемые деньги. Наверно, я должен изображать испуганного человека и звать их. Наверно, я должен вглядываться в темноту и делать вид, что боюсь зверей, о которых они говорили. Они говорили об этом, конечно, не слишком много. Они очень умны для этого, слишком умны. Упомянули вскользь, что есть звери, и переменили тему разговора. Не подчеркивали, не пугали. Ничего лишнего не было сказано. Просто высказали предположение, что есть звери, которых надо бояться.

Бишоп сидел и ждал. Теперь он уже меньше боялся, так как осмыслил причину страха. «Я сижу у костра на Земле», — твердил он себе. Только это была не Земля. Только это была чужая планета.

Зашелестели кусты.

Они идут, подумал Бишоп. Они сообразили, что ничего у них не вышло. Они возвращаются.

Снова зашелестели кусты, покати́лся задетый кем-то камешек.

Бишоп не шевелился.

Им не запугать меня. Им не запугать...

Почувствовав чье-то дыхание на своей шее, он судорожно вскочил и отпрыгнул, потом он споткнулся и упал, чуть было не попав в костер. Снова вскочив, он обежал костер, чтобы спрятаться за ним от существа, дышавшего ему в шею.

Бишоп припал к земле и увидел, как в раскрытой пасти блеснули зубы. Зверь поднял голову и закрыл пасть. Бишоп слышал лязг зубов и что-то вроде короткого хриплого стона, вырвавшегося из могучей глотки.

В голову ему пришла дикая мысль. Это совсем не зверь. Над ним просто продолжают шутить. Если они могут построить дом, напоминающий английский лес, всего на день-два, а потом заставить его исчезнуть, когда в нем уже нет необходимости, то для них, безусловно, секундное дело придумать и создать зверя.

Зверь бесшумно шел к Бишопу, а тот думал: животные боятся огня. Все животные боятся огня. Он не подойдет ко мне, если я встану поближе к огню.

Он наклонился и поднял сук.

Животные боятся огня. Но этот зверь не боялся. Он бесшумно огибал костер. Он вытянул шею и понюхал воздух. Зверь совсем не спешил, так как был уверен, что человек никуда не денется. Бишоп прошиб пот.

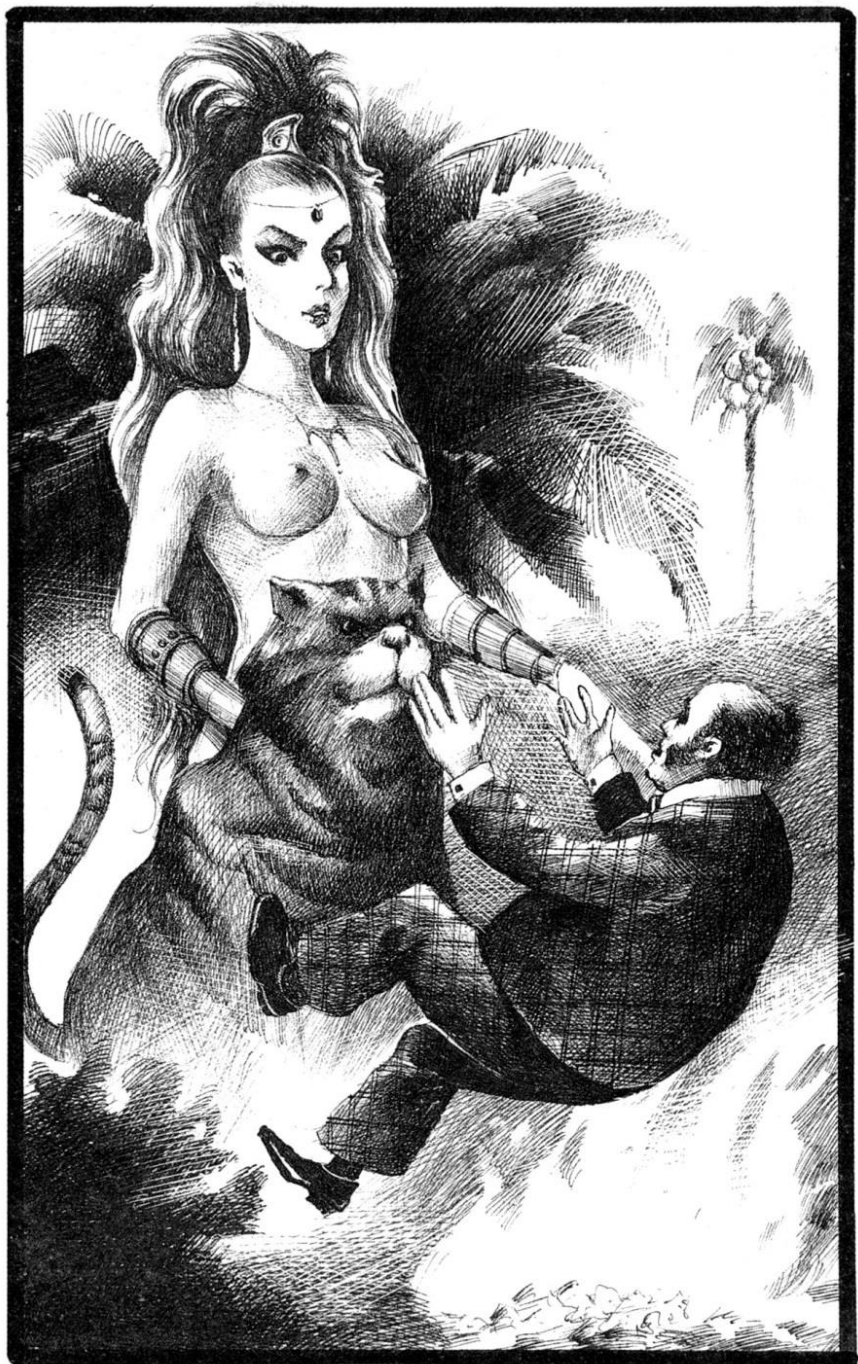
Зверь, огибая костер, стремительно приближался. Бишоп снова отпрыгнул за костер. Зверь остановился, посмотрел на него, затем прижался мордой к земле и выгнул спину. Хищник бил хвостом и рычал.

Теперь уже Бишоп похолодел от страха. Может быть, это зверь. Может быть, это не шутка, а настоящий зверь.

Бишоп подбежал к костру вплотную. Он весь напрягся, готовый бежать, отскочить, драться, если придется. Но он знал, что со зверем ему не сладить. И все же, если дело дойдет до схватки, он будет биться.

Зверь прыгнул.

Бишоп побежал. Но тут же поскользнулся, упал и покатился в костер.

Протянулась чья-то рука, выхватила Бишоп из огня и положила на землю. Послышался сердитый крик.

Вселенная раскололась и вновь соединилась, Бишоп лежал на полу. С трудом он поднялся на ноги. Рука была обожжена и болела. Одежда тлела, и он стал гасить ее здоровой рукой.

Послышался голос:

– Простите, сэр. Этого нельзя было допускать.

Человек, сказавший это, был высок, гораздо выше всех кимонцев, которых Бишоп видел прежде. Он был трехметрового роста, наверное. Нет, не трехметрового... Совсем не трехметрового... Он был, по-видимому, не выше высокого человека с Земли. Но он стоял так, что казался очень высоким. И осанка его и голос – все вместе создавало впечатление, что человек очень высок...

Бишоп подумал, что впервые видит кимонца не первой молодости. У него были седые виски и лицо в морщинах, похожих на морщины старых охотников и моряков, которым приходится щуриться, всматриваясь в даль.

Когда Бишоп осмотрелся, то при виде комнаты, в которой они с кимонцем стояли, у него перехватило дыхание. Описать ее словами было бы невозможно... он не только видел ее, он ощущал ее всеми чувствами, которыми был наделен. В ней был целый мир, вся вселенная, все, что он когда-либо видел, все его мечты... Казалось, она бесконечно продолжается во времени и пространстве, но вместе с тем это была жилая комната, не лишенная комфорта и уюта.

И все же, когда Бишоп снова поглядел вокруг, он почувствовал простоту, которую не заметил сразу. Жизни

претит вычурность. Казалось, что комната и люди, которые жили в ее стенах, — это единое целое. Казалось, что комната из всех сил старается быть не комнатой, а частью жизни, и настолько в этом преуспевает, что становится незаметной.

— Я был против с самого начала, — сказал кимонец. — Теперь я убедился, что был прав. Но дети хотели, чтобы вы...

— Дети?

— Конечно. Я отец Элейн.

Однако он не произнес слова «Элейн». Он назвал другое имя, имя, которое, как говорила Элейн, не мог бы произнести ни один человек с Земли.

— Как ваша рука? — спросил кимонец.

— Ничего, — ответил Бишоп. — Небольшой ожог.

У него было такое ощущение, словно произносил эти слова не он, а кто-то другой, стоявший рядом.

Он не мог бы шевельнуться, даже если бы ему заплатили миллион.

— Надо будет вам помочь, — сказал кимонец. — Побеседуем позже...

— Прошу вас, сэр, об одном, — сказал человек, говоривший за Бишопа. — Отправьте меня в гостиницу.

Он почувствовал, как сразу понял его собеседник, испытывавший к нему сострадание и жалость.

— Конечно, — сказал высокий кимонец. — С вашего позволения, сэр...

Однажды дети захотели иметь собачку — маленького игривого щенка. Их отец сказал, что собачки он им не

приобретет, так как с собаками они обращаться не умеют. Но они так просили его, что он, наконец, притащил домой собаку, прелестного щенка, маленький пушистый шарик с четырьмя нетвердо ступающими лапками.

Дети обращались с ним не так уж плохо. Они были жестоки, как все дети. Они тискали и трепали его; они дергали его за уши и за хвост; они дразнили его, но щенок не терял жизнерадостности. Он любил играть и, что бы с ним ни делали, лънул к детям. Ему, несомненно, очень льстило общение с умным человеческим родом, родом, который настолько опередил собак по культуре и уму, что сравнивать даже смешно.

Но однажды дети отправились на пикник и к вечеру так устали, что, уходя, забыли щенка.

В этом не было ничего плохого. Дети ведь забывчивы, что с ними ни делай, а щенок – это всего-навсего собака...

– Вы сегодня вернулись очень поздно, сэр, – сказал шкаф.

– Да, – угрюмо откликнулся Бишоп.

– Вы поранились, сэр. Я чувствую.

– Мне обожгло руку.

Одна из дверц шкафа открылась.

– Положите руку сюда, – сказал шкаф. – Я залечу ее в один миг.

Бишоп сунул руку в отделение шкафа. Он почувствовал какие-то осторожные прикосновения.

– Ожог несерьезный, сэр, – сказал шкаф, – но, я думаю, болезненный.

Мы игрушки, подумал Бишоп. Гостиница – это домик

для кукол... или собачья конура. Это нескладная хижина, подобная тем, какие сооружаются на Земле ребятишками из старых ящиков, дощечек. По сравнению с комнатой кимонца это просто лачуга, хотя, впрочем, лачуга роскошная. Для людей с Земли она годится, вполне годится, но это все же лачуга. А кто же мы? Кто мы? Баловни детишек. Кимонские щенята. Импортные щенята.

— Простите, сэр, — сказал шкаф. — Вы не щенята.

— Что?

— Еще раз прошу прощения, сэр, мне не следовало этого говорить... но мне не хотелось бы, чтобы вы думали...

— Если мы не комнатные собачки, то кто же мы?

— Извините, сэр. Я сказал это невольно, уверяю вас. Мне не следовало бы...

— Вы ничего не делаете без расчета, — с горечью сказал Бишоп. — Вы и все они. Потому что вы один из них. Вы сказали это только потому, что так хотели они.

— Я уверяю вас, что вы ошибаетесь.

— Естественно, вы все будете отрицать, — сказал Бишоп. — Продолжайте выполнять свои обязанности. Вы еще не сказали всего, что вам велено сообщить мне. Продолжайте.

— Для меня неважно, что вы думаете, — сказал шкаф. — Но если бы вы думали о себе, как о *товарищах* по детским играм...

— Час от часу не легче, — сказал Бишоп.

— То это было бы бесконечно лучше, — продолжал шкаф, — чем думать о себе, как о щенках.

— И на какую же мысль они хотят меня натолкнуть?

— Им все равно, — сказал шкаф. — Все зависит от вас самих. Я высказываю только предположение, сэр.

Хорошо, значит, это только предположение. Хорошо, значит, они товарищи по детским играм, а не домашние собачки.

Дети Кимона приглашают поиграть грязных, оборванных, сопливых пострелов с улицы. Наверно, это лучше, чем быть импортной собачкой.

Но даже в таком случае все придумали дети Кимона, это они создали правила для тех, кто хотел поехать на Кимон, это они построили гостиницу, обслуживали ее, давали людям с Земли роскошные номера, это они придумали так называемые должности, это они организовали печатание кредиток.

И если это так, то, значит, не только люди Земли, но и ее правители вели переговоры или пытались вести переговоры всего лишь с детьми народа другой планеты. Вот в чем существенная разница между людьми с Земли и кимонцами.

А может быть, он не прав?

Может быть, вообразив себя комнатной собачкой и ожесточившись, он в своих размышлениях пошел не по тому пути? Может быть, он и в самом деле был товарищем по детским играм, взрослым человеком с Земли, низведенным до уровня ребенка... и притом глупого ребенка? Может быть, не стоило думать о себе как о комнатной собачке, а следовательно, и приходить к мысли, что это *дети* Кимона организовали иммиграцию людей с Земли?

А если не дети приглашают в дом уличных мальчишек, а если инициатива проявлена взрослыми Кимона, то что это? Школьная программа? Какая-то фаза постепенного обучения? Или своего рода летний лагерь, куда пригла-

шают способных, но живущих в плохих условиях землян? Или просто это безопасный способ занять и развлечь кимонских ребятишек?

«Мы должны были догадаться об этом давным-давно, — сказал себе Бишоп. — Но даже если бы кому-нибудь из нас и пришла в голову мысль, что мы комнатные собачки или товарищи по детским играм, то мы прогнали бы ее, потому что слишком самолюбивы».

— Пожалуйста, сэр, — сказал шкаф. — Рука почти как новенькая. Завтра вы сможете сами одеться.

Бишоп молча стоял перед шкафом. Рука его безвольно повисла.

Не спрашивая его, шкаф приготовил коктейль.

— Я сделал порцию побольше и покрепче, — сказал шкаф. — Думаю, вам это необходимо.

— Спасибо, — поблагодарил Бишоп.

Он взял стакан, но не стал пить, а продолжал думать: что-то тут не так. Мы слишком самолюбивы.

— Что-нибудь не так, сэр?

— Все в порядке, — сказал Бишоп.

— Но вы пейте.

— Потом выпью.

Нормандцы сели на коней в субботний полдень. Кони гарцевали, знамена с изображениями леопардов развевались на ветру, флажки на копьях трепетали, постукивали ножны мечей. Нормандцы бросились в атаку, но, как говорит история, были отбиты. Все это совершенно правильно, потому что только вечером стена саксов была прорвана, и последнее сражение вокруг знамени с драконом разыгралось уже почти в темноте.

Но не было никакого Тэйллефера, который ехал впереди, крутил мечом и пел.

Тут история ошиблась.

Века два спустя какой-нибудь писец позабавился тем, что вставил в прозаическую историю романтический рассказ о Тэйллефере. Он написал это, протестуя против заточения в четырех голых стенах, против спартанской пищи, против нудной работы, так как на дворе была весна, и ему хотелось отправиться погулять в поле или в лес, а не сидеть взаперти, сгорбившись над чернильницей.

Вот так же и мы, подумал Бишоп. В наших письмах домой мы скрываем правду. И мы делаем это ради себя. Мы щадим свою гордость.

– Вот, – сказал Бишоп шкафу, – выпейте это за меня.

Он поставил стакан, к которому так и не притронулся, на шкаф.

Шкаф от удивления булькнул.

– Я не пью, – сказал он.

– Тогда слейте в бутылку.

– Я не могу этого сделать, – в ужасе сказал шкаф. – Это же смесь.

– Тогда разделите ее на составные части.

– Не могу, – взмолился шкаф. – Не хотите же вы...

Раздался шелест, и посередине комнаты появилась Максайн. Она улыбнулась Бишопу.

– Что происходит? – спросила она.

Шкаф обратился к ней:

– Он хочет, чтобы я разложил коктейль на составные части. Он же знает, что я не могу этого сделать.

– Ну и ну, – сказала Максайн. – А я думала, что вы умеете все.

– Этого сделать я не могу, – сухо сказал шкаф. – Почему бы вам не взять коктейль?

– Хорошая мысль, – согласилась девушка. Она подошла к шкафу и взяла стакан. – Что с вами? – спросила она Бишоп.

– Я просто не хочу пить. Разве человек не имеет права...

– Имеет, – сказала Максайдн. – Конечно, имеет. А что у вас с рукой?

– Ожог.

– Вы уже достаточно взрослый, чтобы не баловаться с огнем.

– А вы достаточно взрослая, чтобы не врываться в комнату таким образом. Когда-нибудь вы соберете себя точно в том месте, где будет стоять другой человек.

Максайдн захихикала.

– Вот это будет смешно, – сказала она. – Представьте себе, вы и я...

– Это была бы каша.

– Предложите мне сесть, – сказала Максайдн. – Давайте будем общительными и вежливыми.

– Конечно, садитесь.

Она села на кушетку.

– Меня интересует самотелепортация, – сказал Бишоп. – Я спрашивал вас, как это делается, но вы мне не ответили.

– Это просто само пришло ко мне.

– Не может быть, чтобы телепортировали вы сами. Люди не обладают парапсихическими...

– Когда-нибудь вы взорветесь. Слишком уж кипите.

Бишоп сел рядом с Максайн.

– Да, я киплю, – сказал он. – Но...

– Что еще?

А вы когда-нибудь задумывались над тем, как это у вас получается? Пытались ли вы перемещать что-нибудь еще... не только себя?

– Нет.

– Почему?

– Послушайте. Я заскочила, чтобы выпить с вами и не-много забыться, а не заниматься техническими разговорами. Я ничего не знаю и не понимаю. Мы многого не понимаем.

Максайн взглянула на Бишопа, и в ее глазах мелькнул испуг.

– Вы притворяетесь, что вам не страшно? – продолжала она. – Давайте перестанем притворяться. Давайте признаемся, что...

Она поднесла стакан к губам, и вдруг он выскользнул из руки.

– Ах!

Стакан повис в воздухе над самым полом. Затем он поднялся. Максайн протянула руку и схватила его. Но тут он снова выскользнул из ее дрожавшей руки. На этот раз упал на пол и разбился.

– Повторите все снова, – сказал Бишоп.

– Это со мной впервые. Я не знаю, как это случилось. Я просто не хотела, чтобы он разбился, и...

– А во второй раз?

– Вы дурак, – возмутилась Максайн. – Я говорю вам, что я ничего не делала. Я не разыгрывала вас. Я не знаю, как это получилось.

– Но получилось же. Это начало.

– Начало?

– Вы не дали стакану упасть на пол. Вы телепортировали его обратно в руку.

– Послушайте, – мрачно сказала она, – перестаньте обманывать себя. За нами все время следят. Кимонцы иногда устраивают такие трюки, ради шутки. – Она рассмеялась и встала, но смех ее был неестественным.

– Вы не пользуетесь случаем, – сказал Бишоп. – Вы ужасно боитесь, что над вами будут смеяться. Надо быть мудрой.

– Спасибо за коктейль, – сказала она.

– Но, Максайдн...

– Навестите меня как-нибудь.

– Максайдн! Погодите!

Но она уже исчезла.

...Надо забыть о самолюбии. Надо проанализировать факты, думал Бишоп. У кимонцев более высокая культура, чем у нас. Другими словами, они ушли дальше по дороге эволюции, чем мы, ушли дальше от обезьяны. А как людям Земли достичь этого?

Дело здесь не только в уме.

Возможно, здесь важнее философия – она подсказывает, как лучше использовать ум, который уже есть у человека, она дает возможность понимать и правильно оценивать человеческие достоинства, она учит, как должен действовать человек в своих взаимоотношениях со Вселенной.

И если кимонцы все понимают, если они добились своего, разобравшись во всем, то нельзя представить себе, чтобы они брали к себе на службу других разумных су-

ществ в качестве щенков. Или даже в качестве товарищей по детским играм. Но это могло бы быть в том случае, если бы игра приносила пользу не их детям, а детям Земли. Они осознавали бы, какой ущерб приносит подобная практика, и пошли бы на нее только в том случае, если бы в конце концов из всего этого вышел толк.

Бишоп сидел, думал, и собственные мысли казались ему логичными, потому что даже в истории его родной планеты бывали периоды, когда переход на новую, высшую ступень развития требовал издержек.

И еще.

В своем развитии люди не скоро обретут парапсихические способности, так как они могут быть губительно использованы обществом, которое эмоционально и интеллектуально не подготовлено к обращению с ними. Ни одна культура, которая не достигла зрелости, не может обрести парапсихического могущества, потому что это не игра для подростков. В сравнении с кимонцами люди могут считать себя лишь детьми.

С этим было трудно согласиться, это не укладывалось в голову. Но согласиться было необходимо. Необходимо.

— Уже поздно, сэр, — сказал шкаф. — Вы, по-видимому, устали.

— Вы хотите, чтобы я лег спать.

— Я только предположил, что вы устали, сэр.

— Ладно, — сказал Бишоп.

Он встал и пошел в спальню, улыбаясь про себя. Послали спать... как ребенка. И он пошел.

Не сказал: «Я лягу, когда мне будет надо». Не цеплялся за свое достоинство взрослого. Не капризничал, не стучал ногами, не вопил.

Пошел спать... как ребенок, которому велено идти в постель.

Может быть, так и надо делать. Может быть, это ответ на все вопросы. Может быть, это единственный ответ.

Бишоп обернулся.

— Шкаф!

— Что вам угодно, сэр?

— Ничего. То есть от вас мне ничего не надо, спасибо за то, что подлечили руку.

— Ну и хорошо, — сказал шкаф. — Спокойной ночи!

Может быть, это и есть ответ. Вести себя, как ребенок.

А как поступает ребенок? Он идет спать, когда ему велят. Он слушается взрослых. Он ходит в школу. Он... походите!

Он ходит в школу!

Он ходит в школу, потому что ему надо многому научиться. Он ходит в детский сад, а потом в школу, а потом в колледж. Он понимает, что ему надо многому научиться, прежде чем он займет свое место в мире взрослых.

Но я ходил в школу, подумал Бишоп. Я ходил в школу долгие годы. Я усердно учился и выдержал экзамен, на котором провалились тысячи других. Я был подготовлен к поездке на Кимон.

Однако будь ты на Земле хоть доктором, по прибытии на Кимон ты становишься всего лишь «выпускником» детского сада.

Монти немного овладел телепатией. И другие тоже. Максайн может телепортировать себя, и она не дала стакану разбиться об пол. Наверно, и другие на это способны.

А они только еще постигают азы.

Телепатия и умение не дать стакану разбиться – это еще далеко не все. Парапсихическое могущество – это далеко не единственное достижение культуры Кимона.

Может быть, мы готовы, думал Бишоп. Может быть, мы уже почти вышли из подросткового возраста. Может быть, мы уже почти готовы к восприятию культуры взрослых. А иначе почему бы кимонцы пустили к себе из всей Галактики только нас?

У Бишопы голова шла кругом.

На Земле один на тысячи выдерживает экзамен, дающий право поехать на Кимон. Может быть, на Кимоне одного из тысячи находят достойным приобщения к культуре Кимона.

Но прежде чем начать приобщаться к культуре, прежде чем начать учиться, следует признать, что ты ничего не знаешь. Надо признать, что ты еще ребенок. С капризами тебя никуда не пустят. Надо отбросить ложное самолюбие, которым ты, как щитом, закрываешься от культуры, требующей твоего понимания.

«Эх, Морли, наверно, я получил ответ, – сказал про себя Бишоп, – ответ, которого ты ждешь на Земле. Но я не могу сообщить тебе его. Его нельзя передать другому. Его должен найти каждый сам для себя».

Жаль, что Земля не подготовлена к тому, чтобы найти этот ответ. Такого не проходят в школах Земли.

Армии и пушки не смогут взять штурмом цитадель кимонской культуры, потому что воевать с народом, обладающим парапсихическими способностями, просто невозможно.

Только мудрое терпение поможет разгадать тайны планеты. А земляне люди нетерпеливые, не мирные. Здесь все по-другому. Здесь надо стать другим.

Надо начать с признания, что я ничего не знаю. Потом сказать, что я хочу знать, и дать обещание, что буду усердно учиться. Может быть, нас для того и привозят сюда, чтобы один из тысячи имел возможность сообразить это. Может быть, кимонцы наблюдают за нами, надеясь, что сообразит не только один из тысячи. Может быть, им больше хочется передать свои знания, чем нам учиться. Потому что они одиноки в Галактике, в которой нет существ, подобных им.

Неужели все живущие в гостинице потерпели неудачу? Неужели они никогда не пытались догадаться, в чем дело, или пытались, но безуспешно?

А другие... по одному из каждой тысячи... где они?

Бишоп терялся в догадках.

Но, может быть, все это предположения? Мечты? Завтра утром он проснется и узнает, что ошибался. Он спустится в бар, выпьет с Максайн или Монти и будет смеяться над тем, о чем мечтает сейчас.

Школа. Но это была бы не школа... по крайней мере она была бы совсем не похожа на те школы, в которых он когда-то учился.

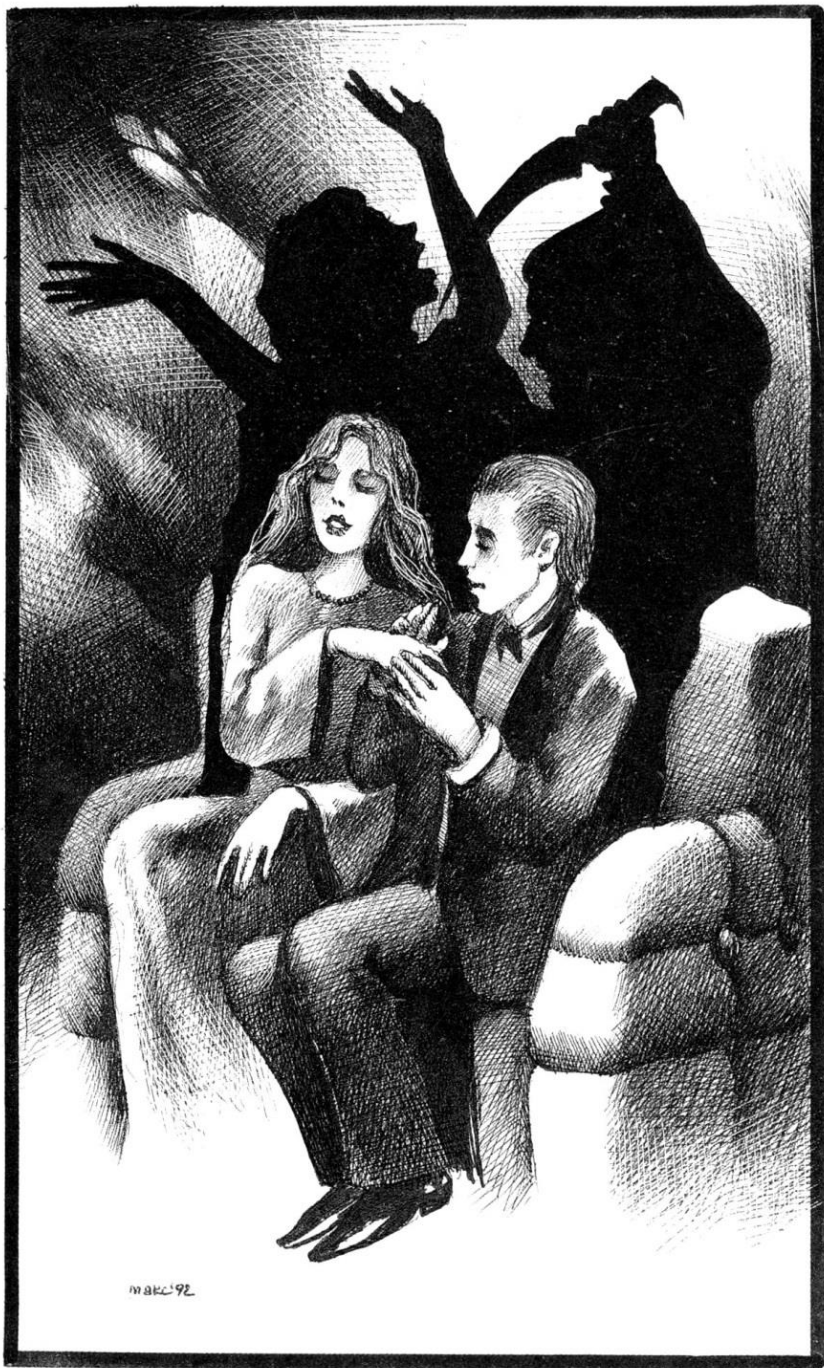
Хорошо бы...

— Ложитесь-ка спать, сэр, — сказал шкаф.

— Наверно, надо ложиться, — согласился Бишоп. — День был тяжелый и долгий.

— Вы захотите встать пораньше, — заметил шкаф, — чтобы не опоздать в школу.

ТЕАТР ТЕНЕЙ

mark'92

Хэйярд Лодж, руководитель спецгруппы № 3 под кодовым названием «Жизнь», раздраженно нахмурившись, смотрел на сидевшего напротив, по ту сторону стола, психолога Кента Форестера.

— Игру в Спектакль прерывать нельзя, — говорил Форестер. — Я не поручусь за последствия, если мы приостановим ее даже на один-два дня. Ведь это единственное, что нас объединяет, помогает нам сохранить рассудок и чувство юмора, отвлекает нас от более серьезных проблем.

— Знаю, — сказал Лодж. — Но теперь, когда умер Генри...

— Они поймут, — заверил его Форестер. — Я поговорю с ними. Не сомневаюсь, что они поймут.

— Безусловно, — согласился Лодж. — Все мы отлично знаем, как важен для нас этот Спектакль. Но нужно учесть и другое: одного из персонажей создал Генри.

Форестер кивнул.

— Я тоже об этом думал.

— И вы знаете какого?

Форестер отрицательно покачал головой.

— А я-то надеялся, что вам это известно, — проговорил Лодж. — Ведь вы уже давно пытаетесь отождествить каждого из нас с определенным персонажем.

Форестер смущенно улыбнулся.

— Я вас не виню. Мне понятно, почему вас так занимает этот вопрос.

– Разгадка намного упростила бы мою работу, – признал Форестер. – Она помогла бы мне по-настоящему разобраться в личности каждого члена нашей группы. Вот представьте, что какой-нибудь персонаж вдруг начинает вести себя нелогично...

– Они все ведут себя нелогично, – перебил его Лодж. – Именно в этом их прелесть.

– Нелогичность их поведения естественна в допустимых пределах и обусловлена шутовским стилем Спектакля. Но ведь из самого шутовства можно вывести норму.

– И вам это удалось?

– График не получился, – ответил Форестер. – Но зато я теперь недурно в этом ориентируюсь. Когда в знакомой нелогичности появляются отклонения, их не так уж трудно заметить.

– А они случаются?

Форестер кивнул.

– И временами очень резкие. Вопрос, который нас с вами беспокоит, – то, как они мысленно расценивают...

– Назовем это не оценкой, а эмоциональным отношением, – сказал Лодж.

Оба с минуту молчали. Потом Форестер спросил:

– Вас не затруднит объяснить мне, почему вы так настойчиво относите это к сфере эмоций?

– Потому что их отношение к действительности определяется эмоциями, – ответил Лодж. – Это отношение, которое зародилось и созрело под влиянием нашего образа жизни, сформировалось в результате бесконечных размышлений и бесконечного самокопания. Такое отношение сугубо эмоционально и граничит со слепой верой. В нем

мало от разума. Мы живем предельно изолированно. Нас слишком строго охраняют. Нам слишком часто говорят о важности нашей работы. Каждый из нас постоянно на взводе. Разве мы можем остаться нормальными людьми в таких сумасшедших условиях?

— Да еще эта ужасная ответственность, — ввернул Форестер. — Она же отравляет им существование.

— Ответственность лежит не на них.

— Ну да, если свести до минимума значение отдельных индивидов и каждого из них подменить всем человеческим родом. Впрочем, вероятно, даже при этом условии вопрос останется открытым, поскольку решаемая задача неразрывно связана с проблемами человека как представителя биологического вида. Проблемами, которые из общих могут превратиться в личные. Вы только вообразите — сотворить...

— Ничего нового вы мне не скажете, — нетерпеливо прервал его Лодж. — Это я уже слышал неоднократно.

«Вы только вообразите — сотворить человеческое существо в ином, нечеловеческом, облике!»

— Причем именно человеческое существо, — подчеркнул Форестер. — Вот в чем соль, Бэйярд. Не в том, что мы искусственно создадим живые существа, а в том, что этими живыми существами будут люди в облике чудовищ. Такие монстры преследуют нас в кошмарных сновидениях, и посреди ночи просыпаешься с криком ужаса. Чудовище само по себе не страшно, если это не более чем чудовище. За несколько столетий эры освоения космоса мы привыкли к необычным формам жизни.

Лодж жестом остановил его.

– Вернемся к Спектаклю.

– Он нам необходим, – твердо заявил Форестер.

– Будет одним персонажем меньше, – напомнил Лодж.

– Сами знаете, чем это грозит. Отсутствие одного из персонажей может нарушить гармонию, ритм Спектакля, привести к путанице и неразберихе. Лучше уж остаться без Спектакля, чем допустить его полный развал. Почему бы нам не сделать перерыв на несколько дней, а потом не начать все заново? Поставим новый Спектакль с новыми персонажами, а?

– Это исключено, – возразил Форестер. – По той причине, что каждый из нас как бы сросся со своим персонажем и все персонажи стали органической частью своих создателей. Мы живем двойной жизнью, Бэйярд. Личности наши раздвоены. Так нужно, иначе мы погибнем. Так нужно, ибо никто из нас не в силах быть только самим собой.

– Вы хотите сказать, что игра в Спектакль страхует нас от безумия?

– Примерно. Однако вы слишком сгущаете краски. Ведь при обычных обстоятельствах мы, несомненно, могли бы обойтись без Спектакля. Но у нас тут обстоятельства особые. Каждый терзается невероятно гипертрофированным чувством вины. Спектакль же дает выход эмоциям. Он служит темой для разговоров. Не будь его, мы посвящали бы наши вечера замыванию кровавых пятен вины. К тому же Спектакль вносит в нашу жизнь какое-то веселье – это наша дневная доза юмора, радости, искреннего смеха.

Лодж встал и принялся мерить шагами комнату.

— Я назвал их отношение к действительности эмоциональным, — произнес он, — и настаиваю на своем определении. Это неумное, извращенное отношение, которое носит чисто эмоциональный характер. У них нет никаких оснований для комплекса вины. И тем не менее они его в себе культивируют, словно это единственное, что связывает их с внешним миром, роднит с остальной частью человечества. Они приходят ко мне, делятся со мной своими переживаниями, как будто в моей власти что-либо изменить. Как будто я всемогущ и могу, воздев руки, сказать им: «Что ж, раз так, свернем работу». Как будто у меня самого нет никаких служебных обязанностей. Они говорят, что мы посягаем на область священного, что сотворение жизни невозможно без некоего божественного вмешательства, что человек, который пытается свершить этот подвиг творения, святотатец и богохульник.

Но ведь на это есть ответ, и ответ, логически обоснованный, однако они этой логики не видят, либо просто не желают прислушаться к голосу разума. Способен ли человек совершить что-либо, относящееся к категории божественного? Так вот, если в сотворении жизни участвует некая высшая сила, Человек, как бы он ни старался, не сумеет создать жизнь в своих лабораториях, не сумеет наладить серийное производство живых существ. Если же Человек, применив все свои знания, сможет при помощи известных ему химических соединений создать живую материю, если он благодаря высокому уровню науки и техники сотворит живую клетку, это докажет, что возникновение жизни не нуждается в чем-то вмешательстве свыше. А если мы получим такое доказательство, если мы будем

знать, что в акте сотворения жизни нет ничего сверхъестественного, разве это доказательство не сорвет с него ореол святости?

— Они же ищут предлог, чтобы избавиться от этой работы, — сказал Форестер, пытаясь успокоить Лоджа, — возможно, кое-кто из них и верит в это, но остальных просто пугает ответственность — я имею в виду моральную ответственность. Они начинают прикидывать, каково это — жить под ее бременем до конца дней. Почти то же самое происходило тысячу лет назад, когда люди открыли атомную энергию и впервые расщепили атом. Они потеряли сон. По ночам они пробуждались с криком ужаса. Они понимали значение своего открытия, понимали, что выпускают на волю страшную силу. А ведь мы тоже отдаем себе отчет, к каким результатам может привести наша работа.

Лодж вернулся к столу и сел.

— Дайте мне подумать, Кент, — проговорил он. — Может, вы и правы. Я еще во многом не разобрался.

— До скорой встречи, — сказал Форестер.

2

Уходя, он мягко прикрыл за собой дверь.

Спектакль был растянутым до бесконечности фарсом — вариант «Старого красного амбара», в котором поразительная нелепость и комизм ситуаций переступали все мыслимые границы. В этой фантасмагории было что-то от Волшебной Страны Оз², какой-то нечеловеческий чуже-

² Волшебная Страна Оз — вымышленная страна из сказки американского писателя Ф. Баума «Мудрец из Страны Оз». (Прим. перев.)

родный порыв; одна сцена сменяла другую, представлению не было видно конца.

Если поселить небольшую группу людей на астероиде, который круглосуточно охраняется космическим патрулем, если предоставить каждому из этих людей лабораторию и объяснить, какую им нужно решать проблему, если заставить их день за днем биться над этим решением, то одновременно необходимо принять какие-то меры, чтобы они не сошли с ума.

Тут могут пригодиться музыка, книги, кинофильмы, разнообразные игры, танцы по вечерам – словом, весь старый арсенал развлечений, которые на протяжении тысячелетия давали человечеству забвение от горестей и забот.

Но наступает момент, когда сила воздействия этих развлечений на психику людей истощается, когда их уже недостаточно.

Тогда начинают искать что-нибудь принципиально новое, еще не приевшееся – игру, в которой смогли бы принять участие все члены такой изолированной группы и которая настолько увлекла бы их, что они на какое-то время отключились бы от действительности, забывая, кто они и ради чего работают.

Так появилась на свет игра в Спектакль.

Давным-давно, много-много лет назад в избах крестьян Европы и фермерских домах первых поселенцев Северной Америки глава семьи по вечерам устраивал для детей театр теней. Он ставил на стол лампу или свечу, усаживался между этим столом и голой стеной и принимался двигать руками в воздухе, то так, то сяк складывая пальцы, и на стене возникали тени кроликов, слонов, лошадей, людей...

В течение часа, а то и дольше на стене шло представление: попеременно появлялись то кролик, щиплющий клевер, то слон, размахивающий хоботом и шевелящий ушами, то волк, воющий на вершине холма. Позже, когда появились кино и телевидение, комиксы и дешевые пластмассовые игрушки, которые можно было приобрести в любой мелочной лавке, тени утратили свое очарование, и их никто больше не показывал. Но сейчас речь не об этом.

Если взять принцип театра теней и приложить к нему знания, накопленные Человеком за истекшие с той поры тысячелетия, получится игра в Спектакль. Неизвестно, знал ли что-нибудь о театре теней давно забытый гений, которому впервые пришла в голову идея этой игры, но в основу ее лег тот же самый принцип. Изменился лишь способ проецирования изображения: мозг человека заменил его руки.

А плоские черно-белые кролики и слоны уступили место множеству иных, цветных и объемных существ и предметов, разнообразие которых всецело зависело от богатства человеческого воображения (ведь куда легче создать что-либо в мыслях, чем руками).

Экран с ячейками памяти, неисчислимыми рядами трубок звуковоспроизводящего устройства, селекторами цвета, антеннами приемников телепатем и огромным количеством других приборов, был триумфом электронной техники, но он играл пассивную роль, потому что представление складывалось из мысленных образов, возникавших в мозгу собравшихся перед экраном зрителей. Зрители сами придумывали персонажи, сами мысленно управляли всеми их действиями, сами сочиняли для своих персона-

жей реплики. Зрители, и только зрители своим целенаправленным мышлением сообща оформляли каждую сцену, создавая в уме декорации, задники, реквизит.

На первых порах Спектакль был путаным и бессистемным; еще неоформившиеся уродливые персонажи бестолково сустились на экране, из-за неопытности зрителей действовали вразнобой, были безликими и смахивали на карикатуры. На первых порах декорации, задники и реквизит были бредовым порождением рассеянного, скачущего мышления зрителей. Иногда на небе одновременно сияли три луны, причем все в разных фазах. Бывало и так, что на одной половине экрана шел снег, а на другой под палящими лучами солнца зеленели пальмы.

Но со временем представление усовершенствовалось, персонажи приняли пристойный вид, увеличились до нормальных размеров, сохранив при этом все конечности, обрели индивидуальность; из примитивных полукарикатур вылепились живые сложные образы. И если в начале декорации и реквизит были плодом отчаянных попыток девяти разобщенных умов чем-нибудь заполнить на экране пустые места, то теперь зрители научились мыслить согласованно и, оформляя Спектакль совместными усилиями, добивались единства стиля постановки.

Со временем люди стали так умело разыгрывать представление, что оно пошло гладко, без срывов, хотя ни один из зрителей-авторов никогда не мог предугадать, какой оборот примут события на экране в следующую секунду.

Именно это и делало игру в Спектакль такой захватывающей. Тот или иной персонаж каким-нибудь поступком

или фразой вдруг давал действию иное направление, и людям – создателям и руководителям других персонажей – приходилось с ходу придумывать для них новый текст, соответствующий внезапному изменению сюжета, и перестраивать их поведение.

В некотором смысле это превратилось в состязание интеллектов; каждый участник игры то старался выдвинуть свой персонаж на первый план, то, наоборот, заставлял его ступешаться, чтобы оградить от возможных неприятностей. Спектакль стал чем-то вроде нескончаемой шахматной партии, в которой у каждого игрока было восемь противников.

И никто, конечно, не знал, кому какой персонаж принадлежит. Попытки разгадать, кто именно из девяти стоит за тем или иным персонажем, приняли форму забавной игры, дали пищу для шуток и острот, и все это шло на пользу, ибо назначение Спектакля как раз заключалось в том, чтобы отвлечь мысли его участников от повседневной работы и тревог.

Каждый вечер после обеда девять человек собирались в специально оборудованном зале; оживал экран, и девять персонажей – Беззащитная Сиротка, Усатый Злодей, Приличный Молодой Человек, Красивая Стерва, Инопланетное Чудовище и другие – начинали играть свои роли и подавать реплики.

Их было девять – девять человек и девять персонажей.

Теперь же осталось восемь человек, потому что Генри Грифс рухнул мертвым на свой лабораторный стол, сжимая в руке записную книжку.

А в Спектакле, соответственно, должно было стать од-

ним персонажем меньше, персонажем, находившимся в полной зависимости от мышления человека, которого уже не было в живых.

Интересно, подумал Лодж, какое из действующих лиц исчезнет? Ясно, что не Беззащитная Сиротка – образ, который совершенно не вязался с личностью Генри. Скорее им может оказаться Приличный Молодой Человек либо Нищий Философ, либо Деревенский Щеголь.

Минуточку, остановил себя Лодж. Причем тут Деревенский Щеголь? Ведь Деревенский Щеголь – это я.

Он сидел за столом, лениво размышляя над тем, кому какой персонаж соответствует. Очень похоже, что Красивую Стерву придумала Сью Лоуренс; трудно себе представить более противоположные натуры, чем эта Стерва и собранная, деловитая Сью. Он вспомнил, как, заподозрив это, однажды отпустил в адрес Сью шпильку, после чего она несколько дней держалась с ним очень холодно.

Форестер утверждает, что отказываться от Спектакля нельзя и, возможно, он прав. Вполне вероятно, что они приспособятся к новому раскладу. Видит бог, им пора уже приспособливаться к любым переменам, разыгрывая этот Спектакль из вечера в вечер на протяжении стольких месяцев.

Да и сам Спектакль не лучше ярмарочного балагана. Шутовство ради шутовства. Действие даже не эпизодично, потому что еще ни разу не представился случай довести хоть один эпизод до конца. Стоит начать обыгрывать какую-нибудь ситуацию, как кто-нибудь вставляет палку в колеса, и едва наметившаяся сюжетная линия обрывается, и дальше действие разворачивается в другом направлении.

При таком положении вещей, подумал Лодж, исчезновение одного-единственного персонажа вроде бы не должно сбить их с толку.

Он встал из-за стола и, подойдя к огромному окну, устремил задумчивый взгляд на лишенный растительности, пустынный и мрачный ландшафт. Под ним на черной скалистой поверхности астероида, уходя вдаль, блестели в свете звезд купола лабораторий. На севере, над зубчатым краем горизонта, занималась заря, и скоро тусклое, размером с наручные часы солнце всплывет над этим жалким обломком скалы и уронит на него свои слабые лучи.

Глядя на ширившееся над горизонтом сияние, Лодж вспомнил Землю, где с зарей начиналось утро, а после заката солнца начиналась ночь. Здесь же царил полный хаос: продолжительность дней и ночей постоянно менялась, и они были так коротки, что местные сутки не годились для деления и отсчета времени. Утро и вечер здесь определялись по часам независимо от положения солнца, и нередко, когда оно стояло высоко над горизонтом, для людей была ночь и они спали.

Все обстояло бы по-другому, подумал он, если б нас оставили на Земле, где мы изо дня в день не варились бы в одном котле, а общались бы с широким кругом людей. Там мы не ели бы себя поедом; общение с другими людьми заглушило бы в нас комплекс вины.

Но контакты с теми, кто непричастен к этой работе, неизбежно дали бы повод для всякого рода слухов, привели бы к утечке информации, а в нашем деле это недопустимо.

Ведь если б население Земли узнало, что они создают,

точнее, пытаются создать, это вызвало бы такую бурю протеста, что, возможно, пришлось бы отказаться от осуществления замысла.

Даже здесь, подумал Лодж, даже здесь кое-кого гложут сомнения и страх.

Человеческое существо должно ходить на двух ногах, иметь две руки, пару глаз, пару ушей, один нос, один рот, не быть чрезмерно волосатым. И оно должно именно ходить, а не прыгать, ползать или катиться.

Искажение человеческого облика, говорят они, надругательство над человеческим достоинством; каким бы могуществом ни обладал Человек, в своей самонадеянности он замахнулся на то, что ему не по плечу.

Раздался стук в дверь. Лодж обернулся.

– Войдите, – громко сказал он.

Дверь открылась. На пороге стояла доктор Сьюзен Лоуренс, флегматичная, бесцветная, аляповато одетая женщина с квадратным лицом, выражавшим твердость характера и упрямство.

Она увидела его не сразу и, стоя на пороге, вертела головой по сторонам, пытаясь отыскать его в полутьме комнаты.

– Идите сюда, Сью, – позвал он.

Она приоткрыла дверь, пересекла комнату и, остановившись рядом с ним, молча уставилась на пейзаж за окном.

Наконец она заговорила:

– Он ничем не был болен, Бэйярд. У него не обнаружено никаких признаков заболевания. Хотела бы я знать...

Она умолкла, и Лодж почти физически ощутил, как беспросветно мрачны ее мысли.

– Достаточно скверно, – произнесла она, – когда человек умирает от точно диагностированного заболевания. И все же не так страшно терять людей после того, как сделаешь все возможное, чтобы их спасти. Но Генри нельзя было помочь. Он скончался мгновенно. Он был мертв еще до того, как ударился об стол.

– Вы обследовали его?

Она кивнула.

– Я поместила его в анализатор. У меня на руках три катушки пленок с записью результатов обследования. Я их просмотрю... попозже. Но могу поклясться, что он был совершенно здоров.

Сью крепко сжала его руку своими короткими толстыми пальцами.

– Он не захотел больше жить, – проговорила она. – Ему стало страшно. Он решил, что близок к какому-то открытию, и его охватил смертельный ужас перед тем, что он может открыть.

– Мы должны все это выяснить, Сью.

– А для чего? – спросила она. – Для того чтобы научиться создавать людей, способных жить на планетах, условия на которых не пригодны для существования Человека в его естественном облике? Чтобы научиться вкладывать разум и душу Человека в тело чудовища, которое изведется от ненависти к самому себе?..

– Оно не будет себя ненавидеть, – возразил Лодж. – Ваша точка зрения основана на антропоморфизме. Никакое живое существо никогда не кажется самому себе уродливым, потому что оно, не размышляя, принимает себя таким, какое оно есть. Чем мы можем доказать, что Человек доволен собой больше, чем насекомое или жаба?

– К чему все это? – не унималась она. – Нам же не нужны те планеты. Сейчас планет у нас навалом – куда больше, чем мы в состоянии колонизировать. Одних только планет земного типа хватит на несколько столетий. Хорошо, если удастся их, я уж не говорю – освоить полностью, а хотя бы заселить людьми в ближайшие пятьсот лет.

– Мы не имеем права рисковать, – сказал Лодж. – Пока у нас еще есть время, мы должны сделать все, чтобы стать хозяевами положения. Подобных проблем не возникало, когда мы жили только на Земле, чувствовали себя в относительной безопасности. Но обстоятельства изменились. Мы проникли в космос, стали летать к звездам. Где-то в глубинах Вселенной есть другие цивилизации, другие мыслящие существа. Иначе и быть не может. И когда-нибудь мы с ними встретимся. На этот-то случай нам необходимо укрепить свои позиции.

– И для укрепления наших позиций мы будем основывать колонии человеко-чудовищ. Я понимаю, Бэйярд, все хитроумие этого плана. Признаю, что мы сумеем сконструировать особые тела, мышцы, кости, нервные волокна, органы коммуникации с учетом специфики условий на тех планетах, где нормальное человеческое существо не проживет и минуты. Допустим, мы обладаем высокоразвитым интеллектом и прекрасно знаем свое дело, но этого ведь недостаточно, чтобы вдохнуть в такие тела жизнь. Жизнь – это нечто большее, чем просто коллоид из комбинации определенных элементов. Нечто совершенно иное, непостижимое, скрытое от нас за семью печатями.

– А мы все-таки дерзнем, – сказал Лодж.

– Первоклассных специалистов вы превратите в душевнобольных, – взволнованно продолжала она. – Кое-кого из них вы убьете – не руками, конечно, а своим упорством. Вы будете держать их взаперти годами, а чтобы они протянули подольше, одурманите их этим Спектаклем. Но тайну сотворения жизни вы не раскроете, ибо это вне человеческих возможностей.

Она задышалась от ярости.

– Хотите пари? – рассмеявшись, спросил он.

Она стремительно повернулась к нему лицом.

– Бывают моменты, – произнесла она, – когда я жалею, что принесла присягу. Крупица цианистого калия...

Он взял ее за руку и подвел к письменному столу.

– Давайте выпьем, – предложил он. – Убить меня вы всегда успеете.

3

К обеду они переоделись.

Так было заведено. Они всегда переодевались к обеду.

Это, как Спектакль, входило в постепенно сложившийся ритуал, который они строго соблюдали, чтобы не сойти с ума, не забыть, что они цивилизованные люди, а не только беспощадные охотники за знаниями, пытающиеся решить проблему, которую любой из них с радостью предпочел бы не решить.

Они отложили в сторону скальпели и прочие инструменты, зачехлили микроскопы; они аккуратно расставили по местам пробирки с культурами, убрали в шкафы сосу-ды с физиологическим раствором, в котором хранились

препараты. Они сняли передники, вышли из лабораторий и закрыли за собой двери. И на несколько часов забыли — или постарались забыть — кто они и над чем работают.

Они переоделись к обеду и собрались в так называемой гостиной, где для них были приготовлены коктейли, а потом перешли в столовую, делая вид, что они самые обыкновенные человеческие существа, не более... и не менее.

На столе — посуда из изысканного фарфора и тончайшего стекла, цветы, горящие свечи. Они начали с легкой закуски, за которой последовали разнообразные блюда, подававшиеся в строгой очередности специально запрограммированными роботами с безупрчными манерами; на десерт были сыр, фрукты и коньяк, а для любителей — еще и сигары.

Сидя во главе стола, Лодж перебегал взглядом с одного обедавшего на другого и в какой-то момент встретился глазами с Сью Лоуренс, и его заинтересовало, в самом ли деле она так сердито насупилась или ее лицо казалось угрюмым из-за переменчивой игры теней и света.

Они беседовали, как беседовали за каждым обедом, — пустая светская болтовня беззаботных, легкомысленных людей. То был час, когда они глушили в себе чувство вины, смывая с души ее кровавые следы.

Лодж про себя отметил, что сегодня они не в силах выбросить из сознания то, что произошло днем, потому что говорили они о Генри Грифисе и его внезапной смерти, а на их напряженных лицах застыло выражение деланного спокойствия. Генри был человеком своеобразным, его обуревали слишком сильные страсти, и никто из них так до конца и не понял его. Но они были о нем высокого

мнения, и, хотя роботы постарались расставить приборы с таким расчетом, чтобы его отсутствие за столом прошло незамеченным, всех ни на минуту не покидало острое ощущение утраты.

– Мы отправим Генри домой? – спросил Лоджа Честер Сиффорд.

Лодж кивнул.

– Попросим один из патрульных кораблей забрать его и доставить на Землю. Здесь же состоится только краткая панихида.

– А кто выступит с речью?

– Скорей всего Крейвен. Он сблизился с Генри больше, чем остальные. Я уже говорил с ним. Он скажет в его память несколько слов.

– У Генри остались на Земле родственники? Он ведь не любил о себе распространяться.

– Какие-то племянники и племянницы. А может, еще брат или сестра. Вот, пожалуй, и все.

Тут подал голос Хью Мэйтленд:

– Как я понимаю, Спектакль мы не прервем.

– Верно, – подтвердил Лодж. – Так советует Кент, и я с ним согласен. Уж Кент-то знает, что для нас лучше.

– Да, это по его части. Он на своем деле собаку съел, – вставил Сиффорд.

– Безусловно, – сказал Мэйтленд. – Обычно психологи держатся особняком. Строят из себя этакую воплощенную совесть. А у Кента другая система.

– Он ведет себя как священник, – заявил Сиффорд.

– Самый натуральный священник, черт его побери!

Слева от Лоджа сидела Элен Грей, и он видел, что она

ни с кем не разговаривает, вперив неподвижный взгляд в вазу с розами, которая сегодня украшала центр стола.

Ей нелегко, подумал Лодж. Ведь она первая увидела мертвого Генри и, считая, что он заснул, потрясла его за плечо, чтобы разбудить.

На противоположном конце стола, рядом с Форестером, сидела Элис Пейдж. В этот вечер на нее напала не свойственная ей болтливость; она была женщиной несколько странной, замкнутой, а в ее неброской красоте было что-то неуловимо печальное. Сейчас она придвинулась к Форестеру и возбужденно что-то доказывала ему, понизив голос, чтобы не услышали остальные, а Форестер терпеливо внимал ей, скрывая под маской спокойствия тревогу.

Они расстроены, подумал Лодж, причем гораздо глубже, чем я предполагал. Расстроены, взбудоражены и в любой момент могут потерять самоконтроль.

Смерть Генри потрясла их гораздо сильнее, чем ему казалось.

Пусть Генри и не отличался личным обаянием, он все же был одним из членов их маленькой группы. Одним из них, подумал Лодж. А почему не одним из нас? Но так сложилось с самого начала: не в пример Форестеру, самое большое достижение которого заключалось в том, что он сумел стать одним из них, Лодж должен был избегать панибратства, проявлять сдержанность, соблюдая при общении с ними едва заметную дистанцию холодного отчуждения — единственное в этих условиях средство поддержать авторитет власти и предотвратить возможное неповиновение, а это для его работы было весьма важно.

– Генри был близок к какому-то открытию, – произнес Сиффорд.

– Я уже слышал об этом от Сью.

– Он умер в тот момент, когда записывал что-то в блокнот, – продолжал Сиффорд. – А вдруг это...

– Мы посмотрим его записи, – пообещал Лодж. – Все вместе. Завтра или послезавтра.

Мэйтленд покачал головой.

– Нам никогда не сделать это открытие, Бэйярд. Мы пользуемся не той методикой, работаем не в том направлении. Нам необходимо подойти к этой проблеме по-новому.

– А как? – взвился Сиффорд.

– Не знаю, – сказал Мэйтленд. – Если б я знал...

– Джентльмены, – вмешался Лодж.

– Виноват, – извинился Сиффорд. – У меня что-то пошаливают нервы.

Лодж вспомнил, как Сьюзен Лоуренс, стоя рядом с ним у окна и глядя на безжизненную и унылую поверхность кувыркающегося в пространстве обломка скалы, на котором они ютились, произнесла: «Он не захотел больше жить. Он боялся жить».

Что она имела в виду? То, что Генри Гриффис умер от страха? Что он умер, потому что боялся жить?

Возможно ли, чтобы психосоматический синдром послужил причиной смерти?

4

Когда они перешли в театральный зал, атмосфера не разрядилась, хотя все, проявляя незаурядную силу воли,

вроде бы держались легко и свободно. Они разговаривали о пустяках и притворялись, будто их ничто не тревожит, а Мэйтленд даже сделал попытку пошутить, но его шутка пришлась не к месту и в корчах испустила дух, раздавленная фальшивым хохотом, которым на нее отреагировали остальные.

Кент ошибся, подумал Лодж, чувствуя, как его захлестывает ужас. В этой затее – смертельный заряд психологической взрывчатки. Достаточно незначительного толчка, и начнется цепная реакция, которая может привести к распаду их группы. А если группа распадется, перестанет существовать как единое целое, пойдут прахом все труды, на которые было потрачено столько лет: долгие годы обучения, месяцы, понадобившиеся для выработки привычки к совместной работе, не говоря уже о постоянной, ни на миг не прекращающейся борьбе за то, чтобы они пребывали в хорошем настроении и не перегрызли друг другу глотки. Исчезнет сплачивающая их вера в коллектив, которая за эти месяцы постепенно пришла на смену индивидуализму; сломается отлично налаженный механизм спокойного сотрудничества и согласованности действий; обесценится значительная часть уже проделанной ими работы, ибо никакие другие ученые, пусть самые что ни на есть квалифицированные, не смогут с ходу принять эстафету своих предшественников, даже если в их распоряжении будут все материалы с результатами исследований, проведенных теми, кто работал до них.

Одну из стен помещения занимал вогнутый экран, перед которым тянулись узкие, ярко освещенные подмости.

А за экраном, скрытые от глаз, причудливо переплета-

лись трубки, стояли генераторы, находились звуковоспроизводящее устройство и компьютеры – чудо техники, воплощающее мысли и волю людей в зримые, движущиеся образы, которые сейчас возникнут на экране и заживут своей жизнью. Марионетки, подумал Лодж, но марионетки, созданные человеческой мыслью и обладающие странной, пугающей человечностью, которой всегда недостает вырезанным из дерева фигуркам.

Когда-то Человек творил только руками, раскалывал и обтесывал куски кремня, делал луки, стрелы, предметы обихода; позже он изобрел машины, ставшие как бы придатками его рук, и эти машины начали выпускать изделия, создавать которые вручную было невозможно; теперь же Человек творил не руками и не машинами, а мыслью, хотя ему и приходилось пользоваться разнообразной сложной аппаратурой, с помощью которой материализовалась деятельность его мозга.

Наступит день, подумал Лодж, когда единственным создателем станет человеческая мысль – без посредничества рук и машин.

Экран замерцал, и на нем появилось дерево, скамья, пруд с утками; на втором плане какая-то статуя, а вдалеке, полускрытые ветвями деревьев, проступили неясные контуры высоченных городских зданий.

Как раз на этой сцене они вчера вечером прервали представление. Персонажи Спектакля решили устроить пикник в городском парке, пикник, который почти наверняка просуществует считанные мгновения, пока кому-нибудь не взбредет в голову превратить его во что-то другое.

Но, быть может, сегодня пикник останется пикником, с надеждой подумал Лодж, и они доведут эту сцену до конца, будут разыгрывать Спектакль с прохладцей, без обычного азарта, обуздают свою фантазию. Именно сегодня недопустимы никакие неожиданные повороты действия, никакие потрясения, ведь для того, чтобы помочь персонажу выбраться из лабиринта нелепейших ситуаций, которые возникают при внезапном изменении сюжета, необходимо значительное умственное напряжение, а это может в такой обстановке привести к тяжелым психическим нарушениям.

Так получилось, что сегодня будет одним персонажем меньше, и многое зависит от того, какой из них будет отсутствовать.

Пока что сцена пустовала, напоминая тщательно выписанный маслом пейзаж в блеклых тонах, с изображением уголка весеннего парка.

Почему они не начинают? Чего ждут?

Они ведь позаботились оформить сцену. Так чего же они ждут?

Кто-то из зрителей надумал ветер — слышался шелест ветвей, и поверхность прудика подернулась рябью.

Лодж создал в своем воображении образ своего персонажа и вывел его на экран, сконцентрировав мысли на его неуклюжей походке, соломинке, торчащей изо рта, на заросшем курчавыми волосами затылке.

Должен же кто-нибудь начать. Неважно кто...

Деревенский Щеголь засуетился и бросился назад, исчезнув с экрана. Через секунду он появился снова, неся большую плетеную корзину с крышкой

– А про корзину-то я и забыл, – сообщил он с глуповатой застенчивостью сельского жителя.

В темноте зала кто-то хихикнул.

Слава богу! Кажется, все идет нормально. Ну выходите же, кто там еще остался!

На экране появился Нищий Философ – в высшей степени респектабельный мужчина без единой положительной черточки в характере; его импозантная внешность, гордая осанка сенатора, пестрый жилет и длинные седые локоны были ширмой, за которой скрывался попрошайка, бездельник и редкостный враль.

– Друг мой, – произнес он. – Мой добрый друг.

– Никакой я те не друг, – заявил Деревенский Щеголь.
– Вот отдашь мне триста долларов, тогда поглядим.

Да выходите же, наконец, кто там еще остался!

Появились Красивая Стерва и Приличный Молодой Человек, которого с минуты на минуту должно было постичь ужасное разочарование.

Деревенский Щеголь, присев на корточки посреди лужайки и открыв корзину, начал извлекать из нее еду: окорок, индейку, сыр, блюдо фруктового желе, банку маринованной сельди, термос.

Красивая Стерва кокетливо сделала ему глазки и заиграла бедрами. Деревенский Щеголь вспыхнул и, быстро пригнув голову, спрятал лицо.

Кент крикнул из зрительного зала:

– Так держать! Сгуби его!

Все расхохотались.

Это обязательно должно войти в привычную колею. Все образуется.

Если зрители начнут перебрасываться шутками с действующими лицами Спектакля, дело непременно пойдет на лад.

— А это ты недурственно придумал, лапуня, — отозвалась Красивая Стерва. — Заметано.

Она направилась к Щеголю.

Щеголь, все еще не поднимая головы, продолжал вынимать из корзины всевозможную снедь — в таком количестве, что она едва ли уместилась бы в десяти подобных корзинах.

Круги копченой колбасы, горы шницелей, холмы конфет... И под конец он вытащил из корзины бриллиантовое ожерелье.

Красивая Стерва, взвизгнув от восторга, коршуном набросилась на ожерелье.

Между тем, Нищий Философ оторвал от индейки ножку и то откусывал от нее куски, то размахивал ею в воздухе, чтобы усилить впечатление от высокопарных цветистых фраз, которые неудержимым потоком лились из его уст.

— Друзья мои, — ораторствовал он, уписывая индейку. — Друзья мои, как это уместно и естественно... Я повторяю, сэр, как это уместно и естественно, когда душевные друзья встречаются в такой поистине дивный весенний день, чтобы в обществе друг друга насладиться общением с ликующей природой, найдя для своей встречи даже в самом сердце этого бессердечного города столь уединенный и тихий уголок...

Дай ему волю, и он мог бы тянуть резину до бесконечности. Но сейчас, учитывая напряженность обстановки,

необходимо было любым способом остановить это словоблудие.

Кто-то выпустил в пруд миниатюрного, но весьма резвого кита, своими повадками больше напоминавшего дельфина; этот кит то и дело выпрыгивал из воды, описывая в воздухе изящную дугу, и, распугав плававших на пруду уток, ненадолго скрывался в воде.

Тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, на экран выползло Инопланетное Чудовище и спряталось за дерево. Сразу было видно, что это не к добру.

– Берегитесь! – крикнул кто-то из зрителей, но актеры и ухом не повели. Иногда они проявляли невероятную тупость.

На экран под руку с Усатым Злодеем вышла Беззащитная Сиротка (и это тоже не предвещало ничего хорошего), а следом за ними шествовал Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.

– Где же наша Прелестная Девушка? – спросил Усатый Злодей. – Все вроде уже в сборе, только ее и не хватает.

– Еще заявится, – сказал Деревенский Щеголь. – Давеча видал я, как она на углу в салуне джин хлестала...

Философ прервал свою витиеватую речь на полуфразе, индюшачья ножка замерла в воздухе. Его серебристые волосы эффектно стали дыбом, и он круто повернулся к Деревенскому Щеголю.

– Вы хам, сэр! – возгласил он. – Сказать такое может только самый последний хам!

– А мне все едино, – заявил Щеголь. – Мели себе, что хошь, ведь правда-то моя, а не твоя.

– Отвяжись от него, – заверещала Красивая Стерва,

лаская пальцами бриллиантовое ожерелье. – Не смей обзывать моего дружка хамом.

– Полноте, К. С., – вмешался Приличный Молодой Человек. – Советую вам держаться от них подальше.

– Заткни пасть! – быстро обернувшись к нему, отрезала она. – Ты, лицемерное трепло. Не тебе меня учить. По-твоему, я недостойна, чтобы меня моим законным именем называли? Хватит с меня одних инвалидов, так? Шут гороховый, шантажист хрипатый! А ну отваливай, да поживей!

Философ не спеша выступил вперед, нагнулся и взмахнул рукой. Полуобъеденная индюшачья ножка заехала Щеголю в челюсть.

Схватив жареного гуся, Щеголь медленно поднялся во весь рост.

– Ах вот ты как... – процедил он.

И запустил в Философа гусем. Гусь ударился о пестрый жилет, забрызгав его жиром.

О господи, подумал Лодж. Теперь наверняка быть беде! Почему Философ так странно повел себя? Почему они хотя бы сегодня, один-единственный раз, не смогли удержаться от того, чтобы не превратить простой дружеский пикник черт знает во что? Почему тот, кто создал Философа и руководит всеми его поступками, заставил его замахнуться этой индюшачьей ножкой?

И почему он, Бэйярд Лодж, внушил Щеголю, чтобы тот швырнул гуся.

И, уже задавая себе этот вопрос, Лодж похолодел, а когда в его сознании оформился ответ, у него возникло чувство, будто чья-то рука сдавила ему внутренности.

Он понял, что вообще этого не делал.

Он не заставлял Щеголя бросать гусем. И, хотя в тот момент, когда Щеголь получил пощечину, в нем вспыхнуло возмущение и злоба, он мысленно не приказал своему персонажу нанести ответный удар.

Он уже не так внимательно следил за действием: сознание его раздвоилось, и половина мыслей, одна другую опровергая, была поглощена поисками объяснения того, что сейчас произошло.

Фокусы аппаратуры. Это она заставила Щеголя швырнуть гуся – ведь сложнейшие механизмы, установленные за экраном, не хуже человека знали, какую реакцию может вызвать удар в лицо. Машина сработала автоматически, не дожидаясь, пока получит соответствующий мысленный приказ... по-видимому, не сомневаясь, каково будет его содержание.

Это же естественно, доказывала одна часть его сознания другой, что машине известно, как реагирует человек на тот или иной раздражитель, и еще более естественно, что, зная это, она срабатывает автоматически.

Философ, ударив Щеголя, осторожно отступил назад и вытянулся по стойке «смирно», держа на караул обгрызанную и замусоленную индюшачью ножку.

Красивая Стерва захлопала в ладоши и воскликнула:

– Теперь вы должны драться на дуэли!

– Вы попали в самую точку, мисс, – сказал Философ, не меняя позы. – Для этого-то я его и ударил.

Капли жира медленно стекали с его нарядного жилета, но по выражению его лица и осанке никто бы не усомнился в том, что он считает себя одетым безупречно.

– Надо было бросить перчатку, – назидательным тоном сказал Приличный Молодой Человек.

– У меня нет перчаток, сэр, – честно признался Философ в том, что было очевидно каждому.

– Но ведь это ужасно неприлично, – гнул свое Приличный Молодой Человек.

Усатый Злодей откинул полы пиджака и из задних карманов брюк вытащил два пистолета.

– Я их всегда ношу с собой, – с плотоядной ухмылкой сообщил он. – На такой вот случай.

Мы должны как-то разрядить обстановку, подумал Лодж. Необходимо умерить их агрессивность. Нельзя допустить, чтобы они распались еще больше.

И он вложил в уста Щеголя следующую реплику:

– Я те скажу вот что. Не по душе мне это баловство с огнестрельным оружием. Ненароком кого и подстрелить можно.

– От дуэли тебе не отвертеться, – заявил кровожадный Злодей, держа оба пистолета в одной руке, а другой теребя усы.

– Право выбора оружия принадлежит Щеголю, – вмешался Приличный Молодой Человек. – Как лицу, которому было нанесено оскорбление...

Красивая Стерва перестала хлопать в ладоши.

– А ты не лезь не в свое дело! – завизжала она. – Мозг-ляк несчастный, маменькин сынок. Да ты просто не хочешь, чтобы они дрались.

Злодей отвесил поклон.

– Право выбора оружия принадлежит Щеголю, – объявил он.

– Вот смехотура! – прочирикал Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации. – До чего же все люди забавные!

Из-за дерева выглянула голова Инопланетного Чудовища.

– Оставь их в покое, – проревело оно своим противным акцентом. – Если им захотелось подраться, пусть дерутся. – Засунув в пасть кончик хвоста, оно запросто свернулось в колесо и покатилося. С бешеной скоростью оно промчалось вокруг пруда, не переставая бубнить: – Пусть дерутся, пусть дерутся, пусть дерутся... – И снова быстро спряталось за дерево.

– А мне-то казалось, что это пикник, – жалобно проговорила Беззащитная Сиротка.

Мы все так считали, подумал Лодж.

Хотя еще до начала представления можно было голову дать на отсечение, что пикник долго не продержится.

– Будьте добры, выберите оружие, – с преувеличенной любезностью обратился Злодей к Щеголю. – Пистолеты, ножи, мечи, боевые топоры...

Что-нибудь смешное, подумал Лодж. Нужно предложить что-нибудь смешное и несуразное.

И он заставил Щеголя произнести:

– Вилы. На расстоянии трех шагов.

На экран, мурлыкая застольную песню, выпорхнула Прелестная Девушка. Судя по ее возбужденному виду, она уже успела прилично нагрузиться.

Но, увидев Философа, с жилета которого стекал гусиный жир, Злодея, сжимавшего в каждой руке по пистолету, и Красивую Стерву, позванивавшую бриллиантовым ожерельем, она остановилась как вкопанная и спросила:

– Что здесь происходит?

Нищий Философ наконец расстался со стойкой «смирно» и с самодовольной улыбкой удовлетворенно потер руки.

– Какая приятная душевная обстановка! – радостно воскликнул он, источая братскую любовь к окружающим. – Наконец-то мы, все девять, в сборе...

Сидевшая в зрительном зале Элис Пейдж вскочила с места, схватилась руками за голову, сжала ладонями виски и, зажмурившись, истерически вскрикнула...

5

На экране было не восемь персонажей, а девять.

Персонаж Генри Грифиса участвовал в представлении наравне с остальными.

– Вы сошли с ума, Бэйярд, – сказал Форестер. – Если человек умер, значит, он мертв. Не берусь судить, полностью ли прекращается со смертью его существование, но, если, умерев, человек все-таки продолжает существовать, то уже на другом уровне, в другой плоскости, в другом состоянии, в другом измерении. Пусть теологи или там спиритуалисты пользуются какой угодно терминологией, ответ на этот вопрос у всех один.

Лодж кивнул в знак согласия.

– Я хватался за соломинки. Перебирал все возможные варианты. Я знаю, что Генри умер. Я знаю, что мертвые не оживают. И тем не менее вы должны согласиться, что это естественно, если при таких обстоятельствах в голову лезут самые невероятные мысли. Нелегко нам до конца избавиться от суеверий – очень уж они живучи.

– Если мы сейчас пустим дело на самотек, неминуем взрыв, – сказал Форестер. – Ведь к тому моменту, когда это произошло, они уже находились в состоянии крайнего нервного напряжения: тут и сомнения в целесообразности и возможности решения проблемы, над которой они давно и безуспешно бьются, и разного рода конфликты и неурядицы, неизбежные в условиях, когда девять человек на протяжении долгих месяцев живут и работают бок о бок, да плюс ко всему еще невроз типа клаустрофобии³. И все это день ото дня нарастало и обострялось. Я наблюдал этот разрушительный процесс, затаив дыхание.

– Предположим, что среди них нашелся какой-то шутник, который подменил Генри, – проговорил Лодж. – Что вы на это скажете? Вдруг кто-то из них управлял не только своим персонажем, но и персонажем Генри, а?

– Человек не способен управлять более чем одним персонажем, – возразил Форестер.

– Но кто-то же выпустил в пруд кита.

– Правильно. Однако этот кит быстро исчез. Подпрыгнул разок-другой, и его не стало. Тому, кто его создал, было не под силу продержать его на экране подольше.

– Декорации и реквизит мы придумываем сообща. Почему же кто-нибудь из нас не может незаметно для других уклониться от оформления Спектакля и сконцентрировать все свои мысли на двух персонажах?

На лице Форестера отразилось сомнение.

– Пожалуй, в принципе такое возможно. Но тогда второй персонаж почти обязательно получился бы дефект-

³ Клаустрофобия – болезненный страх находиться в закрытом помещении. (Прим. перев.)

ным. А вы заметили хоть малейшую странность в каком-нибудь из персонажей?

– Не знаю насчет странности, – ответил Лодж, – но Инопланетное Чудовище пряталось...

– Это не персонаж Генри.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Генри был человеком не того склада, чтобы сделать своим персонажем Инопланетное Чудовище.

– Хорошо, допустим. Какой же тогда персонаж принадлежал ему?

Форестер раздраженно хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

– Ведь я уже говорил вам, Бэйярд, что не знаю, кто из них стоит за тем или иным действующим лицом Спектакля. Я пытался каждому подобрать под пару определенный персонаж, но безуспешно.

– Если б мы знали, насколько легче было бы решить эту загадку. В особенности...

– В особенности, если б нам было известно, какой из персонажей принадлежал Генри, – закончил Форестер.

Он встал с кресла и зашагал по кабинету.

– Ваше предположение относительно какого-то шутника, который якобы вывел на экран персонаж Генри, имеет одно слабое место, – сказал он. – Ну посудите сами, откуда этот мифический шутник мог знать, какой ему нужно создать персонаж.

– Прелестная Девушка! – вскричал Лодж.

– Что?

– Прелестная Девушка. Она ведь появилась на экране последней. Неужели не помните? Усатый Злодей спросил,

где она, а Деревенский Щеголь ответил, что видел ее в са-
луне...

– Господи! – выдохнул Форестер. – А Нищий Философ поспешил объявить, что все наконец в сборе. Причем с явной издевкой! Будто хотел над нами поглумиться!

– Вы считаете, что это работа того, кто стоит за Философом? Если так, то он – тот самый предполагаемый шутник. Он и вывел на экран девятого члена труппы – Прелестную Девушку. Но если на экране собралось восемь действующих лиц, ясно, что отсутствующее – девятое – и есть персонаж Генри.

– Либо это и вправду чья-то проделка, – сказал Форестер, – либо персонажи по неизвестной нам причине стали в какой-то степени чувствовать и мыслить самостоятельно, частично ожили.

Лодж нахмурился.

– Такая версия не для меня, Кент. Персонажи – это образы, которые мы создаем в своем воображении, проверяем, насколько они соответствуют своему назначению, оцениваем, а если они нас не устраивают, вытесняем их из сознания, и их как не бывало. Они полностью зависят от нас. Их личности неотделимы от наших. Они не более как плоды нашей фантазии.

– Вы не совсем правильно поняли меня, – возразил Форестер. – Я имел в виду машину. Она вбирает в себя наши мысли и из этого сырья создает зримые образы. Трансформирует игру воображения в кажущуюся реальность...

– А память?..

– Думаю, что такая машина вполне может обладать памятью, – сказал Форестер. – Видит Бог, она создана из

предостаточного количества разнообразной точной аппаратуры, чтобы быть почти универсальной. Ее роль в создании Спектакля значительней, чем наша; большая часть работы лежит на ней, а не на нас. В конце концов, мы ведь все те же простые смертные, какими были всегда. Только что интеллект у нас выше, чем у наших предков. Мы строим для себя механические придатки, которые расширяют наши возможности. Вроде этой машины.

— Не знаю, что вам на это сказать, — произнес Лодж. — Право, не знаю. Я устал от этого переливания из пустого в порожнее. От бесконечных рассуждений и домыслов.

Но про себя подумал, что на самом-то деле ему есть что сказать. Он знал, что машина способна действовать самостоятельно — заставила же она Щеголя запустить индюшкой в Философа. А впрочем, то была чисто автоматическая реакция, и это ровно ничего не значит.

Или он ошибся?

— Машина могла выпустить на экран персонаж Генри, — убежденно заявил Форестер. — Могла заставить Философа над нами издеваться.

— Но с какой целью? — спросил Лодж. — Если бы у нее появилось такое качество, она держала бы его в тайне. В этом единственная ее защита. Мы ведь можем ее уничтожить. И скорее всего так бы и сделали, если бы нам показалось, что она ожила. Мы бы ее демонтировали, разобрали на составные части, разрушили.

Оба умолкли, и в наступившей тишине Лодж почувствовал, что все вокруг пронизано ужасом, но ужасом необычным. В нем слилось смятение мыслей и чувств, внезапная смерть одного из них, лишний персонаж на экране,

жизнь под постоянным надзором, безысходное одиночество...

– У меня больше голова не варит, – произнес он. – Поговорим завтра. Утро вечера мудренее.

– Хорошо, – согласился Форестер.

– Хотите что-нибудь выпить?

Форестер отрицательно покачал головой.

Ему тоже больше неумоготу разговаривать, подумал Лодж. Он рад поскорей уйти.

Как раненое животное. Мы все, как раненые животные, расползаемся по своим углам, чтобы остаться в одиночестве; нас тошнит друг от друга, для нас отравы – постоянно видеть за обеденным столом и встречать в коридорах одни и те же лица, смотреть на одни и те же рты, повторяющие одни и те же бессмысленные фразы, так что теперь, столкнувшись с обладателем какого-нибудь определенного рта, уже знаешь заранее, что он скажет.

– Спокойной ночи, Бэйярд.

– Спокойной ночи, Кент. Крепкого вам сна.

– Увидимся завтра.

– Разумеется.

Дверь тихо закрылась.

Спокойной ночи. Крепко спите.

Укусит клоп – его давите.

6

После завтрака все они собрались в гостиной, и Лодж, переводя взгляд с одного лица на другое, понял, что под их внешним спокойствием скрывается непередаваемый

ужас; он почувствовал, как беззвучным криком исходят их души, одетые в непроницаемую броню выдержки и железной дисциплины.

Кент Форестер не спеша старательно прикурил от зажигалки и заговорил небрежным будничным тоном, словно бы между прочим, но Лодж, наблюдая за ним, отлично сознавал, чего стоило Кенту такое самообладание.

– Нельзя допустить, чтобы это вконец разъело нас изнутри, – произнес Форестер. – Мы должны выговориться, поделиться друг с другом своими переживаниями.

– Иными словами – подыскать разумное объяснение тому, что произошло? – спросил Сиффорд.

– Я сказал «выговориться». Это тот случай, когда самообман исключается.

– Вчера на экране было девять персонажей, – произнес Крейвен.

– И кит, – добавил Форестер.

– Вы считаете, что один из...

– Не знаю. Если это проделал кто-то из нас, пусть он или она честно признается. Ведь все мы способны понять и оценить шутку.

– Если это шутка, то шутка отвратительная, – заметил Крейвен.

– Это уже другой вопрос, – сказал Форестер.

– Если бы я узнал, что это просто мистификация, у меня бы камень с души упал, – проговорил Мэйтленд.

– То-то и оно, – подхватил Форестер. – Именно это я и желал выяснить.

– У кого-нибудь из вас есть что сказать? – немного погодя спросил он.

Ни один из присутствующих не проронил ни слова.
Молчание затянулось.

– Никто не признается, Кент, – сказал Лодж.

– Предположим, что этот горе-шутник хочет сохранить инкогнито, – проговорил Форестер. – Желание вполне понятное при таких обстоятельствах. Тогда, может быть, стоит раздать всем по листку бумаги?

– Раздайте, – проворчал Сиффорд.

Форестер вытащил из кармана сложенные пополам листы бумаги и, аккуратно разорвав на одинаковые кусочки, роздал присутствующим.

– Если вчерашнее происшествие произошло по вине одного из вас, ради всего святого, дайте нам знать, – взмолился Лодж.

Листки вернулись к Форестеру. На некоторых было написано «нет», на других – «какие уж там шутки», а на одном – «я тут ни при чем».

Форестер сложил листки в пачку.

– Что ж, значит, эта идея себя не оправдала, – произнес он. – Впрочем, должен признаться, что я не возлагал на нее особых надежд.

Крейвен тяжело поднялся со стула.

– Нам всем не дает покоя одна мысль, – проговорил он. – Так почему же не высказать ее вслух?

Он умолк и с вызовом посмотрел на остальных, словно давая понять, что им не удастся его остановить.

– Генри здесь недолго любили, – сказал он. – Не вздумайте это отрицать. Человек он был жесткий, трудный. Трудный во всех отношениях – такие не пользуются расположением окружающих. Я сблизился с ним больше, чем

остальные члены нашей группы. И я охотно согласился сказать несколько слов в его память на сегодняшней панихиде, потому что, несмотря на трудность своего характера, Генри был достоин уважения. Он обладал такой твердой волей и упорством, какие редко встретишь даже у подобных личностей. Но на душе у него было беспокойно, его мучили сомнения, о которых никто из нас не догадывался. Иногда в наших с ним кратких беседах его прорывало, и он говорил со мной откровенно – по-настоящему откровенно, как никогда не говорил ни с кем из вас.

Генри стоял на пороге какого-то открытия. Его охватил панический страх. И он умер.

А ведь он был совершенно здоров.

Крейвен взглянул на Сью Лоуренс.

– Может, я ошибаюсь, Сьюзен? – спросил он. – Скажите, был он чем-нибудь болен?

– Нет, он был здоров, – ответила доктор Сьюзен Лоуренс. – Он не должен был умереть.

Крейвен повернулся к Лоджу.

– Он недавно беседовал с вами, правильно?

– Дня два назад, – сказал Лодж. – На вид он казался таким же, как всегда.

– О чем он говорил с вами?

– Да, собственно, ни о чем особенном. О делах второстепенной важности.

– О делах второстепенной важности? – язвительно переспросил Крейвен.

– Ну ладно. Если вам угодно, извольте, я могу уточнить. Он говорил о том, что не хочет продолжать свои исследования. Назвал нашу работу дьявольским наваждени-

ем. Именно так он и выразился: «Дьявольское наваждение». – Лодж обвел взглядом сидевших в комнате людей.

– Он говорил с вами настойчивей, чем прежде?

– Мне не с чем сравнивать, – ответил Лодж. – Дело в том, что на эту тему он беседовал со мной впервые. Пожалуй, из всех, кто здесь работает, один он никогда прежде ни при каких обстоятельствах в разговоре со мной не затрагивал этого вопроса.

– И вы уговорили его продолжить работу?

– Мы обсудили его точку зрения.

– Вы его убили!

– Возможно, – сказал Лодж. – Возможно, я убиваю вас всех. Или же каждый из вас убивает себя сам. Почему я знаю? – Он повернулся к доктору Лоуренс: – Сью, может человек умереть от психосоматического заболевания, вызванного страхом?

– По клинике заболевания нет, – ответила Сьюзен Лоуренс. – А если исходить из практики, то боюсь, что придется ответить утвердительно.

– Он попал в ловушку, – заявил Крейвен.

– Вместе со всем человечеством, – в сердцах обрезал его Лодж. – Если вам не терпится размять свой указательный палец, направьте его по очереди на каждого из нас. На все человеческое общество.

– По-моему, это не имеет отношения к тому, что нас сейчас интересует, – вмешался Форестер.

– Напротив, – возразил Крейвен. – И объясню почему. Из всех людей я последним поверил бы в существование призраков...

Элис Пейдж вскочила на ноги.

– Замолчите! – крикнула она. – Замолчите! Замолчите!

– Успокойтесь, мисс Пейдж, – попросил Крейвен.

– Но вы же сказали...

– Я говорю о том, что, если допустить такую возможность, здесь у нас сложилась именно та ситуация, в которой у духа, покинувшего тело, был бы повод и, я бы даже сказал, право посетить место, где его тело постигла смерть.

– Садитесь, Крейвен! – приказал Лодж.

Крейвен в нерешительности помедлил и сел, злобно буркнув что-то себе под нос.

– Если вы видите какой-то смысл в дальнейшем обсуждении этого вопроса, – произнес Лодж, – настоятельно прошу оставить в покое мистику.

– Мне кажется, здесь нечего обсуждать, – сказал Мэйтленд. – Как ученые, посвятившие себя поискам первопричины возникновения жизни, мы должны понимать, что смерть есть абсолютный конец всех жизненных явлений.

– Вы отлично знаете, что это еще нужно доказать, – возразил Сиффорд.

Тут вмешался Форестер.

– Давайте-ка оставим эту тему, – решительно сказал он. – Мы можем вернуться к ней позже. А сейчас поговорим о другом. – И торопливо добавил: – Нам нужно выяснить кое-что еще. Скажите, кто-нибудь из вас знает, какой персонаж принадлежал Генри?

Молчание.

– Речь идет не о том, чтобы установить тождество каждого из участников Спектакля с определенным персонажем, – пояснил Форестер. – Но методом исключения...

– Хорошо, – сказал Сиффорд. – Раздайте еще раз ваши листки.

Форестер вытащил из кармана оставшуюся бумагу и снова принялся рвать ее на небольшие кусочки.

– К черту эти ваши липовые бумажки! – взорвался Крейвен. – Меня на такой крючок не поймаешь.

Форестер поднял взгляд с приготовленных листков на Крейвена.

– Крючок?

– А то нет, – вызывающим тоном ответил Крейвен. – Если уж говорить начистоту, разве вы все время не пытаетесь дознаться, кому какой принадлежит персонаж?

– Я этого не отрицаю, – заявил Форестер. – Я нарушил бы свой долг, если бы не пытался установить, кто из вас стоит за тем или иным персонажем.

– Меня удивляет, как тщательно мы это скрываем, – заговорил Лодж. – В нормальной обстановке подобное явление не имело бы значения, но здесь мы живем и работаем в очень сложных условиях. Мне думается, что, если бы каждый из нас перестал делать из этого тайну, всем нам стало бы намного легче существовать. Что до меня, то я охотно назову свой персонаж. Готов быть первым – вы только дайте команду. – Он замолчал и выжидающе посмотрел на остальных.

Команды не последовало.

Все они глядели на него в упор, и лица их были бесстрастны – они не выражали ни злобы, ни страха, ничего вообще.

Лодж пожал плечами, сбросив с них бремя неудачи.

– Ладно, оставим это, – произнес он, обращаясь к Крейвену. – Так о чем вы говорили?

– Я хотел сказать, что написать на листке бумаги имя персонажа – это все равно, что встать и произнести его вслух. Форестеру знаком почерк каждого из нас. Ему ничего не стоит опознать автора любой записки.

– У меня этого и в мыслях не было, – запротестовал Форестер. – Честное слово. Но в общем-то Крейвен прав.

– Что же вы предлагаете? – спросил Лодж.

– Списки типа избирательных бюллетеней для тайного голосования, – сказал Крейвен. – Нужно составить списки имен персонажей.

– Я вы не боитесь, что мы сумеем опознать каждого по крестику, поставленному против имени его персонажа?

Крейвен взглянул на Лоджа.

– Раз уж вы об этом упомянули, значит, нужно учесть и такую возможность, – невозмутимо произнес он.

– Внизу, в лаборатории, есть набор штемпелей, – устало сказал Форестер. – Для пометки образчиков препаратов. Среди них наверняка найдется штемпель с крестиком.

– Это вас устраивает? – спросил Лодж Крейвена.

Крейвен кивнул.

Лодж медленно поднялся со стула.

– Я схожу за штемпелем, – сказал он. – А в мое отсутствие вы можете подготовить списки.

Вот дети, подумал он. Настоящие дети – все как один. Настороженные, недоверчивые, эгоистичные, перепуганные насмерть, точно затравленные животные. Загнанные в тот угол, где стена страха смыкается со стеной комплекса вины; жертвы, попавшие в западню сомнений и неуверенности в себе.

Он спустился по металлическим ступенькам в помеще-

ние, отведенное для лабораторий, и, пока он шел, стук его каблуков эхом отдавался в тех невидимых углах, где притаились страх и муки совести.

Если б не внезапная смерть Генри, подумал он, все бы обошлось. И мы с грехом пополам все-таки довели бы работу до конца. Но он знал, что шансов на это было крайне мало. Ведь если б не умер Генри, обязательно нашелся бы какой-нибудь другой повод для взрыва. Они для этого созрели, более чем созрели. Уже несколько недель самое незначительное происшествие в любой момент могло поджечь фитиль.

Он нашел штемпель, пропитанную краской подушечку и тяжелыми шагами стал взбираться по лестнице.

На столе лежали списки персонажей. Кто-то принес коробку из-под обуви и прорезал в ее крышке щель, сделав из нее некое подобие урны для голосования.

— Мы все сядем в этой половине комнаты, — сказал Форестер. — А потом будем по очереди вставать и голосовать.

И хотя при слове «голосовать» все недоуменно переглянулись, Форестер сделал вид, будто этого не заметил.

Лодж положил штемпель и подушечку с краской на стол, пересек комнату и сел на свой стул.

— Кто начнет? — спросил Форестер.

Никто не шелохнулся.

Их пугает даже это, подумал Лодж.

Первым вызвался Мэйтленд.

В гробовом молчании они по очереди подходили к столу, ставили на списках метки, складывали листки и опускали их в коробку. Пока один не возвращался, следующий не трогался с места.

Когда с этим было покончено, Форестер направился к столу, взял в руки коробку и, поворачивая ее то так, то эдак, с силой потряс, перемешивая находящиеся внутри листки, чтобы по порядку, в котором они вначале лежали, нельзя было догадаться, кому каждый из них принадлежит.

— Мне нужны двое для контроля, — сказал Форестер.

Он окинул взглядом присутствующих.

— Крейвен, — позвал он. — Сью.

Они встали и подошли к нему.

Форестер открыл коробку, вынул один листок, развернул его, прочел и отдал доктору Лоуренс, а та передала его Крейвену.

— Беззащитная Сиротка.

— Деревенский Щеголь.

— Инопланетное Чудовище.

— Красивая Стерва.

— Прелестная Девушка.

«Тут что-то не так, — подумал Лодж. — Только этот персонаж мог принадлежать Генри. Ведь Прелестная Девушка появилась на экране последней! Она же была девятой».

Форестер продолжал разворачивать листки, произнося вслух имена отмеченных крестиком персонажей.

— Представитель Внеземной Дружественной Цивилизации.

— Приличный Молодой Человек.

Остались неназванными два персонажа. Только два. Нищий Философ и Усатый Злодей.

Попробую угадать, подумал Лодж. Заклучу пари с самим собой. Пари за то, который из них персонаж Генри. Это Усатый Злодей.

Форестер развернул последний листок и прочел:

– Усатый Злодей.

А пари-то я проиграл, мелькнуло у Лоджа. Он услышал, как остальные со свистом втянули в себя воздух, с ужасом осознав, что значил результат этого «голосования».

Персонажем Генри оказалось главное действующее лицо вчерашнего представления, самое деятельное и самое энергичное – Философ.

7

Записи в блокноте Генри были предельно сжатыми, почерк неразборчив. Символы и уравнения поражали четкостью написания, но у букв был какой-то своеобразный дерзкий наклон; лаконичность фраз граничила с грубостью, хотя трудно было представить, кого он хотел оскорбить – разве что самого себя.

Мэйтленд захлопнул блокнот, оттолкнул его, и тот скользнул на середину стола.

– Ну вот, теперь мы знаем, – произнес он.

Они сидели с бледными, искаженными страхом лицами, как будто вконец расстроенный и подавленный Мэйтленд был тем самым призраком, на которого вчера намекнул Крейвен.

– С меня хватит! – взорвался Сиффорд. – Я больше не желаю...

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался Лодж.

Сиффорд не ответил. Он сидел, положив перед собой руки на стол, и то с силой сжимал кулаки, то распрямлял

пальцы и так их вытягивал, словно усилием воли пытался противоестественно вывернуть их и пригнуть к тыльной стороне кистей.

— Генри был душевнобольным, — отрывисто сказала Сьюзен Лоуренс. — Только душевнобольной мог выдвинуть такую бредовую идею.

— От вас как от врача едва ли можно было ждать другую реакцию, — заметил Мэйтленд.

— Я работаю во имя жизни, — заявила Сьюзен Лоуренс. — Я уважаю жизнь, и, пока организм жив, я до последнего мгновения всеми средствами оберегаю его и поддерживаю. Я испытываю глубокое сострадание ко всему живому.

— А мы разве относимся к этому иначе?

— Я только хочу сказать, что для того, чтобы по-настоящему понять, какое это чудо — жизнь, нужно себя полностью посвятить ей и всем своим существом проникнуться ее могуществом, величием и красотой.

— Но, Сьюзен...

— Ия знаю... — поспешно продолжала она, не давая ему возразить, — я твердо знаю, что жизнь — это не распад и разложение материи, не ее одряхление, не болезнь. Признать жизнь проявлением крайнего истощения материи, последней ступенью деградации мертвой природы равносильно утверждению, что норма существования Вселенной — это застой, отсутствие эволюции, разумной жизни и цели.

— Тут возникает путаница из-за семантики, — заметил Форестер. — Мы, живые существа, пользуемся определенными терминами, вкладывая в них свой специфический

смысл, и мы не можем сопоставить их с терминами, имеющими единый смысл для всей Вселенной, даже если бы мы их знали.

— А мы их, естественно, не знаем, — сказала Элен Грей. — Возможно, что в ваших соображениях есть зерно истины, особенно, если выводы, к которым пришел Генри, соответствуют действительному положению вещей.

— Мы тщательно изучим записи Генри, — угрюмо сказал Лодж. — Мы шаг за шагом проследим весь ход его мыслей. Я лично считаю его идею ошибочной, но мы не можем так вот сразу отместить ее — кто знает, а вдруг он все-таки прав.

— Это вы к тому, что, даже если он окажется прав, наша работа не будет приостановлена?! — так и заклокотал Сиффорд. — Что для достижения поставленной перед нами цели вы собираетесь использовать даже такое унижающее Человека открытие?

— Разумеется, — сказал Лодж. — Если жизнь в самом деле является симптомом заболевания и старческого одряхления материи, что ж, пусть так, с этим ничего не поделаешь. Как справедливо заметили Кент и Элен, смысл наших терминов очень специфичен и зависит от категорий, которыми мы мыслим. Почему нельзя допустить, что для Вселенной смерть — это... это для нас жизнь? Если Генри прав, он открыл то, что существовало всегда, испокон веков.

— Вы не понимаете, что говорите! — вскричал Сиффорд.

— Ошибаетесь! — рявкнул Лодж. — У вас просто сдали нервы. У вас и кое у кого из остальных. И у меня тоже, вероятно. Или же у нас у всех. Нами завладел и правит страх; у вас это страх перед порученной вам работой, у

меня – страх перед тем, что она не будет выполнена. Мы загнаны в тупик, мы расшибаем мозги о каменные стены своей совести и нравственных норм. Будь вы сейчас на Земле, вы не стали бы так пережевывать эту идею. Возможно, вы поначалу слегка поперхнулись бы, но, докажи вам, что предположение Генри правильно, вы б его благополучно проглотили и продолжили бы поиски первопричины того заболевания и распада материи, которое мы зовем жизнью. А само открытие вы просто приняли бы к сведению, оно всего лишь расширило бы ваши знания, и только. Но, находясь здесь, вы бьетесь головой об стену и вопите от ужаса.

– Бэйярд! – вскричал Форестер. – Остановитесь! Вы не смеете...

– Смею, – огрызнулся Лодж. – И не останавлиюсь. Меня тошнит от их хныканья и стенаний. Я устал от этих избалованных распущенных фанатиков, которые довели себя до состояния фанатического исступления, заботливо вскармливая в себе надуманные, беспочвенные страхи. Чтобы справиться с нашей задачей, нужны мужчины и женщины, обладающие острым умом и твердой волей. Для такой работы требуется огромная смелость и высокоразвитый интеллект.

У Крейвена от ярости побелели губы.

– Но мы уже работали! – выкрикнул он. – Даже тогда, когда против этого восставали все наши чувства, даже тогда, когда наше представление о порядочности, этике, наш рассудок и религиозный инстинкт призывали нас бросить эту работу, но мы все-таки ее продолжали. И не обольщайтесь, что нас удерживали ваши сладкоречивые пропо-

веди, шуточки, ободряющее похлопывание по плечу. Не обольщайтесь, что нас вдохновляло ваше фиглярство.

Форестер стукнул кулаком по столу.

– Прекратите этот спор! – потребовал он. – Перейдем к делу.

Крейвен, еще бледный от гнева, откинулся на спинку стула. Сиффорд продолжал сжимать и разжимать кулаки.

– В записях Генри сформулирован его вывод, – сказал Форестер. – Хотя вряд ли это можно считать выводом. Лучше назовем его заключение гипотезой. Как же, по-вашему, с ней быть? Не обратить на нее внимания, отмахнуться от нее или же все-таки проверить, насколько его предположение правильно?

– Я считаю, что его нужно проверить, – заявил Крейвен. – Эту гипотезу выдвинул Генри. А Генри умер и не может выступить в защиту своей идеи. Наш долг – взять на себя проверку правильности его предположения: он заслужил это.

– Если подобная гипотеза вообще поддается проверке, – заметил Мэйтленд. – Мне лично кажется, что это скорее относится к философии, чем к области конкретных наук.

– Философия идет рука об руку со всеми конкретными науками, – сказала Элис Пейдж. – Нельзя отказаться от проверки гипотезы Генри только потому, что она на первый взгляд представляется очень сложной.

– При чем тут сложность, – возразил Мэйтленд. – Я хотел сказать... А, к черту все эти рассуждения, давайте лучше займемся ее проверкой.

– Согласен, – сказал Сиффорд. Он быстро повернулся к Лоджу. – Но, если проверка даст положительные резуль-

таты или хоть какие-нибудь доказательства в пользу правильности этой гипотезы, если мы не сумеем ее полностью опровергнуть, я немедленно прекращаю работу. Предупреждаю вас совершенно официально.

– Это ваше право, Сиффорд. Можете пользоваться им в любое удобное вам время.

– Возможно, что будет одинаково трудно доказать как правильность этой идеи, так и ее ошибочность, – произнесла Элен Грей.

Лодж поймал на себе взгляд Сьюзен Лоуренс – она мрачно улыбалась, и на ее лице было написано невольное восхищение с оттенком цинизма, словно она в этот момент говорила ему: *«Вот вы и снова добились своего. Я не думала, что на сей раз вам это удастся. Право, не думала. Но, как видите, ошиблась. Однако вы не вечно будете обводить нас вокруг пальца. Придет время...»*

– Хотите пари? – шепотом спросил он ее.

– На цианистый калий, – ответила она.

Лодж рассмеялся, хотя знал, что она права – права даже больше, чем ей кажется. Ибо это время уже пришло и спецгруппа № 3 под кодовым названием «Жизнь» фактически перестала существовать. Вызов, который им бросил Генри Грифис своими записями в блокноте, подстегнул их, задел за живое, и они будут работать дальше, будут, как прежде, добросовестно исполнять свои рабочие обязанности. Но их творческий пыл угас безвозвратно, потому что в души их слишком глубоко въелись страх и предубеждение, а мысли их спутались в такой клубок, что они почти полностью утратили способность к здравому восприятию действительности.

Если Генри Грифис стремился сорвать выполнение программы, подумал Лодж, он с успехом достиг своей цели. Мертвому, ему удалось это куда лучше, чем если б он занимался этим живой. Лоджу вдруг показалось, будто он слышит неприятный жесткий смешок Генри, и он в недоумении пожал плечами, потому что у Генри начисто отсутствовало чувство юмора.

Несмотря на то, что он оказался Нищим Философом, крайне трудно было отождествить его с таким персонажем — старым изолгавшимся хвастуном с изысканными манерами и высокопарной речью. Ведь сам Генри никогда не лгал и не бахвалился, манеры его отнюдь не отличались изяществом, и он не обладал даром красноречия. Он был неловок, молчалив, а когда ему нужно было что-нибудь сказать, говорил отрывисто, ворчливо.

Ну и пасквилянт, подумал Лодж. Неужели он все-таки был совсем другим, чем казался? Что, если он с помощью своего персонажа — Философа — высмеивал их, издевался над ними, а они этого даже не подозревали?

Лодж потряс головой, мысленно споря с самим собой.

Если предположить, что Философ издевался над ними, то делал он это очень тонко, так тонко, что ни один из них этого не почувствовал, так искусно, что это никого не задело.

Но самое страшное заключалось не в том, что Генри мог исподтишка делать из них посмешище. Внушало ужас другое — то, что Философ появился на экране вторым. Он вышел вслед за Деревенским Щеголем и, пока длилось представление, все время был в центре внимания, со смаком поедая индюшачью ножку и дирижируя ею в такт

своей выпренной речи, которой он поливал слушателей как автоматной очередью. Да, Философ вообще был самым значительным и активным действующим лицом всего Спектакля!

Значит, ни один из них не мог экспромтом создать его и выпустить на экран.

А это снимало подозрение, по крайней мере, с четырех участников вчерашнего представления.

И могло означать:

либо то, что среди них присутствовал призрак;

либо то, что машина, обладая памятью, сама создала персонаж Генри;

либо то, что они — все восемь — стали жертвой массовой галлюцинации.

Однако ни одно из трех предположений не выдерживало никакой критики. И вообще, что здесь происходило, казалось абсолютно необъяснимым.

Представьте группу высококвалифицированных ученых, воспитанных в духе материалистического подхода к действительности, скептицизма и нетерпимости ко всему, что отдает душком мистицизма; ученых, нацеленных на изучение фактов, и только фактов. Что может привести к распаду такого коллектива? Не клаустрофобия, развившаяся в результате длительной изоляции на этом астероиде.

Не постоянные угрызения совести, причина которых — в неспособности вырваться из плена прочно укоренившихся этических норм. Не атавистический страх перед призраками. Все это было бы слишком просто.

Тут действовал какой-то другой фактор. Другой неизвестный фактор, мысль о котором еще никому не прихо-

дила в голову, подобно тому, как никто пока не задумывался о новом подходе к решению поставленной перед ними задачи. Том самом новом подходе, о котором упомянул за обедом Мэйтленд, сказав, что для проникновения в тайну первопричины жизненных явлений им следовало бы подступить к этой проблеме с какой-то другой стороны. «Мы на ложном пути, — сказал тогда Мэйтленд. — Нам необходимо найти новый подход». И Мэйтленд, несомненно, имел в виду, что для их исследований более не годятся старые методы, цель которых — поиск, накопление и анализ фактического материала; что научное мышление в течение длительного периода времени работало в одной-единственной, теперь уже порядком истертой колее устаревших категорий и не ведало иных путей к познанию...

Спектакль! — вдруг осенило его. Может, этим фактором был Спектакль? Что, если игра в Спектакль, которая, по замыслу, должна была сплотить членов группы и помочь им сохранить здравый рассудок, по какой-то непонятной пока причине превратилась в обоюдоострый меч?

Они начали вставать из-за стола, чтобы разойтись по своим комнатам и переодеться к обеду. А после обеда — опять Спектакль.

Привычка, подумал Лодж. Даже сейчас, когда все полетело к чертям, они оставались рабами привычки.

Опять переоденутся к обеду; они опять будут играть в Спектакле. А завтра утром они спустятся в лаборатории и снова примутся за работу, но труд их будет непродуктивным, потому что цель, достижению которой они отдали все свои профессиональные знания, перестала для них существовать, испепеленная страхом, раздирающим душу противоречиями, смертью одного из них, призраками.

Кто-то тронул его за локоть, и Лодж увидел, что рядом стоит Форестер.

— Ну что, Кент?

— Как себя чувствуете?

— Нормально, — ответил Лодж и, немного помолчав, произнес: — Вы, безусловно, понимаете, что это конец.

— Мы еще поборемся, — заявил Форестер.

Лодж покачал головой.

— Разве что вы, вы ведь моложе меня. А на меня не рассчитывайте — я сгорел вместе с остальными.

8

Представление началось с того, на чем оно прервалось накануне: все персонажи на экране, появляется Прелестная Девушка, а Нищий Философ, самодовольно потирая руки, произносит:

— Что за душевная обстановка! Наконец-то мы все в сборе.

Прелестная Девушка (не очень твердо держась на ногах): Послушайте, Философ, я сама знаю, что опоздала, и незачем это подчеркивать, да еще в такой странной форме! Само собой разумеется, что мы здесь собрались всей компанией. А я... Ну меня задержали крайне важные обстоятельства.

Деревенский Щеголь (в сторону с крестьянской хитрецей): «Том Коллинз»⁴ и игровой автомат.

Инопланетное Чудовище (высунув голову из-за дерева): Тск хрлстлги вглтер, тск...

⁴ «Том Коллинз» — название прохладительного напитка, в состав которого входит джин. (Прим. перев.)

А ведь с представлением что-то неладно, вдруг подумал Лодж.

В нем явно был какой-то дефект, неправильность, нечто до ужаса чужое и непривычное; такое, от чего пробивает дрожь, даже если это новое чуждое качество не поддается определению.

Неладное творилось с Философом, причем беспокоило вовсе не его присутствие на экране, а что-то совершенно другое, необъяснимое. Странно измененными казались Прелестная Девушка, Приличный Молодой Человек, Красивая Стерва и все, все остальные.

Резко переменялся Деревенский Щеголь, а уж он-то, Бэйярд Лодж, знал Деревенского Щеголя как облупленного — знал каждую извилину его мозга, его мысли, мечты, тайные желания, его грубоватое тщеславие, нахальную манеру посмеиваться над окружающими, жгучее чувство неполноценности, которое побуждало его во имя самоутверждения заниматься восхвалением собственной персоны.

Словом, он знал его, как каждый из зрителей должен был знать свой персонаж, воспринимал его, как что-то более значимое, чем образ, созданный в воображении; знал его лучше, чем любого другого человека, чем самого лучшего друга. Ибо они были связаны теми единственными в своем роде узами, которые связывают творца с его творением.

А в этот вечер Деревенский Щеголь заметно отделился от него, словно бы обрезал невидимые веревочки, с помощью которых им управляли, обрел некую самостоятельность, и в этой самостоятельности уже пробивались первые ростки полной независимости.

До Лоджа донеслись слова Философа:

– Но я никак не мог обойти молчанием тот факт, что мы здесь собрались в полном составе. Ведь один из нас умер...

В зрительном зале – ни шумного вздоха, ни шороха, никто даже не вздрогнул, но чувствовалось, как все напряглись, словно туго натянутые скрипичные струны.

– Мы – это совесть, – произнес Усатый Злодей. – Отраженная совесть, принявшая наш облик и играющая наши роли...

– Совесть человечества, – сказал Деревенский Щеголь. Лодж невольно привстал.

«Я ведь не велел произносить ему эту фразу! Он сделал это по собственному почину, без моего приказа. У меня просто не возникла такая мысль, вот и все. Боже милостивый, я же только подумал об этом, только подумал!»

Теперь-то он знал причину необычности сегодняшнего представления. Наконец он понял, в чем странность персонажей.

Они были не на экране! Они стояли на сцене, на узких подмостках перед экраном!

Они. Уже не спроецированные на экран воображаемые образы, а существа из плоти и крови. Созданные мыслью марионетки, которые внезапно ожили.

Он похолодел, похолодел и замер, вдруг со всей ясностью осознав, что одной лишь силой мысли – силой мысли в сочетании с таинственными и безграничными возможностями электроники – Человек сотворил жизнь!

Новый подход, сказал тогда Мэйтленд.

О господи! Новый подход!

Они потерпели неудачу в работе и одержали поразительную победу, играя в часы досуга, и отныне отпадет необходимость в особых группах ученых, ведущих исследования в той мрачной области, где живое незаметно переходит в мертвое, а мертвое — в живое. Ведь для того, чтобы создать человека-чудовище, достаточно будет сесть перед экраном и вымыслить его — кость за костью, волос за волосом, его мозг, внутренности, особые свойства организма и все прочее. Так появятся на свет миллионы чудовищ для заселения тех планет. И эти монстры будут людьми, потому что их по заранее разработанным проектам сотворят их братья по разуму, человеческие существа.

Близится минута, когда персонажи спустятся со сцены в зал и смешаются со зрителями. Как же поведут себя их творцы? Обезумеют от ужаса, дико завопят, впадут в буйное помешательство?

Что он, Лодж, скажет Деревенскому Щеголю?

Что он вообще может сказать ему?

И — а это куда важней — о чем заговорит с ним сам Щеголь?

Лодж не в силах был шевельнуться, не мог вымолвить ни слова или хотя бы криком предостеречь остальных. Он сидел как каменный в ожидании того момента, когда они с подмостков спустятся в зал.

БРАТСТВО ТАЛИСМАНА

Замок был первым неповрежденным зданием, увиденным ими за два дня путешествия по району, который был опустошен с ужасающей и невероятной тщательностью. За эти два дня они видели волков, следивших за ними с вершин холмов, лис с волочившимися хвостами, канюков, сидевших на мертвых деревьях или на почерневших балках сожженных ферм и поглядывавших на них со спекулятивным интересом. Они не встретили ни души, только в чаще заметили человеческие скелеты.

Погода была хорошей до середины второго дня, а затем осеннее небо стало затягиваться тучами, и подул холодный северный ветер. Временами он хлестал их по спинам ледяным дождем, порой со снегом.

Вечером, поднявшись на низкий гребень, Дункан Стэндиш увидел замок особенно грубой формы, укрепленный палисадом и узким рвом. За палисадом, против подъемного моста, находился двор, куда загонялись лошади, рогатый скот, овцы и свиньи. Во дворе были люди, из труб шел дым. Множество мелких строений, частью носивших следы пожара, располагались снаружи палисада. В целом место выглядело бедным и неряшливым.

Дэниел, крупный боевой конь, который ходил за Дунканом, как собака, встал позади хозяина. Стуча копытами, подошла маленькая серая ослица Бьюти, нагруженная вьюками. Дэниел наклонил голову и подтолкнул хозяина в спину.

– Все в порядке, Дэниел, – сказал ему Дункан, – мы нашли убежище на ночь.

Конрад поднялся по склону и встал рядом с Дунканом. Это был массивный человек, почти семи футов ростом, даже для своего роста он выглядел тяжелым. С плеч его и до колен свисала одежда из овечьих шкур. В правой руке он держал тяжелую дубину из дубовой ветви. Он молча смотрел на замок.

– Что будем делать? – спросил Дункан.

– Они видели нас, – ответил Конрад. – Над палисадом высовывались головы...

– Твои глаза острее моих. Ты уверен?

– Уверен, милорд.

– Перестань называть меня милордом! Я не лорд: лорд – мой отец.

– Я считаю вас таковым. Когда ваш отец умрет, вы станете лордом.

– Разрушителей нет?

– Нет, только люди.

– Непохоже, чтобы Разрушители прошли мимо такого места...

– Может, хозяева отбились. Или разрушители спешили.

– Вряд ли. Судя по тому, что мы видели, они не проходят мимо. Даже хижину и ту сжигают.

– Сюда идет Тайни, – сказал Конрад. – Сейчас он на них посмотрит.

По склону взбежал громадный мастифф и остановился возле Конрада. Конрад погладил по голове собаку, и та замахала хвостом. Дункан снова отметил сходство между

человеком и собакой. Тайни был великолепным животным. Он почти достигал талии Конрада. На нем был широкий ошейник с металлическими бляхами.

Поглядев на замок, пес насторожил уши и слабо зарычал.

— Ему это не нравится, — сказал Конрад.

— Но это единственный кров, который мы встретили, — возразил Дункан. — Ночь сырая и холодная...

— Тут, наверное, есть клопы. И вши тоже.

Ослик прижался к Дэниелу, чтобы укрыться от ветра.

Дункан поправил перевязь меча.

— Мне это нравится не больше, чем тебе или Тайни, но уж очень плохая ночь.

— Будем держаться вместе, — предложил Конрад, — не дадим им разделить нас.

— Правильно, — согласился Дункан, — В случае чего — уйдем.

Они стали спускаться с холма. Дункан бессознательно сунул руку под плащ — пощупать мешочек на поясе. Там лежала рукопись. Когда его пальцы коснулись мешочка, он услышал шелест пергамента и рассердился на себя за этот порыв. В течение этих двух дней он то и дело производил эту дурацкую операцию — проверяя, на месте ли манускрипт. Точь-в-точь деревенский парень, собравшийся на ярмарку и все время щупающий карман — не потерялся ли его драгоценный пенни.

Коснувшись пергамента, Дункан как бы вновь услышал голос Его Преосвященства: «В этих нескольких страницах, возможно, покоится будущая надежда человечества...»

Хотя, если подумать, Его Преосвященство мог и преувеличивать, и не все его утверждения следовало принимать всерьез. Но в данном случае Дункан считал, что старый и важный архиепископ вполне мог быть прав, хотя в точности они узнают об этом только в Оксфорде. Именно из-за этого, из-за этих нескольких исписанных мелким почерком листов пергамента, Дункан находится в этом мрачном месте, где он вынужден искать убежище и где, по мнению Конрада, могут быть клопы, а не в удобном и безопасном Стэндиш-Хаузе.

— Меня другое беспокоит... — задумчиво сказал Конрад, поравнявшись с Дунканом.

— А разве тебя может что-то беспокоить?

— Да. Маленький Народ. Мы же никого из них не видели. Кто-нибудь другой мог бежать от Разрушителей, но гоблины, гномы и прочие вряд ли побегут.

— Может, испугались и спрятались? — предположил Дункан. — Они умеют прятаться.

Конрад подумал.

— Да, может, и так...

Подойдя к замку, они увидели, что правильно оценили его. Он не располагал к ночлегу. Одно слово — ветхий. Тут и там из-за палисада показывались головы, следившие за их приближением. Подъемный мост был уже поднят, когда они подошли к вонючему рву. Тут зловоние стало просто непереносимым — в зеленоватой воде плавало нечто, что вполне могло быть разложившимися человеческими телами.

Конрад закричал головам, торчащим над палисадом:

— Открывайте! Путники просят крова!

Те не ответили, и Конрад заревел снова. Наконец мост начал рывками опускаться, скрипя и скрежеща. У ворот их встретила пестрая толпа, с виду бродяг, вооруженных копьями и самодельными мечами.

Конрад взмахнул дубиной.

– Разойдись! – закричал он. – Дорогу моему господину!

Те попятись, но копья не опустили, и мечи остались обнаженными. Сгорбленный человек, волоча ногу, отделился от толпы и подошел к прибывшим.

– Мой господин приветствует вас, – проскулил он, – и просит вас к столу.

– Сначала покажи место для животных, – приказал Конрад.

– Здесь есть навес. Он, правда, открытый, но у него есть крыша и стена. Для лошади и осла будет сено, а для собаки я принесу костей.

– Не костей, а мяса. Большой кусок, соответствующий ее размерам.

– Я найду немного мяса.

– Дай ему монетку, – велел Дункан Конраду.

Конрад запустил пальцы в поясной кошелёк, достал монету и бросил ее человеку. Тот проворно подхватил ее и коснулся пальцами лба, правда, с некоторой усмешкой.

Навес был неважным убежищем, но все-таки давал какую-то защиту от дождя и ветра. Дункан расседлал Дэниела и повесил седло на стенку палисада, а Конрад тем временем снял с ослика тюки и уложил их поверх седла.

– Разве вы не возьмете седло и мешки с собой? – спросил хромой. – Целее будут...

– И здесь будут целы, – отрезал Конрад. – Если кто-то коснется их – переломая ребра, а то и горло вырву.

Беспутная толпа, встречавшая их у моста, теперь рассеялась. Мост поднялся с протестующим скрипом.

– А теперь, – предложил хромой, – соблаговолите следовать за мной. Хозяин ждет вас за ужином.

Главный холл замка был плохо освещен и отвратительно вонял. По стенам торчали дымящиеся факелы. Тростник, устилавший пол, не менялся несколько месяцев, если не лет, и был усеян костями, сброшенными на пол со стола или притащенными собаками, которые лежали здесь же, и в комнате был стойкий запах мочи – собачьей, а может стать, и человечесьей. В дальнем конце холла находился камин, где горели дрова. Труба тянула плохо, и дым заполнял все помещение. В центре холла стоял длинный стол на козлах, вокруг которого сидела разношерстная компания. Вокруг бегали мальчики-подростки, подавая блюда и кувшины эля.

Когда Дункан и Конрад вошли в холл, разговор оборвался, и неясные бледные лица повернулись к прибывшим. Собаки бросили кости и оскалили зубы. В дальнем конце стола поднялся человек и радостным голосом заревел:

– Добро пожаловать, путники. Подходите и разделите стол с Гарольдом Ривером. – Он повернул голову к прислуживавшим юношам. – Сгоните с дороги этих проклятых собак, чтобы наши гости могли пройти, не боясь, что их укусят.

Мальчики охотно принялись за дело, быстро разогнав пинками огрызавшихся, рычащих и визжащих собак.

Дункан выступил вперед:

– Благодарю вас, сэр, за вашу любезность.

Гарольд Ривер был костлявым, волосатым и неопрятным. В его волосах и бороде, казалось, могли бы жить мыши. На нем был плащ, когда-то пурпурный, но теперь до того грязный, что цвет был почти неразличим, с меховыми обшлагами и воротником, побитыми молью.

Гарольд Ривер показал на сиденье рядом с собой:

— Прошу садиться, сэр.

Дункан сделал легкий поклон:

— Меня зовут Дункан Стэндиш, а человек со мной — Конрад.

— Он ваш слуга?

— Нет. Товарищ.

Ривер на некоторое время задумался, а потом сказал:

— В таком случае, он сядет с вами. — Он обратился к человеку, сидевшему на соседнем месте. — Эйнер, убирайся к черту отсюда. Найди себе другое место и возьми с собой свою доску для резки мяса...

Эйнер недовольно встал, взял доску и кружку и пошел искать другое место.

— Теперь, когда все устроено, соблаговолите сесть, — продолжил Ривер. — У нас есть эль и мясо — эль отличный, насчет мяса — не сказал бы. Есть также хлеб неважного сорта, но зато у нас лучший мед, какой только бывает. Когда Разрушители напали на нас, старый Седрик, пчелиный мастер, рискуя жизнью унес ульи, и тем самым спас их для нас.

— Давно это было? — спросил Дункан. — Когда приходили Разрушители?

— Поздней весной. Сначала пришли разведчики Орды, их было немного, поэтому и удалось спасти скот и пчел.

Когда, наконец, пришла настоящая Орда, мы были готовы. Вы, сэр, когда-нибудь видели Разрушителей?

– Нет. Я только слышал о них.

– Скверная компания. Всяких форм и размеров – бесенята, демоны, дьяволы и множество других, – от одного вида которых скручивает кишки и выворачивает желудок, и от каждого свой особый вред, а хуже всего – безволосые. Люди, но и не люди. Вроде безмозглые, но крепкие и сильные идиоты. Они не знают страха, и у них вечная потребность убивать. Они белые, как черви в гнилом полене, и без единого волоска. Тяжелые и жирные, но на самом-то деле они не жирные, а мускулистые – вы в жизни не видели такой мускулатуры – и силы непомерной! Безволосые и другие бегут, сметая все на своем пути. Убивают, жгут и пощады от них не жди! Главное в них – злоба и магия. Не могу сказать, как трудно нам было держать их на безопасном расстоянии. Магии мы сопротивлялись, а ярости у нас самих хватает, хотя один их вид может испугать человека до смерти.

– Но вы, вроде, и не пугались?

– Мы не из пугливых, – подтвердил Ривер, – народ мы крепкий и не хуже их. Мы наносили им удар за ударом и не собирались отдавать это место, которое нашли сами.

– Нашли?

– Ну да. Вы сами понимаете, конечно, что мы не из тех, кто обычно живет в таких домах. Видите ли, «Ривер»⁵ – это кличка, просто так, для смеха. Мы честные рабочие, но не можем найти работы. Здесь таких много. Зная, что ра-

⁵ Грабитель (англ.) – прим. перев.

боты для нас нет, мы объединились и стали искать спокойный уголок, где могли бы вести хозяйство и кормить себя и свои семьи. И вот набрали на этот покинутый уголок.

— Вы хотите сказать, что тут до вас никто не жил?

— Никого вокруг. Ни души. Мы посоветовались и решили войти, если, конечно, не придут настоящие хозяева...

— В этом случае вы все вернете им?

— Ну, ясное дело. Отдадим и снова пойдем искать спокойный угол.

— Это было бы благородно с вашей стороны, — заметил Дункан.

— Спасибо, сэр. Ну, довольно об этом. Расскажите о себе. Вы сказали — путешествуете. В этих краях не часто увидишь путешественников. Слишком опасные места.

— Мы идем на юг, в Оксфорд, а затем, возможно, в Лондон-таун.

— И вы не боитесь?

— Боимся, конечно. Но мы вооружены и будем осторожны.

— Да, осторожность вам понадобится. Вы поедете сквозь самое сердце разоренной земли, где встретится множество опасностей и трудно будет с пропитанием. Здесь, скажу вам, ничего не осталось. Даже воронам, летящим через эту местность, нужно брать с собой провиант.

— Вы, однако, обходитесь...

— Нам удалось спасти скот. Сеяли мы поздно, когда Разрушители ушли, и из-за этого урожай получился бедным. Пшеницы вполовину меньше, ржи и ячменя тоже вполовину, овса совсем мало. Гречиха полностью погибла.

Зато у нас запасы сена. Но скот наш страдает от ящура, а на овец нападают волки.

Перед Дунканом и Конрадом были поставлены доски и огромное блюдо с бычьей ляжкой на одном его конце и бараньим седлом – на другом. Мальчик принес каравай хлеба и блюдо сотового меда.

Дункан огляделся. Что бы ни говорил Ривер, сидевшие здесь отнюдь не были честными рабочими. У них был волчий взгляд. Видимо, разбойничий отряд во время налета был застигнут Разрушителями. Отогнав Разрушителей, отряд не нашел ничего лучшего, как осесть здесь, хотя бы на время. Это место было неплохим укрытием. Никто не появлялся здесь, даже люди закона.

– А где сейчас Разрушители? – спросил Дункан.

– Кто знает, – ответил Ривер. – Они могут быть где угодно.

– Но здесь почти граница Разоренной Земли. А был слух, что они в глубине Северной Британии.

Может быть. Мы не слышали. Сюда слухи не доходят. Вы единственные, кого мы увидели. Видимо, вас привело сюда очень важное дело?

– Мы везем сообщения. Больше ничего.

– Вы сказали – в Оксфорд и в Лондон-таун?

– Именно.

– В Оксфорде ничего нет.

Возможно, – сказал Дункан. – Я там никогда не был...

Он обратил внимание, что здесь не было женщин – ни одной леди за столом, как полагалось бы во всяком порядочном замке. А если здесь и были женщины, то их к столу не допускали.

Один из юношей принес кувшин и наполнил чаши путников. Дункан попробовал эль – он был отличным – и сказал об этом Риверу.

Следующая партия не будет такой, – ответил Ривер. – В этом году зерно гораздо хуже, и сено тоже. Хотя мы чертовски потрудились с заготовкой сена, пусть даже неважного, но нашей бедной скотине придется туговато...

Большинство сидевших за столом покончили с едой и тут же уснули, положив головы на руки.

«Почти как животные, – подумал Дункан. – Постелей у них нет, что ли?»

Ривер покачивался на стуле, закрыв глаза. Разговоры в холле умолкли.

Дункан отрезал два ломтя хлеба и протянул один Конраду. Свой ломоть он намазал медом. Как и говорил Ривер, мед был великолепный: чистый, сладкий, цветочный, не то что темный и грубый на вкус продукт северных мест.

Дрова в камине прогорели. Некоторые факелы на стенах погасли, но еще распространяли жирный чад, отчего вонь в холле, казалось, стала сильнее. Две собаки лениво дрались из-за кости.

Приглушенное ржание заставило Дункана вскочить. Секунду он стоял, прислушиваясь. Ржание повторилось. Это был боевой крик, крик ярости, а не боли. Конрад тоже вскочил.

– Это Дэниел! – крикнул он.

Они бросились к дверям. Какой-то человек, очнувшись от пьяного сна, преградил Дункану дорогу. Дункан отшвырнул его в сторону, а Конрад обогнал Дункана и стал

дубиной расчищать себе путь к выходу. Те, кто вошел в контакт с его дубиной, злобно взвыли, и собаки с визгом стали разбегаться. Дункан выхватил меч, который со свистом рассек воздух, Конрад распахнул дверь, и оба выскочили во двор. Там они увидели толпу людей, разжигавших большой костер перед навесом, где были размещены животные.

Увидев Дункана и Конрада, толпа заволновалась. Дэниел, яростно визжа, встал на дыбы и передними копытами начал бить людей перед собой – один человек тут же упал на землю, а другой стал отползать. Пока Дункан с Конрадом бежали через двор, конь ударил тяжелым кованым копытом в лицо еще одному мужчине, а Бьюти стала добивать его, возбужденно молотя копытами. В нескольких футах от Дэниела разъяренный Тайни схватил человека за горло и стал сильно трясти его.

При виде бежавших через двор мужчин те, кто еще оставался перед навесом, сочли за благо дать деру. Дункан остановился возле коня и сказал ему:

– Все в порядке, Дэниел. Мы здесь.

Дэниел обнюхал хозяина.

– Оставь его, – сказал Конрад, обращаясь к Тайни. – Он мертв...

Пес презрительно отошел, облизывая окровавленную морду, – у человека, которого он выпустил, не было горла.

Во дворе был полный погром! Двое лежавших не шевелились, один кое-как тащился по двору со сломанной спиной, кто-то хромал, кто-то согнулся пополам...

Из двери главного холла высыпали люди и молча глядели на них. Ривер пробился сквозь толпу и пошел к Дункану и Конраду.

– Это что такое? – загрохотал он. – Я оказал вам гостеприимство, а вы тут же убиваете моих людей?

– Они пытались украсть наше добро, – ответил Дункан. – Скорее всего, они хотели спереть и наших животных. А бедной скотине, как вы сами видите, это не понравилось...

Ривер прикинулся разъяренным:

– Вранье! Мои люди никогда не унизятся до подобной гнусности!

– Ваши люди – гнусный сброд!

– Досадно. Я обычно не ссорюсь с гостями...

– И не нужно ссориться, – резко сказал Дункан. – Опустите мост, и мы уйдем. Я о-очень настаиваю на этом!

Покачивая дубиной, Конрад подошел к Риверу.

– Вы слышали? Милорд настаивает.

Ривер хотел отступить, но Конрад схватил его за плечо и развернул его.

– Моя дубина голодная – она уже несколько месяцев не разбивала черепов...

– Опустите мост, – потребовал Дункан.

– Ладно, – сказал Ривер и крикнул своим: – Опустите мост, чтобы наши гости могли нас оставить.

– Остальные пусть отойдут подальше, – добавил Конрад, – и дайте нам дорогу, иначе ваша черепушка треснет.

Ривер пронзительно закричал:

– Остальные отойдите. Не толпитесь. Дайте им проход. Нам не нужны неприятности.

– Если они будут, то вы первый пострадаете. – Конрад повернулся к Дункану. – Оседлайте Дэниела и навьючьте Бьюти, а я управлюсь с этим типом.

Мост уже начал опускаться, и не успел он еще удаться о землю за рвом, как они уже были готовы в путь.

– Я подержу Ривера, – сказал Конрад, – пока мы не перейдем мост.

Люди во дворе стояли далеко позади, и за ними приглядывал Тайни.

Небо было чистым. Светила полная луна и сияли звезды. Держа Ривера за шиворот и толкая его перед собой, Конрад с Дунканом перешли мост и остановились. Конрад выпустил Ривера, а Дункан обратился к их «гостеприимному» хозяину:

– Как вернетесь, поднимите мост. И не вздумайте посылать своих людей вдогонку за нами. Если вы это сделаете, мы спустим на них лошадь и собаку – это боевые животные, они умеют сражаться, как вы, наверное, видели, и разорвут ваших людей на куски.

Ривер не ответил и быстро пошел через мост. Очувшись во дворе, он заревел:

– Поднимайте!

Завизжали колеса, звякнули цепи, заскрипело дерево. Мост начал медленно подниматься.

– Пошли, – сказал Дункан, когда мост поднялся наполовину.

Они спустились с холма и пошли по едва заметной тропинке. Тайни шел впереди.

– Куда мы идем? – спросил Конрад.

– Не знаю, – ответил Дункан. – Лишь бы подальше отсюда.

Вдруг Тайни остановился и предупреждающе зарычал – на тропе был человек. Дункан подошел к Тайни, и они вместе двинулись к незнакомцу.

Человек сказал дрожащим голосом:

– Не бойтесь, сэр, я всего лишь Седрик – пчелиный мастер...

– Что ты здесь делаешь? – спросил Дункан.

– Я пришел проводить вас, сэр. Кроме того, я принес вам пищи. – Он наклонился и поднял мешок, стоявший у его ног. – Бекон, ветчина, сыр, каравай хлеба и немного меду. И я могу показать вам самый удобный и короткий путь. Я живу здесь всю жизнь и знаю местность.

– Чего ради ты помогаешь нам? Ты же человек Ривера. Он рассказывал, что ты спасал пчел от Разрушителей.

– Я не человек Ривера, – ответил пчелиный мастер. – Я был здесь задолго до того, как он появился. Хорошая была тогда жизнь, для всех хорошая – и для мастера, и для его народа. Но когда пришел Ривер, мы ничего не могли сделать. Мы не умели драться. Ривер и его бандиты пришли два года назад. В Михайлов день, и...

– Но ты остался у Ривера.

– Я не остался. Я был оставлен в живых. Меня пощадили, потому что я единственный, кто умел обращаться с пчелами. Мало кто знает пчел, а Ривер, похоже, любит хороший мед.

– Значит, я не ошибся, когда подумал, что Ривер и его люди захватили замок и убили всех, кто жил в нем.

– Да! Эта несчастная местность пережила тяжелые времена. Сначала по ней шастали Ривер и ему подобные, потом Разрушители.

– И ты покажешь, как кратчайшим путем уйти от Ривера подальше?

– Покажу. Я знаю самые короткие тропы. Я найду их

даже в темноте. Когда я узнал, что произошло, я отправился на кухню, собрал провизию, затем прошел над палисадами и стал ждать вас.

— Но, если Ривер узнает, он отомстит тебе.

— Меня не хватятся. Я всегда с пчелами. Я даже ночью возле них. Сегодня вечером я пришел, потому что холодно и дождь. Если заметят, что меня нет, то подумают, что я с пчелами. И знаете, сэр, для меня великая честь послужить человеку, который осадил Ривера.

— Которого вы очень не любите?!

— Ненавижу. Но что я могу сделать? Слегка ущипнуть то тут, то там, вроде как сейчас. Каждый делает то, что в его силах.

Конрад взял мешок из рук старика.

— Я понесу его. А позже мы переложим это во выюк Бьюти.

— Как ты думаешь, Ривер со своими людьми погонится за нами? — спросил Дункан.

— Не знаю, — ответил старик. — Думаю, что нет, но не уверен в этом.

— Ты сказал, что ненавидишь его. Так почему бы тебе не уйти с нами? Конечно, если тебе не хочется остаться у него.

— У него — нет. Я охотно пошел бы с вами, но я не могу оставить пчел. Сэр, вы что-нибудь знаете о пчелах?

— Очень мало.

— Это самые удивительные создания. В одном улье их столько, что и не сосчитать. Но они нуждаются в человеческой помощи. Каждый год должна быть сильная королева, чтобы отложить много яиц. Одна королева. Только

одна, представьте, и улей будет сильным. Если будет не одна королева, а больше, пчелы станут роиться, часть их уйдет куда-нибудь, и численность в улье уменьшится. И их силу хранит пчелиный мастер, умеющий ухаживать за ними. Он следит за сотами, находит лишних маток и уничтожает их. Он должен также уничтожить слишком старую матку, чтобы выросла новая, сильная...

– Из-за этого ты остаешься с Ривером?

Старик выпрямился.

– Я люблю моих пчел, я нужен им...

– К черту пчел, – сказал Конрад, – мы и так помрем здесь, болтая о пчелах.

– Да, я слишком много говорю о пчелах... Идите за мной и не отставайте.

Он заскользил, как пух, перед ними – то шел медленно, то бежал, то затем вновь ступал осторожно и не торопясь, нащупывая путь.

Путники спустились в небольшую долину, поднялись на гребень, опять спустились. Звезды продолжали свой путь над ними, а луна клонилась к западу. С севера все еще дул холодный ветер, но дождя не было.

Дункан устал. Его тело требовало сна и протестовало против каждого шага. Один раз он споткнулся, и Конрад сказал ему:

– Садись на лошадь.

– Нет. Дэниел тоже устал.

Мозг Дункана не участвовал в движении. Ноги сами шли вперед в темноте при слабом лунном свете по лесу, по темным холмам, по оврагам. Мысли его были далеко. Они вернулись к тому дню, с которого все началось...

Первое предупреждение об избрании Дункана для определенной миссии пришло к нему, когда он спустился по спиральной лестнице в библиотеку, где, как сказал Уэллс, его ждали отец и Его Преосвященство. В том, что отец хотел видеть его, не было ничего необычного. Дункан привык, чтобы его звали, но какое дело могло привести архиепископа в замок? Его Преосвященство был стар и растолстел от хорошей пищи и отсутствия физической работы. Он редко покидал аббатство. Только что-то очень важное могло заставить его приехать сюда на старом сером муле, который шел очень медленно, но мягко, что облегчало путешествие человеку, не любившему движение.

Дункан вошел в библиотеку с полками от пола до потолка, набитыми огромными книгами, цветными витражами в окнах, с оленьей головой над горящим камином.

Его отец и архиепископ сидели в креслах у окна. Когда Дункан вошел, они встали, приветствуя его, хотя архиепископу это удалось не без труда.

– Дункан, – сказал отец. – У нас гость, которого ты, конечно, помнишь.

– Ваше Преосвященство, – обратился к тому Дункан, торопясь подойти под благословение. – Как приятно снова видеть вас!

Он опустился на колени.

Благословив его, архиепископ сделал символический жест, поднимая Дункана.

– Он должен помнить меня, – повернулся архиепископ к отцу Дункана. – Я довольно часто имел причины выго-

варивать ему, и преподобным отцам пришлось немало потрудиться, чтобы вложить латынь и греческий в его строптивую голову.

— Но, Ваше Преосвященство, все это было так скучно! — заметил Дункан. — Зачем нужен грамматический разбор латинских глаголов?..

— Чтобы разговаривать, как подобает благородному человеку. Когда молодой джентльмен приходит в аббатство и сталкивается с латынью, то он всегда ею недоволен. Но ты, несмотря на некоторые исключения, учился лучше, чем большинство остальных.

— С парнем все в порядке, — проворчал отец. — Я и сам-то не слишком знаю латынь. Ваши в аббатстве придают ей чересчур большое значение.

— Может, и так, — согласился архиепископ. — Но это единственное что у нас есть. Мы не можем обучать их ездить верхом, орудовать мечом или ухаживать за девушками...

— Давайте оставим шутки и перейдем к делу. Садись поближе, сынок, дело касается тебя.

— Хорошо, сэр, — почтительно сказал Дункан и сел.

Архиепископ глянул на отца Дункана:

— Я могу рассказывать, Дуглас?

— Да, — ответил отец. — Вы знаете об этом больше меня, и говорите вы лучше. У вас есть слова для этого.

Архиепископ сложил пухлые руки на объемистом животе и начал:

— Два года назад, Дункан, твой отец принес мне манускрипт, который он нашел при разборке семейных бумаг...

— Эту работу, — вмешался отец, — надо было сделать

столетия назад. Документы и записи были перемешаны: старые письма, записи, дарственные, старинные документы – все в беспорядке валялось в ящиках. Разборка всего этого и сейчас еще не закончена. Я занимаюсь ею от случая к случаю и не всегда могу понять что там к чему...

– Он принес мне манускрипт, – продолжал архиепископ, – потому что он был написан на незнакомом языке, на таком, который не только твой отец, но и вообще мало кто знал.

– Вроде бы арамейский, – сказал отец Дункана. – Кажется, на нем говорил Иисус.

Дункан переводил взгляд с одного на другого, размышляя: «К чему они ведут? Что все это значит, и причем тут он, Дункан?»

– Ты удивляешься, почему это касается тебя? – спросил архиепископ.

– Ну да!

– Со временем дойдем и до этого. Так вот, наши добрые отцы разбирали текст манускрипта. Только двое из них имеют некоторое знакомство с этим языком. Один с трудом сумел прочесть слова, а другой частично перевел. Но я подозреваю, что сделали они очень мало. Мы не знаем главного: подлинный это отчет или мистификация. По-видимому, это дневник – отчет о деяниях Иисуса. Дневник велся нерегулярно: есть части, где записи велись ежедневно, есть пропуски в несколько дней, но затем человек, ведущий дневник, снова возвращался к предыдущей дате и записывал все, что случалось за эти пропущенные дни. Выглядит все это так, будто автор дневника жил в то время и был свидетелем всего, что записывал. Вроде бы, он

не был в числе товарищей Иисуса, но каким-то образом был поблизости. Ну, вроде «прихлебателя». Нет никакого намека на то, кем он был на самом деле. — Архиепископ помолчал, по-совиному глядя на Дункана. — Ты понимаешь, какое значение может иметь этот документ, если он подлинный?

— Да, конечно, — ответил Дункан. — Он может дать нам детальный, день за днем, отчет о деяниях Господа.

— Не только это, сын. Это был бы отчет очевидца. Первого. Это явилось бы доказательством, что человек по имени Иисус действительно существовал.

— Но я не могу...

— Твой отец говорит правду, — сказал архиепископ. —

Если не считать этих нескольких листов манускрипта, у нас нет ничего, что могло бы служить доказательством реального существования Иисуса. Есть только несколько отрывочных записей, доказывающих, что такой человек был, но все они сомнительны. Может, явная подделка, может, интерпретация, а может, искажения при переписке монахами, чья набожность иной раз оказывалась выше честности. Святая церковь не сомневается в существовании Христа, и наша религия основана на вере, а не на доказательствах, мы о них и не думаем. Но перед нами такое количество неверных и язычников, что о доказательствах приходится думать. Если этот манускрипт является таким доказательством, наша мать-церковь с его помощью сможет убедить тех, кто не разделяет нашей веры...

— А также, — добавил отец, — устранил сомнения и скептицизм внутри самой церкви.

— Но вы сказали, что это может быть мистификацией?

– Может, – согласился архиепископ. – Мы склонны думать, что нет, но отец Джонатан, из нашего аббатства, не может произвести экспертизу. Нам нужен ученый, знающий арамейский язык, изменения, произошедшие в нем, и когда они произошли. За прошедшие столетия в этом языке было множество диалектов. Современный диалект, на котором еще говорят в некоторых уголках Восточного мира, конечно, очень отличается от того, на котором говорили во времена Христа, и даже тогда в разных частях страны были разные диалекты.

– Я счастлив, – сказал Дункан, – что такая важная вещь вышла из этого дома, но я не понимаю... Вы сказали, что я...

– Во всем мире есть только один человек, который может сказать, подлинный это манускрипт или нет. Этот человек живет в Оксфорде.

– Оксфорд? Это на юге?

– Именно: он живет в маленькой общине ученых, которая за последнее столетие...

– Между нами и Оксфордом лежат Разоренные Земли, – заметил отец.

– Мы думаем, – продолжал архиепископ, – что маленький отряд из мужественных и преданных людей может проскользнуть через них. Мы с твоим отцом подумали, не послать ли рукопись морем, но у тех берегов так много пиратов, что частное судно едва ли осмелится бросить там якорь.

– Насколько мал должен быть отряд?

– Как можно меньше, – сказал отец. – Мы не можем послать полк вооруженных людей через половину Брита-

нии. Такие силы привлекают к себе слишком много внимания. А маленький отряд, идущий тихо и незаметно, может иметь больше шансов. Конечно, скверно, что отряду придется идти через Разоренные Земли, но окружного пути нет. Экспедиция была бы намного легче, если бы мы знали, где теперь находятся Разрушители, но, по нашим сведениям, они могут быть в любом месте на Севере. Однако на прошлой неделе мы получили более новые сведения: похоже, что Разрушители двигаются в северо-восточном направлении.

Его Преосвященство торжественно кивнул.

— Прямо на нас.

— Вы имеете в виду Стэндиш-Хауз?

Отец Дункана слегка улыбнулся:

— За нас не беспокойся, сынок. Этот старый замок стоит почти тысячу лет, и кто только на него не кидался. Но, если отряд хочет добраться до Оксфорда, ему надо выступать как можно скорее, пока Орда Разрушителей не подошла к нашим воротам.

— Вы думаете, что я...

— Да, — ответил отец, — мы думаем именно так.

— Я не знаю лучшего человека для такого дела, — добавил Его Преосвященство. — Но ты будешь решать сам. В пути придется быть очень осторожным.

— Если ты решишь поехать, — сказал отец, — то у тебя будет больше шансов на успех, чем у кого-либо другого. Если бы я думал иначе, мы не подняли бы этот вопрос. Ты отлично натренирован в военном деле.

— Да, это так, — подтвердил архиепископ. — И хотя я лично в этом не разбираюсь, я сказал бы, что ваш сын —

лучший меченосец на Севере, и он так много читал об исторических войнах...

– Но я ни разу не поднимал меча в гнев, – запротестовал Дункан. – Я больше знаком с фехтованием. Мы столько лет жили мирно, столько лет не было войн...

– Так тебя и не посылают в сражение, – мягко заметил отец. – Чем меньше ты будешь сражаться, тем лучше. Твое дело – пройти незамеченным через Разоренные Земли.

– Но ведь вполне возможно, что мы наткнемся на Разрушителей. Допустим, я каким-то образом выкручусь, но мне всегда казалось, что мое призвание в другом – как и у моего отца – в земле, поместье, людях...

– В этом ты не одинок. Многие жители Стэндиша жили на этой земле, но, если было нужно, уходили за нее сражаться, и никто из них не опозорил свой род. Так что перед тобой длинная цепь воинов.

– Кровь всегда сказывается, – важно произнес архиепископ. – Хорошие старые фамилии, вроде Стэндишей, оплот Британии и Господа нашего.

– Ладно, – согласился Дункан. – Раз уж вы так решили, раз хотите, чтобы я участвовал в этой вылазке на Юг, то хоть расскажите мне все, что знаете о Разрушителях и Разоренных Землях.

– Известно только, что это циклический феномен. Цикл начинается в разных местах примерно каждые пять столетий. Мы знаем, что около пятисот лет назад это произошло в Иберии. За пятьсот лет до этого – в Македонии. Есть указания, что еще раньше то же самое было в Сирии. В область вторгается рой демонов и различных злых духов. Они сметают на своем пути все. Жителей убивают,

дома сжигают. Местность остается в полном запустении. Такая ситуация существует неопределенное число лет – от двух-трех до десяти, а то и больше. Затем злые силы вроде бы уходят, народ снова заселяет страну, хотя требуется не менее ста лет, чтобы восстановить ее. Демоны и их когорты назывались по-разному. В этом последнем великом вторжении их зовут Разрушителями. Когда-то они звались Ордой. Но главное тут, конечно, сущность феномена. Многие ученые ломали себе голову над причинами возникновения феномена, дошли чуть ли не до сказочных теорий, но ничего реального не придумали. Ясное дело, никто из них, в сущности, не пытался исследовать пострадавший район, и я их за это не порицаю...

– А теперь, – перебил отец, – вы предполагаете, что мой сын будет исследовать...

– Я не предполагаю, он должен только постараться пройти через пострадавшую область. Не будь этот Вайс из Оксфорда так стар... По последним сведениям, он сильно ослаб, из него уже песок сыплется. Того и гляди он отойдет к небесным наградам. И он единственная наша надежда. Я не знаю больше никого, кто мог бы судить о манускрипте.

– А если манускрипт пропадет до того, как будет доставлен в Оксфорд? – спросил Дункан.

– Такое может случиться, хотя я знаю, что ты будешь беречь его, как свою жизнь.

– Любой добропорядочный христианин так и должен поступить.

– Это драгоценная вещь. Возможно, самая драгоценная в Христианском мире. В этих нескольких листках, быть может, заключена будущая надежда человечества.

– Вы можете послать копию?

– Нет, – ответил архиепископ, – посылать нужно оригинал. Как бы тщательно мы его ни скопировали – а у нас в аббатстве есть искусные копировщики, – они все же могут пропустить какую-то характерную деталь, которая окажется существенной при определении подлинности. Мы сняли две копии, они будут храниться в аббатстве под семью замками. Если оригинал будет потерян, у нас останется хотя бы текст, но потеря оригинала – катастрофа.

– А если Вайс установит подлинность текста, но поднимет вопрос о пергаменте и чернилах? Он не настолько в них разбирается.

– Сомневаюсь, что он поднимет этот вопрос. Со своими товарищами-учеными он решит все вопросы, если признает рукопись подлинной по тексту. Но если все же возникнут такие вопросы, ты найдешь другого ученого. Там должны быть такие, кто понимает толк в чернилах и пергаменте.

– Ваше Преосвященство, – обратился к архиепископу отец Дункана, – вы говорили, что были теории насчет Разоренных Земель, насчет причин этого разорения. Нет ли среди тех теорий приемлемой для вас?

– Трудно выбрать. Все они весьма изобретательны, некоторые обманчивы и логически ненадежны. Только одна, пожалуй, кажется мне более надежной – что Разорители Земли используются для восстановления мировых сил Зла – возможно, они временами нуждаются в покое для обдумывания своих целей, для самоукрепления и восстановления сил. Вот они и опустошают местность, превращают ее в место ужаса и отчаяния, что служит им защитным ба-

рьером против вмешательства, пока они выполняют какие-нибудь нечестивые ритуалы, необходимые для усиления их на следующие пятьсот лет деятельности Зла. Тот, кто предложил эту теорию, хотел доказать, что ослабление Зла происходит за несколько лет до разрушения земель и некоторое время спустя, но я сомневаюсь, что ученому это удастся. Для такого изучения слишком мало данных.

– Если это правда, – сказал Дункан, – тогда наш маленький отряд, идя очень осторожно и избегая столкновений, сможет, пожалуй, пройти незамеченным. Силы Зла, убежденные, что опустошение защищает их, будут менее насторожены, чем при других обстоятельствах, и будут заниматься своими делами.

– Пожалуй, ты прав, – согласился отец.

Архиепископ молча слушал разговор отца с сыном, сложив руки на животе и полузакрыв глаза, будто боролся с какими-то личными мыслями. Наконец он зашевелился и сказал:

– Мне кажется, надо серьезно изучать силы Зла, выпущенные в мир за бесчисленные столетия. Мы все время отвечали на это ужасом, объясняли бессмысленным суеверием. Нельзя сказать, что для тех рассказов, которые мы слышали, нет оснований. Некоторые из них правдивы, иные даже документальны, но немало среди них и вранья, глупых крестьянских сказок, придуманных от безделья. В сущности, у крестьян мало развлечений, только шутки да блуд, вот их и привлекают всякие глупые рассказы. Сказки эти только затемняют дело, а мы должны сосредоточиться на понимании этого зла. И у нас ведь хватает глупостей: есть чары и заклинания, чтобы отогнать дьявола,

истории о людях, превращенных в собак или во что-нибудь худшее. Мы верим, что вулканы могут быть вратами Ада. Не так давно мы слышали, что какие-то глупые монахи спустились в шахту и обнаружили там чистилище. Такого рода вещи нам не нужны. Нам необходимо понять Зло, потому что только понимание окажется для нас почвой, на которой мы будем сражаться со Злом. Мы должны стать на позицию эффективной борьбы не только за мир в наших мыслях, за какую-то меру свободы от оскорблений, несправедливостей и боли, которые Зло посылает на нас, но и за рост цивилизации. Подумать только, мы столетиями были застойным обществом, мы не прогрессировали. То, что делается каждый день в этом поместье и во всем мире, ни на йоту не изменилось за тысячу лет. Сеют семена и убирают урожай, молотят, как молотили всегда, поля вспахивают все теми же малопригодными орудиями, крестьяне все так же голодают...

— В этом поместье они не голодают, — возразил отец Дункана, — здесь никто не голодает. Мы заботимся о своих людях, а они отвечают нам тем же. Мы делаем запасы на черный день, и когда такой день приходит, хотя это редко бывает, у нас есть пища для всех.

— Милорд, простите меня, я прекрасно это знаю, но я говорил вообще. То, что я сказал, не относится к вашему поместью, но вообще-то это правда.

— Наша семья управляет этими землями почти десять столетий. И как управляющие страной мы принимаем на себя безусловную ответственность...

— Простите, но я не имел в виду ваш дом. Я могу продолжать?

– Сожалею, что прервал вас, но я должен был разъяснить, что в Стэндиш-Хаузе никто не голодает.

– Понятно, – сказал архиепископ, – Вернемся к тому, о чем я говорил. Я считаю, что великий груз Зла, который лег на наши плечи, работал против любого прогресса. Так было не всегда: в древние времена люди изобрели колесо, сделали глиняную посуду, приручили животных, окультурили растения, стали добывать руду, но после этих первых начинаний мало что было сделано. Было время – если верить истории – когда появлялись искры надежды. Такая искра зажглась в Греции, но Греция сошла на нет. Казалось, что Рим представляет определенную величину, что-то обещает, но и Рим обратился в пыль. Казалось, что теперь, в двадцатом веке, должны быть какие-то признаки прогресса. Лучшие повозки, лучшие дороги для этих повозок, лучшие плуги и лучшее понимание, как использовать землю. Лучшие способы перестройки домов, так что крестьяне больше не живут в скверных хижинах, лучшие корабли. Иной раз я размышляю над альтернативной историей, над двойниками нашего мира, где Зло не существует. Мир, где столетия прогресса открыли возможности, о которых мы даже не можем гадать. Это мог быть наш мир, наш двадцатый век. Но это, конечно, всего лишь мечта. Мы знаем, что где-то на Западе, через Атлантику, есть новые земли, как говорят, пустынные. Моряки с Юга Британии и с Западных берегов Гала, ходят туда ловить треску, но немногие, потому что мало надежных кораблей. А может, и нет большого желания, потому что нам недостает предприимчивости. Мы поработаны Злом и такими останемся, пока не сделаем что-нибудь с этим Злом. Наше об-

щество больно недостатком прогресса и многого другого. Я часто думаю, что Зло питается нашей нищетой, становится от нее сильнее и, чтобы обеспечить себя хорошей пищей, делает все, чтобы эта нищета процветала. Мне кажется также, что это великое Зло не всегда было с нами. В былые времена люди шли к некоторому прогрессу, создавали те немногие вещи, которые сделали даже такое бедное общество, как наше, теперь возможным. Было время, когда человек работал для более безопасной и удобной жизни, и это показывает, что он не был придавлен Злом, от которого мы страдаем, по крайней мере, не так сильно придавлен. Возникает вопрос: откуда же пришло Зло? Конечно, сейчас мы не можем ответить. Но одно, по-моему, ясно: Зло остановило нас на нашем пути. То небольшое, что у нас есть, мы унаследовали от наших предков, чуточку от греков и самую малость от Рима. Когда я читаю нашу историю, мне кажется, я замечаю обдуманное намерение Зла отстранить нас от развития и прогресса. В конце одиннадцатого века наш отец Урбан предпринял Крестовый поход против язычников, подвергавших гонениям христиан и осквернявших святыни Иерусалима. Великое множество людей собралось под знаменем Креста и, дай им время, без сомнения пробили бы дорогу в Новый Свет и освободили бы Иерусалим. Но этого не случилось, потому что как раз в это время Зло напало на Македонию, а позднее распространилось на Центральную Европу, и, опустошив ее, создало панику среди участников крестового похода, блокировав их путь. Крестовый поход кончился, не начавшись, и другие не предпринимались, поскольку понадобились столетия, чтобы выйти из хаоса, причиненного

этим нападением Зла. Из-за этого даже в наши дни Святая Земля, наша по праву, все еще в руках язычников...

Он смахнул слезы, катившиеся по его полным щекам.

Когда он снова заговорил, в его голосе слышалось сдавленное рыдание:

— С провалом Крестового похода, хотя позднейшие исследования показали, что это было не по нашей вине, мы лишились надежды найти какое-либо свидетельство подлинности Иисуса, какое, возможно, еще существовало в те времена. Но теперь, без сомнения, исчезло и недостижимо для смертного. Из всего этого тебе ясно, почему мы придаем столь большое значение манускрипту, найденному в этих стенах.

— Время от времени возникали слухи о Крестовых походах.

— Это правда, но никогда ничего не получалось. Сфера действия Зла распространялась, а злоба, о которой писали наши историки, вытеснила из нас мужество. Вырвавшись из круга зла, люди скупивались на своих акрах, неся в себе несказанный страх, и, может быть, такая напряженность вновь призывала Зло во всей его ярости. Зло согнуло нас, сделало бездеятельным народом, не помышляющим о прогрессе и улучшении. В пятнадцатом веке, когда лузитанцы призывали разбить этот застой, пуститься в просторы океанов в поисках неизвестных земель, Зло снова возникло на Иберийском полуострове, и все планы были заброшены и забыты, так как полуостров был опустошен, и в страну вполз ужас. Два таких свидетельства не могут не вызвать мысли, что Зло действительно держит нас на одном и том же уровне, в нищете, чтобы иметь возможность питаться и

расти за счет этой нищеты. Мы – скот Зла, мы пасемся на наших пастбищах и предлагаем Злу нашу нищету, когда оно в ней нуждается. – Архиепископ вытер лицо. – Я думаю об этом ночами, пока не усну. Меня это мучает, мне кажется, что свет ушел от нас, и мы погружаемся в древнюю тьму. Мне кажется, что это конец всему...

– Вы высказали кому-нибудь эти свои мысли? – спросил отец Дункана.

– Немногим. Их это не интересует. Им плевать на то, что я говорю.

В дверь тихо постучали.

– Да. Кто там?

– Это я, – ответил Уэллс. – Я подумал, может быть, бренди...

– Да, действительно, – оживился архиепископ. – Немного бренди было бы неплохо. У вас чудесный бренди. Куда лучше, чем в аббатстве.

– Завтра утром, – сказал сквозь зубы отец Дункана, – я пришлю вам бочонок бренди.

– Чрезвычайно любезно с вашей стороны.

– Давай сюда, – приказал лорд Уэллсу.

Старик принес поднос со стаканчиками и бутылкой. Осторожно передвигаясь в своих козовых шлепанцах, он разлил бренди и вручил каждому по стаканчику.

Когда он вышел, архиепископ откинулся на спинку кресла и посмотрел бренди на свет.

– Замечательно! Какой чудесный цвет!

– Какой численности отряд вы предполагаете? – спросил Дункан отца.

– Так ты намерен идти?

– Собираюсь.

– Вот и хорошо, – одобрил архиепископ. – Риск – в высоких традициях вашей семьи и этого дома.

– Традиции тут ни при чем, – резко сказал отец и обернулся к сыну. – Я полагаю, человек двенадцать.

– Слишком много.

– Возможно. А по-твоему сколько?

– Два. Я и Конрад.

Архиепископ поднял брови и выпрямился.

– Двое? А кто такой этот Конрад?

– Это – амбарный рабочий, – ответил отец Дункана. – И он умеет обращаться со свиньями.

– Я не понимаю...

– Они с моим сыном – друзья с детства. Когда Дункан ходит на охоту или на рыбалку, он берет с собой Конрада.

– Он хорошо знает леса, – добавил Дункан. – Он всю жизнь ходит по ним. Когда у него есть время, а это иной раз бывает, поскольку он не перегружен обязанностями, он всегда уходит в лес.

– Мне кажется, – сказал архиепископ, – что хождение по лесам не требует высокой квалификации.

– Может пригодиться, – возразил Дункан. – Мы ведь отправляемся в путь по диким местам.

– Этот Конрад – сильный парень, семи футов ростом и почти двадцати стоунов⁶ весом. Быстрый, как кошка, почти животное. Он предан Дункану и готов умереть за него. В этом я уверен. Он не расстанется со своим любимым оружием – здоровенной дубовой дубиной.

⁶ Стоун – английская мера веса, 6,35 кг

– Дубиной! – простонал архиепископ.

– Он ловко управляется с ней, – сказал Дункан. – Если он выступит против десятка меченосцев, я поставлю на Конрада и его дубину.

– Пожалуй, это неплохой выбор, – подтвердил отец. – Двое пройдут быстро и незаметно. Если придется, они сумеют защититься.

– С нами пойдут Дэниел и Тайни.

Архиепископ поднял брови, и отец пояснил:

– Дэниел – это боевой конь, приученный сражаться. Он заменит трех человек. Тайни – крупный мастифф. Он тоже тренирован для боя...

3

Седрик ушел задолго до света, после того, как вывел их на тропу в густой чаще, где они расположились на отдых. На заре Конрад разбудил Дункана, они позавтракали хлебом и сыром, не желая разводить костер, и снова двинулись в путь.

Погода улучшалась. Ветер стих, тучи ушли, и пригревало солнце. Они шли по густой лесистой стране с глубокими долинами и феерическими лесными ложбинами. Им пришлось пройти мимо небольшой фермы. Вокруг не было ни одной живой души, если не считать нескольких воронов, пролетающих молча, будто напуганных тишиной местности, да двух кроликов. В целом местность казалась мирной, что было странно, поскольку это были Разоренные Земли.

Через несколько часов лесная дорога начала круто

подниматься, деревья стали редеть, и лес кончился. Перед путешественниками лежал голый скалистый гребень.

– Постой здесь, – сказал Конрад, – я схожу на разведку.

Дункан остановился рядом с Дэниелом и посмотрел, вслед Конраду. Конь потерся мягкой мордой о плечо Дункана и тихонько заржал.

– Тихо, Дэниел.

Тайни сидел в нескольких шагах от них, пригнувшись и насторожив уши.

Бьюти подошла к Дункану с другой стороны, и он потрепал ее по холке.

Тишина вот-вот готова была нарушиться, но так и не нарушилась – не было ни звуков, ни движения. Даже листья не шумели. Конрад исчез среди скал. Близился вечер. Дэниел запрядал ушами и снова прикоснулся мордой к плечу Дункана, но уже молча.

Появился Конрад, по-змеиному скользя по камням, и быстро спустился с холма.

– Я видел две вещи.

Дункан молча ждал продолжения. Конрада порой приходилось ждать.

– Внизу, под нами, деревня, – сказал наконец Конрад. – Черная, сгоревшая. Кроме церкви – она каменная. Никакого движения, ничего. – Он помолчал и добавил. – Мне это не нравится. Я думаю, не обойти ли ее стороной?

– Ты сказал, что видел две вещи?

– Есть долина. Далеко за деревней. По долине спускаются всадники.

– Всадники?

– По-моему, во главе их Ривер. Далеко, но мне кажется, я его узнал. Их человек тридцать, если не больше.

– Ты думаешь, они ищут нас?

– А иначе зачем им тут быть?

– По крайней мере, мы знаем, где они, а они не знают. Странно. Я не думал, что Ривер со своими людьми поедут за нами. Месть может дорого обойтись им в таком месте, как это.

– Не месь. Им нужны Дэниел и Тайни.

– Поэтому-то они здесь?

– Очень неплохо иметь боевого коня и боевого пса...

– Полагаю. Но взять их непросто. Эти животные по доброй воле не сменяют хозяев.

– Так что будем делать?

– Будь я проклят, если знаю. Они направляются к югу?

– К югу и чуть к западу. Как пролегает долина.

– Тогда нам лучше свернуть к востоку, обойти деревню и увеличить дистанцию между ними и нами.

– Они и так уже довольно далеко, но чем дальше, тем лучше.

Тайни встал, метнулся влево и зарычал.

– Пес что-то учуял, – сказал Дункан.

– Человека, судя по рычанию.

– А ты откуда знаешь?

– Я понимаю все, что он говорит.

Дункан повернулся посмотреть, что увидел Тайни, но ничего не разглядел в кустах.

– Дружище, – проговорил Дункан в пространство, – я бы на твоём месте вышел. Мне не хотелось бы посылать за тобой собаку...

Некоторое время ничего не происходило, затем кусты зашевелились, и из них вылез человек. Тайни шагнул вперед.

– Оставь его, – приказал собаке Конрад.

Человек был высок и костляв. На нем была рваная коричневая ряса, доходившая ему до лодыжек. На плечах горбился капюшон. В правой руке он держал длинный узловатый посох, а в левой – пучок растений. Кожа на его черепе была натянута так туго, что выступали кости.

– Я Эндрю, отшельник. Я не собирался мешать вам и поэтому, увидев вас, спрятался. Я искал зелень для супа. Может, у вас найдется немного сыра?

– Есть, – проворчал Конрад.

– Я просто мечтаю о сыре! Я просыпаюсь ночью и тоскую о кусочке сыра. Я так давно не пробовал его!

– В таком случае мы с удовольствием дадим тебе его, – сказал Дункан отшельнику и повернулся к своему товарищу: – Конрад, может ты снимешь мешок с Бьюти?

– Подождите минутку. Не обязательно делать это сейчас. Вы ведь путешественники, не так ли? – спросил Эндрю.

– Сам видишь, – не очень любезно ответил Конрад.

– В таком случае, почему бы вам не переночевать у меня? Я страшно изголодался по человеческим лицам и звукам человеческого голоса. Здесь, правда, есть Дух, но разговаривать с ним – не то, что с человеком во плоти.

– Дух? – переспросил Дункан.

– Ага, Дух. Очень порядочный и вполне приличный Дух. Никакого звяканья цепями и стонов по ночам. Он живет в моей келье с того дня, как его повесили Разрушители.

– Ясно, что Разрушители. А не скажешь ли ты нам, каким образом ты сам их избежал?

– Я прятался в своей келье. Это, в сущности, пещера, но она не так тесна, мала и убога, какой должна быть настоящая келья. Боюсь, я не настоящий отшельник. Я так и не дошел до умерщвления плоти, что отличает большинство отшельников. Сначала я вырыл пещеру величиной с келью, но с годами расширил, пока она не стала просторной и удобной. Там для вас полно места, и она спрятана так, что обнаружить ее практически невозможно, а мне думается, что такое убежище желанно для большинства путешественников по таким местам. Наступает вечер, вам необходимо устраивать лагерь, а лучшего места, чем моя келья, вам не найти.

Дункан посмотрел на Конрада.

– Как ты думаешь, подойдет?

– Вы мало спали в прошлую ночь, а я еще меньше. По моему, этот тип – честный парень.

– Там Дух, – предупредил Дункан.

Конрад пожал плечами.

– Духи меня не беспокоят.

– Ну, тогда все в порядке. Веди нас, брат Эндрю...

Пещера находилась в миле от деревни. Они прошли через кладбище, которое, судя по разнородности и состоянию каменных плит, использовалось не одно столетие. Почти в центре находилась маленькая гробница из местного камня. Когда-то давно, видимо, во время грозы, большой дуб упал поперек могилы, разбил скульптуру на вершине надгробия и сдвинул покрывающую могилу плиту.

Чуть подалее кладбища находилась пещера отшельника, вырытая в крутом склоне холма. Вход в нее был за-

маскирован деревьями и густым кустарником, а прямо перед ним болтливый ручей торопился спуститься в глубокий овраг.

– Идите внутрь, – сказал Конрад Дункану, – а я расседлаю Дэниела и сниму поклажу с Бьюти.

Пещера была темной, но даже в темноте чувствовалось пространство. В камине горел несильный огонь. Отшельник ощупью нашел огарок свечи, зажег его и поставил на стол. Свеча, разгоревшись, осветила толстый тростниковый ковер на грубом полу, скамейки, топорно сделанный стул, сундуки у земляных стен, в одном углу соломенный матрац, в другом – шкафчик с несколькими свитками пергамента. Заметив, что Дункан взглянул на свитки, отшельник сказал:

– Да, я умею читать, но плохо. В свободное время сижу при свече, разбираю слова и стараюсь понять древних отцов церкви. Сомневаюсь, чтобы у меня это получалось, потому что у меня простая душа и временами глупая, как сапог. А древние отцы, похоже, больше увлекались словами, чем смыслом. Как я уже говорил, я, в сущности, плохой отшельник, но прилагаю старания, хотя временами и задумываюсь над истинным своим положением. Я полагаю, что отшельники – самые глупые и бесполезные члены общества.

– Однако, – сказал Дункан, – они весьма почитаемы.

– Когда я погружаюсь в свои мысли, мне приходит на ум, что люди становятся отшельниками лишь для того, чтобы избежать работы, неизбежной в другого рода жизни. Конечно, быть отшельником легче, чем копать землю или выполнять другую человеческую работу, которой за-

рабатируют на хлеб. Я спрашивал себя, не из тех ли я отшельников, и, по совести говоря, так и не решил этот вопрос.

— Ты говоришь, что прятался здесь, когда пришли Разрушители, и что они не нашли тебя. Похоже, что это не совсем так. За все наше путешествие мы не видели ни одного выжившего, если не считать группы бандитов, которые захватили замок и были достаточно ловки и удачливы, чтобы защитить его.

— Вы говорите о Гарольде Ривере?

— Да. Откуда ты знаешь о нем?

— Слово путешествует и по Разоренным Землям. Здесь есть переносчики слухов.

— Не понимаю.

— Маленький Народ. Эльфы, тролли, гномы, феи, домовые...

— Но они...

— Это местный народ. Они живут здесь с незапамятных времен. Иной раз они бывают вредными и неприятными соседями, и доверять им не стоит. Они озорники, но злыми бывают очень редко. Они не связаны с Разрушителями и сами прячутся от них и предупреждают многих других.

— И тебя предупредили?

— Да. Пришел гном и предупредил. Я не считал его своим другом, потому что он, бывало, играл со мной в жестокие игры, но, к своему удивлению, я обнаружил, что он самый настоящий друг. Его предупреждение дало мне время загасить камин, чтобы дым не выдал меня, хотя и сомневаюсь, что такой небольшой дымок может вообще кого-нибудь выдать. В общем пожарище его просто не

увидят. Ведь Разрушители жгут все: хижины, амбары, солону, даже уборные. Можете представить?

— Нет, не могу...

В пещеру вошел Конрад и положил у входа седло и вьюки.

— Ты, кажется, говорил о Духе, — проговорил он. — Но здесь нет никаких духов.

— Дух очень застенчив, — сказал Эндрю, — и прячется от посетителей. Он думает, что никто не захочет и взглянуть на него. Пугливым он неприятен, хотя в нем, в сущности, нет ничего пугающего. Как я вам уже говорил, он очень порядочный и тактичный Дух. — Он возвысил голос. — Дух, иди сюда, покажись. У нас гости.

Усик белого пара неохотно вытек из-за шкафчика.

— Иди, иди, — нетерпеливо сказал отшельник. — Можешь показаться. Эти джентльмены не испугаются тебя, и ты, хотя бы из вежливости, должен поздороваться с ними... — Дункану он прошептал: — Знали бы вы, сколько у меня с ним хлопот. Он считает, что быть Духом — позорно.

Дух медленно сформировался над шкафом и спустился на пол. Это был классический Дух — весь белый. Единственной отметиной была веревочная петля вокруг шеи с болтавшимся концом длиной в фут.

— Я Дух, — сказал он гулким голосом, — и у меня нет места, которое я обязан посещать. Обычные духи являлись на место своей кончины, но что это за место — дуб? Разрушители вытащили мое бедное тело из чащи, где я прятался, и незамедлительно вздернули. Я считаю, что они могли бы оказать мне любезность и повесить хотя бы на хорошем дубе, одном из лесных патриархов, которых так

много в наших лесах — три человека едва могут обхватить такой дуб, — однако Разрушители и не подумали об этом и повесили меня на маленьком чахлом дубке. Даже смерть надо мной подшутила. При жизни я просил милостыню у церковных дверей и жил бедно, поскольку люди считали, что у меня нет оснований нищенствовать, что я могу работать, как всякий другой, и что я только прикидываюсь калякой...

— Да, он был обманщиком, — добавил отшельник. — А ведь мог бы работать, как все...

— Вы слышите? — спросил Дух. — Даже после смерти на мне клеймо обманщика! С ума сойти!

— Я бы не сказал, что ему доставляет удовольствие обманывать. Он не силен в таких штуках, что делают другие духи, надоедая самим себе.

— По правде сказать, у меня нет своего места для явления. Я пария, иначе я не был бы здесь.

— Ну хватит, ты встретился с этими джентльменами и в приличной манере поговорил с ними. Теперь ты можешь вернуться к другим делам. — Отшельник повернулся к Конраду. — Вы говорили, что у вас есть сыр?

— Да, и еще бекон, ветчина, хлеб и мед, — сказал Дункан.

— И всем этим вы поделитесь со мной?

— Мы не можем есть сами и не поделиться с тобой.

— Тогда я разведу огонь побольше, и мы устроим пир. Я выброшу зелень, которую собрал, — конечно, если вы не любите ее. Но, может быть, с кусочком бекона...

— Я не люблю зелень, — буркнул Конрад.

Дункан проснулся ночью и в первый момент запаниковал, забыв, где он. Не было никаких ориентиров – кругом тьма и какое-то мерцание, будто он в тюрьме и ожидает смерти. Затем он увидел дверь, вернее, отверстие, откуда струился мягкий лунный свет, и Тайни, вытянувшегося у отверстия.

Дункан повернул голову и увидел, что мерцание исходило от камина с горящими углями. В нескольких шагах, раскинув руки, лежал Конрад. Его широкая грудь спокойно поднималась и опускалась. Отшельника не было видно. Вероятно, он спал в углу на своем матрасе. В воздухе слегка пахло дымом, а над головой Дункана висели пучки травы, которые отшельник повесил сушиться. С другой стороны доносился легкий перестук копыт – видимо, там был Дэниел.

Дункан закрыл глаза. Осталось еще несколько часов до рассвета, можно поспать. Но сон не приходил. События последних дней выстраивались в мозгу Дункана, и этот парад лишний раз напоминал о трудности их путешествия. В этой пещере было довольно уютно, но за дверью лежала Разоренная Земля с ее грузом Зла.

«Не только Зло, – подумал Дункан, – отслеживает наш маленький отряд, но и банда злых людей, ведомых Ривером. Правда, Ривер исчез где-то впереди, так что сейчас можно забыть о нем».

Дункан снова вспомнил последние дни в Стэндиш-Хаузе. Он сидел с отцом в библиотеке.

– Как этот манускрипт оказался в Стэндиш-Хаузе? – спросил он отца.

– Кто знает? – ответил старик. – Семейная история длинно и недостаточно хорошо документирована. Многое вообще пропущено. Есть, конечно, кое-какие сведения, некоторые записи, но большая часть их – легенды из столь давних времен, что теперь не представляется возможным судить, что правда, а что – нет. Теперь мы твердо обосновались здесь, но было и другое время. В семейных записях и легендах говорится, что среди нас были бродяги и бессовестные авантюристы. Кто-нибудь из них мог привезти из своих странствий этот манускрипт. Скорее всего, откуда-нибудь с Востока. Может быть, это была часть добычи из взятого города, может, он украден из монастыря или, что менее вероятно, честно куплен за гроши как диковинка. Вероятно, большой ценности в нем не видели, потому что никто не понимал, что это такое, пока этот документ не попал в руки отцов аббатства. Я нашел его в старом полусгнившем ящике с заплесневелыми бумагами. Манускрипт лежал между другими разрозненными бумагами, в основном не представляющими ценности.

– Но вы увидели или почувствовали в нем какую-то значимость, иначе вы не отправили бы его в аббатство?

– Нет, я не думал о его значимости, а просто заинтересовался. Я немного читаю по-гречески, как тебе известно, в какой-то степени разбираюсь и в нескольких других языках, правда, слабо, но подобной рукописи никогда не видел. Я удивился, и меня взяло любопытство, вот я и подумал, а не привлечь ли к этому делу кого-нибудь из этих жирных ленивых отцов. В конце концов, должны же они иногда хоть что-то делать для нас, хотя бы потому, что мы даем им кров. Когда в аббатстве надо отремонтировать

крышу, они идут за шифером и материалами к нам. Когда им нужно сено, им негде его взять, хотя могли бы накопить и сами. Мы напомнили им об этом, вот они и поработали с манускриптом — хоть какая-то от них польза, а то хватает их только на пустяки — сидят и разбирают по складам всякую ерунду. Все книгочеи — а я подозреваю, что их в нашем аббатстве много — набитые аристократические дураки, которые чересчур высокого мнения о себе. Стэндиши владеют этой местностью почти тысячу лет и всегда помогали аббатству. Но аббатство становилось все жаднее и требовательнее. Взять хотя бы этот бочонок бренди. Конечно, Его Преосвященство не напрямую потребовал его, а подошел к просьбе так близко, насколько позволяло его высокое звание.

— Этот бренди — ваше больное место, отец, — улыбаясь, сказал Дункан.

Милорд раздул усы.

— В этом доме столетиями делается хороший бренди, и мы этим гордимся, потому что здешний климат не для винограда. Но мы подрезали, прививали и ухаживали за черенками, пока не получили вино, могущее поспорить с галльским. И скажу тебе, сын, этот бочонок нелегко достался нам. Его Преосвященство хорошо сделает, если будет расходовать его экономно, потому что другой он получит не скоро...

Некоторое время они молчали, наслаждаясь жаром камина. Наконец старый лорд зашевелился в кресле.

— То же, что и с виноградом, — сказал он, — мы делаем и с многим другим. Наш скот на несколько центнеров тяжелее, чем в других частях Британии. Мы вывели хорошую

породу лошадей. Наша шерсть одна из лучших. Наша пшеница холодоустойчивая, в то время как многие из наших соседей вынуждены ограничиваться рожью. С нашим народом происходит то же, что с урожаем или скотом. Семьи многих крестьян или рабов, работающих на нашей земле, живут здесь почти столько же лет, сколько и наша семья. Стэндиш-Хауз, хотя тогда он так не назывался, появился во времена смуты и неуверенности, когда жизнь человека была в постоянной опасности. Он начинался как деревянный форт на насыпи, защищенный палисадом и рвом, как защищены многие замки и в наши дни.

Мы, конечно, сохранили наш ров, но теперь он стал привлекательным – в нем растут водяные лилии и другие декоративные растения, его края засажены цветами и ягодным кустарником, а рыба в нем служит как развлечением, так и пищей для любого, кто захочет забросить удочку в его воду. Подъемный мост остался на месте, как мост через ров. По обычаю, мы каждый год поднимаем и опускаем его – удостовериться, что он все еще работает. Конечно, сейчас жить стало несколько безопаснее, но еще недостаточно. Все еще бродят банды грабителей. С годами наш дом стал сильнее, и о нашей силе известно повсюду. Но и триста лет назад ни один бандит не осмеливался нападать на наши стены. Случалось, что украдут корову или пару овец – только и всего. Такое бывает и теперь. Правда, я не думаю, что своей безопасностью мы обязаны только прочности наших стен. Всем известно, что народ наш довольно воинственный, хотя это всего лишь крестьяне и рабы. Мы не держим армию вооруженных бездельников, в этом нет нужды. Если нагрянет опасность, каж-

дый человек в поместье возьмется за оружие, потому что каждый из них смотрит на эту землю, как на свою, хотя она и принадлежит нам. Таким образом, в неустойчивом и беспокойном обществе мы создали здесь безопасность и мир.

— Я люблю этот дом, — сказал Дункан, — и мне нелегко оставить его.

— Мне тоже нелегко, сын мой, отпускать тебя, потому что ты пойдешь опасной дорогой, однако я не испытываю сильной тревоги, так как ты сумеешь позаботиться о себе. И Конрад сильный спутник.

— Да. Дэниел и Тайни — тоже.

— Его Преосвященство в ту ночь сетовал на недостаток прогресса. Он назвал наше общество застойным. Может, оно и так, но я все-таки вижу в этом кое-что хорошее. Будь здесь прогресс, он обязательно проявился бы в вооружении. А полный прогресс в армии ведет к постоянной войне, потому что любой вождь или законный королишка, получив новое оружие, постарается испробовать его на соседе, полагая, что оно дает ему преимущество.

— Исторически все наше оружие — личное. Каждый человек должен стоять лицом к врагу на расстоянии вытянутой руки. Лишь немного служит на более дальнюю дистанцию — копья и дротики, но они неудобны, так как их нельзя вернуть назад и бросить во второй раз. Они, как и праща, дистанционный фактор. Да пращой и пользоваться трудно: оружие неточное, а издалека — малоопасное.

— Ты прав, — сказал отец. — Такие, как Его Преосвященство, оплакивают наше положение, но, по моему мнению, нам очень повезло. Мы достигли такой социальной струк-

туры, которая служит нашим целям, и всякая попытка ее изменения может вывести нас из равновесия и принести множество бед, о большей части которых мы и не подозреваем...

Неожиданный холод и чье-то дыхание отвлекли Дункана от воспоминаний. Он открыл глаза и увидел лицо Духа, если это можно было назвать лицом. Оно больше походило на темный овал клубящегося дыма в белизне капюшона. Никаких черт лица не было, просто дымный воодоворот, однако у Дункана создалось впечатление, что он смотрит прямо в лицо.

— Сэр Дух, — резко сказал он, — в ваши намерения входило разбудить меня так неожиданно?

Дух неестественно согнулся, и было очень странно, что он мог так сделать.

— Я только хотел об одном спросить вашу светлость. Я уже спрашивал у отшельника, но он рассердился, потому что не знал, как ответить, хотя как человек святой мог бы и знать. Я спросил вашего высокого спутника, так он только заворчал в ответ — оскорбился, что Дух смеет с ним разговаривать. Если бы он думал, что во мне есть какая-то субстанция, то, наверное, протянул бы свои ракообразные руки и задушил. Но меня больше не задушишь, потому что я уже был повешен, и шея, думаю, сломалась. Теперь такое, к счастью, не может повториться.

Дункан откинул одеяло и сел.

— Судя по такому длительному вступлению, твои вопросы необыкновенно важны?

— Для меня — да.

— Может, и я не смогу на них ответить.

– В таком случае, вы будете не лучше других.

– Ладно, давай, спрашивай.

– Как, по-вашему, милорд, почему я ношу такой наряд? Конечно, знаю, что все духи ходят в таком виде, и полагаю, что дух какой-нибудь коровы должен быть одет в черное. Но ведь я не был в такой белоснежной мантии, когда меня повесили на дубе. Я был в грязных лохмотьях и страшно боялся, что, повиснув, испачкаю их еще больше.

– Ну, на этот вопрос я не могу ответить.

– По крайней мере, вы оказали мне любезность, дав честный ответ. Вы не ворчали и не огрызались.

– Может статься, кто-нибудь, изучавший такие материи, смог бы ответить тебе. Кто-нибудь из служителей церкви, например.

– Ну, вряд ли я скоро встречу служителя церкви, так что скорее всего ничего не узнаю. Это не так уж важно, но иной раз беспокоит меня, и я долго размышляю над этим.

– Мне очень жаль.

– У меня есть еще вопрос.

– Валяй. Но ответа обещать не могу.

– Я хотел бы знать, почему это случилось именно со мной? Не все умершие, даже те, что кончили насильственной или позорной смертью, получают облик Духа. Кабы так было со всеми, мир был бы полон духами, и им пришлось бы перейти в другие плоскости. Для живых не осталось бы места.

– На это я тоже не могу ответить.

– В сущности, я не был по-настоящему грешной личностью, – философствовал Дух. – Я был презренным, но мне никто не говорил, что это грех. Конечно, у меня были

грехи, как у каждого, но, насколько я понимаю, все это были небольшие грехи.

— Когда мы впервые встретились, ты жаловался, что у тебя нет собственного места, где бы ты мог являться.

— Я думаю, что если бы такое место у меня было, я был бы счастливее, хотя, быть может, Духу не полагается быть счастливым. Ну, хотя бы довольным. Наверное, это правильно, чтобы Дух чувствовал удовлетворение. Будь у меня такое место, я имел бы определенное задание и мог бы его выполнять. Но если в это задание входит брэнчание цепями и завывание, то мне это не очень по вкусу. Впрочем, если это делать с оглядкой и лишь чуть-чуть показываться людям, тогда еще ничего. А раз у меня нет места, где являться, и нет работы, то, может, это возмездие за мой образ жизни, как вы думаете? Я скажу вам то, что не говорил никому, и не хотел бы, чтобы вы рассказывали об этом кому-нибудь... Ведь это правда, что если б я захотел, то смог бы найти себе какую-нибудь работу и жить честно, а не просить милостыню на паперти. Легкую работу, конечно. Я никогда не был сильным человеком — был слаб, как ребенок. Удивительно, что родители сумели вырастить меня.

— Ты задаешь так много философских вопросов, что я не могу с ними справиться.

— Вы говорили, что идете в Оксфорд. Наверное, посоветоваться с каким-нибудь великим ученым — иначе что там делать? Я слышал, что там много великих ученых церкви и что там происходят ученые диспуты.

— Когда мы туда прибудем, то, без сомнения, увидимся с кем-нибудь из великих ученых церкви.

– Как вы думаете, кто-нибудь из них мог бы ответить на мои вопросы?

– Не могу сказать с уверенностью.

– Простите мне мою дерзость, но не могу ли я пойти с вами?

– Послушай, – с некоторым раздражением произнес Дункан, – если ты хочешь попасть в Оксфорд, ты можешь спокойно идти и один. Ты же свободный Дух, ты не связан ни с каким местом, куда тебе полагалось бы являться, и никто не может тебя тронуть.

Дух поежился.

– Один я буду бояться смерти...

– Так ведь ты уже умер. Никто не умирает дважды!

– Правильно. Я как-то не подумал об этом. Тогда – скука. Я буду в одиночестве, и мне будет очень тоскливо.

– Если ты хочешь идти с нами, мы вряд ли сможем помешать тебе. Но приглашения ты не получишь.

– Тогда я пойду с вами, – сказал Дух.

5

Они позавтракали большими ломтями ветчины, овсяным хлебом и медом. Конрад сообщил, что Дэниел и Бьюти отыскиали себе хорошее пастбище неподалеку, а Тайни добыл себе кролика.

– В таком случае, – сказал Дункан, – мы можем со спокойной совестью продолжать путь – животы у всех полные.

– Если вы не слишком торопитесь, – сказал отшельник, – я попросил бы вас оказать мне очень большую услугу.

– Если это не займет много времени. Мы тебе обязаны. Ты дал нам кров и составил приятную компанию.

– Это недолго и нетрудно для такого количества рук и крепкой спины ослика. Речь идет об урожае капусты.

– Что за капуста? – спросил Конрад.

– У кого-то был огород до прихода Разрушителей. Хотя летом за ним никто не ухаживал, однако он рос, и я обнаружил его. Огород этот недалеко от церкви, в двух шагах отсюда. Правда, там есть тайна...

– Тайна капусты? – шутливо спросил Дункан.

– Не капусты. Ничего общего с капустой. Дело в других овощах – моркови, горохе, бобах и брюкве. Кто-то их ворует.

– А ты, значит, не воровал?

– Я нашел огород, – упрямо сказал Эндрю. – Я выслеживал того человека, но, как вы понимаете, не особенно жаждал встречи, потому что я не воин и вряд ли буду знать, что делать, если поймаю его. Правда, я часто думал, что если тот человек не драчливый, то даже удобно было бы иметь кого-то, с кем можно провести время. Но там много хорошей капусты, и будет жаль, если она пропадет или вор всю ее утащит. Конечно, я мог бы собрать и сам, но придется ходить много раз.

– Мы можем потратить время во имя христианского милосердия, – решил Дункан.

– Милорд, – возразил Конрад, – нам далеко идти.

– Перестань звать меня милордом. Если мы сделаем эту работу, то отправимся в путь с более чистым сердцем.

– Если вы настаиваете, я приведу Бьюти...

Огород за церковью продемонстрировал роскошные

овощи, росшие среди сорняков, местами достигавших талии высокого человека.

– Ты, конечно, не ломал спину, чтобы очистить огород от сорняков, – заметил Дункан отшельнику.

– Когда я его нашел, было уже поздно, – запротестовал Эндрю, – все уже порядком заросло.

Кочаны росли на трех грядках – крупные, твердые.

Конрад развернул мешок, и все принялись за дело – срезать кочаны, очищать их от земли и складывать в мешок.

– Джентльмены... – послышалось сзади.

Голос звучал резко и неодобрительно.

Все трое оглянулись. Тайни повернул морду и угрожающе зарычал.

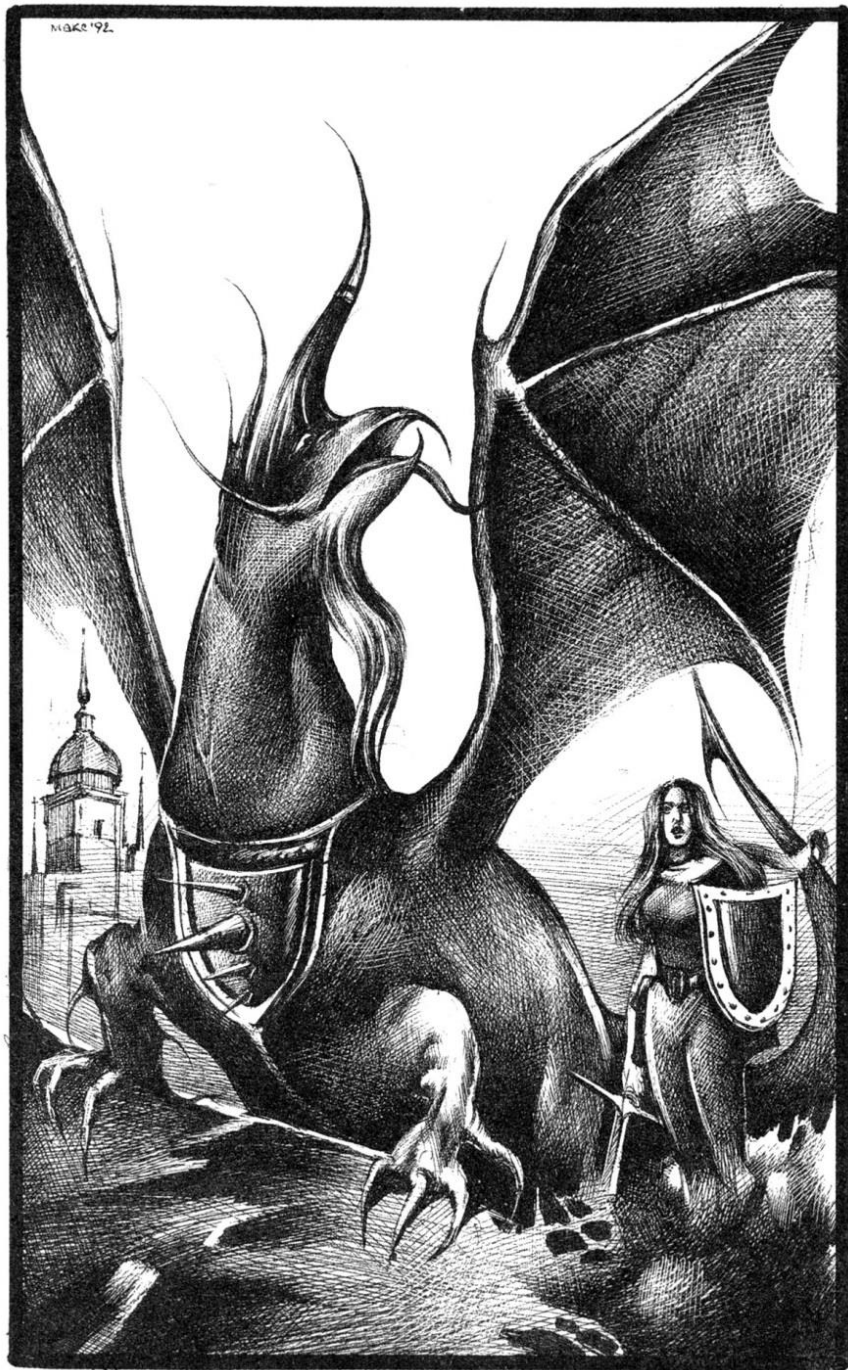
Сначала Дункан увидел грифона, а уже потом женщину, сидевшую на нем, и замер в изумлении. Женщина была в кожаных брюках и кожаном жакете, с белым шарфом на шее. В руке ее был боевой топор, его лезвие горело на солнце.

– Не одну неделю, – сказала она спокойно, – я слежу, как этот шелудивый отшельник ворует, но мне не жаль – пусть берет, вон он какой – кожа да кости. Но я никак не предполагала, что знатные джентльмены будут помогать ему красть...

Дункан поклонился.

– Миледи, мы просто помогаем нашему другу собрать урожай капусты. Мы не знали, что вы или кто-нибудь другой имеет больше прав на этот огород.

– Я очень старалась, чтобы никто не знал о моем присутствии здесь. В этих местах не следует давать знать о себе.

– Однако, миледи, сейчас вы дали о себе знать.

– Только для того, чтобы защитить то небольшое, что у меня есть для пропитания. Я могу позволить вашему другу брать время от времени немного моркови или капусты, но я возражаю против разграбления огорода.

Грифон повернул свою большую орлиную голову к Дункану и оценивающе взглянул на него большими золотистыми глазами. Передние его лапы заканчивались орлиными когтями, задняя половина тела была львиная, за исключением того, что вместо львиного хвоста было привешено что-то более длинное и заканчивающееся опасным жалом. Громадные крылья грифона были сложены назад и вверх, прикрывая наездницу. Он защелкал клювом, длинный хвост раскачивался и нервно подергивался.

– Не бойтесь его, – сказала женщина, – в нем есть что-то от кошки, а к старости он стал добрее. Конечно, вид его величествен, но он не причинит никому вреда, пока я не прикажу.

– Мадам, – сказал Дункан несколько смущенно, – меня зовут Дункан Стэндиш. Я со своим спутником, вон тем, высоким, путешествую на юг Британии. Мы только прошлой ночью познакомились с Эндрю.

– Дункан Стэндиш из Стэндиш-Хауза?

– Да, но я думал...

– Репутация вашего дома и вашей семьи известна по всей Британии. Однако я должна заметить, что вы выбрали странное время для путешествия по этим местам.

– Еще более странно найти знатную леди в тех же землях.

– Меня зовут Диана, и я не знатная леди, у меня другое положение в обществе.

Эндрю выступил вперед.

– Простите меня, милорд, но я очень сомневаюсь, чтобы леди Диана имела законные или этические права на этот клочок огорода. Он был засажен одним из деревенских жителей до прихода Разрушителей с их огнем и мечом, так что она хозяйка этого огорода ничуть не больше, чем я. Если вы думаете иначе, я не стану ничего требовать.

– Нам не подобает, – сказал Дункан, – стоять здесь и ссориться из-за этого.

– Правильно, – одобрила Диана. – Он совершенно прав. Это не мой огород, но и не его. Мы оба пользовались им. Я не подумала об этом, а просто разозлилась, когда увидела посторонних, также заявляющих права на огород.

– Я хотел бы разделить с ней урожай. Половина капусты ее, а половина моя, – сказал Эндрю.

– Это мне нравится, – согласился Дункан, – хотя это как-то не по-рыцарски...

– А я и не рыцарь, – быстро отпарировал Эндрю.

– Если этот отшельник сможет дать мне некоторую информацию, – сказала Диана, – то пусть заберет всю капусту, потому что тогда она мне не понадобится.

Она слезла с грифона и подошла к ним.

– А почему вы думаете, что у меня есть эта информация? – спросил Эндрю.

– Вы местный?

– Да.

– Тогда вы можете знать. Был человек по имени Вольферт. Предполагают, что он жил здесь некоторое время. Приехав сюда после ухода Разрушителей, я устроилась в церкви. Она единственная уцелела. Я копалась в церков-

ных записях и кое-что нашла, но ничего ценного. Ваши приходские священники, сэр Отшельник, плохо хранили свои записи.

– Вольферт, вы сказали? Давно это было?

– Лет сто назад, если не больше. Вы что-нибудь слышали о нем?

– Мудрец? Святой человек?

– Он мог прослыть им. Он был колдуном.

Отшельник ахнул и схватился за голову.

– Колдун?! – простонал он. – Вы в этом уверены?

– Вполне уверена. Самый настоящий колдун.

– И не от Святой Церкви?

– Совершенно точно, не от нее.

– В чем дело? – спросил Дункан. – Что с тобой?

– В святой земле, – стонал Эндрю, – ох, какой стыд! Его похоронили в святой земле, и ему, языческому колдуну, – ведь все колдуны – язычники, не так ли? – построили гробницу! Тогда нет ничего удивительного в том, что дуб упал на гробницу.

– Минуточку, – вмешался Дункан, – ты имеешь в виду тот самый дуб на могиле, что мы видели на кладбище?

– Расскажите мне, пожалуйста, насчет дуба и могилы, – попросила Диана.

– Мы шли через кладбище. Там есть гробница и упавшее дерево. Похоже, это случилось довольно давно, но оно так и лежит поперек могилы. Плита сдвинулась и треснула. Я еще удивился, почему ее никто не поправил.

– Это старинное кладбище, – объяснил Эндрю. – На нем много лет никого не хоронят, поэтому никто не беспокоился. Да, наверное, и очень немногие знают, кто там похоронен.

– Вы думаете, что это могила Вольферта? – спросила Диана.

– Какой позор, – плакался отшельник. – Колдун – и вдруг похоронен в святой земле. Но люди не знали, откуда им знать? Я слышал об этом Вольферте. Его называли святым, ушедшим от мира в это уединенное место.

– Это и есть та информация, которую вы... – начал было Дункан и замолчал, потому что что-то изменилось. Наступила внезапная тишина.

Собственно, здесь и так было тихо, если не считать гудения насекомых и щебета птиц, но к этим звукам привыкаешь и не обращаешь на них внимания. А сейчас тишина стала абсолютной, потому что и эти звуки прекратились.

Тишина и странное ощущение, будто ждешь чего-то неизвестного и подаешься вперед, чтобы встретить это.

Остальные тоже заметили это, а может быть, ощутили и чувство ожидания, потому что застыли на месте, чутко и напряженно прислушиваясь.

Дункан медленно положил пальцы на рукоятку меча, но не стал вынимать его из ножен, поскольку явной опасности еще не было, хотя предчувствие тяжело повисло в воздухе. Диана чуть приподняла свой топор. Грифон сменил свою позу, и его орлиная голова стала медленно поворачиваться то в одну, то в другую сторону.

В дальнем конце огорода зашевелились кусты. Оттуда выглянула голова, крупная, по виду человеческая, но без шеи, сидящая прямо на массивных плечах. Голова была лысая и выглядела так, будто волосы на ней вообще никогда не росли.

«Безволосый! – подумал Дункан. – Ривер говорил о

безволосых в ту ночь, когда мы останавливались в его замке. Высокий, белый, безволосый слизняк, не доросший до человека...»

Меч со свистом вылетел из ножен, и солнце заиграло на нем — Дункан сделал символический взмах.

— Сейчас увидим, — сказал он то ли себе, то ли Риверу.

Безволосый поднялся во весь рост. Он был чуть выше обычного человека, но вовсе не так высок, как уверял Ривер. Он стоял на кривых полусогнутых ногах, на нем не было никакой одежды. Тело, белое, как рыбье брюхо, блестело на солнце. В руке небрежно висела громадная суковатая дубинка.

Из-за деревьев и кустов появились другие безволосые и выстроились рядом с первым. Они стояли неровной линией, выставив головы. Их крошечные глазки под выступами бровей смотрели с презрительным интересом. Затем они медленно заковыляли вперед и вдруг стали совершать большие прыжки через сорняки. Их дубинки поднялись вверх. Они шли в атаку молча. Не было ни восклицаний, ни криков, и в этом молчаливом нападении было что-то смертоносное.

Дункан инстинктивно шагнул навстречу. Главарь оказался прямо перед ним, как будто видел в Дункане особо важную добычу. Дубина безволосого взлетела вверх и быстро опустилась. Дункан отскочил, отвел меч назад и взмахнул им со всей силой. Меч вонзился в горло безволосого, тот упал. Дункан подался в сторону, освобождая меч. Затем снова замахнулся и снова ударил. Второму нападавшему лезвие угодило между головой и плечом и прошло насквозь, отделив голову и плечо от туловища.

Краем глаза Дункан увидел, что Диана лежит на земле, пытаясь выбраться из-под придавившего ее тела безволосого. Лезвие ее топора было в крови, и не оставалось сомнений, что противник, упавший на Диану, был мертв. Рядом с ней на задних лапах стоял грифон. В его передней когтистой лапе раскачивался безволосый – когти крепко вцепились ему в голову и подняли тело вверх.

Откуда-то донесся крик Конрада:

– Берегитесь, милорд!

Дункан отскочил в сторону, повернувшись в прыжке, но дубина ударила его по плечу. Он покатился по земле и снова вскочил. Безволосый замахнулся вторично. Дункан занес меч, но в это время Тайни метнулся к безволосому, и его мощные челюсти вцепились в руку, державшую дубину. Безволосый упал. Тайни выпустил руку и схватил упавшего за горло.

Весьма довольный вмешательством пса – о том, кого Тайни держал за горло, можно было уже не беспокоиться – Дункан огляделся.

Диана выбралась из-под трупа и бежала к грифону, который когтями и клювом отбивался от трех атакующих, и они уже начали отступать. Поодаль Конрад фехтовал с двумя безволосыми. Дубины всех троих сталкивались со страшным грохотом, трещали и сыпали щепками. Чуть подальше безволосый выронил дубину в безнадежной борьбе с Дэниелом. Конь наступал на него, вытянув шею и оскалив зубы. Дункан увидел, как Дэниел запустил зубы в плечо жертвы и, взмахнув головой, подкинул безволосого высоко в воздух.

Однако отшельника не было и в помине.

С подбадривающим криком Дункан бросился помочь Конраду в его неравной партии, но на бегу споткнулся и упал. В мозгу вспыхнула жаркая пульсирующая боль, голова, казалось, вот-вот взорвется. За секунду до взрыва боль отступила, но затем вернулась снова.

Он не представлял, коснулся ли земли, ибо не чувствовал соприкосновения с ней при падении. Позднее — он не знал, насколько позднее — он обнаружил, что ползет на животе, цепляясь пальцами за землю. Отчего-то ему показалось, что у него совершенно нет головы, а на ее месте — свалившийся пух, без каких-либо органов чувств. Еще позднее — кто знает, когда? — кто-то плескал ему водой в лицо и говорил:

— Все в порядке, милорд.

Затем его подняли, взвалили на чье-то плечо, и он хотел было запротестовать, но не смог произнести ни единого слова, ни пошевелить пальцем, а лишь болтался на чужом плече...

6

Но вот пришло осязание. Но одно лишь осязание, больше ничего. Бесцельное существование, уносившее его куда-то без всяких ориентиров. Он плыл в пустоте, ни с чем не связанный. Пустота была приятна, и уходить из нее не было необходимости. Затем послышался звук. Слабый, идущий издалека. Пустота существования старалась отторгнуть его, закрыться, потому что даже такой щебечущий звук мог, войдя, все разрушить.

Но звук не уходил, наоборот, он приближался и усили-

вался, и начинало казаться, что он исходит от нескольких источников. Сознание плыло в пустоте, терпеливо прислушиваясь. Щебетание принесло с собой понятие птичьего гомона. Разум гнал это понятие, потому что оно не имело значения. Но понятие родило слово, а затем пришло множество слов.

— Я Дункан Стэндиш, — родилось в пустоте. — Я лежу где-то и слышу птиц...

Этого было вполне достаточно, даже больше чем нужно. Лучше бы уж вообще ничего не было. Раз пришло это, значит, придет и еще. Что совсем нежелательно. Пустота хотела отступить, но это ей не удалось. Раз уж что-то пришло, оно должно войти. Дункан Стэндиш уже не плавал в пустоте. Он был чем-то. Или кем-то? Человеком?

— А что такое человек?..

Он медленно начал осознавать, что он существует, что у него есть голова, в которой бьется жуткая боль, и что ощущение комфорта ушло. Дункан Стэндиш лежал в каком-то замкнутом пространстве, лежал спокойно, собираясь с мыслями обо всем обыденном, что он знал и что сейчас открывал заново. Но открывать глаза ему не хотелось. Может, если не смотреть, он вернется в пустоту и комфорт? Нет, ничего не получилось.

Знание сначала вползало в него потихоньку, а теперь хлынуло потоком. Он открыл глаза и через навес из листьев увидел полуденное небо. Он протянул руку и ушиб пальцы о грубый камень. Опустив глаза, он увидел каменную плиту, покрывавшую его почти до плеч. На плите лежал ствол дерева с облупившейся корой.

«Гробница, — испуганно подумал Дункан, — гробница Вольферта, колдуна!»

И он, Дункан, лежит в ней.

«Это Конрад затолкал меня сюда», — догадался он.

Конрад мог сделать такую глупость в надежде, что делает как лучше, что это абсолютно логично и что любой на его месте поступил бы так же.

Да, наверняка это Конрад. Кто-то разговаривал с ним, называл милордом, брызгал водой в лицо. И кто-то нес его на плече без особых усилий, как мешок с зерном. Это мог сделать только Конрад. Затем Конрад засунул его в гробницу, и у него, конечно, были на то причины.

Первая реакция Дункана была — выбраться, но осторожность удержала его. Снаружи существовала опасность, и она все еще может оставаться. Его ударили по голове, вероятно, дубиной, но теперь он вроде бы в порядке, хотя голова побаливала и немного кружилась.

Кроме голосов птиц, других звуков не было. Дункан прислушался, не шуршит ли опавшая листва, не хрустнет ли веточка, выдавая чье-то присутствие, но таких звуков не было.

Он пошевелился, проверяя, на чем он лежит. Под ним были сухие листья, нападавшие в гробницу за столько лет, и еще что-то. Может, кости колдуна? Он пошарил рядом с собой. Он не видел того, что нащупали его пальцы — мешала каменная плита — но понял: сухие листья и какие-то крошки, которые вполне могли быть остатками костей. Но было еще что-то, воткнувшееся ему в лопатку. Череп, наверное.

«Но разве, — подумал Дункан, — череп хранит свою форму и крепость дольше, чем кости?»

Он вздрогнул. Щупальца суеверного страха коснулись

его, но он отогнал их – не хватало еще паниковать, лежа в гробнице. Он остается здесь ради безопасности и вполне может разделить это пространство с мертвым. Он чуть-чуть изогнулся, желая выкатить череп или что-то другое, давившее ему на ребра, но эта штука не выкатывалась. Похоже, она была тверже, чем череп. Может, кто-то из глупой бравяды бросил в могилу камень, а потом бежал со всех ног?

Дункан нащупал ножны и убедился, что меч на месте. Конрад, пунктуальный до мелочей в любом деле, нашел все же время позаботиться, чтобы оружие было в безопасности и под рукой.

Дункан осторожно поднял голову и выглянул. Под солнцем дремали памятники, вокруг никого не было. Он вылез и присел у гробницы, обросшей лишайником.

С холма, с другой стороны гробницы, раздался хруст сломанной ветки. Кто-то приближался. Дункан спокойно вытащил меч из ножен, наклонился ниже, чтобы гробница скрывала его, и пополз вдоль нее к углу – посмотреть, кто идет. Он приготовился к быстрым действиям, если понадобится, но, увидев Конрада, опустил меч и приветливо помахал ему.

– Слава Богу, – сказал тот, подойдя, – вы в порядке.

– А как ты?

– Отлично. Несколько синяков, вот и все. Безволосые бежали. Никого нет. Я хотел удостовериться, а потом уже возвратиться за вами.

Он положил свою громадную лапищу на плечо Дункана и любезно потряс его.

– Вы уверены, что все в порядке? Вы ведь были как мертвый. Вот я и искал место, где бы вас спрятать.

- Господи, но зачем в гробницу?
- Необычное место. Никто не подумает заглянуть туда.
- Это правильно. Хитер ты, Конрад. Спасибо тебе.
- Старый милорд велел мне заботиться о вас.
- Я так и думал. А как остальные?

– С Дэниел и Тайни все хорошо, – они стоят на страже позади меня. Бьюти вовремя убежала, но ее нашел Дэниел, а у него – здоровенный синяк на плече. Мы поколотили безволосых, милорд, и здорово поколотили.

- А Диана?
- Она улетела на драконе.
- Это не дракон, Конрад, а грифон.
- Пусть грифон. Она улетела на нем.
- Диана не ранена?

– Кровь на ней была, но я думаю, что это кровь безволосых, которых она убила. А отшельник наш удрал, ни волоска не оставил.

– С ним-то просто, – заметил Дункан. – Он вернется в свою пещеру.

- А мы что будем делать?
- Подумаем и решим.

– Разрушители теперь знают, где мы, и будут выслеживать нас.

– Видимо, глупо было думать, что нам удастся проскользнуть мимо них...

Во время вечерней беседы в Стэндиш-Хаузе это казалось вполне возможным. Опустошенный район был довольно велик, и как-то не думалось, что Разрушители могут уследить за всем. Но они, видимо, выработали какую-то систему охраны по периметру всего места. Скорее все-

го, они поставили безволосых в качестве пикета, чтобы следить за каждым, кто появится. Видимо, поэтому они и встретили в огороде только безволосых, а не других членов Орды.

— Мы вернемся в пещеру отшельника? — спросил Конрад. — Может, переночуем здесь?

— Пожалуй, вернемся. Надеюсь, что он появится. Я хотел бы поговорить с ним.

Конрад собрался в путь, но Дункан остановил его.

— Подожди, я хочу осмотреть кое-что, — он обошел гробницу и заглянул внутрь. — Я думал, что кто-то бросил туда камень, но похоже, что это что-то другое: какая-то блестящая штучка...

Дункан достал предмет из гробницы.

— Безделушка, — поморщился Конрад.

— Да, пожалуй, но зачем она здесь?

Вещица была из серебра, грушевидной формы, размером с мужской кулак. Ее покрывал кружевной золотой орнамент. В промежутках узора были вставлены крохотные сверкающие камушки. С шейки груши свисала цепочка, видимо, тоже золотая, но не такая блестящая, как сетка орнамента.

Дункан отдал безделушку Конраду, а сам еще раз нагнулся над могилой. Из угла на него скалился череп.

— Покойся с Богом, — сказал ему Дункан.

Затем они направились к пещере отшельника...

7

— Я уж думал, — сказал отшельник, — что мне так и не удастся сказать вам, что я не только набожный человек, но

еще и отъявленный трус. Мое сердце кричало, чтобы я помогал вам, а ноги несли меня прочь. В конце концов, они победили, и я ретировался со всей скоростью, на которую был способен.

— Мы справились и без тебя, — отметил Конрад.

— Но я обманул ваши надежды. Правда, у меня только посох, но и им я мог бы нанести пару хороших ударов.

— Ты не боец, — сказал Дункан, — и мы не порицаем тебя за то, что ты удрал. Но есть одно дело, в котором ты мог бы нам помочь.

Отшельник покончил с ветчиной и потянулся к куску сыра.

— Если я смогу, то буду рад помочь.

— В гробнице Вольфerta мы нашли одну безделушку. Может, женщина на грифоне как раз ее и искала?

— Ох уж эта женщина! — вскричал отшельник. — Умоляю, поверьте, я и понятия не имел, что она здесь. Она пряталась от меня, я уверен, и следила, как я брал с огорода свою жалкую пищу. Наверное, у нее были причины скрываться.

— Не сомневаюсь. Мы постараемся узнать, что это за причины.

— Она пряталась в церкви, — ответил отшельник. — Разве это подходящее место? Так поступать — святотатство. Жить в церкви — не дело. Она не для того выстроена. Ни одному порядочному человеку и в голову не придет жить в церкви.

— Но ведь это единственное место в деревне, где она могла найти крышу над головой, — возразил Дункан. — Где-то надо было укрываться от непогоды.

– А зачем она осталась здесь?

– Ты же слышал. Она искала какие-нибудь сведения о Вольферте. Она знала, что он когда-то жил здесь. Может, она думала, что он ушел отсюда и искала сведения насчет этого. Откуда ей было знать, что он тут похоронен?

– Все это я знаю. Но зачем ей разыскивать его?

Дункан покачал безделушкой перед отшельником, который в ужасе отскочил.

– Я думаю, она искала это, – сказал Дункан. – Ты не знаешь, что это? В деревне ничего не говорили?

– Это была реликвия. По крайней мере, так считали деревенские, судя по старым рассказам. Реликвия, но какая и откуда, я не слышал. Наверное, и никто не знал. В деревне считали, что Вольферт святой, и он никогда не оспаривал этого. Наверное, так для него было спокойнее, чем если бы узнали, что он колдун. Ах, какой позор, какой стыд... колдун!

– Да, я знаю, – без всякого сочувствия сказал Дункан. – Его похоронили в Святой земле.

– Дело не только в этом, – закричал Эндрю, – ему ведь построили гробницу. Для себя деревенские ограничивались грубо вырезанными плитами, а на него потратили уйму времени, добывая отборный камень для больших плит и устанавливая их затем на место. А самое главное – громадный расход вина.

– А при чем тут вино?

– Ну, мариновать его, конечно. Говорят, он умер летом, и чтобы сохранить его...

– Понятно. Но не обязательно в вине. Обычный рассол – то же самое, даже лучше.

– Вы правы, лучше. Рассказывали, что он сильно попахивал, когда его хоронили. Но некоторые считали, что простой рассол – вульгарно. И вот они положили этого колдуна в гробницу, вложив столько труда и с такими церемониями, потому что были уверены, что он святой. И с ним положили его реликвию. Наверное, повесили ему на шею. – Эндрю печально закивал. – Я думаю, вы понимаете, милорд...

– Не называйте меня милордом. Лорд – мой отец, а не я.

– Простите, милорд, больше не буду.

– Как ты думаешь, почему рассказы о Вольферте так долго держались? По крайней мере, сто лет, а то и больше. Не знаешь, когда это было?

– Никто не знает. Дата его смерти была указана на маленькой статуэтке, увенчивавшей гробницу, но она разбилась, когда упало дерево. А что рассказы живут долго – ничего удивительного. В деревне целыми месяцами ничего не происходит, и уж когда что-то случается, это производит большое впечатление и надолго запоминается, об этом много говорят. Кроме того, иметь в деревне святого – много значит. Это дает ей особые привилегии перед другими деревнями.

– Да это я понимаю. А что насчет реликвии?

Эндрю отошел подальше.

– Это не реликвия, а адская машина.

– Но она же ничего не делает, просто висит, – возразил Конрад.

– Вероятно, она не активирована, – сказал Дункан, – не работает. Может, надо сказать определенное слово, и механизм включится?

– По моему мнению, ее надо закопать поглубже или бросить в текущую воду, – предложил Эндрю. – Ничего хорошего от нее не будет. Нам и так хватает опасностей и бед, зачем искать еще? А почему вы так заинтересовались ей? Вы ведь сказали, что идете в Оксфорд. Я не понимаю: то вы говорите, что у вас в Оксфорде важное дело, а то вдруг сами увлеклись этой противной штукой из могилы колдуна.

– Мы идем в Оксфорд по делу Господа, – сказал Конрад, – по Святому делу...

– Конрад! – резко прервал его Дункан.

Эндрю обернулся к Дункану.

– Он правду говорит? На вас возложено дело Господа? Святое дело?

– Можно сказать и так.

– Конечно, это дело важное. Путь далекий, трудный, жестокий. Однако у вас есть нечто, подсказывающее мне, что путешествие должно быть благополучно завершено.

– Теперь будет труднее. Мы надеялись пройти незаметно, но сейчас Разрушители знают о нас. Мы разбили их передовой отряд, и теперь нас будут выслеживать. И нет другого пути. Дело не только в безволосых. Меня беспокоит сама суть. Если здесь были пикетчики, значит, есть что-то, что Орда охраняет, что-то, на что никто не должен был наткнуться.

– Как же мы пройдем? – спросил Конрад.

– Прямо вперед. Это единственное, что нам остается. Куда бы мы ни пошли – везде можно встретить Разрушителей. Так что пойдем прямо как можно быстрее и будем осторожны...

Пока они разговаривали, Дух висел в углу, а теперь перелетел к ним.

– Я буду вашим разведчиком, – предложил он. – Я могу лететь впереди и смотреть. Страх будет сжимать мою душу, если она у меня есть, но из признательности за то, что вы позволили идти с вами, и ради святой цели я могу это сделать.

– Я не просил тебя сопровождать нас. Я сказал лишь, что не могу помешать тебе идти с нами.

– Вы не принимаете меня, – запричитал Дух. – Вы не смотрите на меня, как на то, что когда-то было человеком. Вы не...

– Мы смотрим на тебя, как на Духа. Можете вы сказать нам, сэр, что такое Дух?

– Не знаю, – ответил Дух. – Хотя я и сам Дух, я не могу сказать вам. Вы спрашиваете об одном определении, а я спрошу о другом: можете ли вы сказать, что такое человек?

– Нет, не могу.

– Я бы сказал, что быть Духом хуже. Дух не знает, что он такое и как должен действовать, в особенности такой Дух, который не имеет своего места для явления.

– Ты мог бы являться в церкви, – посоветовал Эндрю. – При жизни ты был близко знаком с ней.

– Я никогда не был внутри, – возразил Дух, – а только снаружи. Я сидел на ступеньках и просил подаяние. И скажу тебе, отшельник, эта жизнь была не так уж хороша, какой могла быть. Деревенский люд очень скуп.

– Они были бедны, – сказал Эндрю, – просто нищие. У некоторых и медяка лишнего не было, а иной раз и вообще

ничего. Так что твоя участь была нелегка, – добавил он безжалостно. – Всякая участь тяжела...

– Зато есть вознаграждение, – сказал Дух. – Быть Духом – лучше, чем просто мертвым, особенно если учесть, что мертвые попадают в ад. Очень многие живые знают, что как только умрут, то прямехонько отправятся в ад.

– А ты?

– Не знаю. Я не был злым, только лентяем.

– Но для тебя все складывается хорошо. Ты идешь с этими людьми в Оксфорд, и, может быть, тебе там понравится.

– Они говорят, что не могут помешать мне идти, и я им явно неприятен, но я все равно пойду.

– Ия тоже, если они возьмут меня. Я всю жизнь мечтал стать солдатом Господа. Из-за этого я и стал отшельником. Святое рвение, возможно, недостаточно ярко горело в моей душе, но все-таки горело. Я всячески старался доказать свою преданность Господу: годами я смотрел на пламя свечи, отрываясь только для принятия пищи и забот о телесных нуждах. Я ложился спать только тогда, когда у меня не оставалось сил бодрствовать. Случалось, я клевал носом и спаливал брови на свече, а свечи – дорогое удовольствие, нелегко было добывать их. Но я так ни к чему и не пришел. Свечное бдение ничего не дало. Я даже не почувствовал в этом ничего хорошего. Я смотрел на пламя и думал, что сольюсь воедино с падающим листом, с пением птицы, с солнечным лучом и приобрету всю мудрость мира, но ничего такого не случилось. Мне плевать на падение листа, и меня мало беспокоят птицы и их пение. Чего-то не хватало, вероятно, сама идея была неправильной, а

те, кто обещал в этом деле успех, были первоклассными лгунами. В конце концов я понял, что меня обманули. Теперь же у меня есть шанс стать настоящим солдатом Господа. Хотя я и трус, и крепости во мне не больше, чем в тростнике, но своим посохом, я надеюсь, смогу нанести парочку крепких ударов, если будет необходимость. Я приложу все старания, чтобы не убежать, как сегодня, когда вам угрожала опасность.

— Но не ты один убежал сегодня, — глухо сказал Дункан. — Леди Диана со своим боевым топором и всем прочим тоже удрала.

— Но только после того, как все кончилось, — возразил Конрад.

— Но ты мне сказал...

— Вы неправильно поняли мои слова. Когда сражение началось, она спешила, но затем вновь села на грифона, и они оба сражались, она — топором, а грифон — когтями и клювом. И только когда безволосые были разбиты и бежали, она улетела.

— Это мне больше нравится. Она не похожа на тех, кто спасается бегством. Значит, выбыл один только я...

— Вам не повезло, что вас треснули дубиной. Я встал над вами и отогнал тех, кто подбирался к вам. Наибольший урон безволосые понесли от миледи и дракона.

— Грифона.

— Правильно, милорд, грифон. Я путаю их.

Дункан встал.

— Нужно сходить в церковь, пока еще светло. Может быть, леди там.

— Как ваша голова? — спросил Конрад.

– Болит – сбоку шишка с гусиное яйцо, но в основном все в порядке...

8

Церковь была небольшая, но производила сильное впечатление, куда большее, чем можно было ожидать от деревенской церквушки. Столетия назад сельские каменщики трудились над ней, добывали и обрабатывали камень, привозили его на место, укладывали тяжелые плиты фундамента, вырезали скамьи, алтарь и прочую фурнитуру из местного дуба, ткали гобелены для украшения стен. Дункан подумал, что именно эта грубая простота и придает церкви очарование, столь редкое в других, больших по размеру и тщательнее отделанных храмах.

Гобелены были сорваны со стен и валялись на каменных плитах пола, рваные и затоптанные. Некоторые из них были подожжены, но не сгорели. Скамьи были уничтожены, а алтарь изрублен.

Дианы и грифона там не было, но имелись признаки их недавнего пребывания: навоз грифона, овечья шкура на полу в маленьком приделе, где спала Диана, небольшой, грубо сложенный из камня очаг и полдюжины кухонных принадлежностей.

Во втором приделе стоял длинный стол, каким-то чудом оставшийся неповрежденным. На нем лежали груды листов пергамента. Там же стояла чернильница с воткнутым в нее пером.

Дункан взял один из листов. Почерк был неразборчивый, слова написаны кое-как, неграмотно, с ошибками: та-

кой-то родился, такой-то умер, такие-то поженились, таинственная болезнь унесла десяток овец, в окрестностях города развелось много волков, ранние морозы погубили огороды, но снега не было почти до Рождества.

Он поднял другие листки. В них было то же самое. Отчеты о мелочах семейной жизни. Рождения, смерти, свадьбы, незначительные местные катастрофы, бабьи сплетни, мелкие триумфы, лунное затмение и ужас, вызванный им, падучие звезды и удивление по этому поводу, раннее цветение лесных цветов, жестокие летние грозы, праздники, хороший или плохой урожай – тривиальная местная хроника, составляемая деревенским пастором, не имевшим других интересов.

– Она просматривала все эти записи, – сказал Дункан отшельнику. – Наверное, искала какое-нибудь упоминание о Вольферте, хоть какой-нибудь ключ к отысканию его следа, но, по-видимому, ничего не нашла.

– Но она должна была знать, что он давно умер.

– Она искала не его, не самого человека, а реликвию, или, как ты ее называешь, адскую машину.

– Я этого не понял.

– Ты слеп со своей горящей свечой, со всем своим благочестием. А было оно, благочестие-то?

– Не знаю. Я всегда думал, что было. Милорд, я искренний отшельник или стараюсь быть таковым.

– Ты не видишь дальше своего носа. До тебя не доходит, что вещь, которую ты называл адской машиной, может иметь ценность. Ты не отдаешь должное колдуну. Есть много стран, таких же христианских, как наша, где колдуны, как ни странно, пользуются большим почетом.

– Это пахнет язычеством...

– Древние истины, древние идеи, древние методы нельзя отбрасывать только потому, что они предшествовали христианству. Миледи желает иметь то, что было у колдуна.

– Вы не понимаете одного, – мягко сказал Эндрю, – вы не подумали об одном: может, она сама колдунья.

– Чародейка, ты хочешь сказать. Утонченная ведьма?

– Полагаю, что так. Но, каково бы ни было ее истинное название, вы об этом не подумали.

– Не подумал, – согласился Дункан. – Но это вполне может быть правдой.

Лучи солнца прошли сквозь высокие узкие окна и очень походили на нимб, какой библейские художники пририсовывают святым. Стекла там, где они еще оставались, были цветными. Глядя на них, Дункан удивлялся, как деревня, даже при ее набожности, могла позволить себе такую роскошь. Вероятно, несколько богатых жителей, которых здесь наверняка было мало, сложились, чтобы заплатить за изготовление и установку этих стекол, надеясь, без сомнения, получить отпущение грехов в виде вознаграждения не небесах.

Вдруг в углу что-то зашевелилось.

Дункан схватил Эндрю за руку.

– Там кто-то есть, – сказал он.

Эндрю, прищурясь, посмотрел в указанном направлении и хихикнул.

– Это всего лишь Снупи⁷.

⁷ Любопытный (англ.) – прим. перев.

– Что еще за черт?

– Это я его так прозвал, потому что он всегда вынюхивает и выслеживает – не перепадет ли что и ему. Уж очень он любит соваться не в свое дело. Конечно, у него есть свое имя, но на нем язык сломаешь, и он, похоже, не имеет ничего против того, что я зову его Снупи.

– В один прекрасный день твое многословие обернется для тебя смертью, – сказал Дункан. – Все это хорошо, но не скажешь ли ты, кто же это все-таки?

– Я думал, вы знаете. Мне казалось, что я уже упоминал о нем. Снупи – гоблин, местный парень. Он страшно надоедлив, и я не очень-то люблю его за это, но вообще-то он неплохой.

Гоблин подошел к ним. Был он маленький – едва ли до пояса взрослому человеку, в орехово-коричневой одежде: остроконечной шапочке, камзоле, штанах, туго обтягивающих веретенообразные ноги, в сапожках со смешно задранными вверх носками. У него были большие острые уши и мордочка, напоминавшая лисью. Без всяких предисловий он сказал:

– Теперь это жилое место. Оно потеряло часть своего фальшивого запаха святости, который я и мои собратья не переносим. Наверное, этому сильно способствовало стойло – нет ничего лучше грифоньего навоза для дезинфекции и уничтожения запаха святости...

– Ты совсем обнаглел! – возмутился Эндрю.

– В таком случае я повернусь и уйду, – обиделся Снупи. – Простите меня, но я просто хотел быть хорошим соседом.

– Нет, – сказал Дункан, – подожди, пожалуйста, мину-

точку. Не обращай внимания на резкий язык этого доброго отшельника. Его взгляды испорчены попытками стать святым и, возможно, не сходятся с его собственным мнением.

— Вы так думаете? — спросил Снупи, глядя на Дункана.

— Это же ясно. Он говорил, что потратил уйму времени, глядя на пламя свечи, а я не уверен, что это подходящий путь для того, кто стремится к святости. Хотя, как ты понимаешь, я не знаток таких вещей.

— По-моему, вы куда более разумны, чем этот высохший старец. Если вы дадите слово, что он будет находиться подальше от меня и принудите его держать свою вонючую пасть закрытой, я продолжу дело, за которым, собственно, пришел.

— Я сделаю все возможное, чтобы удерживать его, а за это ты мне расскажешь, что собираешься тут делать.

— Я пришел, чтобы оказать вам небольшую помощь.

— Не слушайте его, — посоветовал Эндрю. — Никакой помощи вы от него не дождетесь, кроме щелчка в нос...

— Послушайте, дайте мне самому разобраться. Что случится, если я выслушаю его?

— Вот видите, какой он, — сказал Снупи. — Никакого понятия о приличии.

— Если у тебя есть что сказать, мы будем рады узнать что-нибудь полезное. Мне кажется, что мы в какой-то степени нуждаемся в новых сведениях. Но меня тревожит только одно, и в этом ты можешь удовлетворить нас...

— Что вас тревожит?

— Ты, вероятно, знаешь, что мы идем далеко в Разоренные Земли, которые сейчас заняты Разрушителями?

— Знаю. Поэтому я здесь. Я могу показать вам лучшую дорогу и буду за вами приглядывать.

– Именно это меня и тревожит, – сказал Дункан. – С какой стати ты будешь помогать нам против Разрушителей, если ты скорее сродни им, чем нам?

– В какой-то степени вы, может быть, и правы в своих предположениях, но ваши рассуждения недостаточно пронищательны. По-видимому, вы не вполне знакомы с ситуацией. У нас нет причин любить человечество. Мой народ, который вы пренебрежительно называете «маленьким», обосновался в этой стране, во всем мире, коль на то пошло, задолго до появления человека. Вы, люди, появились и стали жестоко прокладывать свой путь, даже не соболаволив признать нас. Вы не считали нас разумной формой жизни, вы игнорировали наши права, вы сметали нас со своей дороги, как червей, у вас не было ни вежливости, ни понимания. Вы рубили наши священные деревья, силой занимали наши святые места. Мы охотно приспособили бы свой образ жизни к вашему и жили бы с вами в согласии. У нас была эта готовность, даже когда вы проходили мимо нас, как надменные завоеватели. У нас есть силы, которыми мы хотели поделиться с вами, и вы, возможно, могли бы дать нам взамен что-нибудь ценное для нас. Но вы не захотели останавливаться для общения с нами. Вы шагали через нас, сталкивали с дороги, заставляли нас жить в потаенных местах. И в конце концов мы повернулись против вас, хотя мы мало что могли сделать против вашей злобы и жестокости. Мы никогда не были равными вам в этом отношении. Я мог бы продолжить список жалоб на вас. Вот, дорогой сэр, почему мы не можем любить вас.

– Ты привел хороший довод. Даже если учесть, что он

не совсем правдив (а я не собираюсь доказывать это), в твоих словах одно достоинство — они доказывают мою точку зрения. Вы ненавидите нас, так почему теперь предлагаете нам свою помощь? Зная ваше отношение к нам, как можем мы доверять вам?

— Потому что мы ненавидим Разрушителей еще сильнее, чем вас. Как бы ни думало ваше глупое человечество, Разрушители не наш народ. Мы очень далеки от них, и для этого имеется несколько причин. Они — зло в чистом виде, а мы — нет. Они живут только ради зла, мы — нет. Но, поскольку вы, люди, валите нас с ними в одну кучу, с течением столетий мы приобрели дурную славу. Большую часть того, что делают они, сваливают на нас. Есть некоторые места, куда мы могли бы перебраться и приспособиться к людям, но Разрушители лишили нас этой возможности, поскольку их действия и ваше тупоумие поставили нас на одну доску с ними. Когда вы осуждаете их, вы осуждаете и нас заодно с ними. Более разумные и добрые люди, давшие себе труд познакомиться с нами поближе, не присоединяются к этому суждению, но их, к сожалению, мало, и их голоса тонут в потоке ненависти, направленной против нас. В этом вторжении Разрушителей мы страдаем вместе с людьми, может, чуть меньше, потому что у нас есть своя маленькая магия, которой мы поделились бы с человечеством, если бы оно захотело принять нас. Итак, мы ненавидим Разрушителей больше и именно поэтому желаем помочь вам.

— Вы будете сумасшедшим, если доверитесь ему, — сказал Эндрю. — Он заведет вас в засаду. Не очень-то я верю в его ненависть к Разрушителям, хоть он и предупредил меня однажды о них. И все-таки я не верю их породе.

Дункан, не глядя на Эндрю, спросил у Снупи:

– Откуда же взялись Разрушители? Каково их происхождение?

– Впервые они появились двадцать тысяч лет назад, а может, и раньше. Так говорится в наших легендах, а наш народ заботится о том, чтобы они переходили от поколения к поколению без всяких изменений. Поначалу Разрушителей было очень мало, и в те времена у нас была возможность узнать, что это за народ. Видя, какое они творят зло, мы могли защищаться.

– Но каким образом они появились? Откуда они пришли?

– Говорили, что Разрушители пришли с неба. Другие считали, что из-под земли, где были заключены, но то ли разбили оковы, то ли вышел срок их наказания.

– Но ведь они не могут принадлежать к одной расе. Я слышал, что все они разных форм и размеров.

– Правильно. Это не раса. Это рой.

– Не понял.

– Рой, – нетерпеливо повторил Снупи. – Вы что, не знаете, что такое рой?

– Он говорит на своем языке, – вмешался Эндрю. – У него много таких слов и понятий, что человеку и не разобратся.

– Ладно, оставим это, – сказал Дункан. – Важно то, что он сообщил нам.

– И вы собираетесь поверить ему?

– Я склонен к этому. Во всяком случае, для нас важно то, что он скажет.

– Я могу показать вам наиболее безопасную дорогу, –

сказал Снупи. — Я могу нарисовать вам карту. В одном из приделов есть пергамент и чернила.

Снупи пошел к приделу. Дункан за ним. Конрад занял свое место рядом с Дунканом, а Эндрю недовольно тащился в арьергарде. Снупи вскарабкался на стол и перебирал своими неуклюжими пальцами листы пергамента, пока не нашел такой, где оставалось чистое место. Он аккуратно разложил его на столе, сунул перо в чернильницу и вывел букву «Х».

— Мы здесь, — сказал он. Потом он указал на «Х». — Это путь на север. — Он сделал стрелку. — Вы идете отсюда прямо на юг, вниз по долине, чуть-чуть к западу. Вы пойдете под хорошим укрытием. Не спускайте глаз с холмов — там могут быть часовые, но они вряд ли нападут на вас, скорее всего, просто сообщат о вашем пути. Милых в сотню отсюда — поток, впадающий в топь. Заболоченная почва, тяжелая растительность...

— Мне это не нравится, — заметил Конрад.

— Вы пойдете по левому краю топи, где будут высокие утесы, между ними и болотом — узкая полоса.

— Мы можем попасть в болото. Там, может, негде и встать.

— Они не пойдут через болото на вас, а утесы высокие и неприступные. На них вы, конечно, не взберетесь, но и никто не сможет перевалить через них.

— Там могут быть драконы, гарпии и прочая летающая нечисть.

Снупи пожал плечами.

— Их немного, и вы их перебьете. Если они сделают вылазку на земле, то это будет либо спереди, либо сзади, и на узком фронте. Обойти вас сбоку они не смогут.

– И это мне тоже не нравится, – вздохнул Конрад, – а нет ли другого пути, мистер гоблин?

– Есть – на много миль длиннее, а главное – тяжелый путь: вверх да вниз по холмам. Легко заблудиться.

– Но здесь очень уж опасно.

– Опасно – да, но они не предполагают, что вы пойдете этой дорогой. К тому же если вы выйдете ночью, держась под прикрытием...

Дункан покачал головой.

– Здесь нет безопасных путей, – сказал гоблин, – по всей Разоренной Земле.

– Если ты там бывал, может, ты пойдешь с нами? – спросил Конрад.

– Спаси нас Христос, – запротестовал Дункан. – Отшельник, Дух, гоблин. Мы становимся армией.

– Я принимаю опасное предложение, – сказал Снупи. – Я пойду с вами. Рискну своей шеей заодно с вашей.

Дункан согласился:

– Хорошо. Я принимаю твое слово.

– Идя с вами, я только показываю свою веру. Ниже этой дороги между топью и утесами вы найдете глубокое ущелье, пролом в утесах, идущий через холмы. Расстояние небольшое, пять миль.

– Это ловушка, – сказал Конрад. – Я чую...

– Как только вы выйдете из ущелья, вам покажется, что вы в красивой местности. Но там стоит замок.

– Я буду возле тебя, – предупредил Конрад. – Если это обернется западней, я сверну тебе шею.

Гоблин пожал плечами.

– Пожимаешь плечами? Может, тебе нравится ходить со свернутой шеей?

Снупи раздраженно сунул перо в чернильницу. На пергаменте появилась клякса.

— Мне трудно понять, — сказал Дункан, — почему ты сначала сказал, что нарисуешь карту, а потом решил идти с нами. Зачем тогда карта? Сказал бы сразу, что пойдешь с нами и покажешь дорогу.

— Сначала я не собирался идти с вами, а просто подумал о карте. А когда зашла речь о моей искренности, я решил, что должен пойти с вами, потому что иначе вы мне не поверите.

— Мы спрашивали о правде, о доверии речи не было, — сказал Конрад.

— Одного без другого не бывает.

— Ладно, давай дальше. Ты сказал, что там замок.

— Очень древний замок, заплесневелый, все шатается и вот-вот рассыплется. Предупреждаю, лучше обойдите его. Не подходите близко и ни в коем случае не входите. Это тоже Зло. Не Зло Разрушителей — другого рода.

— Выкиньте это из головы, — вмешался отшельник. — Он выдаст нас убийцам или кому похуже. Ему нельзя верить.

Снупи закончил:

— Запомните это. Я сказал все, что мог. Я пытался помочь. Если вы пойдете завтра утром, то найдете меня здесь.

Он соскочил со стола и вышел.

Из церкви доносилось тихое посапывание Дэниела и перестук его копыт. В придел вошел Тайни, осторожно и быстро ступая, подошел к Конраду и дружески прислонился к нему.

– Ну? – спросил Эндрю.

– Не знаю, – ответил Дункан. – Надо подумать. Что-то надо делать. Не оставаться же нам здесь.

Он обернулся к Конраду:

– Я удивляюсь тебе. Я думал, что ты первый согласишься ему. Дома ты много общался с «маленьким народом» – ходил по лесам, и «маленький народ» приходил поговорить с тобой. Мне показалось, что у тебя с ними было взаимопонимание. Ты сам на днях огорчился, что мы не видим их здесь, и боялся, что Разрушители выгнали их.

– Это правда, у меня много друзей среди них. И в этом гоблине мы можем быть полностью уверены.

– И потому ты обещал свернуть ему шею, если мы по его вине попадем в беду?

– Это образное выражение. Он наверняка меня понял.

– Ну, так что же ты думаешь?

– Я думаю, милорд, что мы можем ему верить. Я просто хотел, чтобы он понял: тут дело серьезное, не игрушки. «Маленький народ», хотя и приятный, любит шутки шутить даже с друзьями. Я хотел быть уверенным, что тут ничего такого не будет.

– В такой ситуации он не станет разыгрывать глупые шутки.

– Ошибаетесь, – сказал Эндрю. – Они всегда шутят, иной раз злобно. Во всяком случае, я с него глаз не спущу. Коли Конрад не свернет ему шею, я, если понадобится, вышибу из него мозги своим посохом!..

«Да, – подумал Дункан, вернувшись из церкви, – оставаться здесь больше нельзя. Мы тратим дорогое время...»

Он сидел, опираясь на стену. Тяжелое одеяло покрывало его. Тайни лежал поперек входа, снаружи за пещерой паслись Дэниел и Бьюти, в углу громко храпел Конрад. Эндрю завернулся в одеяло и что-то бормотал во сне. Дух исчез.

Дункан думал, что, конечно, они с Конрадом могут вернуться обратно в Стэндиш-Хауз, и никто их за это не упрекнет. Предполагалось, что они смогут пройти быстро и незаметно, но оказалось, что это невозможно. Так уж сложились обстоятельства. Их столкновение с безволосыми говорило о том, что их обнаружили. Ривер, пустившийся по их следам, вероятно, насторожил Разрушителей. Дункану хотелось бы знать, что случилось с Ривером и его людьми.

Все это Дункану не нравилось. Не нравилась сама ситуация. Все шло наперекосяк.

Подумав, он понял, что больше всего недоволен добровольцами, которых они выбрали. Дух, конечно, достаточно плох, но что с ним сделаешь? Отшельник хуже. Старый ворчун с манерой соваться не в свои дела и к тому же трус. Говорит, что хочет быть «солдатом Господа», и против этого нечего возразить, однако, если он пойдет с нами, то будет путаться под ногами на каждом повороте. Но что делать? Сказать ему, чтобы не ходил, что для него нет места, после того, как они приняли его гостеприимство? Может, Дункан зря беспокоится? Десять против од-

ного, что отшельник сам отступится, и в последний момент у него окажутся важные причины не уходить отсюда.

А Снупи, гоблин? Вполне возможно, что он ненадежен, хотя создал впечатление, что дело касается и его самого. Придется за ним проследить. Этим займется Конрад, которого Снупи, кажется, побаивается, правда, не без оснований. Конрад не шутил, когда обещал свернуть ему шею. Конрад вообще никогда не шутит.

Так что же делать? Идти вперед или вернуться? На них не возлагали обязанности очертя голову лезть на рожон, совать голову в петлю. Но ставка очень велика. Важно, чтобы старый ученый из Оксфорда посмотрел манускрипт. Если же они вернутся, он никогда его не увидит, поскольку очень стар.

Думая обо всем этом, Дункан вспомнил еще кое-что из слов Его Преосвященства:

«Свет уходит, уходит из всей Европы. Я чувствую, что мы снова погружаемся в древнюю тьму...»

В архиепископе иногда бывало что-то ханжески-болтливое, но он вовсе не был глуп. Если он торжественно заявил, что свет уходит, можно предположить, что так оно и есть: свет уйдет, и вползет древняя тьма. Церковнослужитель не сказал, почему доказательство подлинности манускрипта может сдержать приход тьмы, но теперь Дункан сам понял: если будет точно доказано, что человек по имени Иисус действительно жил две тысячи лет назад и говорил то, что передано нам как его слова, и умер так, как говорит Евангелие, тогда церковь снова станет сильной, а у сильной церкви будет власть отогнать тьму. Ведь две тысячи лет назад она была великой силой, учила поря-

дочности и состраданию, твердо стояла посреди хаоса, давала людям тонкий тростник надежды, за который они могли уцепиться перед лицом кажущейся безнадежности.

«А что, – думал Дункан, – если человек в Оксфорде посмотрит манускрипт и скажет, что это подделка, грубый обман человечества?»

Дункан зажмурился и потряс головой: о таком лучше не думать, какая-то вера должна сохраняться. Честно говоря, дело с этим манускриптом было азартной игрой, но сыграть ее надо.

Дункан лег, повернувшись к стене. Он не был чересчур набожным, но все-таки принадлежал к Церкви. Хотя бы по наследству. Почти сорок поколений его родственников были христианами того или иного толка. Одни были набожны, другие – не очень, но все были христианами, народом, который устоял против насмешек и издевательств языческого мира. И теперь, наконец, появился шанс нанести удар за Христа, шанс, которого не имел ни один Стэндиш.

Подумав об этом, Дункан понял, что просто не имеет права уклониться от возложенной на него обязанности. Он должен идти вперед. Вера, пусть слабая, была частью Дункана, в крови и плоти его, и отказаться от нее было невозможно...

10

Снупи в церкви не оказалось. Они искали его, звали, подождали, но он так и не появился. Они ушли без него. Тайни шел впереди, за ним Конрад, потом отшельник с Бьюти, а Дункан с Дэниелом замыкали шествие.

Эндрю все же возмущался гоблином.

– Радуйтесь, что он скрылся, – говорил он Дункану. – Я говорил, что ему нельзя верить. Ни в ком из них нет правды. Ненадежный народ.

– Если бы он был с нами, мы бы с него глаз не спускали, – сказал Дункан.

– С него-то да. Но он хитрый чертенок. Он может уйти и прийти так, что вы и не заметите. А что станете делать с другими?

– С кем?

– С другими гоблинами. Разными гномами, чертенятами, баньши, троллями, людоедами и прочими?

– Неужто их так много?

– Их полно, как шерсти на собаке, все вредные и ненавидят нас.

– Но Снупи говорил, что Разрушителей они ненавидят еще больше.

– На вашем месте я не очень бы беспокоился, что это правда. А мы сейчас как раз это и делаем.

– Однако, когда Снупи сказал, что это самый короткий и легкий путь, ты не спорил?

– Гоблин прав, это самый быстрый путь, но будет ли он самым безопасным – мы еще посмотрим.

Они шли по долине, поросшей лесом. Ручей, берущий свое начало из источника вблизи пещеры, журчал по камням.

Духа не было видно, хотя Дункан иногда улавливал мерцание между деревьями на холмах.

– Ты видел Духа?– спросил он Эндрю. – Он с нами?

– Откуда мне знать? – проворчал отшельник. – Кто может знать, что сделает Дух?

– Если тебе здесь не нравится, почему бы тебе не вернуться?

– Мне, может, и не нравится, но для меня это – единственная возможность стать солдатом Господа. Если я не ухвачусь за нее, другой никогда не будет.

– Как хочешь.

В полдень они остановились немного отдохнуть и закусить.

– Почему вы не едете на лошади? – спросил Эндрю. – Если бы у меня была лошадь, я поберег бы ноги.

– Я поеду, когда настанет время.

– А когда это будет?

– Когда мы с Дэниелом объединимся для боя. Это не верховая лошадь, а боевой конь, умеющий сражаться со мной и без меня.

Эндрю заворчал. Он ворчал с первой минуты, как они вышли в путь.

– Мне не нравится, что тут слишком тихо, – заметил Конрад.

– Этому надо радоваться, – возразил Эндрю.

Дункан повернулся к Конраду и попытался как-то успокоить его:

– Тайни даст нам знать, когда кто-нибудь появится.

– Они знают, что мы здесь, и где-то ждут нас, – сказал Конрад.

Когда они снова пошли, Дункан обнаружил, что стал менее бдительным, чем утром. Несмотря на сгоревшие усадьбы и полное отсутствие жизни, долина выглядела красивой и мирной. Он укорял себя за недостаток настороженности, ведь в любую минуту они могли встретиться

с неожиданным. Но ведь Тайни впереди, на разведке, и в случае чего известит их.

Затем он заметил, что чаще поглядывает на небо, чем на окружающие холмы, и тут только сообразил, что выглядывает Диану и ее грифона. Куда она исчезла и, что более важно, почему? Кто она? Было что-то непонятное в ее интересе к Вольферту, колдуну, умершему сто лет назад. Скорее всего, дело не в Вольферте, а в этой игрушке, и Диана искала именно эту вещь, хотя и не призналась в этом. Он чувствовал грань этой штуки, лежавшей в его пояском кармане. Да, она наверняка искала ее. Кости Вольферта никому не нужны. Может, если бы Дункан как следует осмотрел эту безделушку, он смог бы понять, для чего она сделана?

Хотя — кто знает? — могло быть хуже, если бы он ее разглядывал. Эндрю назвал ее адской машиной, но с этим вряд ли стоило соглашаться, поскольку от отшельника можно было ждать такого рода реакции.

Если это машина — адская или нет, — то Дункан Стэндиш ничего в машинах не понимал и утешал себя тем, что он не один.

— Тайни кого-то поймал, — гордо сказал Конрад.

Все остановились: к ним, спотыкаясь, прихрамывая и громко жалуясь, шла старуха. Ее подгонял Тайни.

Дункан встал рядом с Конрадом.

Старая женщина подошла и села перед ними на землю, разметав свои лохмотья. По виду это была сущая ведьма: из острого крючковатого носа росли волосы, похожие на паучьи ноги, еще больше волос торчало на подбородке, во рту было не больше пяти зубов, а седые лохмы падали на глаза.

– Отзовите собаку, – верещала она. – Она гнала меня, как корову. Правда, вежливо, ничего не скажешь: она не вырвала мяса из моего больного тела, а я полагаю, что могла бы. Но она выставила меня из грязного гнезда, которое я звала своим домом, и погнала по долине. Мне это не нравится. Если бы у меня оставалась хотя бы десятая часть моей былой власти, я бы разодрала эту собаку в клочья. Но теперь у меня нет власти. У меня отобрали все, что я собрала: совиную кровь, мозг летучей мыши, тритонов, зуб собаки, которая укусила отшельника...

– Стоп, бабушка. Кто отнял у тебя этот богатый запас? – спросил у нее Дункан.

– Разрушители, ясное дело. Не только отняли, но еще и отвратительно насмеялись надо мной. Да, отвратительно! А затем выкинули меня и подожгли мою хижину.

– Тебе повезло, – сказал Эндрю, – что тебя не повесили или не бросили в огонь.

Она с отвращением плюнула на землю.

– Скоты! Негодяи! Ведь я почти одна из них. Почти ихняя. И еще опозорили меня, вот что! Они сказали, что я не стою веревки и того беспокойства, которое причиню огню.

– Ну радуйся, что тебя только опозорили, – успокоил ее Эндрю. – Позор предпочтительнее смерти.

– Я так тяжело работала, – причитала она, – и столько лет. Я пыталась создать себе репутацию профессиональной ведьмы, на которую мои клиенты могли бы положиться. Я вызубрила Каббалу и годами практиковалась, чтобы улучшить мастерство. Я упорно трудилась и без устали собирала нужные материалы. Подумать страшно, сколько

ночей провела я на кладбищах, разыскивая разрушенные могилы...

– Ты твердо хотела стать ведьмой? – спросил Дункан.

– Я и была ею, мой мальчик. Я была честной ведьмой, а таких не очень много. Злых – сколько хочешь. Правда, ведьма должна иметь в себе и немного зла, иначе она не будет ведьмой. Так что, я – злая, но честная. – Она посмотрела на Дункана. – А теперь, сэр, не собираетесь ли вы разрубить меня этим большим мечом?

– Не думал об этом. Другую ведьму, может, и разрубил бы, но честную – нет.

– А что вы сделаете со мной? Раз собака привела меня сюда, значит...

– Сначала накормлю. В этом ты, наверное, здорово нуждаешься. Почему бы не быть вежливым с честной ведьмой, для которой настали тяжелые времена?

– Вы пожалеете о своей вежливости, – предупредил Дункана Эндрю. – Возиться с ведьмой – значит навлечь на себя беду.

– Ну, эта вряд ли останется ведьмой, – запротестовал Дункан. – Ты же слышал, что она потеряла все свои принадлежности. Ей не с чем работать.

Тайни сел и насмешливо посмотрел на ведьму.

– Заберите от меня этого страшного зверя, – сказала ведьма. – Хоть он и прикидывается, что смотрит с юмором, но глаз у него злой.

– Тайни не злой пес, – успокоил ее Конрад, – в нем нет вредности, иначе ты уже была бы без руки или без ноги.

Опираясь руками о землю, женщина попыталась встать.

– Давай, – сказал Конрад и протянул руку. Ведьма ухватилась за нее, и Конрад поставил ее на ноги. Она встряхнулась, поправляя лохмотья.

– Вы оба – настоящие джентльмены, – заявила она. – Один не стал рубить меня мечом, а другой помог встать. Старая Мэг благодарит вас. – Она быстро взглянула на Эндрю. – А вот насчет него я еще не знаю. В лучшем случае, у него раздражительный характер.

– Не обращай на него внимания, – посоветовал Дункан. – Он – угрюмый старый отшельник, и у него был нелегкий день.

– Не люблю ведьм, откровенно говоря, – признался Эндрю. – Ведьм, гоблинов, колдунов и прочих. В этом грешном мире их что-то слишком много. Без них было бы куда лучше.

– Вы говорили что-то насчет еды? – осведомилась ведьма.

– Нам осталось идти часа два, пока не кончится день, – сказал Дункан. – Если ты можешь подождать...

– У меня в кармане кусочек сыра, – предложил Эндрю. – Я взял его на случай, если ослабею. Если она хочет, то пожалуйста.

– Но, Эндрю, я думал...

– Женщине, но не ведьме. Всякому голодному...

Он достал кусок сыра, и она скромно приняла его, если ведьма вообще могла быть скромной.

– Да будет тебе благословение.

– Не надо мне твоих благословений, – резко отозвался Эндрю.

Мэг ехала на Дэниеле, который поначалу был склонен

встать на дыбы, почувствовав ее в седле, но потом успокоился и пошел спокойным шагом, удобным для мешка с костями, взгромоздившегося у него на спине.

Перед заходом солнца они остановились, собрали хворост, разожгли костер и принесли воды.

– Нет причин отказываться от огня, – сказал Дункан. – Если поблизости кто-нибудь есть, он и так знает о нас.

Они расположились лагерем у рощицы. Прямо перед ними бежал ручей. Присев у костра, Конрад разгреб горячие уголья и испек овсяные лепешки и ломтики бекона. Они поели, когда стало уже совсем темно. Вскоре появился Дух.

– Вот ты где, – воскликнул Эндрю. – А мы-то думали, не случилось ли чего с тобой?

– Я работал, – сказал Дух. – Я обследовал местность при дневном свете, который мне неприятен.

– Ты далеко был? – спросил Дункан.

– Там, где начинается топь. Дальше не был. Там самое место для привидений.

– И, конечно, ничего не увидел, – с иронией заметил Конрад. – Тайни тоже весь день был в разведке.

– Я видел тех, кого вы называете безволосыми. Их очень немного. В нескольких милях к востоку два-три небольших отрада. Идут с той же скоростью, что и вы, и в том же направлении.

– Как же Тайни их не видел?

– Я двигаюсь быстрее собаки, – сказал Дух. – Над холмами и долинами. Только мне страшно, очень страшно. Духу не полагается быть на открытой местности.

– Может, они не знают, что мы здесь? – спросил Эндрю.

Дункан покачал головой.

– Боюсь, что знают. Иначе они шли бы по той же восточной дороге, а не лазили бы вверх и вниз по холмам. У меня впечатление, что они гонят нас, как стадо, только не столь явно, как, скажем, Тайни пригнал ведьму. Они знают, что мы не можем идти на запад из-за болот, и уверены, что мы никуда не свернем.

Мэг дернула Дункана за рукав.

– Сэр, другие...

– Что за другие, бабушка?

– Другие, не безволосые. Они близко. Те, кто мерзко хохочет, замышляя вашу гибель.

– Если бы кто-то был поблизости, – ответил Конрад, – Тайни знал бы и предупредил нас.

Тайни лежал у костра, положив морду на передние лапы, и не подавал виду, что знает что-нибудь.

– Собака может и не знать, – сказала Мэг. – Здесь вы имеете дело с чем-то более неуловимым и с большей способностью к злу и обману, чем у тех злых существ, с которыми вы встречались в обычных случаях. Они...

– Ривер говорил о демонах и чертях, – перебил Конрад. – Он должен знать, поскольку сражался с ними.

– Он просто пользовался знакомыми ему названиями, – продолжала Мэг. – У него нет названий для тех, кого видишь не так часто, как демонов и чертей. Конечно, возможно там были как раз демоны и черти, потому что Орда привлекает многих последователей. Все Зло обычного вида присоединяется к Орде, как черный люд обычно собирается и следует за человеческой армией.

– Но ты не присоединилась к ним, – сказал Дункан, – а

говорила, что в тебе есть зло. Немного зла, как ты сказала, иначе ты вообще не была бы ведьмой.

— Ты разгадал меня, — призналась Мэг. — Я только пыталась быть ведьмой. Если бы я смогла, я была бы злой, у меня было бы больше силы. Временами я считала себя более злой, чем была на самом деле, и не испугалась, когда пришла Орда. Я думала, что они либо признают меня за свою и оставят в покое, либо научат большему злу, но они не сделали ни того, ни другого. Они украли все мои амулеты, сожгли мою хижину, а меня выгнали пинками — самым невежливым образом.

— И ты не стыдилась своих поисков Зла? Тебе казалось естественным сделаться злым существом?

— Только для того, чтобы лучше выполнять свою работу, — ответила Мэг, нимало не смутившись. — Если человек берется за дело, он должен делать его как можно лучше, куда бы ни завел его опыт.

— Не уверен, что полностью согласен с тобой, — возразил Дункан.

— Я понял, что ты незлая, как только взглянул на тебя, — сказал Конрад. — В твоих глазах нет Зла, его в тебе не больше, чем в гоблине или гноме.

— Многие считают, что на них лежит налет Зла, — проворчал Эндрю.

— Нет, — настаивал Конрад. — Это «маленький народ», они отличаются от нас, и у них есть кое-какая магия, а у нас — почти никакой.

— Я жил бы спокойно и без их «маленькой магии». Они мне до смерти надоели этой своей магией.

— Ты сказала, — обратился Дункан к Мэг, — что силы

Великого Зла находятся поблизости. Значит, собака не может почуять их?

– Насчет собаки не знаю, – ответила Мэг, – она может и почуять, но это лишь слегка смутит ее. Собака даже не обратит на это внимания, не зная, что это. Но старая Мэг хоть и тоже слабо чует их, зато знает, что это такое.

– Ты в этом уверена?

– Уверена.

– В таком случае мы не можем рассчитывать на Тайни и оставить его одного на страже, как обычно. Придется нам самим дежурить. Я возьму первую вахту, а Конрад вторую.

– А меня вы не считаете? – сердито спросил Эндрю. – Я требую своего права участвовать в дежурстве. Я же, в конце концов, солдат Господа, и я делю опасность с вами.

– Ты будешь отдыхать, – решительно сказал Дункан. – День был тяжелый.

– Не тяжелее, чем для вас с Конрадом.

– И все-таки ты пойдешь спать. Мы не можем задерживать свой поход из-за тебя. Твоя голова должна быть ясной, чтобы показывать нам путь, если понадобится.

– Да. Я знаю дорогу, потому что много раз ходил по ней, когда был помоложе. Но сейчас нет проблем. Никакой дурак тут не пойдет.

– Тем не менее я настаиваю, чтобы ты отдыхал.

Эндрю больше ничего не сказал и сел у костра, что-то бормоча. Уснул он последним. Конрад натянул на себя одеяло и почти сразу же захрапел. Мэг свернулась клубочком рядом с седлом и вьюками и уснула младенческим сном. По другую сторону лег Дэниел. Бьюти спала стоя,

опустив голову чуть ли не до земли. Тайни дремал у костра и время от времени прохаживался вокруг лагеря, разминая ноги и слегка ворча, но ничто, казалось, не привлекало его внимания.

Дункан сидел у огня рядом с Тайни. Спать ему не хотелось — он был предельно напряжен, и сбросить это напряжение не удавалось.

«Ничего удивительного, — думал он, — это после сообщения Мэг о близком соседстве Зла».

Но сам Дункан не ощущал его. Во всяком случае, это Зло не шелестело в кустах и вообще не шумело. Он внимательно прислушивался, но ничего не слышал. Единственным звуком было журчание ручья. Раз или два Дункан слышал совиный крик, но где-то далеко.

Вновь он прикоснулся к мешочку с пергаментом, висевшему у него на поясе, и услышал легкий шелест. Ради этой хрупкой вещи он и другие — хотя никто, кроме Конарада, не знал о пергаменте — зашли в глубь Разоренной Земли, где лишь один Бог знает, что их ждет. Хрупкая вещь и магическая. Магическая в том случае, если будет доказана ее подлинность. Церковь укрепитя, больше будет веры, а мир, может быть, улучшится.

У Орды злая магия, у «маленького народца» маленькая магия. Но эти листы пергамента, в конечном счете, могут стать величайшей магией. Дункан склонил голову и помолился, чтобы так и было.

Пока он молился, до его слуха долетел звук, но он не сразу сообразил, что это такое. Звук был далекий, приглушенный. Отдаленный стук копыт, явно конских, и собачий лай. Слышалось не громко, но вполне различимо. Иногда

вроде бы доносился окрик человека. Но странная вещь: звуки эти неслись как будто с неба. Дункан посмотрел вверх, на усыпанное звездами, смягченное луной небо, но там ничего не было. Однако звук шел явно оттуда.

Прошло несколько минут, все исчезло, и опять тишина сомкнулась над ними. Дункан, вставший было, снова сел. Тайни тихонько ворчал, подняв морду. Дункан погладил собаку.

– Ты тоже слышал? – спросил он.

Тайни перестал ворчать и снова лег.

Немного погодя Дункан встал и пошел к ручью напиться. Когда он наклонился, в ручье плеснула рыба. Он подумал, что это форель. Если у них утром будет время, надо попробовать наловить на завтрак рыбы. Но стоит ли тратить время? Чем скорее они пройдут Разоренные Земли, тем лучше.

Когда луна заметно склонилась к западу, он разбудил Конрада. Тот проворно вскочил, будто и не спал вовсе.

– Все в порядке, милорд?

– Все хорошо. Никто не шевелился.

Дункан не стал рассказывать о стуке копыт и лае собак, так как решил, что это прозвучит глупо.

– Разбуди меня пораньше, – сказал он. – Я постараюсь наловить форели.

Дункан положил под голову свернутый плащ, накрылся одеялом, закрыл глаза и постарался уснуть, но в мозгу возникла сцена, которую он вначале не понял, и только потом осознал, что все это показывает ему его воображение. Внутреннее зрение видело крадущегося человечка, который старался увидеть все что можно, и услышать, о

чем говорят собравшиеся вокруг высокой фигуры святого. Все эти люди были молоды, но слишком мрачны для своего возраста, слишком торжественны, со странным светом в глазах. Они были из простого народа, одетые в поношенную, рваную одежду. Некоторые были в сандалиях, остальные — босые.

Иногда они были одни, в другой раз вокруг собиралась толпа, глядевшая на святого и слушающая, что он говорит. И всегда у края толпы или в нескольких шагах от маленькой группы была эта крадущаяся фигура, мелькавшая повсюду, не среди группы, но поблизости, настораживая уши, ловя каждое слово, и его светлые, острые, как у ласки, глаза следили за каждым движением.

Затем, скорчившись за валуном или у маленького костра в ночи, он записывал все, что видел и слышал. Писал он мелко, чтобы хватило пергамента, и кривил при этом свой маленький рот, чтобы вспомнить и записать точно те слова, которые слышал.

Дункан, как ни старался, не мог разглядеть этого человека, заглянуть ему в лицо: оно все время было в тени или отворачивалось как раз тогда, когда Дункану казалось, что он вот-вот увидит его.

Человек был низкого роста, довольно коренастый, босые ноги его были покрыты синяками и ссадинами, пыльные лохмотья едва прикрывали его худое тело. Он носил длинные нечесанные волосы и запущенную бороду. Словом, был не из тех, кто привлекает внимание. Он был каким, он терялся в толпе. Дункан шел за ним, как собака по следу, обходил кругом, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, но тот каждый раз отворачивался, будто зная о Дункане...

Затем кто-то потряс его за плечо и тихим шепотом порекомендовал соблюдать тишину.

Дункан открыл глаза и сел. Перед ним на корточках сидел Конрад и показывал пальцем через угасающий костер. Тайни стоял, напряженно вытянувшись, как на поводке, и негромко рычал, оскалив клыки.

Из темноты сверкали два широко расставленных шара зеленого огня, между ними – лягушачий рот, обсаженный по краям блестящими зубами, а вокруг всего этого – шаров и пасти – впечатление морды столь отвратительной, что мозг отказывался принять это, не в силах поверить, что такое может существовать. Рот был, как у лягушки, но морда совсем другая: вся в углах и острых гранях, а сверху – что-то вроде гребня. Из рта капала слюна. Существо было явно голодно и желало подойти к лагерному костру, но его удерживало то ли рычание Тайни, то ли еще что-то.

Дункан увидел существо на одну секунду, а затем оно исчезло, стерлось. Сначала исчезли зеленые шары и зубы, на секунду дольше задержался общий контур морды, вернее, намек на контур, но затем исчез и он.

Тайни быстро шагнул вперед, продолжая рычать.

– Нет, Тайни, не надо, – тихо сказал Конрад.

Дункан вскочил.

– Они появились в последний час, – прошептал Конрад, – подкрались в темноте. Но этого я впервые увидел.

– Почему ты не разбудил меня?

– Не было необходимости, милорд. Мы с Тайни следили. Они только смотрели на нас, больше ничего.

– Много их, кроме этого?

– Не один, я думаю, но немного.

Дункан подбросил хвороста в огонь. Тайни обошел огонь кругом, а Конрад сказал собаке:

– Иди сюда и успокойся. Сегодня их больше не будет.

– Откуда ты знаешь, что не будет?

– Они просто смотрели на нас, но решили не браться за нас сегодня. Может, потом...

– Откуда ты знаешь?

– Не знаю, просто догадываюсь. Потрохами чувствую.

– Они что-то замышляют.

– Возможно.

– Конрад, ты не хотел бы вернуться обратно?

Конрад зло усмехнулся:

– Как раз когда они ушли по-хорошему?

– Я хотел сказать, – пояснил Дункан, – что здесь опасно. Мне вообще не хочется вести всех вас на смерть.

– А вы, милорд?

– Я-то, конечно, пойду дальше. Я должен это сделать, хотя бы в одиночку. Но я не требую, чтобы остальные...

– Старый лорд велел мне заботиться о вас. Он с меня шкуру спустит, если я вернусь один.

– Знаю. Так было в ту пору, когда я был мальчиком.

– Отшельник, может, и захочет вернуться. Он с самого начала скулит.

– Отшельник провозгласил себя солдатом Господа. Это ему необходимо для восстановления самоуважения. Он чувствует, что провалился, как отшельник. Он хоть и трусливый дурак, но не вернется без нас.

– Значит, идем вперед. Трест товарищей по оружию. А как насчет ведьмы?

– Пусть она сама решает. Ей нечего терять, куда бы она ни шла. Когда мы ее нашли, у нее ничего не было.

Итак, что бы ни говорил Дух, за ними следят и идут по их следу не только безволосые. Мэг права: поблизости были и другие. Видимо, они были тут и во время вахты Дункана, только он не знал об этом. Более того: Тайни не знал, а вот ведьма знала. Странно, что ее это не очень встревожило: свернулась у выюков и спит себе. Может, она чувствовала, что нападения не будет. Но как она могла знать? Дункан удивлялся этому. И почему они действительно не напали? Все люди сгрудились у костра, броситься на них из темноты – и все. Такому маленькому отряду не выстоять.

А как они выстоят в другой раз? Ясно, что придет время, когда Разрушители перебьют их. Они будут бдительны, но одной бдительности мало. Часть Разрушителей встретят свою смерть, но остальные закончат работу.

И все-таки он не повернет назад. У него есть некий талисман, в котором, быть может, еще заключены горящие молнии, они разобьют древнюю тьму. А если он не повернет назад, не отступят ни Конрад, ни отшельник.

Близился рассвет. Темнота рассеивалась, уже можно было видеть тропинки в лесу. Над лагерем пролетели утки.

– Конрад, ты не замечаешь ничего странного? – спросил Дункан.

– А именно?

– Как выглядит это место. Как-то все искажено, не так, как было вечером.

– Освещение. На рассвете все выглядит по-другому.

«Нет, – подумал Дункан. – Дело не только в освещении».

Он попытался установить, что именно не так, но не смог. Не было ничего определенного, на что можно было указать пальцем. Тем не менее все было не так, даже ручей не такой, будто местность взяли и слегка повернули, не сильно, но достаточно заметно, и внимательный наблюдатель видел, что все перекошено.

Эндрю сел.

– Что неправильно? – спросил он.

– Все правильно, – ответил Конрад.

– Нет. Я знаю. Это в воздухе.

– Ночью у нас был гость, – заметил Конрад. – Он выглядывал из-за кустов.

– Не один, – поправил Дункан. – Но выглянул только один.

Эндрю проворно вскочил и схватился за посох:

– Значит, ведьма была права.

– Конечно, права, – воскликнула Мэг со своего места. – Старая Мэг всегда права.

Дэниел встал, сделал несколько шагов к костру, остановился, сердито фыркнул и стукнул копытом о землю.

– Дэниел тоже знает, – сказал Конрад.

– Мы все знаем, – заметил Эндрю. – Что будем делать?

– Мы пойдем дальше, – ответил Дункан, – а ты – как хочешь.

– Почему ты думаешь, что я не пойду?

– Я думаю, что пойдешь, – ответил Конрад.

Мэг откинула одеяло и встала.

– Они ушли, – сказала она. – Я их больше не чувствую. Но они навели на нас чары. Здесь прямо воняет ловушкой.

– Я не вижу никакой ловушки, – заявил Конрад.

– Чары не на нас, а на всем этом месте, – сказал Эндрю.

– Откуда ты знаешь? – спросил Дункан.

– Ну как же, тут все странное. Посмотрите вон туда, прямо над ручьем. В воздухе висит радуга.

Дункан посмотрел, но никакой радуги не увидел.

– «Маленький народ» тоже иной раз пытается сделать такое, – продолжал Эндрю, – но у него плохо получается. Неумехи.

– А Разрушители – нет?

– Разрушители – нет, – сказала Мэг. – У них сила. Они знают свое дело.

«Безумие, – подумал Дункан, – стоять и рассуждать о заколдованном месте. Но похоже, что так оно и есть. Все странно сдвинулось, все как бы не в фокусе».

– Может, пойдем, – предложил он. – Позавтракаем позже. Если немедленно двинемся, мы выйдем из этой странности, которую вы называете чарами. Вряд ли она простирается на большое расстояние.

– Дальше может быть еще хуже, – сказал Эндрю. –

Наверняка впереди чары более сильные. Если мы пойдем обратно, то, вероятно, скорее выйдем из них.

– Как раз этого они и хотят, – возразил Конрад. Иначе зачем чары? Но мы не пойдем обратно. Милорд решил идти вперед. – Он взял седло, положил его на ожидавшего Дэниела и обратился к Бьюти:

– Иди сюда. Пора тебя навьючивать.

Бьюти стригнула ушами и быстро подбежала к Конраду.

– Мы никого не принуждаем, – заявил Дункан. – Конрад и я пойдем, а остальные – как хотят.

– Я вам говорил, что пойду, – отозвался Эндрю.

– Я так и думал.

– Я тоже пойду, – сказала Мэг. – Эта воющая куча мало доверяет такой старой девке, как я. А я видывала чары и похуже.

– Мы ведь не знаем, что будет впереди, – предупредил Дункан.

– По крайней мере, у нас есть пища. Она маячит перед глазами бедной старой души, которая сызмальства кое-как перебивалась, ела орехи и корни, как свинья. И здесь компания, в какой я никогда не бывала.

– Не будем терять время, – угрюмо сказал Конрад, схватил Мэг за талию и посадил в седло. – Держись.

Дэниел слегка загарцевал, как бы приветствуя свою наездницу.

– Тайни, вперед, – приказал Конрад.

Собака затрусила по тропе. Конрад за ней, почти вплотную. Бьюти заняла свое место, Эндрю тащился рядом с ней, энергично опираясь на посох. Позади шли Дэниел и Дункан.

Чары сгущались. Местность сделалась еще более фантастической. В рощах выросли чудовищные дубы, кустарник стал гуще, и во всем этом ощущалось что-то нереальное. Человек сомневался, были ли тут дубы и камни, или только чудились. Но это было не все: что-то угрюмое повисло над всем.

«Если бы дубы были просто громадными дубами и кусты – кустами, – думал Дункан, – человек мог бы принять их». Но здесь эти обычные вещи были искажены и перекошены, будто не всегда росли тут, а были посажены вре-

менно. Вся картина колыхалась, как отражение в текущей воде. Временами вспыхивали кусочки радуги. Они то появлялись, то исчезали, но ни разу не сложились в целую радугу.

Долина все еще продолжалась, холмы поднимались по обе ее стороны, но чуть заметная тропа, по которой они шли, исчезла, и теперь они с трудом продирались через лес. Конрад держал Тайни прямо перед собой и не позволял собаке широких обходов. Дэниел нервничал и, опустив голову, обнюхивал тропу.

Перед Дунканом ковылял Эндрю, с необычной силой отталкиваясь посохом. Бьюти топала копытцами рядом, близко придвинувшись к Эндрю. Похоже, что она чувствовала склонность к этому необычному компаньону.

«Может, она считает, – подумал Дункан, посмеиваясь над своей мыслью, – что теперь у нее тоже есть собственный хозяин, как у Тайни – Конрад, а у Дэниела – Дункан?»

Конрад и Тайни остановились, остальные подтянулись к ним.

– Впереди путь преграждает болото. Может оно тут быть? – спросил Конрад.

Эндрю возразил:

– Это не болото. Болота не пересекают дорогу – они по другую сторону. Открытая вода.

Сквозь деревья виднелось болото, раскинувшееся так широко, что не видно было свободной земли.

– Может, оно неглубокое, – предположил Дункан. – Попробуем перейти через него, держась ближе к холмам.

Он пошел вперед. Конрад поравнялся с ним, остальные шли сзади.

У края воды Конрад и Дункан остановились.

– Похоже, глубоко, – сказал Конрад. – Несколько глубоких омутов. А про какой холм вы говорили? Здесь нет никакого холма.

Он был прав. Цепь холмов, вдоль которой они шли, теперь переместилась влево, а прямо перед ним лежало заросшее болото.

Дункан повернулся к Конраду и приказал ему:

– Стой здесь.

Он шагнул в воду. С каждым шагом вода поднималась и он чувствовал под ногами топкую грязь. Перед ним был один из омутов, на какие обратил его внимание Конрад – что-то черное, маслянистое на вид, более тяжелое и предательское, чем вода. Дункан повернул, чтобы пройти по краю. Чернильно-черная вода забурлила, что-то яростно выливалось из нее. Показалась горбатая спина. Дункан схватился за меч. Горб осел, вода снова покрылась маслянистым налетом, но в другом омуте, чуть подальше, поверхность взорвалась пеной, и оттуда показалась злобная голова на змеином теле и взметнулась над уровнем воды. Голова была чешуйчатая, треугольная, небольшая по сравнению с толщиной тела и увенчанная двумя рогами. Щеки напоминали пластины доспехов. Голова разинула широченную пасть, из которой торчали кривые клыки.

Дункан держал меч наготове, ожидая нападения, но его не последовало. Медленно, словно бы нехотя, тело опустилось, голова исчезла под водой. Болото снова было спокойным, черным и угрожающим.

– По-моему, нам лучше вернуться, – предложил Конрад.

Дункан осторожно выбрался из болота, а Конрад добавил:

– Перейти не удастся.

Подошли Эндрю и семенившая за ним Бьюти.

– Это не болото, – задумчиво сказал он. – Тут его никогда не было. Это чары.

– Болото или не болото, – проворчала Мэг со спины Дэниела, – но такое колдовство может вас убить.

– Что же делать? – спросил Дункан.

– Поищем другую дорогу, – предложил Эндрю. – Обойдем заколдованное место. Какой бы силой не обладали те, кто навел это колдовство, они не могут распространить его повсюду. Они знают, где мы идем, и заколдовали именно это место.

– Ты надеешься на холмы? – спросил Дункан. – Хорошо ли ты знаешь эти места?

– Не так, как эту долину, но знаю. В нескольких милях отсюда к востоку есть другая тропа. Скверная, очень извилистая, вверх и вниз по холмам. Тяжело идти. Но она поведет нас на юг и выведет за пределы этих холмов, что встали на нашем пути.

– Мне кажется, – сказала Мэг, – что нам лучше поискать ту тропу...

11

Они нашли тропу, но она оказалась неверной: путники не поднялись и до половины холма, как тропа исчезла. Из околдованного места они ушли. Здесь уже не было ни радуги, ни ощущения перекошенности, ни других иллюзий.

Местность как местность, какой ей и полагалось быть. Местные дубы, реальные камни, с настоящими лишайниками на них, обычный кустарник. Мрачные ощущения исчезли, предчувствия тоже. Но идти было тяжело. Они то лезли вверх, то осторожно спускались вниз.

Дункан взглянул на небо, — солнце было почти в зените, и он предложил:

— Давайте остановимся, отдохнем и закусим, а затем повернем к востоку и постараемся отыскать верный путь. Ты ведь уверен, что он есть? — обратился он к Эндрю.

Тот кивнул.

— Я ходил здесь, но нечасто, и уже много лет назад.

Конрад развел костер. Дэниел и Бьюти стояли, повесив головы, — отдыхали от тяжелого пути. Тайни растянулся на земле.

— Мы могли бы использовать Духа, — предложил Конрад, — но он где-то далеко впереди, оглядывает местность.

— Я бы сказал, — заметил Эндрю, — что теперь у меня куда больше уважения к нему, чем раньше. Он храбрился, летает среди бела дня и взялся за работу, чего отроду не делал.

Среди деревьев мелькнула серая тень.

— Волк, — насторожился Дункан.

— Тут туча волков, — сказал Эндрю, — больше, чем было раньше.

За первой промелькнула вторая тень, а дальше, на склоне холма, показалась еще одна.

— Вот уже трое, — отметил Дункан. — Их может быть и больше. Не пойдут ли они за нами?

– Насчет этого можно не беспокоиться, – ответил Конрад. – Волк труслив. Встань перед ним, и он убежит.

Мэг слегка вздрогнула и сказала:

– Они чуют кровь. Они чуют ее заранее...

– Бабьи сказки, – возразил Конрад.

– Нет, не сказки. Я знаю. Они предчувствуют, куда идет смерть.

Конрад проговорил:

– Не наша кровь, не наша смерть.

– Если бы здесь был Снупи, он бы, наверное, нашел тропу, – предположил Эндрю. – Но о нем нечего и думать. У него нет чести. Даже когда он разговаривал с вами и дал вам слово, он не собирался вам помогать.

– Обойдемся и без него, – резко бросил Дункан.

– По крайней мере, – сказал Конрад, – мы хоть ушли от колдовства, приготовленного для нас.

– От колдовства – да, – заметил Эндрю, – но здесь будет еще и другое...

Они закусили и снова двинулись, направляясь к востоку, вернее сказать, стараясь держаться ближе к востоку, потому что на этой запутанной и извилистой местности нельзя было идти в каком-то одном направлении. Было много препятствий: то осыпи на подъеме, так что приходилось обходить холм, то завал из упавших деревьев, которые тоже приходилось обходить, но все-таки они держались к востоку.

Солнце близилось к закату, а они все еще не нашли никакой тропы. В этом районе не было и признаков человеческих следов. Не было ни сгоревших ферм, ни вырубок, которые когда-то могли быть полями. Древние деревья,

поседевшие от старости, стояли непотревоженными. Время от времени они видели волков, но всегда издали.

«Пропали», – думал Дункан, но вслух этого не высказывал.

Что бы ни говорил Эндрю, но тропы так и не было. Может, они так и будут углубляться в чащу, а тропы так и не найдут? А вдруг чары все еще действуют, только на другой лад?

Солнце уже почти зашло, когда они спустились в узкую долину, тенистое и спокойное место, навевающее меланхолические чувства. Здесь человек обязательно пойдет тихо и не повысит голоса. Солнечный свет еще захлестывал вершины холмов и золотил осеннюю листву, но к долине уже приближалась ночь. Дункан прибавил шаг и поравнялся с Конрадом.

– В этом месте пахнет Злом, – сказал Конрад.

– Возможно, но оно подходит для лагеря. Укрыто от ветра, и, наверное, есть вода. Это лучше, чем быть на продуваемых ветром холмах.

– Мне кажется, я вижу что-то впереди. Белое... Может, церковь?

– Странное место для церкви.

– Я не вполне уверен. В темноте не разглядеть.

– По-моему, я тоже вижу. Прямо перед нами что-то белет.

Подойдя ближе, они увидели здание, похожее на крошечную церковь. Высокий тонкий шпиль поднимался к небу. Дверь была открыта, а перед ней – открытое пространство – ни кустов, ни деревьев. Они пересекли его с великим удивлением, потому что здесь не должно быть

церквей, даже такой маленькой – ведь вокруг не было ни-какого жилья. Кто же ходил в эту церковь? Однако здание стояло.

«Часовня, – подумал Дункан, – одна из тех тайных часовен, которые по каким-то причинам стоят в местах, далеких от какой-либо дороги».

Дункан и Конрад почти подошли к часовне, когда к ним подбежал Эндрю и сказал:

– Это часовня Иисуса-на-холмах. Я слышал о ней, но никогда не видел и не думал, что когда-нибудь найду ее, тем более, что те, кто о ней рассказывали, сами не очень-то верили в ее существование.

– Однако она здесь, – заметил Конрад.

Эндрю был заметно потрясен. Рука, державшая посох, дрожала.

– Священное место, – проговорил Дункан. – Может, место паломничества?

– Но оно здесь не так давно, – уточнил Эндрю. – Не более чем несколько сотен лет. Часовня-то на очень несвятой земле. В древние времена здесь была языческая гробница.

– Очень много святых памятников было воздвигнуто на месте языческих. Наверное, предполагалось, что язычники скорее примут христианство, если церковь будет построена на знакомых им местах.

– Да, я знаю. Когда я читал святых отцов, то встречал упоминания о таких мыслях. Но эта часовня была чем-то еще.

– Языческой гробницей, говорил ты. Местом друидов, скорее всего.

– Нет, не друидов, – возразил Эндрю, – и не гробницей человека, а местом, где собиралось Зло и в определенные дни устраивались вакханалии.

– Но если так, зачем же здесь построили часовню? Мне кажется, церковь должна избегать таких мест, тем более в те времена.

Эндрю развел руками:

– Не знаю. В старые дни были воинствующие священники, которые волей-неволей должны были хватать дьявола за рога и встречаться с ним лицом к лицу.

– И что тогда случилось?

– Не знаю. Рассказывали многое, но, может быть, все неправда.

– Но часовня есть, – возразил Конрад. – Значит, разрешено было ее поставить.

Дункан поднялся по трем темным ступеням к двери часовни и вошел внутрь.

Часовня была крошечной, вроде домашней, всего по одному окну с каждой стороны, с низкосортными витражами. Шесть скамей, по три с каждой стороны узкого прохода. А на алтаре...

Дункан в ужасе остановился. Во рту стало горько, и сердце сжалось при виде распятия, висевшего за алтарем. Оно было вырезано из целого куска дуба – и сам крест, и фигура Христа, но оно было перевернуто. Фигура Христа стояла на голове, была запачкана, и над ней было написано по латыни непристойное выражение.

Дункану показалось, что его ударили по лицу. Он с трудом держался на ногах. Колени подгибались. Он сам удивился своей реакции на это надругательство и кощун-

ство: ведь он не был ревностным христианином, ни особенно набожным, ни благочестивым. Но теперь он, рискуя своей головой и головами других, выполнял дело Церкви.

Распятие было предметом издевательства, взрывом языческого хохота, насмешкой над верой, зубоскальством и ненавистью. Враг насмеялся над тем, чего не мог победить.

Конрад говорил, что часовню, видимо, разрешили построить на языческой земле, но при виде этого возникал вопрос: почему разрешили? Тогда перевернутое распятие имело бы причины. Много лет назад пришли люди от имени Христа, воинствующие люди, намеревавшиеся вбить христианство язычникам в глотку, и поставили часовню. И вот теперь шутка обернулась против них, и часовня стала посмешищем.

Он услышал за спиной хриплый вздох. Вошли Конрад и Эндрю, увидели распятие и на мгновение задохнулись от ужаса.

– Насмешка, – прошептал Дункан, – живое издевательство. Но Господь выдержит и это, сочтет пустяком...

Часовня была чистой и ухоженной. Не было никаких признаков разрушения временем. Ее недавно подметали, и все было в хорошем состоянии.

Они медленно попятились к двери. На ступеньках, съежившись, сидела Мэг.

– Вы видели? – спросила она.

Дункан молча кивнул.

– Я не знала, что мы идем к этому месту. Кабы знала – сказала бы вам, остановила.

– Ты знала, что здесь?

– Только слышала.

– И ты не одобряешь этого?

– Зачем мне одобрять или не одобрять? Я ни с кем не ссорилась. Однако я не хотела бы, чтобы вы это видели. Я ем ваш хлеб, еду на вашей лошади, ваша большая собака не рвала на куски мое тело. Вы не рубили меня мечом, высокий человек помог мне встать и посадил на лошадь, даже вот этот прокисший отшельник угостил меня сыром. Могу ли я желать вам вреда?

Дункан наклонился и погладил ее по голове.

– Ладно, бабушка, переживем.

– Что будем делать? – спросил Эндрю.

– Проведем эту ночь здесь, – ответил Дункан, – мы устали за день и дальше идти не можем. Нам нужно поесть и отдохнуть.

– В этом месте я и куска не проглочу, – сказал Эндрю.

– А что делать? Идти на холмы? Продираться в темноте через лес? Мы не пройдем и мили.

Говоря это, он про себя думал, что они с Конрадом ушли бы, оставили бы позади это проклятое место. Они могли бы идти всю ночь, если понадобится, лишь бы уйти подальше от часовни Иисуса-на-холмах. Но ноги Эндрю подкашивались от сурового обращения, какому они подверглись, а Мэг, хоть и наверняка станет отрицать, умирает от усталости. Тогда, в пещере отшельника, он сожалел, что ему навязались добровольцы, и теперь очевидно, что он был прав.

– Я схожу, наберу топлива для костра, – сказал Конрад.

– И я слышу, как справа журчит ручей.

– А я принесу воды, – предложил Эндрю.

Дункан посмотрел на него, зная, сколько храбрости нужно отшельнику, чтобы идти одному в темноте. Он позвал Дэниела и Бьюти, расседлал и развьючил их. Бьюти прижалась боком к Дэниелу, и тот, казалось, был рад, что она рядом с ним.

«Они оба, — подумал Дункан, — знают, как и мы, что здесь неладно».

Тайни без отдыха сновал вокруг, подняв голову, чтобы уловить запах опасности.

Конрад развел костер, и они с Мэг стали готовить еду. Свет от костра падал на белые стены часовни.

На западном холме завыл волк, другой ответил ему с севера.

— Кто-то из тех, кого мы видели днем, — сказал Эндрю.

Узкая долина ночью стала влажной, навеяв чувство страха. Опасность шла по ней на мягких лапах. Дункан подумал, что предчувствие опасности, возможно, вызвано зрелищем поруганного распятия, но, может, появилось и само по себе.

— Мы с Конрадом будем нести сегодня двойную вахту, — заявил он.

— Вы опять забываете про меня, — обиженно проворчал Эндрю, но в его голосе Дункану послышалось облегчение.

— Мы хотим, чтобы ты и Мэг отдохнули, потому что завтра предстоит долгий путь. Мы выйдем как можно раньше, задолго до рассвета.

Он стоял у костра и глядел в темноту. Два раза ему показалось, что он видит какое-то движение за кругом света, но каждый раз думал, что это — игра воображения, обостренного страхом, который он скрывал от других, но не мог скрыть от себя.

Изредка выли волки, причем со всех сторон, но все еще издалека. Волки, похоже, не двигались.

«Они могут прийти позднее, – думал Дункан, – когда наберутся храбрости и когда вокруг костра все успокоится».

Впрочем, чего им бояться волков: Дэниел и Тайни живо расправятся с ними.

Дункану снова вспомнилась зубастая пасть, горящие глаза, намек на лицо в плоскостях и углах, которые он видел прошлой ночью. И злобная змея, возникшая из болота.

Мэг позвала его ужинать, и они уселись вокруг костра. Эндрю хоть и утверждал, что не проглотит ни крошки, отдал должное ужину. Немного поговорили, но никто не заикнулся о том, что видел в часовне. Все как будто старались забыть об этом.

«Ну нет, – думал Дункан, – это не та вещь, которую легко выкинуть из памяти. Насмешка, – говорил он себе, – но не только. Ненависть...»

Ненависти было столько же, сколько и насмешки. И это было непонятно.

В древние времена языческие боги имели право ненавидеть новую веру.

«Стоп. Я вроде бы допускаю, что языческие боги существовали и теперь существуют, но христианину негоже так думать, – укорял себя Дункан. – Истинный христианин приписал бы их всех к аду и отрицал бы, что они когда-нибудь существовали здесь, на земле».

Но с такой точкой зрения Дункан не мог согласиться.

«Их надо рассматривать как всегда существующих врагов, тем более здесь, в Разоренных Землях».

Он потянулся к мешочку с пергаментом и подумал, что там лежит его вера, а здесь, в этом проклятом месте – вера другая. Может ошибочная, но все-таки вера, которую человек в своем неведении принимал для своей защиты. Она была жестока и ужасна, но человек, вероятно, считал, что в этих двух качествах заложены власть и сила, а именно в этом он нуждался, чтобы защититься от внешнего мира.

В этой часовне, наверное, производились некие тайные ритуалы, о которых он не знал и не хотел знать, может быть приносились человеческие жертвы. Чудовищное Зло шло со злыми намерениями – и не только недавно, но и в далекие времена, может быть, еще до появления человека.

Подошел Дэниел, понюхал хозяина. Дункан оттолкнул лошадиную голову, и Дэниел тихонько зафыркал.

На западе завыл волк, на этот раз уже ближе. Пришел Конрад и сказал:

– Придется всю ночь подкладывать дрова в костер. Волки боятся огня.

– Что нам волки? Они не голодные. Здесь, в лесу, для них полно еды.

– Они приближаются, а мы не знаем, где находимся, и, я думаю, Эндрю тоже не знает. Мы заблудились.

У края светлого круга блеснули два глаза и тут же исчезли.

– Они просто любопытны.

– Я только что видел одного из наших волков, – сказал Дункан. – Вернее, его глаза.

– Тайни следит. Он чует их.

В темноте снова сверкнули глаза. Тайни направился к ним, но Конрад отозвал собаку:

– Погоди Тайни, не торопись.

Дункан встал.

– Мы готовы, – спокойно сказал Конрад. – Они собираются броситься на нас.

Дэниел повернулся мордой к волкам, опустил голову и злобно фыркнул. Тайни стал рядом с Конрадом и зарычал. Волк выступил вперед. В свете костра его серые глаза казались почти белыми.

Волк был крупный и страшно худой – ходячая смерть. Он качнулся, тощая голова запрокинулась, губы поднялись над клыками, глаза горели отраженным пламенем.

Второй волк шел чуть позади и сбоку, положив голову на плечо товарища.

Дункан вытащил меч, – скрежет металла о ножны показался резким в тишине, – и сказал стоящему рядом коню:

– Готовься, Дэниел...

Торопливые шаги заставили его оглянуться, и он увидел Эндрю, держащего посох на весу. Капюшон его упал на плечи, седые волосы казались нимбом.

Из темноты, за светлым кругом, послышался голос, произносивший громко и отчетливо непонятные Дункану слова. Это был не английский, не латынь и не греческий, и, судя по интонации, не галльский. Слова были резкие, гортанные, рычащие. При этих словах волки перешли к действиям. Оба волка разошлись в стороны, к ним подошли другие, сжались для прыжка и кинулись из темноты по сигналу говорившего.

Дэниел встал на дыбы и забил передними копытами.

Тайни бросился на зверей, как вспышка выпущенной

ненависти. Большой волк без заметных усилий взвился в воздух к горлу Дункана. Меч свистнул, ударил волка по вытянутой шее и отшвырнул его в сторону. Второй волк был смят в прыжке дубиной Конрада. Тайни уже схватил за горло третьего, и, подняв голову, закрутил волка в воздухе.

На Дункана прыгнул еще один, разинув пасть с блестящими клыками. Дункан поднял меч, но сбоку появилось что-то вроде копья, попало в открытую пасть зверя и вошло глубоко в глотку. Волк сложился пополам, но сила прыжка вынесла его вперед вместе с копьем. Конец копья ударил Дункана по ногам, и он упал. В это время подскочил Дэниел с поднятыми копытами и ударил волка под лопатку, — зверь откатился с переломанными костями.

Дункан вскочил и увидел, что Тайни катается по земле, сцепившись с одним зверем, другой насаждает сверху, а рядом разъяренный Конрад поднял дубину, готовясь ударить нападающего волка. Позади них Бьюти дико отбивалась от зверя, схватившего ее за переднюю ногу, а два других готовились напасть на нее. Дункан бросился на помощь Бьюти, но не успел сделать и двух шагов, как к ослице кинулась разъяренная ведьма, размахивая двумя горящими ветками. Одна из веток полетела, крутясь и разгораясь. Оба волка отскочили.

— Мэг! — закричал Дункан. — Ради Бога, осторожнее!

Но она, не обращая на него внимания, неслась как ветер. Ее старое тело раскачивалось на дрожащих ногах, и это раскачивание, казалось, удваивало ее скорость. Она подняла вверх оставшуюся ветку и ударила ею волка, державшего Бьюти. Волк взвыл и с визгом бросился в темноту.

Оттуда снова раздался громкий и ясный голос, говоривший на незнакомом языке. Волки быстро повернулись и убежали.

Дункан медленно обернулся. Дэниел стоял у костра, а неподалеку от него Эндрю отчаянно пытался вытащить свой посох из волчьей пасти. Конрад и Мэг шли к костру, за ними Тайни, позади хромала Бьюти. Тут и там лежали тела волков. Один все еще пытался ползти на передних лапах, волоча зад.

Когда Дункан подошел к костру, Эндрю внезапно закричал, выпустил посох и попятился от мертвого волка, закрыв лицо руками.

— Нет, не может быть! — вопил он.

Дункан подбежал к нему и круто остановился, не веря своим глазам.

Тело волка медленно изменялось и превратилось наконец в нагое женское тело. Посох отшельника все еще торчал у нее изо рта. Мэг, стоявшая рядом с Дунканом, заговорила высоким скрипучим голосом:

— Я хотела сказать вам, но не успела. Все произошло слишком быстро...

Подошел Конрад, взялся за посох отшельника и вытащил его.

Тело волка, лежавшее позади женщины, обернулось мужчиной, а волк, что волочил перебитый зад, закричал человеческим голосом, криком боли и страха.

— Я позабочусь о нем, — угрюмо предложил Конрад.

— Нет, — возразил Дункан, — оставь его пока.

— Оборотни... — Конрад плюнул. — Их надо убивать.

— Мне кое-что непонятно. Здесь была куча волков, а

напали только немногие. Если бы они бросились все...

— Кто-то отозвал их.

— Дело не только в этом. Тут кое-что еще.

Конрад протянул отшельнику его посох:

— На.

Эндрю отпрянул и жалобно сказал:

— Нет. Я не могу до него дотронуться. Я убил им женщину.

— Не женщину, а оборотня. Возьми посох и держи его крепче. У тебя никогда не будет такого посоха.

Отшельник взял посох и ткнул им в землю.

— Век буду помнить.

— Хорошие вещи стоит запомнить. Удар нанесен ради нашего Господа.

Дункан подошел к краю освещенного места, постоял над плачущим мужчиной и медленно опустился перед ним на колени.

Человек был стар. Руки и ноги тонкие, как соломинки, колени и локти узловатые, ребра выпирали под кожей. Снежно-белые волосы курчавились на голове, а на лбу слиплись от пота. Он смотрел на Дункана со страхом и ненавистью.

— Скажи мне, кто говорил из темноты? — спросил Дункан.

Человек оскалил желтые зубы, зарычал и плюнул. Дункан схватил его за плечо, — тот завизжал, голова откинулась назад, жила на шее напряглась, в углах рта показалась пена. Старец стонал, вопил и слабо царапал землю.

Вдруг Конрад протянул руку и схватил Дункана за плечо, поднял его на ноги и сказал:

– Пустите-ка.

Дубина Конрада с отвратительным хрустом ударила по черепу оборотня.

Дункан сердито посмотрел на Конрада:

– Зачем ты это сделал?

– Убивать змею – так убивать, а не ухаживать за ней.

– Но я хотел спросить...

– Вы спрашивали, но он не ответил.

– Может, ответил бы.

– Нет. Он слишком боялся вас.

«А ведь это правда, – подумал Дункан. – Оборотень был вне себя от страха, визжал и пытался отползти».

Конрад тронул его за плечо.

– Пошли к костру. Я посмотрю как там Бьюти.

– Она хромает, только и всего. Мэг спасла ее.

– Да, я видел.

– А как Тайни?

– Ухо разорвано, кое-где следы зубов, но ничего серьезного.

Они вернулись к костру. Эндрю и Мэг стояли рядом, Конрад подошел к Бьюти, а Дункан обратился к Мэг:

– Ты, оказывается, храбрая. Смотри, как бросилась на помощь.

Мэг обернулась:

– У меня был огонь, а волки-оборотни боятся огня. Вы, наверное, удивитесь, зачем ведьма стала вам помогать? Ну, так я вам скажу. Мелкая магия и чуть-чуть чар – это для меня в порядке вещей. В свое время я делала немало такого, – тут нет ничего плохого и часто помогает. Но я вам уже говорила, что настоящего зла во мне нет. А обо-

ротни – это Зло, и я не могу его терпеть. Подлое, низкое, порочное Зло. Для такого Зла просто нет названия.

– Их здесь была целая куча. Я никогда не думал, что оборотни ходят стаями. Ты говорила о тех, кто идет за Разрушителями. Может, это и объясняет такую стаю?

– Вполне возможно. Они, наверное, собрались со всей Британии.

– А ты слышала голос?

Она вздрогнула.

– Ты поняла слова, узнала язык?

– Слова – нет, но язык узнала. Это очень древний язык, из глубины веков, до появления людей на Земле.

– Слова первобытного, изначального Зла?

– Не знаю.

Дункану хотелось узнать, откуда она знает про язык, но он воздержался. Зачем ее расстраивать? Она честно ответила на его вопросы, этого было достаточно.

Вернулся Конрад.

– Бьюти в порядке – нога повреждена совсем немного – нам повезло.

На поляне стояла тишина. Тела мертвых оборотней лежали на границе света и тени.

– Не похоронить ли их? – спросил Эндрю.

– Оборотней не хоронят. Кол в сердце – это подойдет, да у нас и лопаты нет.

– Ничего делать не будем, – решил Дункан, – оставим все как есть.

– Я не усну сегодня, – пожаловался Эндрю.

– Постарайся, – резко сказал Конрад. – Впереди у нас долгий и трудный путь. Как ты думаешь, найдешь ты ту тропу?

Эндрю смущенно покачал головой.

– Не знаю. Мне кажется, что все кругом перевернулось. Все выглядит не так.

Жалобный визг прорезал ночь. Он шел откуда-то сверху.

– Боже мой! – запричитал Эндрю. – Неужели опять?!

Визг повторился. В нем слышались стон и всхлипывание, звук царапал по сердцу и леденил кровь.

С другой стороны костра раздался спокойный голос:

– Не бойтесь. Это Нэн, баньши.

Дункан повернулся на голос, но не сразу узнал его обладателя: маленькая фигурка в плаще с откинутым капюшоном, пара веретенообразных ног, большие острые уши.

– Снупи! Что ты здесь делаешь?

– Выслеживаю вас. Мы уже давно вас ждем, с тех пор, как Дух сказал, что потерял ваш след.

Дух слетел вниз, а с ним другая фигура, контрастировавшая своим черным цветом с белизной Духа.

– Чистая случайность, – продолжил Снупи, – но тебе это не понять, а объяснять у нас нет времени.

Нэн, баньши, скорчилась у костра. Выглядела она отталкивающе: глубоко сидящие под косматыми бровями глаза сверкали, черные волосы падали на спину почти до талии, лицо было узкое и твердое.

– Ну и здорово же вы прячетесь, – сказала она, – мы долго искали вас.

– Мадам, – обратился к ней Дункан, – мы и не думали прятаться. Мы просто пришли и остановились на ночлег.

– Хорошенькое место вы выбрали, – сказал Снупи и подошел к ним. – Разве вы не знаете, что здесь нельзя останавливаться?

– Предполагали, – ответил Конрад. – Мы отбились от стаи волков-оборотней.

– Мы надеялись на тебя, гоблин, – Эндрю укоризненно посмотрел на Снупи. – Почему ты не пришел в церковь, как обещал?

– Я высказывался в том смысле, что вам понадобится некоторая помощь, но судя по тому, что вы идете буквально наощупь, вам понадобится вся помощь, которую мы можем оказать.

– Уж ты поможешь! – раздраженно сказал Эндрю. – Завербовал заезженную старую баньши.

– Я давно знала, что ты хам, – обиделась Нэн.

– Позднее придут другие, – продолжал Снупи. – Они придут, когда будут вам очень нужны. Но нельзя вам здесь оставаться, и что бы вы там ни говорили о своем невежестве и высокомерии, мы собираемся увести вас отсюда.

– Мы знаем, что это языческое капище, – не слишком уверенно сказал за всех Дункан.

– Не только, гораздо больше, чем это. Это место было посвящено Злу еще до того, как появились язычники, поклонявшиеся Дьяволу. Здесь с самого начала собирались существа, от одного вида которых съежились бы ваши душонки. Вы осквернили их землю, вы запачкали место, и они не позволят вам оставаться здесь. Обратни – это только начало, придут и другие, с которыми вы так легко не справитесь.

– Но здесь часовня...

– Они допустили, чтобы часовня была построена. Они следили, как ее строят надменные, невежественные люди, глупые церковники, которым полагалось бы знать по-

больше. Они прятались в тени, следили и ждали своего времени, и когда это время пришло...

– Ты нас не запугаешь, – сказал Конрад.

– Может, мы и испугались бы, – добавил Дункан, – если бы хорошо понимали, что с нами будет.

– Это верно, – подтвердила Мэг, – но вы должны были знать.

– Ты же была с нами, не возражала, когда мы...

– А куда деваться старой больной ведьме?

– Улетела бы на своей метле, – предложил Конрад.

– У меня сроду ее не было, и у других ведьм тоже. Это только в дурацких сказках...

– Мы не можем идти, пока не отдохнем как следует, – прервал Мэг Дункан. – Мы с Конрадом пошли бы, но ведьма слаба, а Эндрю шел целый день и вымотался.

– Однако у меня хватило сил убить оборотня, – уточнил отшельник.

– Эндрю можно посадить на Дэниела, а Мэг пусть едет на Бьюти, – предложил Конрад. – Мэг ведь легкая как перо. Бьюти, даже и хромая, может ее везти. А вьюки мы понесем сами.

– Тогда пошли?! – воскликнул Эндрю.

– Я тоже прошу, уходите, – взмолился Дух. – Если останетесь здесь, к утру вы соединитесь со мной в смерти, но при этом вам может не так повезти, как мне, и вы не станете духами...

Через некоторое время глаза Дункана привыкли к темноте, и он хоть не натыкался на деревья, но зато под нога-

ми не видел ничего и время от времени спотыкался о сло-
манные ветви или падал, попав ногой в яму. Чтобы не за-
блудиться, он не спускал глаз с белого выюка на спине Ко-
нрада.

Снупи шагал впереди, а Дух витал над ними и был чем-
то вроде маяка для остальных. Дэниел шел за Снупи и Ду-
хом, а Бьюти – за своим другом Дэниелом. Конрад и Дун-
кан находились в тылу, Нэн летела где-то над ними, но от
нее было мало проку: ее не было видно, и у нее была сби-
вающая с толку привычка испускать время от времени жа-
лобные стоны.

Эндрю возражал против того, чтобы ехать на Дэниеле,
но Конрад поднял его и посадил в седло, и он уже не пы-
тался слезть, – отшельник ехал и дремал, покачивая голо-
вой, Мэг улеглась вдоль спины маленькой ослицы,
накрепко обхватив ее за шею – седла на Бьюти не было, и
на ее круглом, как бочонок, теле нелегко было удержаться.

Время шло. Луна медленно склонялась к западу. Ино-
гда кричали ночные птицы, видимо, в ответ на вопли Нэн.
Дункану хотелось, чтобы она заткнулась, но заставить ее
замолчать он не мог, да и кричать ей – дыхания не хватало.
Дорога была сущим наказанием: то вверх, то вниз. У
Дункана было впечатление, что они возвращаются туда,
откуда пришли, но уверенности в этом, конечно, не было.

Все спуталось. Будь это чары, они пришли бы к болоту,
но на этот раз, кажется, они подходили к открытому ме-
сту, – так сказал им Снупи, перевалив через последний из
этих проклятых холмов.

«Странное дело, – думал Дункан. – Разрушители сде-
лали три попытки остановить нас или свернуть в сторо-
ну».

Встреча в огороде у церкви, чары на следующий день, нападение оборотней, — но каждая атака была слабее, чем можно было ожидать. Безволосые были разбиты без особых усилий, колдовство провалилось, хотя, может, и выполнило свою роль, их заставили свернуть с пути. И у часовни — если бы оборотни вели согласованную атаку — они стерли бы в порошок маленькую группу людей. Однако они поджали хвосты и бежали на зов голоса из темноты. Что-то здесь было не так — сплошная бессмыслица.

Разрушители шли по этой земле, убивая жителей, сжигая деревни и усадьбы, превращая страну в пустыню. Где уж отряду выстоять против такой силы? Если не считать страшной лягушачьей пасти, которую они видели в темноте, здесь не было и признака Разрушителей. Дункан не мог знать, но предполагал, что та морда имела к ним отношение.

Нет ли у него и его отряда сильного покровительства? Может, Бог простер над ними руку? Нет, это глупая мысль: нечасто случается, чтобы Бог действовал таким манером. Дункан подумал и почти поверил, что, может быть, это амулет, который он нашел в могиле Вольферта, — это наверняка не просто безделушка, а мощный инструмент магии, Эндрю назвал его адской машиной. Если это машина, то должен быть какой-нибудь способ заставить ее действовать, если же это магия, а похоже, что это так и есть, то заводить ее не надо, видимо, она действует сама, когда этого требуют обстоятельства. Он сунул вещь в мешочек с рукописью и почти забыл о ней, но вполне возможно, что эта магия защищает их от лютой злобы Разрушителей.

Значит, их здесь нет? А разве безволосые не Разрушители или, по крайней мере, не оружие Разрушителей? Ривер говорил, что они тоже участвовали в нападении на замок. Может быть, они – отряды для защиты настоящих Разрушителей, пока те собираются на свои таинственные оргии омоложения: если они, конечно, и в самом деле это делают. Кто знает?

Это ведь только теория, упомянутая Его Преосвященством.

«Господи, – думал Дункан, – если бы я знал хоть что-нибудь с полной достоверностью! Если бы я мог быть уверен хоть в одном аспекте всей этой неразберихи!»

Он даже и в Вольферте не был уверен. Деревня, где он поселился, считала его святым, и он не спорил. А не спорил потому, что такое положение предоставляло ему безопасность. Колдун скрывался здесь, а зачем колдуну прятаться? И как насчет Дианы?

Она знала, что Вольферт был колдуном и искала сведения о нем, но улетела, не завершив дела. Если бы он мог поговорить с ней, она, наверное, объяснила бы кое-что из того, что произошло.

Луна была уже низко над западным горизонтом, но утреннего света не было и в помине. Дойдут ли они когда-нибудь до остановки? Какое расстояние между ними и часовней должно быть, чтобы спасти их от вездесущего Зла, покровительствовавшего часовне?

Дункан посмотрел вверх и увидел Нэн: черную летучую мышь в образе женщины, летящую по небу.

Ветер стих – первый признак наступающей зари. Повсюду царил тяжелая тишина, только изредка подкован-

ные копыта Дэниела и Бьюти звенели, задев о камень. С освещенного луной неба снова пришел звук, который Дункан слышал прошлой ночью: человеческий крик и лай собак.

Конрад остановился. Дункан увидел, что вся группа, шедшая впереди, тоже остановилась: Снупи стоял на скалистом выступе и смотрел на небо, Мэг села и тоже уставилась в небо, Эндрю спал, согнувшись в седле.

Голос стал громче, лай глубже и отчетливее, копыта стучали, как гром, прокатывающийся по небу. Над вершинами деревьев с севера появилось что-то темное. Приглядевшись, Дункан увидел всадника, ехавшего по небу, — он выпрямился в седле, размахивая охотничьим рогом и криком подгоняя собак, бежавших перед ним, — злых охотничьих собак, вынюхивающих след невидимой добычи. Большая черная лошадь скакала прямо по воздуху...

Лошадь, всадник и собаки пронеслись над группой, стоящей на вершине холма. Рассмотреть их детально не удалось, все они были лишь темными силуэтами в небе. Стук копыт эхом отдавался в холмах, лай казался громовым. Всадник поднял рог к губам, — звук, казалось, заполнил все небо, а затем всадник и свора исчезли на юге, и звук постепенно замер.

Нэн скатилась с неба, встала перед Дунканом, дрожа от возбуждения, и спросила:

— Вы знаете, кто это?

— Нет. А ты?

— Это Дикий Охотник. Я видела его однажды много лет назад в Германии.

Мэг соскользнула с Бьюти и приковыляла к ним.

– Он всегда появлялся в Германии и нигде больше. Я говорила вам насчет всякой нечисти, собирающейся вокруг Разрушителей.

– Это он их ищет? – осведомился Конрад.

– Сомневаюсь. Он, в сущности, ни на кого не охотится – только ездит по небу, а его собаки поднимают такой шум, что человек может напугаться до смерти. Но он не замышляет ничего плохого.

– Но кто он? – спросил Дункан.

– Никто не знает. Имя его давно забыто, – он очень давно ездит по небу.

Снупи торопливо сбежал с холма и с просьбой в голосе предложил:

– Давайте пойдем, уже недалеко. С первыми лучами солнца мы будем там.

– Куда ты ведешь нас? – спросил Дункан. – Должны же мы знать.

– Туда, где вы попали в чары. Они не будут ждать нас там. Сейчас там никого нет – они не думают, что вы вернетесь.

Дух плясал над их головами.

– Правильно! Нет и признака их, я бы сказал – путь чистый.

– Нам надо отдохнуть, – решил Дункан. – Мы все буквально умираем от усталости.

– Эндрю спит, – сказал Конрад.

– Только он один, и тем хуже для него – когда мы будем спать, он будет на страже...

Скользкое чудовище выбросилось из болота, и чешуйчатая, треугольная, рогатая голова поднялась над Дунканом, в то время как он стоял по бедра в воде, а болотная жижа засасывала его ноги. Дункан яростно орал на чудовище, нависшее над ним и неторопливо раскачивающееся, и ждал гибели. В руке его был меч, но слишком мало было это оружие, чтобы нанести хотя бы царапину этому чудовищу, этому чешуйчатому монстру.

Голова опустилась, тело выгнулось, свернулось кольцами и бросилось на Дункана, — оно отшвырнуло его руку с мечом, захлестнуло колени, обвилось вокруг тела, сдавив ребра и плечи, и чей-то голос сказал громко:

— Будь осторожен с собакой. Свяжи ее покрепче, но чтобы ни одной царапины! Она стоит дороже всех вас, вместе взятых. Если кто-нибудь вздумает ее ударить, я повешу его за большие пальцы...

Во рту Дункана песок, а вовсе не вода, и держат его руки, а не змеиное тело. Он борется, пытается отбиваться, но ничего не может сделать — в его поясицу уперлось чье-то колено, руки давят на плечи, лицо прижато к земле. Он открывает глаза и видит опавшие листья.

— Свяжи большого покрепче, — сказал голос, — и следи за лошастью. Она может вышибить из тебя потроха.

Где-то яростно рычал Тайни, где-то сражался или пытался сражаться Дэниел, и повсюду топот и хрюканье толпившихся людей. Дункан почувствовал, как толстая веревка врезалась в его запястья, а затем кто-то толчком перевернул его на спину. Он посмотрел в небо, но краем гла-

за видел неуклюжих людей, маячивших над ним. Неожиданно кто-то дернул вверх его связанные за спиной руки так, что он сел. В нескольких шагах от него лежал Конрад, увязанный, как рождественский гусь, но все еще пытающийся освободиться.

— Если я когда-нибудь доберусь до вас, — ревел он, обращаясь к людям, стоявшим поодаль, — я вырву ваши печенки!

— Друг Конрад, — ответил один из них, — я премного сомневаюсь, что тебе представится такой случай!

В этом человеке было что-то знакомое, но лица его Дункан пока не видел. И лишь когда он повернулся, Дункан узнал в нем Гарольда Ривера.

Мозг Дункана силился осознать реальность, но это было трудным делом, поскольку переход от сна к бодрствованию произошел слишком резко. Он спал, это ясно, он видел во сне столкновение со змееподобным чудовищем из болота, и внезапно оказалось, что он уже не спит, а захвачен и связан шайкой оборванцев.

Он огляделся, оценивая ситуацию: Эндрю был привязан к дереву, Мэг не было видно, Дэниела — тоже, но маленькая Бьюти была тоже привязана за шею к дереву петлей-удавкой. Скосив глаза, Дункан увидел Тайни со связанными лапами и челюстями — конечно, он не мог освободиться. Они лежали на опушке небольшой рощицы у начала дороги, там, где они остановились ранним утром, не думая ни о завтраке, ни о костре, желая только нескольких часов сна, а Эндрю остался на страже.

Не было ни Снупи, ни Нэн, ни Духа.

Так и должно было быть: Снупи вывел их на дорогу и

ушел вместе с Нэн собирать свой «маленький народец». Дух, скорее всего, сбежал на разведку, встревоженный какой-нибудь опасностью. В прошлую ночь он говорил, что в течение всего дня никого не видел, и Дункан удивлялся, где же, к дьяволу, пряталась вся эта банда?

Ривер направился к нему. Дункан смотрел на него, смущенный эмоциями, какие этот человек вызывал в нем: немного страха, наверняка – ненависти, но и то, и другое смывалось презрением, – Ривер был подонком, злобным искателем приключений, без малейших принципов – ничтожество, даже того меньше.

Он остановился в нескольких шагах от Дункана.

– Ну, милорд, как вам это нравится? Роли поменялись. Может, теперь вы скажете правду о себе?

– Я сказал ее тебе в ту ночь в замке. Мы идем в Оксфорд.

– Но не сказал, зачем.

– Сказал. Несем сообщение.

– И все?

– Все.

– Сейчас посмотрим.

Ривер шагнул вперед и сорвал мешочек с пояса Дункана, затем, не торопясь, отстегнул пряжки, открыл мешочек, сунул в него руку и, вытащив амулет Вольферта, покачал его на цепочке – на сверкающих камнях играл свет.

– Прямо скажем, хорошая штучка и, возможно, ценная. Что это такое?

– Просто безделушка. Сделана для красоты, – ответил Дункан.

Про себя он молился:

«Боже, только бы он не взял манускрипт!»

Ривер положил амулет себе в карман, снова полез в мешочек и вынул манускрипт.

— А это что?

— Несколько листков пергамента. Мои любимые. Взял, чтобы иногда читать.

— Ба! — с отвращением сказал Ривер, смял листы и отбросил их в сторону. Ветер подхватил их и протащил несколько шагов по песку. Затем они зацепились за кустик и остались там, а ветер трепал их.

Рука Ривера вновь нырнула в мешочек, достала четки, крест из слоновой кости, еще одни четки — янтарные. Он внимательно оглядел последние и спросил:

— Благословенные? Освященные каким-нибудь святым?

— Его Преосвященством, архиепископом аббатства Стэндиша, так что они только частично освященные.

— Главное — работа хорошая, — сказал Ривер и положил четки в карман. — Уж медяк-то за них дадут.

— Они стоят гораздо больше. Будешь дураком, если отдашь за медяк.

Затем Ривер извлек замшевый кошелек.

— Ну, а теперь посмотрим это, — усмехнулся он.

Оскалив острые зубы, он высыпал монеты на ладонь.

— Неплохо для человека в стесненных обстоятельствах вроде тебя, большая удача найти столько.

Он ссыпал монеты обратно в кошелек, сунул его в карман куртки и, в последний раз заглянув в опустевший мешочек, отбросил его в сторону.

— А теперь — меч. — Он вытащил его меч и осмотрел

опытным взглядом. – Лезвие – подходящее для джентльмена. Это будет лучше нашего несчастного железа – хорошая сталь, прочная. Но где золото, где драгоценные камни? Я полагал, что дворяне носят вещи лучше.

– Золото и камни – для перемирий, а это – боевое оружие.

Ривер кивнул.

– В этом ты прав. Кончик острый, как игла. Действительно очень хороший меч.

Он опустил его так, что острие коснулось горла Дункана.

– А теперь скажи, куда ты идешь на самом деле? Где то сокровище, которое ты ищешь? И какого рода сокровище?

Дункан не ответил. Он сидел спокойно, хотя инстинкт кричал ему, чтобы он откинулся назад от лезвия.

«Но ведь меч не отклонится, – говорил он себе. – Ривер снова приставит его к горлу...»

– Я проткну тебе глотку, – пригрозил Ривер.

– Если ты это сделаешь, то ничего от меня не услышишь.

– Может, снять с тебя заживо кожу – лучший путь? Ты видел когда-нибудь, как с человека снимают кожу?

– Нет.

– Неприятное зрелище! Делается это медленно, по кусочку. Иногда начинают с пальцев, однако для мастера такая работа скучна и утомительна, потому что надо быть очень осторожным и внимательным – это ювелирная техника. Будь я мастером, я предпочел бы начинать с живота или промежности, – пожалуй, именно с промежности, – очень важная область тела, и результаты достигаются

быстрее. Если мы станем делать это с тобой, как ты считаешь, откуда лучше начать? Мои люди вежливы и согласятся с тобой.

Дункан не ответил. На лбу его выступил пот, но он надеялся, что Ривер этого не заметит.

«Это не пустая болтовня, — подумал он. — Этот палач так и сделает».

Ривер, казалось, обдумывал ситуацию.

— Наверное, лучше начать с кого-нибудь другого, а ты посмотришь, пока подойдет твоя очередь. Этот большой дурень, кажется, моложе тебя? С ним будет хорошо работать — у него шикарная шкура. Если ее хорошо снять, можно потом сделать из нее куртку. Или взять этого занюханного отшельника, что привязан к дереву, — он будет визжать громче, чем дурень. Визжать и просить пощады или жалобно звать к Богу. Он все расскажет! Только я думаю, его кожа такая сморщенная, что не будет стоить затраченных усилий...

Дункан по-прежнему молчал, и Ривер махнул рукой.

— Сегодня уже поздно. Для такой работы нужно хорошее освещение, а сейчас солнце уже заходит. Лучше начнем с утра, так что у нас в запасе будет весь день.

Он сунул меч Дункана под мышку, погладил оттопырившийся карман куртки и хотел уже отойти, но снова повернулся к Дункану:

— У тебя будет целая ночь, чтобы подумать обо всем. Утром обо всем поговорим. — Он кивнул своим людям. — Эйнер и Робин, ваша первая вахта над нашей драгоценной добычей. Не спускайте с них глаз и чтобы никаких отметок на них! Я желаю иметь их шкуры неповрежденными.

Если вы упустите их или каким-нибудь образом оскорбите наших друзей неумелым обращением, я вырву вам глаза.

– Ривер, – сказал Дункан, – ты ошибаешься. Нет никакого сокровища. Мы путешествуем не ради денег.

– Ладно, это мы обсудим позднее. Хотя я опасаясь, что если ты убедишь меня в том, что я ошибся, трудно будет снова приклеить тебе шкуру...

Он сделал несколько шагов к дороге и снова закричал:

– Седрик, черт побери! Зачем так далеко? Я же велел разбить лагерь поблизости!

Откуда-то донесся тонкий голос старика Седрика:

– Здесь небольшая лужайка, чтобы пасти коней, а мы хотели присматривать за ними, и нужен хороший запас хвороста для костра.

Ривер проворчал что-то, но потом согласился:

– Ладно, это, в сущности, не имеет значения. Эти здесь надежно связаны, сам дьявол их не освободит. За ними будут внимательно смотреть, а мы можем и отойти на два шага.

Эйнер, тот самый, кого согнали со стула в ту ночь в замке, предложил:

– Мы можем снести их в лагерь.

Ривер подумал и ответил:

– Нет. Два человека будут все время наблюдать за ними – зачем тратить силы, – к тому же здесь, в тишине, они соберутся с мыслями и решат, как вести себя утром.

Он спустился вниз по дороге, остальные пошли за ним, а Эйнер и Робин, два здоровых увальня, остались.

Эйнер обратился к Дункану:

– Ты слышал, что он сказал? Мне приказано не делать

на тебе отметок, но в случае каких-нибудь фокусов я накормлю тебя песком.

– Вы в порядке, милорд? – спросил Конрад.

– Не разговаривать, – приказал Робин, – держите рот на замке.

– Со мной все в порядке, – ответил Дункан. – И с Эндрю тоже. А Мэг я не вижу.

– Она налево, недалеко от Дэниела. Привязана между двумя деревьями.

– Сказано – не разговаривать! – закричал Робин.

– Милорд, – сказал Конрад, – похоже, мы перед лицом великой опасности.

– Я уверен в этом, – ответил Дункан.

Манускрипт все еще оставался в том месте, куда его отнесло. Он запутался в ветвях, и давление ветра прижало его к ним...

14

Что-то зашевелилось между ивами по другую сторону рощицы. Дункан сидел и смотрел на пятно, которое, как ему казалось, двинулось.

«Может, лиса, – подумал он, – хотя сомнительно, чтобы лиса подобралась так близко к людям».

Ивы закрывали лагерь Ривера, но в просветах между ветвями Дункан видел свет костра. Вечером слышались крики, хохот и песни, а с наступлением ночи все затихло.

Плач, который Дункан слышал раньше, время от времени возобновлялся, и он был уверен, что этот звук шел откуда-то с болота. Его запястья болели от попыток хоть

как-то ослабить веревки, но теперь Дункан больше не напрягал руки, так как убедился в бесполезности этого.

«Наверное, есть способ убежать, – думал он. – Должен быть».

Долгие часы он ломал голову, пытаясь найти подходящий способ. Например, острый камень, о который можно перетереть веревки. Но здесь, по-видимому, нет камней, только песок да глина. Руки его были связаны за спиной, на крестце, – хитро извернувшись, можно протащить их под ноги, а затем поверх ног и перегрызть веревки, но при двух стражниках это было немыслимо. К тому же, он не был уверен, что это вообще возможно. Дункан мог бы подкатиться к Конраду, и они перегрызли бы веревки друг у друга, но и это было невозможно под внимательными взглядами Робина и Эйнера.

Дункан продолжал строить фантастические планы спасения: вдруг вернется Снупи, подкрадется незаметно и перережет веревки у одного, и тот кинется на стражника, пока Снупи освобождает второго; может, появится Дух и тут же полетит искать помощь; спустится с неба Диана верхом на боевом грифоне, с боевым топором в руках; может, Диккий Охотник забудет о своей вечной охоте и придет ему на помощь. Но это все мечты. Дункан знал, что ничего подобного не произойдет.

А утром... Он запретил себе думать об этом. Вряд ли он сумеет сколь-нибудь достойно принять пытки. Хуже всего то, что он ничего не мог сказать Риверу и тем остановить мучения. Ведь никакого сокровища не было. Откуда у Ривера такая идея? Хотя у человека его склада подобные мысли появляются автоматически. Приписывая людям

свои идеи и мотивы, он был уверен, что каждый ищет богатство.

Тайни, долгое время боровшийся, теперь затих и спокойно лежал на боку. Конрад тоже давно не шевелился.

Зная его, Дункан решил, что он заснул. Эндрю бесильно свисал, прикрученный к дереву.

В лагере Ривера возобновились звуки, но более приглушенные.

Манускрипт все еще был на месте, – Дункан умирал от желания подкатиться и спрятать его, но боялся привлечь внимание к этим листкам. Стражники были недоверчивы и неутомимы, – они спокойно расхаживали и громко удивлялись, почему Ривер до сих пор не прислал им смену.

С некоторым удивлением Дункан осознал, что хочет есть и пить. Жажду он еще мог понять, но чувство голода удивило его – человеку в его положении явно должно быть не до еды.

Сколько же времени прошло с тех пор, как они вышли из Стэндиш-Хауза? Кажется, минула целая вечность, но нет, всего пять или шесть дней, точно он не знал, – все эти дни спутались. И за такое время – столько тревог, а они прошли так мало.

Дункан услышал, как Робин сказал Эйнеру:

– Давно должны были послать кого-нибудь. Небось, упиваются там вином, которое вчера было выдано на всех, а нам и попробовать не удастся.

– Я бы не прочь хлебнуть, – мечтательно проговорил Эйнер. – У нас редко бывает вино. Помню, месяцами не бывало выпивки, кроме эля, а он тяжел для желудка.

– Я думаю, стоит пойти и взять флягу для нас с тобой. Я через минуту вернусь.

– Ривер оторвет тебе уши, если ты оставишь пост.

– Что бы мы ни говорили о Ривере, он человек разумный и не заставляет своих людей страдать понапрасну. Если я приду и скажу ему, он пошлет кого-нибудь сменить нас. Он просто забыл, что мы уже давно торчим здесь.

– А пленники?

– За последнее время никто из них не пошевелился, так что нечего опасаться.

– Все-таки это мне не очень нравится.

– Я схожу и принесу вина, – продолжал Робин. – Просто некрасиво держать нас здесь, пока они там пьянствуют. Ягненок не успеет хвостиком махнуть, как я уже вернусь. Они там все под парами и никто меня не заметит.

– А осталось еще вино-то!

– Должно остаться. Там было три бочонка.

– Ну, ладно, раз уж ты решил, поторопись. Но все-таки, я думаю, ты делаешь глупость.

– Я тут же вернусь, – Робин, крутанулся на месте и исчез.

«Откуда у них вино?» – подумал Дункан.

Со стороны ив доносился слабый шелест.

Может, лиса все еще там?

Эйнер тоже, видимо услышав шорох, хотел повернуться, но фигура, появившаяся оттуда, уже кинулась на него. Рука схватила его за горло, блеснул металл и с треском погрузился в грудь Эйлера. Стражник упал на песок.

Человек, вышедший из ивняка, подбежал к Дункану и опустился на колени.

– Седрик! – прошептал Дункан.

– Я же говорил вам однажды, – так же шепотом ответил Седрик, – мелкие уколы, то здесь, то там...

В его руке был нож, которым он быстро разрезал веревки, стягивавшие руки Дункана, затем освободил ему ноги и протянул нож:

– Возьмите, пригодится.

Старый пчелиный мастер встал и пошел к ивняку.

– Подожди! – Дункан удержал его. – Пойдем с нами. Если Ривер узнает...

– Нет. Пчелы. Я еще нужен пчелам. Они без меня погибнут. А здесь – никто не узнает. Они все мертвецки пьяны.

Дункан встал. Ноги задеревенели от неподвижности и почти не держали его. Старый Седрик уже исчез, растворившись в ивняке.

Дункан подошел к Конраду.

– Что случилось, милорд?

– Тихо! – прошептал Дункан. Он быстро освободил руки Конрада и протянул ему нож. – Режь веревки на ногах и освобождай остальных. Сейчас вернется второй стражник, я займусь им.

Конрад схватил нож.

– Господи, благодарю тебя! – сказал он.

Подбежав к ивам, Дункан услышал, как Робин неторопливо тащится по песку. Дункан держал палаш, который выронил Эйнер – грубое тяжелое оружие плохо ложилось в ладонь, и онемевшие пальцы с трудом держали его.

Робин еще издали закричал Эйнеру:

– Я взял непочатый бочонок. Никто не заметил. Они все в лежку.

Он крикнул, перекладывая бочонок с одного плеча на другое.

– Нам с тобой тут хватит до утра, и еще останется, хоть ноги мой, коль пожелаешь.

Когда Робин обогнул группу переплетенных ив, Дункан быстро шагнул вперед... Удару не хватило изящества, фантазии и мастерства, присущих меченосцу: Дункан просто ударил ребром палаша по темени Робина – череп разлетелся, как спелая дыня, а сила удара больно отозвалась в плече, и бандит упал без единого звука.

Бочонок, подпрыгивая, покатился по земле. Дункан взял оружие Робина и подбежал к манускрипту; подобрав его, он сложил листы и сунул под рубашку.

Освобожденный Эндрю покачивался на нетвердых ногах, рядом с ним стояла и Мэг.

Конрад наклонился над Тайни, осторожно разрезал веревки на его морде, а Дункан побежал к Дэниелу, привязанному между двумя деревьями. Услышав его шаги, конь попятился, но Дункан шепотом сказал ему:

– Все хорошо, Дэниел. Легче, мальчик!

Когда он развязал веревки, лошадь бросилась вперед, а затем остановилась, вздрагивая. К ней подбежала Бьюти, волоча за собой веревку.

Подошел Конрад. Дункан протянул ему один из палашей, но Конрад показал на свою дубинку:

– Они оставили ее рядом со мной.

– Что, черт побери, делается с Эндрю?

Отшельник спотыкался, оглядываясь вокруг. Дункан схватил его за руку.

– Пошли. Надо уходить отсюда.

– Я должен найти свой посох! – сказал Эндрю и вдруг бросился вперед. – Ах, вот он!

– Куда пойдем, милорд? – спросил Конрад.

– Назад, в холмы. Это надежнее.

Конрад обхватил Мэг и бросил ее на спину Дэниелу.

– Держись крепче и наклонись пониже, чтобы ветки тебя не сбили. Цепляйся изо всех сил, потому что седла нет, и я не знаю, куда оно девалось...

Они остановились на вершине скалистой гряды, где в прошлую ночь видели несущегося по небу Дикого Охотника. Луна висела низко на западе, птицы уже начинали шевелиться на деревьях. Мэг сползла с Дэниела, радуясь остановке, а Эндрю сел на камень.

– Они оба измучены, – сказал Дункан Конраду. – Может, найти какую-нибудь нору и переждать? Посмотрим, что произойдет.

Конрад огляделся.

– Место хорошее, – сказал он, – мы можем стать спиной к тем скалам, если они снова нападут. Это лучше, чем быть схваченными в лесу, – и он протянул руки Дункану:

– Все еще остались полосы от веревок. И у вас, я заметил, тоже...

– Туго связали, – заметил Дункан. – Если бы не Седрик...

– Надо было ему идти с нами. Уж если Ривер разнюхает...

– Вряд ли он догадается. Они все были мертвецки пьяные. Кто-то дал им три бочонка вина, и они, конечно, попытались выпить все. Но кто мог дать им вино?

– Может, нашли в какой-нибудь сгоревшей усадьбе?

– Нет. Охранники говорили, что кто-то им дал.

– Вы приглашали Седрика идти с нами?

– Конечно, но он отказался. Он говорит, что нужен пчелам.

– Дух в последнюю ночь не показывался.

– Может, он был тут, увидел, что случилось, и со слезами отправился искать Снупи.

– Ему бы спуститься! Стражники до смерти перепугались бы и удрали.

Дункан с сомнением покачал головой.

– А что это дало бы нам? Ведь Дух не смог бы освободить нас.

– Да, это верно. Но что нам теперь делать, милорд?

– Подумаем... Пока не знаю... Может быть, найдем нору, пока ситуация не прояснится.

– Если прояснится...

– Что-то надо делать! У нас нет ни еды, ни одеял, ничего, да Ривер взял и колдовской амулет.

– Невелика потеря, – сказал Конрад. – Просто приятная безделушка.

– Может, и больше. Скорее всего, этот могучий талисман и защищал нас: нам удалось уйти от чар, мы легко победили безволосых, оборотни бежали, возможно, все это произошло благодаря амулету...

– Он не защитил нас от Ривера.

– Это да, против Ривера он нам не помог. Но я уверен, что в других случаях помогал.

Эндрю встал с камня и подошел к ним.

– Я знаю, что вы думаете обо мне. Тогда не было времени, а сейчас мы на свободе, и вы, вероятно, хотели бы наказать меня за пренебрежение долгом. Вы оставили меня на страже, а я задремал, я клевал носом вместо того, чтобы нести вахту, как положено, вот на нас и напали.

– Именно так и случилось, – рявкнул Конрад. – Я сначала удивился было, а потом не было времени думать. Значит, ты спал. Но почему? Ты же спал всю прошлую ночь, согнувшись в седле Дэниела.

– Это правда, но ведь это был не настоящий сон, – я просто дремал, а тут в тишине заснул. Я даже не предполагал, что так устал. Все это от слабости тела – мозг приказывает телу действовать, а оно падает. Я не такой крепкий, каким, вероятно, должен быть мученик.

– Ну вот, а ты еще разеваешь рот, чтобы тянуться за нами.

– Бросьте об этом, – сказал Дункан. – В конце концов у каждого из нас есть свои слабости. Все обошлось.

– Я постараюсь расплатиться за свою слабость и быть как можно тверже в исполнении своих обязанностей, как солдат Господа. Отныне, клянусь, вы можете положиться на меня.

– Если захочешь, – сказал Конрад, – я с удовольствием пну тебя в копчик. Это облегчит твою совесть, которая, как мне кажется, сильно омрачена.

– Если вы действительно хотите, сэр, дать мне хорошего пинка, то не надо сдерживаться из-за того, что я ваш компаньон по путешествию.

Он повернулся, наклонился и поднял рясу, выставив тощий голый зад.

– Прекратите буффонаду! – сердито закричал Дункан. – Хорошенькие манеры у солдата Господа – показывать добропорядочным путникам свою костлявую задницу. Оправь рясу и встань как мужчина. Сэр отшельник, надеюсь, вы будете вести себя более прилично.

Эндрю опустил рясу и выпрямился, а Конрад обратился к Дункану:

– Милорд, лучше бы вы позволили мне несколько укрепить его позвоночник, дабы он стал лучшим солдатом. А хороший пинок в копчик всегда помогал виновному.

Дункан поднял руку, призывая к молчанию.

– Заткнитесь все и прислушайтесь.

Откуда-то издалека слышались крики и вопли. Иногда они становились громче, потом затихали до шепота.

– Это со стороны дороги, – сказал Конрад. Крики продолжались, затихали и возникали снова, но, наконец, затихли окончательно. – Возможно, люди Ривера, они с кем-то столкнулись.

– Может, с безволосыми? – спросил Эндрю.

Они некоторое время прислушивались, но все было тихо... Показались первые лучи солнца.

– Надо узнать, – сказал Конрад. – Если было сражение и их выкинули с дороги, тогда мы можем спокойно идти, а не лазить по этим проклятым холмам.

– Давайте я схожу, – предложил Эндрю. – Я буду осторожен, чтобы не показаться им. Пожалуйста, пустите меня, чтобы я доказал свое решение стать полезным членом вашей компании.

– Нет, – сказал Дункан, – мы останемся здесь. Мы не знаем, что там случилось. А если на нас нападут, то здесь больше возможностей защищаться.

Мэг тронула Дункана за локоть.

– Тогда, дорогой сэр, пустите меня. Конечно, если на нас нападут, вы будете щадить мои слабые силы. Но я мо-

гу сходить и принести вам сведения о случившемся и обо всех этих воплях.

– Ты? – спросил Конрад. – Едва ли ты доползешь туда. За все время, пока ты с нами, ты только и делала, что берегла свои слабые силы.

– Я могу, – запротестовала Мэг. – Я проползу под стенами, как торопливый паук, я могу воспользоваться той маленькой магией, которая у меня осталась. Я схожу и вернусь с известиями.

Конрад вопрошающе взглянул на Дункана.

– Пожалуй, она сможет, – сказал Дункан. – Тебе хочется сделать это, Мэг?

– Я и так ничего не делала, только была для вас обузой.

– Конечно, разведать надо, не сидеть же нам тут бесконечно. Надо сориентироваться, но мы не можем раздробить наши и без того малые силы и отправить на разведку кого-то из нас.

– Кабы Дух был здесь, – сказал Конрад.

– Но Духа нет.

– Значит, пойду я, – твердо заявила Мэг.

Дункан кивнул в знак согласия.

Мэг быстро спустилась с холма и исчезла между деревьями.

Дункан подошел к одному из камней и сел, Эндрю и Конрад расположились по бокам, Тайни разлегся перед Конрадом, Дэниел и Бьюти паслись на пятачке скудной травы.

«Итак, мы здесь, – думал Дункан, – в этой Богом забытой дыре. Нас всего трое, а вокруг куча неприятностей».

У него сводило живот от голода. И вряд ли они найдут

какую-нибудь пищу раньше завтрашнего дня. Тайни может поймать кролика для собственного пропитания, но едва ли найдет столько, чтобы хватило на всех. Придется питаться корнями и ягодами, но Дункан не знал, какие из них съедобны. Мэг, наверное, поможет в этом: как ведьма, она должна знать, что можно есть в лесу.

Он подумал о предстоящем пути, — и его пробрала дрожь: они так мало продвинулись, а уже имели кучу проблем и неприятностей, к тому же они пойдут теперь без амулета.

Дункан был убежден, что амулет помог им, но сейчас задумался: ведь с безволосыми они справились до того, как нашли амулет, и это могло быть и случайностью, а вот против чар и оборотней амулет дал какую-то осязательную защиту. Победа над безволосыми могла иметь и еще одно объяснение: они не ожидали встречи с Дианой и грифоном... Да, наверное, этим все и объяснялось.

Однако с талисманом или без него они должны были идти в любом случае и при любых обстоятельствах, — выбора не было, — доброе имя его предков не давало ему другого решения. А пойдет он — пойдут и другие. Собственно, у Мэг не было никаких причин идти с ними, но он был уверен, что пойдет и она.

Дункан заметил, что клюет носом. Он встал и глубоко вздохнул, прогоняя сон, но через некоторое время снова задремал. Все его тело болело, в животе было пусто, и очень хотелось спать, но на сон времени не было.

Конрад встал, поглядел вниз, на подножие холма, и сказал:

— Она идет.

Дункан с трудом поднялся и увидел, что внизу что-то движется. Приглядевшись, он узнал Мэг, — она почти ползла по склону, соскальзывая и снова поднимаясь.

Конрад сбегал вниз, поднял ее на руки, внес наверх и осторожно посадил перед Дунканом. Мэг посмотрела на них бусинками глаз и резко сказала:

— Мертвые!

— Мертвые? — переспросил Дункан. — Люди Ривера?

— Все... — прошептала она. — Они лежат на дороге мертвые и окровавленные...

15

Ветер с болота трепал лохмотья фигур, лежащих на песке, — не у всех, потому что часть мертвых была из безволосых, у которых не было лохмотьев. Крупные птицы сидели на телах или прыгали между ними. Тела лежали на небольшом пространстве, — видимо, люди Ривера собрались в кучу, чтобы отразить атаку, шедшую, похоже, с трех сторон, так что отступить они могли только в болото, а оно само по себе было смертью.

Вещи — седельные сумки, горшки и сковороды, одежда, пивные кружки и оружие — все было разбросано вокруг. Костер еще слабо тлел, давая тонкую струйку дыма. Далеко на дороге стояли, свесив головы, несколько лошадей, — остальные, как видно, разбежались. У кучи хвороста валялись седла, попоны и прочая сбруя.

Дункан остановился, глядя на сцену резни. Он чувствовал горький вкус во рту и боялся, что его вырвет. Хотя он читал в древних свитках Стэндиш-Хауза страшные, вы-

зывающие дрожь отчеты о сражениях и мрачные описания их последствий, он впервые видел собственными глазами такую бойню. На него странно подействовало это зрелище: ничего подобного он не испытывал при битве с безволосыми и вервольфами. Всего несколько часов назад он развалил череп ничего не подозревавшего Робина, — но это было сделано ради собственной жизни. А здесь — другое дело, здесь не было ничего личного, он в этом не участвовал. Тут лежали люди, грозившие насильем и муками самому Дункану и его товарищам, и он пытался уверить себя, что рад случившемуся, что это развязало ему руки, но, к своему удивлению, обнаружил, что в нем нет ненависти к мертвым.

Не то, чтобы он никогда не видел мертвых... Ему было десять лет, когда старый Уэллс пришел к нему в комнату и пригласил в большой холл, где лежал умерший дядюшка Дункана. Там собралась вся семья, но Дункан не видел ни одного лица, кроме ястребиного профиля старика, лежавшего на смертном ложе. Толстые высокие свечи горели по четырем углам кровати, будто могли своим светом отогнать мрак смерти от уже умершего старика. Его Преосвященство стоял рядом с кроватью, одетый в блестящую сутану, и бормотал латинские молитвы для утешения и благословения покойника... Но Дункан смотрел только на деда и видел только его одного, его хрупкое старое тело, увенчанное сильной головой с ястребиным профилем.

Однако, несмотря на всю силу лица, человек казался восковым, — ушедшего заменила восковая фигура.

Конрад коснулся руки Дункана.

— Милорд!

– Да! Извини, я задумался.

Они медленно пошли вперед, тяжело ступая. При их приближении черные могильщики недовольно заверещали, взмахнули крыльями и подняли вверх свои тяжелые тела. Белые пустые лица непонимающе смотрели на пришедших.

– Нам остается сделать только одно, – сказал Конрад. – Найти то, что принадлежит нам: ваш меч, амулет, о котором вы так печалились, седло Дэниела, одеяла и немного пищи, а затем спокойно уйти.

Дункан остановился, а Конрад пошел дальше, обходя место смерти.

Мэг торопливо ходила, наклонялась и в какой-то мере напоминала стервятников, которые снова слетели вниз. Эндрю остановился несколько позади и задумчиво оперся о посох, а Тайни трусил за Конрадом, порывая на мертвецов.

– Милорд, – позвал Конрад, – идите-ка сюда!

Дункан поспешно подошел к нему, тот показал пальцем на одно из тел: глаза трупа были открыты и смотрели на него.

– Ривер. Этот сучий сын еще жив. Прикончить его?

– Не нужно. Он не уйдет отсюда, его час настал.

Ривер с трудом заговорил:

– Стэндиш! Значит, еще раз встретились!..

– Правда, при других обстоятельствах, нежели в последний раз. Тогда ты, кажется, собирался сдирать с меня шкуру...

– Они продали меня, Стэндиш. – Ривер закрыл глаза. – Они велели мне убить тебя, а я этого не сделал.

– Не должен ли я благодарить тебя?

– Они использовали меня, Стэндиш, чтобы убить тебя.

У них кишка тонка для такой работы.

– Кто это «они»?

Глаза Ривера открылись:

– Ты скажешь мне правду? Поклянись на кресте!

– Для умирающего – да, поклянусь.

– Есть здесь сокровище или было когда-нибудь?

– Сокровища нет и никогда не было, – ответил Дункан.

Ривер снова закрыл глаза.

– Ну и ладно. Я просто хотел знать. Теперь ты можешь позволить своему жлобу...

Конрад поднял дубину, но Дункан медленно покачал головой.

– Не нужно. Это ничего не даст.

– Кроме удовлетворения.

– В этом нет удовлетворения.

Эндрю подошел и встал рядом.

– Надо бы сказать несколько напутственных слов, последний обряд для умирающего. Я не облечен властью делать это, но просто несколько слов...

Ривер хотел открыть глаза, но не смог.

– Отгони этого ханжеского недоноска... – прошептал он чуть слышно.

– Ты ему не нужен, – сказал Конрад Эндрю.

– Последнюю милость, – прошептал Ривер.

– Что тебе?

– Разбей мою проклятую голову.

– И не подумаю, – сказал Конрад.

– Я лежу среди своих людей. Помогите и мне умереть.

– Ты и так скоро умрешь.

Эндрю выпустил посох и выхватил у Конрада дубину, – она взлетела вверх и опустилась. Оторопевший Конрад смотрел на свою пустую руку.

– Это и есть напутственное слово? – спросил Дункан. – Таков твой последний ритуал?

– Я оказал ему милосердие, – ответил Эндрю, выпуская дубину из рук.

Отойдя подальше от мертвых, они сделали привал. Уже близилась ночь, со стороны болота доносились далекие причитания, порывистый ветер раздувал костер и уносил искры далеко к болоту.

«Болото – страшное место, – думал Дункан, сидя у костра. – Страшное в своей протяженности, уединенности и дикости. Это не озеро, но и не суша, место многих медленных потоков, разделенных болотной тиной и камышами, с пятнами окон из ивняка. Попади в него – не выберешься».

Конрад, сидевший по другую сторону костра, сказал:

– Удачно вышло, милорд. Мы не только спасли наши шкуры, но и вернули все наше имущество – меч, амулет и прочее.

– Мне очень жаль старого Седрика, – сказал Дункан.

– Надо было похоронить его, – добавил Эндрю. – Он – не то, что другие, он много сделал для нас.

– Большой услуги мы ему все равно не оказали бы, – заметил Конрад. – Какую могилу ни рой – через день-два волки до него доберутся.

– И нельзя было задерживаться, – продолжал Дункан. – У нас оставалось всего два часа до темноты, а мне хотелось успеть подняться на дорогу.

И тут появился Дух.

– Явился, наконец, – раздраженно сказал Эндрю, – Где ты шлялся все это время? Мы попали в такую переделку...

– Я знаю. Я вернулся ночью и видел все. А не показывался я, потому что нематериален и помочь вам не мог, а немедленно полетел искать Снупи или кого-нибудь из его народа, чтобы позвать их на помощь. Но так никого и не нашел.

– Ох уж этот Снупи! Ничего он не стоит. И такой же безответственный, как и ты, – верить ему нельзя, и не стоило труда искать его.

– Он помог нам однажды, – вступился Дункан, – с Иисусом на холмах. Он предупредил нас, чтобы мы ушли оттуда и показал дорогу.

– Ну, иной раз он может чуть-чуть и помочь, – согласился отшельник, – когда захочет. Но надеяться на него нельзя, – положишься на него – свернешь шею. В нем глубоко заложено озорство.

– Счастлив сообщить, что здесь сейчас опасности нет. Однако за теми холмами все еще могут быть безволосые.

– Они были здесь утром, – сказал Конрад, – и напали на Ривера.

– Знаю. Но они не задерживались.

– Ривер и его люди, видимо, прятались в расщелине, – предположил Дункан, – вот почему их никто не видел. Ты уверен, что безволосые не прячутся там?

– Уверен, я как раз оттуда. Мне пришла в голову та же самая мысль, и я пролетел по всей длине щели. – Дух вздрогнул. – Страшное место!

– За ней, по словам Снупи, должен стоять замок, – сказал Дункан.

— Когда-то был замок, а теперь развалины, больше ничего: груды камней, похожих на могилы, стоят деревья, обросшие мхом...

Мэг, скорчившись на своем месте у костра, что-то бормотала про себя, — она подобрала несколько камушков и как бы играла с ними.

— Ты бросаешь руны, — с отвращением в голосе сказал Эндрю, — что они тебе говорят? Что ты по ним видишь?

— Новую беду, большие неприятности.

— У всех свои неприятности, бабушка, — заметил Дункан. — Такова уж человеческая доля.

— Не все имеют долю в неприятностях, — возразила Мэг. — Беды, они поровну не делятся, — у одних только дорога да беды, а у других ничего нет.

— Ты не можешь сказать, какого рода эта новая беда? — спросил Конрад. — Чтобы мы были готовы достойно встретить ее?

— Руны этого не говорят. Только то, что беда лежит на дороге впереди.

— Все это обман, жульничество, — возмутился Эндрю. — У тебя же не руны, а просто камешки!

— Нехорошо ты говоришь, — сказал отшельнику Дункан. — Надо думать, женщина знает свое ремесло.

— Хорошие слова, — одобрила Мэг. — Я благодарю вас, сэр. Тот, кто знает это искусство, может взять любой камень, и он хорошо ему послужит. Секрет вовсе не в камне, а в том, кто кидает.

— Скажи мне только одно, — попросил Дункан, — я думаю, ты знаешь это. Что за плач мы слышали с болота. Печальные такие звуки.

Это и есть Печаль. Оплакивание мира, всех живущих на земле, людей и всего остального, что есть или было на свете до людей.

Это кощунство, – сказал Эндрю. – Я слышал это как-то недавно, но ничего не сказал, а сейчас скажу. Библия говорит нам, что до человека никакой жизни на земле не было, что вся жизнь была сотворена в один день. Так написано в книге Бытия.

– Полегче, друг, – перебил его Дункан. – Есть крупные ученые, изучающие горные породы, они думают по-другому, – они находят отпечатки на камнях...

– Об этом я тоже слышал, – сердито перебил Эндрю, – но я этому не верю. Это все софистика.

– У каждого свои убеждения, – сказал Дункан. – Не будем спорить. Мэг, ты говоришь – Печаль? От кого же исходит эта Печаль?

– Не знаю. Знаю только, что таких мест, откуда идет плач, на земле много: печальные места, покинутые, забытые, – там оплакивают мир.

Дункан сидел и слушал плач за весь мир. Звук шел издалека, не обязательно с болота, но откуда-то рядом с ним.

«Есть какое-то потаенное место, – думал он, – где бедность и отчаяние собираются как в фокусе. Плач за все события, которые могли произойти, но не произошли, потому что Крестовый поход так и не состоялся, и Иерусалим до сих пор в руках неверных: за иберийские корабли, которым не пришлось рассекать океанские волны у чужих портов, и неизвестные страны все еще ждут их; за Европу, которая все еще пребывает в застое, пашет землю плугами, которыми пользовались столетия назад, а крестьяне

живут в темных нездоровых лачугах; все еще существует язычество, и даже чуть ли не рядом с великолепием церквей, воздвигнутых трудами и молитвами христиан для прославления Господа».

Могучие силы Зла, как говорил Его Преосвященство, кормились и жирели на человеческих несчастьях и делали упор на углубление нищеты. Это Зло в прошлом появлялось во многих местах, в стратегических точках. Теперь оно здесь, в Британии. Какие факторы сделали Британию стратегически важной, что Зло здесь возникло? Британия за всю историю была самым спокойным местом, захолустьем мира, где случались местные раздоры, и иной раз раздавалось бряцанье оружия, но всегда это носило локальный характер.

– Дорогой сэр, – сказал Дух, вставая над Дунканом, – я думаю, что сработал не так уж и плохо. Я верю в силу разведки и всегда говорю вам правду.

– Ты лоялен, хотя это меня удивляет. У тебя нет никаких оснований быть правдивым и преданным нам.

– Вы однажды сказали, что не приглашаете идти с вами, но не имеете возможности помешать мне в этом. Я знаю, это не означало, что вы ко мне плохо относитесь, но все-таки с тех пор у меня давит в груди...

– Послушай, ну что же я мог еще сказать? Что я мог дать тебе, пригласив с собой? Зато теперь я могу сказать: я очень рад, что ты пошел с нами.

– Вы и в правду так думаете, сэр?

– Совершенно искренне, Дух.

– Тогда я буду продолжать путь с легким сердцем. Когда, по вашему мнению, сэр, мы придем в Оксфорд? Я

очень хочу найти там достойного ученого и поговорить с ним о деле.

– С такими темпами, как у нас, мы, пожалуй, никогда не дойдем...

– Но вы же не думаете так, сэр?

– Нет, пожалуй, не думаю. Рано или поздно, но мы придем в Оксфорд.

Говоря все это, Дункан, однако, сам сильно сомневался. Они еще так мало прошли, и если слишком задержатся, Бишоп Вайс может умереть до того, как увидит манускрипт. Другого знающего человека может не оказаться, и их путешествие, в лучшем случае, будет глупой ошибкой.

Где же сейчас Разрушители? Возможно, на севере. Сейчас явно пора начинать процедуру омоложения, потому что они как раз очистили этот район. Может быть, Разрушители расставили заграждения на своих тропах только потому, что Дункан шел прямо к месту их сборища?

Если бы он знал, где находятся Разрушители, он со своим отрядом обошел бы их стороной, и те, возможно, оставили бы его в покое.

Он мысленно вернулся обратно по пройденному пути, надеясь отыскать какой-нибудь ключ к дальнейшему продвижению и снова вспомнил о Диане и ее грифоне. Как он ни пытался рассматривать эту встречу как случайный дорожный инцидент, его мозг крепко держался за память о ней, и выкинуть Диану из памяти Дункан не мог. Он понял, что все время думал о ней, об их встрече, которая произошла несколько дней назад.

– Милорд, опускается туман, – предупредил Конрад. – Надо быть внимательными ночью.

Он был прав, за последние несколько минут из болота поднялся туман и теперь подступал к ним, а из него все еще доносился, приглушенный туманом и расстоянием, плач по миру...

16

Они дошли до конца дороги, когда солнце уже сильно склонилось к западу, и вошли в узкую расщелину между двумя высокими утесами. Казалось, что какой-то гигант в далекие времена разрубил гору одним ударом тяжелого топора. С дороги в ущелье надуло песка, и он лежал там низкими дюнами, весь в оспинах следов людей и лошадей – скорее всего, банды Ривера. Но метров через сорок – пятьдесят песок кончился, и под ногами остался голый камень. На небольшом расстоянии он был ровным, как пол, а иной раз путь почти перегораживали обломки осыпающегося со стен камня. Здесь ничего не росло – ни травинки, ни кустика. Неутихающий ветер с болота свистел в расщелине, то жалобно завывая, то опускаясь до шепота и снова поднимаясь до визга.

Они шли в том же порядке: впереди Тайни, но гораздо ближе к группе, чем он ходил на открытых местах, за ним Конрад, потом Бьюти и отшельник, шедшие теперь друг за другом, потому что дорога часто сужалась, и, наконец, Дункан с Дэниелом, на спине лошади сидела Мэг, цепко держась за седло.

В расщелине было полутемно. Дункану показалось, что они идут по дну колодца, изолированного от внешнего мира, отрезанные от всего, что в нем происходило, и, мо-

жет быть, это было не только ощущение, потому что это место могло оказаться западней.

Они просто по привычке шли обычной цепью. Это было правильно для открытых мест, но здесь могло оказаться ошибкой. В открытом пространстве Дэниел, находясь в тылу, мог быстро развернуться навстречу любой опасности, угрожающей сзади, здесь же места для маневра почти не было. Дункан прижался к стене и пропустил Дэниела вперед. Осторожно ступая, Дэниел прошел мимо хозяина, крепко прижав его к стене своим большим телом. Идя за ним, Дункан снова положил руку на обретенный поясной мешочек и ощупал пергамент и амулет, вернувшийся из кармана Ривера. Что-то помогало им пройти через все опасности, с которыми они встречались. Это явно не было случайностью. Амулет? Наверное. Годы, которые амулет пролежал в могиле Вольферта, могли усилить его магию, как дуб улучшает вкус и букет хорошего бренди.

«Как бы то ни было, — думал Дункан, — хорошо, что амулет снова у меня...»

Время шло. Тьма медленно наползала слева, а конца ущелья не предвиделось. Снупи говорил, что здесь всего миль пять. Если бы гоблин был хоть сколько-нибудь близок к истине, то и при медленном темпе, они уже должны были пройти это расстояние. Не наложены ли и здесь чары?

Дункану уже давно казалось, что ветер стал больше напоминать голоса, как будто хор проклятых душ выкрикивал непонятные слова. Наконец ветер утих, и довольно долго стояла мертвая тишина, но она казалась еще страшнее, чем завывание и визг.

Снова завыл ветер, снова пришли голоса, если только они не звучали в воображении. И теперь над воплями агонии поднялся голос, отчетливо произносивший одно слово: «СВЯТОЙ!»

Слово повторялось с жаром, с восторгом, как если бы осужденная душа неожиданно поднялась от мук чистилища прямо к воротам рая.

Дункан закрыл руками уши, чтобы не слышать этой победной песни, и когда через несколько минут отпустил их, услышал голос Конрада:

– Свет! Я вижу свет! Мы приближаемся к концу!

Дункан не видел света, и это было не так уж удивительно, потому что дорога была исключительно узкой, и тело Дэниела занимало ее почти целиком, блокируя видимость. Однако он заметил, что стены немного посветлели. Экстатический же голос все еще кричал: «Святой!», но с увеличением света слабел и, наконец, смолк совсем. Вопли ветра прекратились, погибшие души замолчали, и Дункан увидел впереди местность, о которой говорил ему Снупи.

Это и в самом деле было приятное место: широко раскинувшаяся долина с холмами на заднем плане, перед ними лежали развалины замка, о котором предупреждал их гоблин.

Замок был чуть больше могильного холма. Две осыпавшиеся башенки все еще стояли на страже по обоим сторонам его, а между башенками лежала беспорядочная груда камней, края которых были сглажены ветром и дождями. Внимание Дункана привлекли широко расставленные стоячие камни, — когда-то, видимо, замок был окру-

жен изгородью из массивных камней, вроде того, как, по слухам, было в Стоунхендже и кое-где в других местах. Но этот круг был шире, чем в Стоунхендже, если верить словам путешественников, потому что он включал в себя много акров земли. Вероятно, в прежние времена это было величественное зрелище, но теперь этот замок был основательно разрушен. Позади него текла спокойная река, над которой летела стая уток.

Дункан подошел к Конраду. Тайни бежал впереди, обнюхивая все.

— Я думаю, мы спустимся к реке и разобьем там лагерь, а утром пораньше двинемся в путь.

Конрад кивнул.

— По открытому месту мы пойдем быстрее, — сказал он.

— Нам это необходимо. Мы потеряли массу времени.

— Жаль, что мы не могли взять часть лошадей Ривера. Но все равно, мы наверстаем упущенное.

— Нас может задержать отшельник.

— Посадим его на Дэниела вместе с Мэг. Конь снесет их обоих и даже не заметит.

— Посмотрим, — сказал Дункан. — Отшельник может поднять дьявольский шум, — он хочет быть таким же, как ты и я.

Они спустились с холма и прошли через долину, когда Мэг вдруг завизжала. Оба круто обернулись.

С лесистого холма, на восток от расщелины, спускался длинный рад безволосых, а позади них тянулся туман. Он колыхался и дергался, будто внутри него было какое-то смятение. Из щелей и разрывов клубящегося тумана временами показывались отвратительные видения: фрагменты зубов, копыт, рогов, горящих глаз.

Конрад присвистнул:

– Магия!

Остальные члены отряда добежали до Дункана и Конрада и выстроились в линию, лицом к подходящим безволосым, которых сзади прикрывало колышющееся облако тумана.

– Останемся здесь? – спросил Конрад.

– Отступить некуда, – ответил Дункан. – Если мы побежим, они нас догонят.

– А развалины? Если мы встанем спиной к этому могильному холму, безволосые могут напасть только спереди или сбоку. Они кинутся, как волки.

– Мы не успеем добежать, к тому же Снупи предупредил нас насчет этого замка.

Дэниел стоял справа от Дункана, Эндрю – слева, Бьюти и Мэг – за ними, Конрад и Тайни замыкали левый фланг.

– Мэг, ты-то что тут делаешь? – спросил Дункан. – Беги отсюда, спасайся!

Она хихикнула:

– Я могу кусаться, царапаться и пинаться, а также призывать немного магии.

– На кой нам твоя магия! – воскликнул Эндрю. – Те, что идут на нас, сами с магией.

Безволосые шли медленно, подняв дубины. За ними плыл туман, казавшийся теперь простреленным вспыхивающими искрами, – внутри ворочались устрашающие фигуры, появлявшиеся при вспышках и снова исчезающие за витком дымного облака.

Дункан держал меч наготове и радовался, что не боится, хотя надежды устоять перед такой силой не было во-

все. Безволосые нападут, произойдет короткая схватка, а затем вступят в бой чудовища, и все будет кончено. Но что делать? Бежать, чтобы за ними охотились, как за животными? Упасть на колени и просить пощады, хотя известно, что ее не будет? Просто стоять и ждать смерти? Нет, он будет сражаться и по крайней мере не уронит чести Стэндиш-Хауза. На мгновение всплыло воспоминание, как он стоял перед стариком-отцом, смотрел на его прямую фигуру, на суровое лицо с коротко подстриженными усами, седыми волосами и ясными, честными черными глазами. Может ли сын опозорить такого человека?

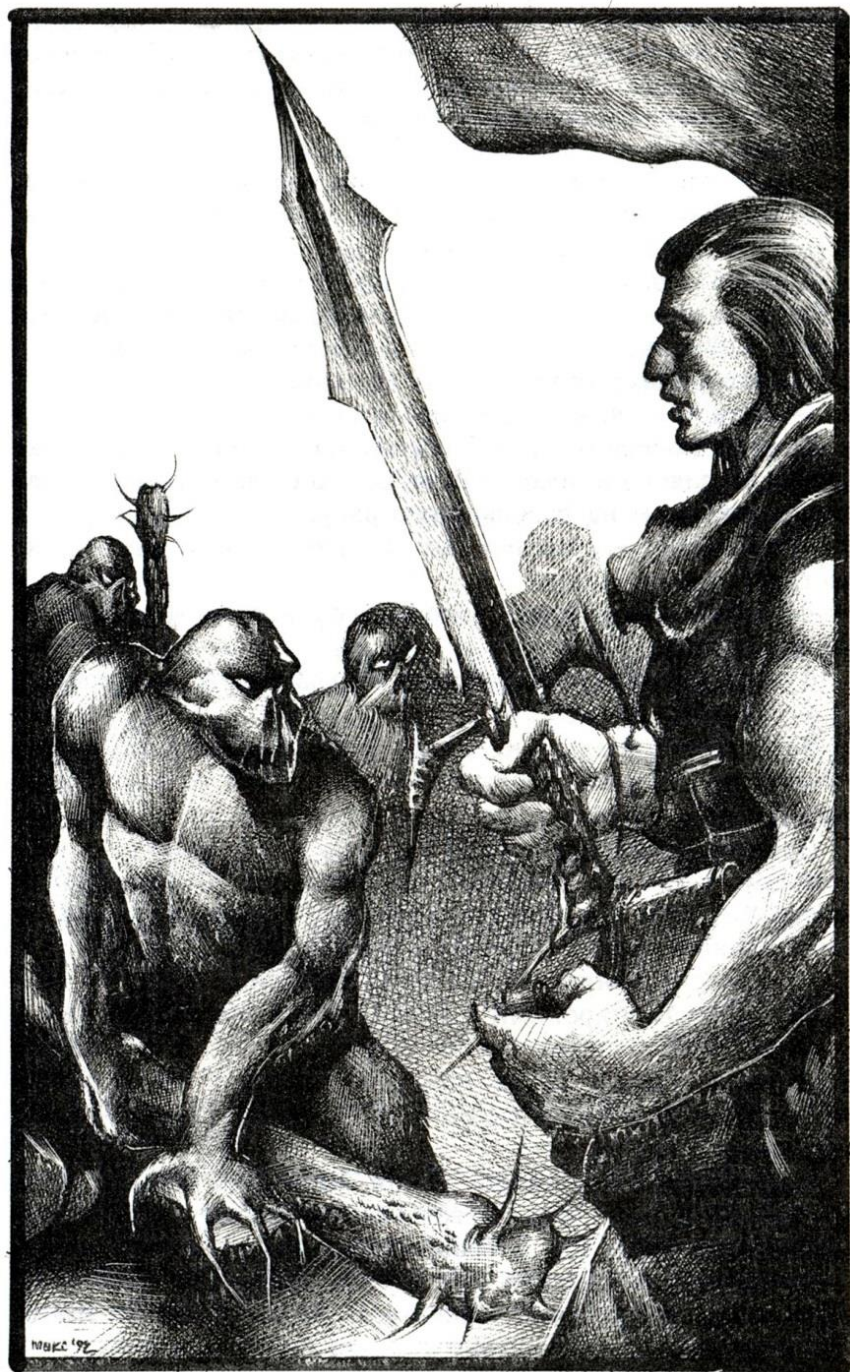
Дункан поднял меч, встречая первого безволосого. «Еще шаг», – подумал он.

Безволосый сделал этот шаг, поднял дубину, но Дункан уже ударил мечом и скорее почувствовал, чем увидел, как лезвие вошло в тело.

На место упавшего безволосого встал другой. Меч взлетел снова, удар был отклонен дубиной, однако рука, державшая ее, была отрублена выше локтя. Рядом закричал в дикой битве Дэниел, как кричат только боевые кони. Он стоял на дыбах, разбивал черепа и топтал упавших безволосых. И Эндрю вытаскивал свой посох из живота безволосого. Другой взмахнул над ним дубиной, но Дункан тут же перерубил ему глотку.

Счет времени был потерян. Не осталось ни прошлого, ни будущего, только залитое кровью настоящее. Безволосые, как в дурацкой игре, выстроились в одну линию, чтобы их можно было убивать по одному. Дункану казалось невероятным, что он еще держится, но это было так.

И вдруг перед ним не стало безволосых, а появилось

что-то черное, омерзительное, все в когтях и зубах, изрыгавшее адскую злобу, и Дункан, во вспышке слепой ненависти, которой он не испытывал к безволосым, бросился на это нечто и разрубил его пополам.

Что-то толкнуло его в бок, и он упал. Поднявшись, он увидел, кто его повалил: разъяренный грифон бил крыльями по крутящемуся облаку, рвал его когтями и острым клювом, раздирая то, что находилось внутри облака. На спине грифона сидела Диана в кожаном костюме. Ее медно-золотые волосы трепал ветер, в руках ее сверкал боевой топор, залитый красной кровью и черными чернилами, которые вытекали из злобной твари, убитой Дунканом. Он слышал гром копыт в небе, звук охотничьего рога и лай собак, шагнул вперед и споткнулся о лежащего отшельника.

Впереди ковылял на кривых ногах безволосый, направлявшийся к Тайни, систематически раздиравшего на части воющий и визжащий ужас. Дункан бросился на безволосого, вонзив острие меча в горло врага, а его дубина ударила о землю, чуть не задев Тайни.

Стук копыт и хриплый лай, казалось, заполнили всю долину, и сквозь туман люди увидели черные силуэты всадника и собак, от которых пронесся такой ветер, что Дункан еле удержался на ногах.

Дикий Охотник и его свора внезапно устремились через свернутый край тумана, содержавшего отвратительных чудовищ, появились в небе и вновь повернули к облаку.

Высоко подняв топор, Диана крикнула Дункану:
– Бегите к замку! Спасайте жизнь!

Дункан повернулся, чтобы поднять Эндрю, но тот уже встал, опираясь на посох. На щеке его была ссадина, кровь капала с бороды на разорванную рясу.

— К замку, — крикнул ему Дункан. — Беги как можно быстрее!

— Бегите все к замку. Это ваш единственный шанс! — кричала Диана.

Дункан подскочил к Дэниелу и схватил его за гриву.

— Пошли, Дэниел!

Безволосых больше не было. Край тумана был в лохмотьях, светящиеся стрелы исчезли, а масса темных фигур выскакивала и бежала, ползла и извивалась по холму.

Дункан оглянулся, ища Конрада. Тот бежал к развалинам, таща за ошейник разъяренного Тайни. Мэг и Бьюти со всех ног бежали туда же, Эндрю ковылял за ними, злобно ударяя посохом о землю.

— Пошли, Дэниел, — повторил Дункан.

Он побежал широкими шагами, конь поскакал за ним.

Оглянувшись через плечо, Дункан увидел, что Дикий Охотник и собаки резко набирают высоту. Он услышал свист крыльев и увидел Диану и грифона, также направляющихся к замку.

Наклонившиеся стоячие камни были уже близко. Дункан бежал к ним, недоумевая, какую защиту можно там найти. Если силы Зла и безволосые нападут снова, а они, вероятно, так и сделают, как только соберутся вместе, он и его отряд снова будут сражаться. На этот раз их спины будут защищены могильным холмом, но и в этом случае им долго не продержаться.

Им и так удивительно повезло, что они еще живы.

Если бы не вмешательство Дианы и Дикого Охотника, они все уже погибли бы.

«Кстати, – подумал Дункан, – а почему Дикий Охотник связался в это дело? Ему-то какой интерес?»

Он быстро оглянулся и увидел мертвых безволосых. Другие тоже лежали – и то, что Дункан разрубил, и та визжащая тварь, которую рвал Тайни, и прочие.

Дункан и Дэниел прошли между двумя стоящими камнями, и вдруг обычная луговая трава под их ногами превратилась в ухоженную бархатистую лужайку. Дункан ошеломленно поднял глаза и чуть не задохнулся от изумления: развалины исчезли, вместо них стоял роскошный замок в прекрасной местности, новенький, сияющий. К высоким входным дверям вели каменные ступени, вход был освещен свечами, из некоторых окон тоже лился свет.

На лужайке сгорбился грифон, а Диана, все еще держа топор, шла к Дункану. В нескольких шагах от него она остановилась и сделала глубокий реверанс, сказав:

– Добро пожаловать в Замок колдунов.

Остальные тоже собрались на лужайке и, как видно, были так же ошарашены увиденным, как и Дункан.

Он все еще держал обнаженный меч, затем стал машинально вкладывать его в ножны, но Диана остановила его.

– Сначала вытрите его как следует вот этим... – Она поднесла руку к шее и сняла белоснежный шарф.

– Но...

– Вытирайте, у меня полно их, и этот уже старый.

– С вашего позволения, мадам...

Он взял из ее рук длинную полоску шелковистой ткани и тщательно протер лезвие, пока оно не заблестело.

– Дайте и мне кусочек.

Дункан нерешительно разорвал шарф, и она стала вытирать топор.

– Хороший спорт, – сказала она. – Добрая охота.

Он смущенно пожал плечами.

– Да, дело обернулось хорошо. Но нам приходилось туго, пока не появились вы и Охотник. Скажите, ему-то зачем все это? А вам? И еще этот Замок...

– Я же говорю вам, что это Замок Колдунов. Как только вы переступили магический круг, вы оказались в очарованной местности.

Конрад, прихрамывая, подошел к ним. Следом шел Тайни.

– Что с тобой? – спросил Дункан.

Конрад медленно повернулся и показал кровавую рану, шедшую от бедра к колену.

– Кто-то хватанул меня. Наверное, та тварь, которую рвал Тайни. А с вами все в порядке, милорд?

– Сбит с ног грифоновым крылом, вот и все.

Он вытер со лба подсохшую кровь.

– Простите, – сказала Диана, – Хуберт порой бывает неловок, но это, по правде говоря, не его вина: он очень стар. – Она обернулась к Конраду. – Вам лучше пройти в замок, потому что ваша рана...

– Пройдет, бывало и хуже.

– В рану мог попасть яд. У нас здесь есть обезвреживающая мазь, – я училась составлять лекарства.

– Спасибо, но не стоит того.

Оглянувшись на круг стоячих камней, Дункан увидел, что все они стоят прямо – новые, белые, поблескивающие в слабом свете, будто их вырезали только вчера.

– Не понимаю, – сказал он Диане, – все камни стоят, как полагается, новенький замок, лужайка, каменные скамейки на ней, кусты и деревья – все так живописно.

– Это очарованное место, особое. С той стороны все кажется развалинами, как это и должно было быть, потому что замок возведен много столетий назад, но внутри круга он всегда выгладит так, будто только что построен. Когда-то здесь было много могущественных колдунов, обладавших великими знаниями, они могли править временем и миром, могли...

– Вы сказали – когда-то. А теперь?

– Один колдун все еще живет здесь. Последний.

Дункан чуть было не задал ей еще один вопрос, но вовремя закрыл рот. Она засмеялась.

– Вы собирались спросить насчет меня?

– Я не имею права, миледи.

– А я скажу. Во мне есть кровь колдунов.

– Вы колдунья?

Она покачала головой.

– Нет. Я пыталась стать ею и очень хотела, но обнаружила, что не могу. Помните, я спрашивала о Вольферте? Вольферт был моим прадедом... Но мы стоим и болтаем, а нам нужно войти в замок. Вашему другу нужна помощь, да и у вас царапины на лбу. И все вы, я полагаю, умираете с голоду.

Конрад просиял.

– Я бы не прочь поесть и чуточку выпить, если у вас это найдется. Сражение вызывает жажду.

– Простите его, – сказал Дункан. – Он совершенно бессовестный.

– У нас нет прислуги, – заметила Диана. – Когда-то здесь был большой обслуживающий персонал, но теперь он, в сущности, не нужен. Да и трудно найти верных людей. Дел здесь немного: приготовить еду, постелить постели, немного прибрать. Все остальное делает магия места.

– В крайнем случае, – сказал Конрад, – мы с милордом можем готовить, думаю, Мэг тоже, а насчет отшельника – не знаю.

– Ну, пошли, – пригласила Диана. – В кладовой, которая всегда полна, достаточно припасов, так что голодать нам не придется, – и повела гостей по широким ступеням ко входу в замок.

– Для собаки найдется мясо, а лошадь и ослик могут пастись на лужайке.

– Спасибо от всех нас, миледи, – поблагодарил Дункан. – Ваше гостеприимство выше всяких похвал, да вы еще так помогли нам сегодня...

– Помощь была взаимной. Вы сделали для нас не меньше, чем мы с Хубертом для вас: вы отвлекли Зло и нанесли ему хороший удар. Кутберт будет рад. Кое-что он мог бы сделать и сам, не будь он так стар и слаб, и так одинок. Все его бывшие товарищи умерли.

– Кто это – Кутберт?

– Волшебник, о котором я вам говорила, последний из могущественной группы колдунов. Он растерял большую часть своей силы из-за недостатка компаньонов, хотя он станет это отрицать, если ему скажешь. Я уж стараюсь не упоминать об этом.

– Вы сказали, что он стар и болен. Я не знал...

– Колдуны – не сверхъестественные существа, – возразила Диана. – Это просто люди большого знания определенных тайн, и поэтому способные делать множество удивительных вещей, но им так же свойственны болезни и горести, как и всему человеческому роду. Я предполагала еще раз побывать в той деревенской церкви, где мы познакомились, но когда прибыла сюда, увидела, что Кутберт очень плох, и осталась заботиться о нем.

– А как он сейчас?

– Спасибо, ему много лучше. Он заболел, скорее всего, по собственной вине: когда я уехала, он забывал о еде, погрузившись в работу, – он очень стар и нуждается в уходе.

Они стали подниматься по высокой лестнице. На полпути Дункан оглянулся и увидел за кругом стоящих камней рощу.

– Этих деревьев раньше не было.

– Каких деревьев?

– За оградой.

– Вы не понимаете: отсюда вы видите все таким, каким оно было во времена постройки замка.

Наконец они вошли в большой холл, пол которого был сделан из хорошо пригнанных цветных плит, несколько коротких лестниц вели из холла в другие части замка, в канделябрах по стенам горели свечи, давая мягкое освещение, а в центре холла стояла шестифутовая колонна диаметром три фута. Увидев то, что скорчилось на ее вершине, Дункан и все остальные остановились в изумлении.

– Пошли, – нетерпеливо сказала Диана, – это всего лишь Скрач. Не бойтесь его, он ручной и совершенно безвредный.

Они медленно двинулись дальше, а создание на колонне внимательно их разглядело, а затем произнесло:

— Она сказала — «всего лишь Скрач». Презрительно сказала. Она всегда говорит правду, потому что она правдивая и даже благожелательная особа. Вы видите перед собой демона из колодцев Ада, и можете либо жалеть, либо презирать его.

— Скрач всегда драматизирует. Он останавливает всякого, кто придет в гости, и рассказывает свою историю, конечно, здесь никто не знает, правдива она или нет, но он все равно рассказывает. Дайте ему возможность, и он совсем заговорит вас.

— А что он такое? — спросил Дункан.

— Он же сказал вам: он демон из Ада и был здесь привратником почти столько времени, сколько стоит замок.

— Она назвала меня «привратником», — сказал Скрач, — но я не при входе. Я прикован к этой колонне, чтобы смешить людей, но не все они смеются. Мне кажется, чаще я внушаю им глубокую жалость, как самое несчастное создание, беглец с места своего рождения, а не настоящий жилец этого пышного и славного дворца. Посмотрите на меня, пожалуйста, и вы поймете, лгу ли я, посмотрите на мои помятые рога и горб на спине, на изуродованную ступню, покалеченные руки, скрюченные артритом — результат грязи, сырости и холодного климата этой самой что ни на есть варварской страны.

— Скрач, заткнись! — резко приказала Диана.

— И, пожалуйста, — продолжал Скрач, — взгляните на мой хвост, который, как и рога, составляет гордость каждого демона. Посмотрите и скажите, можно ли им гор-

диться? Он сломан в трех местах и не вправлен как следует, хотя вправить его – пустяк для любого хирурга.

– Скрач, я велела тебе замолчать, прекрати болтовню. Нашим гостям ты вовсе не интересен.

Дункан видел, что все сказанное демоном – правда: последняя треть хвоста представляла собой удивительный зигзаг, как будто перелом не фиксировали для срастания, а если и укрепляли, то очень плохо; левая нога была перебита по крайней мере трижды, и копыто срослось неправильно, к этой ноге была прикреплена цепь, другой конец которой крепился к тяжелой металлической скобе, вделанной в камень; уродливый горб поднимал его острые плечи; левый рог был в порядке – короткий, но крепкий, зато правый искривился, потрескался и склонился к самому лбу руки с полусведенными пальцами, болтались.

Конрад подошел поближе и дотронулся до искалеченной руки демона.

– Ах ты, несчастный сукин сын! – сказал он сочувственно.

– Пошли отсюда, не стоит он вашей жалости... – холодно проронила Диана.

17

Первым делом Диана осмотрела их раны – обработала целебной настойкой раны Конраду, очистила ободранное лицо Эндрю, намазав его смягчающей мазью, промыла раны на лбу Дункана. Мэг, не получившая ни одной царапины, села на стул, слишком высокий для нее, так что ноги ее болтались, и с хихиканьем рассказывала о своем участии в сражении.

– Поверьте, старая девка знала, что делала. Я легла на землю в стороне от главных событий и никого не могла убить, потому что у меня нет для этого силы, но мешала я им здорово: нашла крепкую ветку колючего дерева и издали хлестала безволосых по голым ногам. Они не видели, кто их бьет, а я щелкала их со всей силой, какая осталась в моих тощих руках. Они подпрыгивали и отступали, милорд в это время рубил их мечом, а отшельник протыкал посохом...

– Всегда в брюхо, – гордо сказал Эндрю. – Оно мягкое и легко протыкается при точном ударе.

– Прямо не знаю, как вы справились, – сказала Диана. – Я неслась туда со всей возможной скоростью, но...

– Наше оружие крепко, – ханжеским голосом произнес Конрад, – потому что наше дело правое.

После лечения они изучили длину и толщину хорошо прожаренного бычьего бедра, большой каравай хлеба, круг сыра, блюдо жареной птицы, оставшееся со вчерашнего дня, и корзину спелых груш.

– Когда Кутберт не забывает о еде, – сказала Диана, – он первоклассный едок и любит хорошую пищу, причем почаще и побольше – он понимает в ней толк.

Они сидели за столом на кухне, где Диана их лечила, – лекарства были отодвинуты на один конец стола, а еда поставлена на другой.

– Я прошу прощения, что подаю вам в таком неблагородном месте, но столовая наша чересчур пышна, мне в ней как-то даже неловко. По-моему, она излишне роскошна, и вы, я думаю, сказали бы то же самое. После еды там нужно перемыть, высушить и поставить на место кучу фарфора и серебра – слишком много работы...

– Когда мы сможем поговорить с Кутбертом? – спросил Дункан. – И сможем ли?

– Конечно, но только не сегодня. Было время, когда он засиживался за письменным столом до полуночи, но в последнее время привык ложиться спать с петухами. Старик у нужен отдых. А теперь расскажите, что произошло после нашей первой встречи, правда, сюда доходили слухи о ваших делах, но вы сами знаете, как верить слухам.

– Ничего особенного не было. Мы просто попадали из одной переделки в другую, но каждый раз удавалось унести ноги...

Они рассказывали, а Диана внимательно слушала, наклонив голову, и пламя свечей играло на ее блестящих волосах.

Об одном только не сказал ей Дункан, а другие то ли забыли, то ли умолчали, – о находке амулета в могиле Вольферта. Глядя на Диану, Дункан думал, не вернуться ли в рассказе назад и не сказать ли об амулете, но в конце концов удержался. Он, конечно, понимал, что эта вещь ее очень интересует и что она, собственно, имеет право знать, если Вольферт приходится ей родней.

Когда рассказ окончился, она сама заговорила о Вольферте:

– Вы помните, что я искала записи о нем. Вы, сэр отшельник, кажется, говорили, что слышали о нем, но наша беседа была прервана безволосыми. Вы ничего не объяснили, но, кажется, расстроились.

Эндрю поднял голову, посмотрел в строгое лицо Дианы и мягко сказал:

– Я слышал только одно, миледи, что он похоронен на

деревенском кладбище, а огорчен я был тем, что в деревне его считали святым, и для меня оказалось прямо-таки уда-
ром узнать, что он был колдуном.

— Для вас это было оскорблением?

— Миледи, мы — в деревне — люди простые, невежес-
твенные. Мы ничего не знаем о колдунах. Мы думали...

— Я догадываюсь, о чем вы думали. Вы, кажется, гово-
рили, что ему построили гробницу, потому что считали
его святым?

— Правильно, но дуб упал и разбил гробницу, наверное,
в сильную грозу.

— Говорили, может, это просто легенда, что он унес с
собой удивительную магическую вещь. Вы не слышали об
этом?

— Нет, мэм, не припомню такого.

— Он, наверное, хранил ее в тайне от всех, и теперь она
пропала. Ах, какая жалость!

— А почему жалость, мэм? — спросил Конрад.

— Легенда говорит, что она была предназначена против
Орды Дьяволов, известных здесь под названием Разруши-
телей.

— И вы надеялись найти ее?

— Да, надеялась. Она теперь очень нужна здесь.

Дункан чувствовал, что остальные смотрят на него.

— Даже если бы вы нашли ее, — сказал он, — она вряд ли
имела бы ценность. Надо знать, как ей пользоваться.

— Не думаю. Я считаю, что, возможно, одного облада-
ния ею уже достаточно. Магия в самом талисмানে, а не в
использовании его.

— Может быть, вам следовало бы обыскать могилу? —
сказал Конрад, ступая на тонкий лед.

– Вероятно. Я думала об этом и собиралась туда еще раз, но после инцидента с безволосыми вдруг остро почувствовала, как я нужна Кутберту, и бросилась прямо сюда, – он и в самом деле очень нуждался в уходе, с тех пор я здесь. И то сказать, я сомневаюсь, что поиски в гробнице дадут какие-то результаты. Когда гробница рушилась от падения дерева, могила, вероятно, оказалась открытой каждому, кто хотел ее осмотреть, а в деревне могли быть люди и с различными дьявольскими мыслями. Если талисман и был там, его давным-давно украли.

– Может, и так, – сказал Эндрю, – но я никогда не слышал ни о каком талисмане.

– Тот, кто грабит могилы, не станет выдавать себя и болтать об этом.

Дункан заметил, что никто больше на него не смотрит. Дело было сделано. Правильно это было или нет, но ложь была сказана людьми, которые защищали его тайны.

Только Мэг ничего не сказала, но Дункан был уверен, что она не пойдет против всех.

Тайни, проглотивший огромный кусок жаркого, лег спать в углу кухни, но Дункан вдруг заметил, что собаки нет. По всей вероятности, Тайни отправился на разведку, – в замке было множество укромных уголков и закутков, которые следовало обнюхать.

– Меня заинтересовала еще одна вещь, – сказал Дункан, обращаясь к Диане. – Я вас спрашивал, но вы не ответили, насчет Охотника, зачем он ввязался в это дело?

– Он ненавидит Зло, как многие из нас, впрочем, мало кто симпатизирует Злу. Мы – «маленький народ» – незлые, мы просто другие. Конечно, среди нас есть разные

существа, как, например, вервольфы, вампиры и прочие, охотно идущие к Разрушителям, на которых смотрят с почтением и считают себя близкими им. Но «маленький народ» – люди порядочные, и Охотник тоже.

– Я подумал, не следил ли он все время за нами? Мы видели его несколько дней назад, и я уверен, что слышал и раньше, как он проезжал по небу.

– Возможно.

– Но какое ему дело до нас?

– Охотник – свободный дух. Я мало о нем знаю, однако несколько лет назад у нас была короткая встреча. Он, кажется, родом из Германии. Может быть, когда-то он был свидетелем опустошения, произведенного Разрушителями, и с тех пор следит за ними.

– Крестовый поход за справедливость?

– Нет, я бы так не сказала.

– Но, во всяком случае, – вмешался Эндрю, – мы оценили его сегодняшнее участие.

– Хотел бы я знать насчет этого Зла: что оно, в сущности, такое? – спросил Дункан.

– Если вы спросите Кутберта, он ответит вам лучше, чем я.

– Наш архиепископ считает, что некоторые создания питаются нищетой мира, и будут распространяться во все стороны, чтобы сохранить эту нищету.

– Я слышала такое, но Кутберт – знаток Зла. Он потратил много лет на его изучение, и у него большая документация по этому вопросу. Вот его вам и надо спросить.

– Но захочет ли он разговаривать с нами? Многие эксперты испытывают какую-то ревность к своим знаниям и не делятся ими.

– Думаю, что он захочет поделиться.

Издали донесся страшный лай. Конрад вскочил.

– Это Тайни. Я пойду к нему, – иной раз он теряет здравый смысл.

Он бросился к двери. Остальные поспешили за ним.

– Ату его, парень, – завизжала Мэг.

– Нет, – рывкнул Конрад, – не поощряй его!

Они спустились в холл, через великолепную столовую вышли в круговой коридор и большой холл и там увидели Тайни. Он стоял против колонны демона, припав на передние лапы и высоко задрав зад, и полушутя, полужлобно облаивал Скрача.

Конрад сбежал по лестнице в холл и закричал:

– Тайни, проклятый дурак, прекрати! Оставь этого дьявола в покое!

– Я не дьявол, – запротестовал Скрач. – Дьявол – совсем другой демон, вполне развившийся бес. Меня называли Скрачем для смеха. Те, кто поймал меня, катались по полу от хохота, когда называли меня так. Я до сих пор не понял, почему их так смешило это. Правда, они называли меня Юнг Скрач, чтобы отличить от Олд Скрача⁸. Но потом я стал просто Скрач и таким остался. Я не в восторге от этого имени, но привык к нему за те годы, что вынужден был жить здесь.

Конрад схватил Тайни за ошейник и поставил пса на ноги, выговаривая ему:

– Стыдись, он тут, бедняга, прикован к камню, а ты бегаешь на свободе. Постыдился бы лаять!

⁸ Скрач – царапина, закорючка, небрежная подпись. Олд Скрач – дьявол, сатана (англ.)

Тайни повилял хвостом, но пристыженным не выглядел.

Подошел Дункан.

— Он не укусил тебя? С тобой все в порядке?

— Даже не пытался, — ответил демон, — он просто разыгрывал какую-то собачью шутку, по-своему играл со мной. Я на него не в обиде за это.

— Ты великодушен.

— Спасибо, сэр. Очень благородно с вашей стороны сказать так.

— Так значит, ты демон из настоящего Ада? Как же ты попал сюда?

— Это долгая и печальная история, как-нибудь, когда у вас будет время, я расскажу вам ее полностью. Я был учеником демона, понимаете, назначен в передние Адских Районов учиться своему ремеслу, но боюсь, делал это весьма плохо. Я, так сказать, неудачник, никогда ничего не делал по-настоящему правильно. Видимо, я так и не вник в суть работы, поэтому всегда был в немилости, и меня вечно ругали за недостаток инициативы.

— Видимо, ты не создан для роли демона?

— Вполне возможно. Но стать демоном было выгодно, открылись бы богатые перспективы. Могу вас заверить, я всегда старался быть мужественным.

— Так что же случилось?

— Я убежал, потому что не мог больше терпеть, взял и сразу отрезал, и не думаю, чтобы они стали утруждать себя моими поисками.

— Здесь с тобой хорошо обращаются, если не считать цепи?

– Если не считать цепи, я бы сказал – да. Во всяком случае, здесь мне несколько лучше, чем человеку, попавшему в Ад...

18

Кутберт лежал в постели на высоко поднятых подушках в красном колпаке и ночной сорочке с кружевными манжетами и воротничком. Он был очень худ, глаза под белыми кустистыми бровями ввалились, очень худое лицо было туго обтянуто сухой кожей, крючковатый нос походил на клюв, щелки рта прятались между носом и загнутым вверх подбородком, тощие плечи поднимались узловатыми костями, живот под простынями был такой впалый, что вырисовывались тазовые кости.

Он улыбнулся Дункану и скрипучим голосом сказал:

– Так... Диана говорила, что ты расколотил их вдрызг. Правильно. Это единственный язык, который они понимают.

– Не я один. Со своим отрядом.

– Позднее вы увидите и других, у них очень пестрая группа, – сказала Диана колдуну и повернулась к Дункану:

– Вы не обижаетесь, что я назвала вас пестрой группой?

– Полагаю, что моих спутников вы можете так назвать, – ответил он не слишком любезно.

– Ты говорила мне о них, – сказал Кутберт Диане, – собака, лошадь и ослик, я хотел бы увидеть и их тоже.

– Собаку можно, но не лошадь.

– Я хочу видеть всю компанию, – настаивал Кутберт. –

Я хочу посмотреть на этот маленький отряд, который переломал кости этим злыдням. Ей-Богу, приятно узнать, что есть еще в стране такие люди, которые не бегут от Зла с визгом, а сражаются и побеждают.

— Лошади и ослику трудно подняться сюда по лестницам.

— Тогда я спущусь вниз.

— Вы знаете, сэр, что вам нельзя напрягаться?

Кутберт что-то пробурчал и сказал Дункану:

— Вот что бывает, когда человек стареет. «Вам нельзя напрягаться, вам нельзя пойти в сортир, вы должны садиться на горшок, вы должны есть нежную пищу, потому что ваше брюхо не переваривает честное мясо, вы должны быть в ссоре с вином, вы не должны делать ничего, что вам приятно, делайте только то, что вам не нравится...»

— Ненадолго, — сказал Дункан. — Надеюсь, что вы снова будете делать то, что доставит вам радость, но вы должны беречься.

— Ну вот, и ты заодно с ней, — обвинил его Кутберт, — все с ней в сговоре. Она может обвести вокруг пальца самого сильного мужчину, — посмотри только на эту нахальную девку, на ее золотые волосы и на то, как она стреляет глазами.

— Вы знаете, сэр, — резко сказала Диана, — что я никогда не стреляю глазами, и если ваше поведение не изменится к лучшему, я наварю вам на ужин зелени и прослежу, чтобы вы ее съели.

— Вот увидишь, — сказал Кутберт Дункану, — у мужика никаких шансов, особенно если он стар, так что старайся не переходить за тридцать лет. А теперь Расскажи-ка мне о своем маленьком отряде и о большой битве.

– Мы не выжили бы в битве, если бы не Диана и не Дикий Охотник...

– О, Дикий Охотник – крепкий парень. Я помню... – Кутберт осторожно глянул на Дункана. – Не говори мне, что ты – охотник, какой-нибудь его родственник – возможно, но, конечно, не охотник. Ты мне сказок не рассказывай, я знаю Охотника, и не выкручивай...

– Сэр, – сказала Диана, – я говорила вам об этом благородном человеке. Он не охотник и не выдает себя за него, вы спутали. Дункан Стэндиш – отпрыск великого рода на севере...

– Да, теперь я вспомнил. Стэндиш. Я слышал о Стэндишах, но если ты из этого дома, то что делаешь здесь? Почему не сидишь за крепкими стенами у себя на севере?

– Я иду с поручением в Оксфорд.

– Оксфорд? Да, я знаю, в Оксфорде большая группа известных ученых, у меня там есть друзья.

Он опустил голову на подушки и закрыл глаза. Дункан вопросительно взглянул на Диану, и она сделала ему знак подождать.

Через некоторое время колдун зашевелился, открыл глаза, приподнялся и посмотрел на Дункана.

– Ты здесь? Я подумал, что ты уже ушел. Я чуточку вздремнул, ты уж прости меня, иной раз такое случается.

– Теперь вы чувствуете себя лучше, сэр?

– Да, гораздо лучше. Диана говорила, что у тебя есть ко мне просьба или вопросы.

– Да. Насчет Орды Зла. Наш архиепископ говорил...

– Какой архиепископ?

– Его Преосвященство аббатства Стэндиш.

– Ретрограды. Пустая болтовня. Ты не согласен?

– Иногда я тоже так думаю.

– И что же он знает об Орде?

– Очень мало, сэр. Он не знает, что это такое и считает, что Зло питается человеческими несчастиями, и что разрушения, которые производятся через равные интервалы, являются, возможно, периодами омоложения сил Зла.

– Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что есть Зло?

– Если вы знаете, сэр.

– Конечно, знаю. Как ты думаешь, что я и мои ныне умершие собратья делали все эти годы? Конечно, мы решали множество других задач и докапывались до истин, но в процессе своего познания мы не игнорировали и Зло. Что ты хочешь о нем знать?

– Что это такое, сэр, откуда оно взялось и куда направляется?

– Оно пришло со звезд, это мы знаем. Зачем? Неясно. Может, его выгнала со звезд более мощная сила, с которой оно не могло бороться; может из-за неукротимой жажды и жадности там не осталось больше пищи, и им пришлось искать другой мир, чтобы не умереть с голоду. Случайно – а может, это и не случайность – Зло появилось в нашем несчастном мире, где нашло изобилие жизни и смогло обеспечить нищету, нужную ему для питания и роста; здесь ему, по-видимому, хорошо. С увеличением бедности в этом мире Зло растет в силе и количестве за каждое столетие. Если в ближайшее время не случится чего-нибудь, Зло поглотит всю жизнь на Земле и тогда, вероятно, вынуждено будет снова уйти к звездам искать другой мир. Оно пришло сюда в незапамятные времена, когда появил-

ся человек со своей великой способностью к нищете, куда большей способностью, чем у наших друзей – животных, хотя и те тоже могут страдать от нищеты. Зло начало собирать богатый урожай и, следовательно, росло и жирело, и теперь, похоже, нет никакой надежды остановить Зло или как-то противостоять ему. Вот почему я так рад, что ты боролся с силами Зла; это означает, что есть еще люди, способные противостоять Злу, и в сердцах их нет страха.

– Но вы ошибаетесь, я очень боялся.

– Однако, ты устоял.

– Сэр, ничего другого не оставалось. Нам некуда было бежать.

– Ты правдивый и храбрый человек. Только правдивый и храбрый признается в том, что он чувствовал страх, но тогда ты могучий воин.

– Нет, конечно, меня учили обращаться с оружием, но до этого путешествия я никогда не занимался этим всерьез, да с такой злостью. Я скорее фермер. Меня больше интересовало, как вырастить хороших быков и овец, собрать лучший урожай...

– Это хорошо, – сказал Кутберт. – Британия и весь мир нуждаются в таких фермерах больше, чем в тех, кто умеет только размахивать мечом, а ты к тому же умеешь и это. – Он повернулся к Диане. – Зелень, говоришь? Не стану я ее есть – зелень, супчик, каша – вот и все, чем ты меня кормишь. – Дункан Кутберт спросил: – Как ты считаешь, может мужчина сохранить свою силу на таких свиных по-
моях?

– Может быть, ваш желудок...

– Что такая кокетка понимает в мужских желудках?

Мне нужно мясо, но не хрустящее, пережаренное, а розовое, с кровью на срезе!

— Я давала вам мясо, — сказала Диана, — а вы его выкинули.

— Плохо приготовлено, очень плохо. Дай мне как следует приготовленную бычью ляжку или баранье седло, и...

Неожиданно он вернулся к тому, о чем говорили ранее, и спросил Дункана:

— Ты, кажется, интересовался еще чем-то?

— У меня еще несколько вопросов, но я не задавал вам их. Наш архиепископ...

— Ну вот, опять мы вернулись к этой старой бабечерковнику.

— Он говорил, что опустошения, производимые силами Зла, возможно, служат целям омоложения, что силы эти останавливаются в разоренных областях, чтобы никто не мог помешать процедуре этого омоложения.

— Я слышал об этой теории. В какой-то мере она, вероятно, справедлива, но более вероятно, что опустошение служит другой цели — блокировать развитие, которое в конце концов может улучшить судьбу человечества. Теперешнее опустошение, я уверен, производится не для омоложения, если этот факт вообще имеет место. На этот раз силы Зла очень напуганы: они боятся того, что должно случиться и собираются вместе, чтобы предупредить это. По каким-то причинам Зло в смущении, чувствует неуверенность в себе, словно какое-то непредвиденное событие сведет на нет их планы. Скажу по совести, я обрадовался, когда опустошение дошло до этих мест, потому что, как я думал, легче будет изучать Зло, видя его своими глазами, а

не читая старые сведения и отчеты других, тем более что нам неизвестно, насколько те записи были достоверны. Для меня это было бы самой великой удачей в жизни, хоть мне очень не хватало моих верных товарищей по работе. Но я сказал себе, что могу работать и один, поскольку много лет занимался этим. И я работал...

— Вы слишком много работали, — сказала Диана, — поэтому вы теперь и больны.

Мозг старика опять перескочил на другое:

— Мы говорили насчет Охотника. Ты знаешь, однажды он провел с нами неделю, нас тогда было несколько человек, и к нам иной раз заезжали гости на уикэнд и дольше. Но Охотник явился незванно. Он приехал вечером на лошади и со сворой собак, ввалился в большую столовую, где мы как раз приканчивали отличное жаркое. Собаки бросились в буфетную, вытащили оттуда блюдо с куропатками, ветчину и горшок жареной оленины и тут же разодрались между собой, потому что каждая хотела урвать свою долю добычи. Мы за столом окаменели, а Охотник тем временем поднял бочонок пива и вылил содержимое прямо в глотку. Клянусь, я слышал, как пиво булькало в его желудке. Но после первого удара все оправилось, и мы провели веселую неделю с собаками, объевшими нас, и Охотником, выпившим все, что у нас было. Но мы не были в обиде, потому что Охотник рассказывал нам всевозможные выдумки, и мы впоследствии пересказывали их другим и снова наслаждались ими.

— У вас, как видно, бывали хорошие времена, — предположил Дункан.

— О, да. Ты, конечно, хочешь спросить насчет той ночи,

когда банда пьяниц привела к нам демона. Он им надоел, и они решили подшутить над нами, преподнеся его нам в подарок. Ты видел его, когда шел сюда?

– Видел.

– Как демон, он неплохой парень, он уверяет, что в нем нет ни капли злобы. Не знаю, так ли это, но...

– Сэр, – ласково перебила Диана, – вы говорили насчет Орды Зла.

Кутберт удивился:

– Разве? Мы говорили о них?

– Думаю, да, сэр, – подтвердил Дункан.

– А что я говорил? Не помню. Во всяком случае думаю, что большинство людей не представляет, как живет Конгресс колдунов. Наверное, люди считают, что Замок колдунов все равно, что монастырь, где монахи бредут себе потихоньку через лабиринт теологических доктрин, от которых сжимаются их душонки, и боятсядохнуть, чтобы не впустить в легкие дымок ереси. А может, люди думают, что в таком замке, как этот, куча тайных ходов, зловещие фигуры в черных мантиях прячутся по углам и за оконными драпировками, в коридорах страшно завывает ветер, а из колдовских лабораторий волнами исходит зловоние? Но ничего похожего, конечно, нет. Сейчас замок тих из-за недостатка жильцов, а в былые времена здесь царили веселье и смех. Мы составляли веселую компанию, когда откладывали работу в сторону; работали мы крепко, потому что ставили перед собой нелегкие задачи, но и отдохнуть тоже умели. Как сейчас я вижу своих старых товарищей: Кейлин и Артур, Эдельберт и Редвальд, Эдвин и Вольферт – мы все были друзьями, но по отношению к

Вольферту меня мучит совесть, потому что мы – правда, по необходимости – поступили с ним плохо – мы выгнали его.

– Сэр, – предупредила Диана, – вы забываете, что Вольферт – мой родственник.

– Да, я опять заболтался и забыл. Похоже, что я многое стал забывать. – Он показал пальцем на Диану и сказал Дункану: – Все правильно. Она из племени колдунов, хотя, наверное, ты об этом уже знаешь, – она наверняка сказала.

– Да, говорила.

Колдун притих на подушках и, казалось, окончил разговор, но вдруг снова зашевелился.

– Да, Вольферт. Он был мне как брат, но когда дело дошло до решения, я принял сторону большинства. – Он помолчал и продолжал: – Высокомерие. Да, это его высокомерие, – он считал, что его знание и умение выше наших. Мы говорили, что Вольферт зря тратит силы, но он плевал на наше мнение и на нашу дружбу и настаивал, что в его талисмане великая сила. Он говорил, что мы не верим из зависти. Мы пытались его урезонить, говорили, что он для нас любимый брат, но он не слушал нас и упрямо шел против всех. Согласен, талисман этот был красивой вещью, больше чем красивой, потому что Вольферт был искусным мастером и знал много тайнств, и он создал не только красоту...

– Вы в этом уверены? – спросила Диана.

– Да, милая. Вероятно, небольшая сила в нем есть. Он уверял, что с этим талисманом он может выступить против Орды Зла, и это, конечно, было чистым безумием.

Ограниченная Сила была, но и только, и уж конечно, она ничто против Зла.

– Почему вы никогда не говорили мне об этом? Вы же знали, что я искала сведения о Вольферте и надеялась найти талисман.

– Зачем мне причинять тебе боль? Я и сейчас не собирался говорить об этом, просто вылетело у меня из-за моей глупости и слабости. Я бы не стал говорить, потому что знаю, как ты предана ему, вернее, его памяти, потому что он наверняка уже умер, – надо думать, ты говорила мне об этом.

– Сто раз говорила. Я нашла место, где он похоронен. В деревне за холмами. В последние годы жизни он слыл святым. Если бы в деревне узнали, что он колдун, они выгнали бы его.

Старческие глаза затуманились. По щекам катились слезы. Колдун махнул рукой:

– Оставьте меня теперь... – Немного помолчав, он добавил: – Идите. Я буду один с моей скорбью...

19

Дункан задумался над очень неприятной проблемой. Таких проблем у него еще не было, потому что он по своей натуре не следовал курсом, ведущим к ним, – всю жизнь он был искренен и правдив, говорил только то, что думал, не утаивая правды. А то, что он делал сейчас, было хуже лжи, – это было бесчестно.

Дункан владел амулетом не по праву. Он принадлежал Диане, и все фибры души Дункана кричали, что он должен

вернуть талисман ей. А он, Дункан, не сказал ничего насчет того, что талисман у него, и, глядя на него, члены его отряда тоже промолчали.

Кутберт сказал, что талисман почти не имеет силы. Однако Вольферт, прапрадед Дианы, предпочел быть изгнанным из Конгресса колдунов, но не признать талисман бессильным. Именно из-за этой навязчивой уверенности в потенциальной силе талисмана Дункан и сделал то, что сделал.

Даже если в талисмане есть какая-нибудь сила, дающая минимальную защиту, он нужнее Дункану, чем кому-либо другому, — не для себя, конечно, а ради манускрипта. Дункан должен доставить рукопись в Оксфорд, и нет ничего, что могло бы помочь ему в этом деле. Не ради себя он стал бесчестным. Там, в Стэндиш-Хаузе, Его Преосвященство говорил, что в этом манускрипте заложена величайшая — и, может быть, единственная — надежда человечества. Если это правда, а Дункан в этом не сомневался, тогда бесчестие — небольшой проступок за то, что записи неизвестного исследователя Иисуса будут переданы в руки ученых.

Но все-таки Дункану было неприятно, он чувствовал себя замаранным грязью обмана, укрывательства, воровства. Правильно ли он поступил? Граница между правильным и неправильным была затемнена, запятнана, и он не видел ее. Он всегда инстинктивно знал, что правильно, а что — нет, и все для него было четко и ясно. Но тогда Дункан имел дело с простыми решениями, не имевшими осложняющих факторов, а здесь они были.

Он сидел в низу каменной лестницы, ведущей к дверям

замка. Перед ним расстился зеленый парк, вокруг были каменные скамьи, фонтаны, розовые кусты, цветущие клумбы, деревья с пышными кронами.

«Красивое место, – думал Дункан, – но не природной, а искусственной красоты, созданной не обычными людьми, как в других замках и парках, а колдовством Конгресса знающих и умелых.

Здесь царили мир и покой, какие, казалось, не были свойственны колдовству. Впрочем, почему? Ведь колдуны не обязательно должны быть злыми, хотя бывали и такие, что оборачивали свои знания во зло.

«Искушение делать Зло, – думал Дункан, – всегда преследовало людей, обладавших такой большой силой, но само Зло не было им присуще. Лишь очень немногие поворачивались ко Злу. Может, колдунов считали злыми только из-за их громадных знаний, – люди, как правило, смотрят с подозрением и недоверием на тех, кто имеет великую силу и знание, на все то, чего не понимают, а знания колдунов были, конечно, за пределами понимания остального человечества».

У ограды из стоячих камней Конрад бросал Тайни палку, а пес с восторгом бежал за ней и приносил обратно, – это как-то не вязалось с характером боевого пса. Дэниел и Бьюти стояли в стороне и наблюдали за игрой. Дункану казалось, что Дэниел смотрит неодобрительно, а Бьюти вроде и сама охотно побежала бы за палкой, если бы Конрад играл с ней.

Неподалеку от Дэниела и Бьюти лежал грифон, покошачьи обернув вокруг тела длинный шиповатый хвост и подняв голову.

Дункан услышал шорох позади и оглянулся. С лестницы спускалась Диана, но какая Диана! На ней было тонкое облегающее платье до пят, с поясом, ее огненные волосы резко выделялись на светло-зеленом фоне.

Дункан вскочил и восхищенно воскликнул:

– Миледи, вы прекрасны и очаровательны!

Она улыбнулась.

– Благодарю вас, сэр. Кто, я вас спрашиваю, может быть красив в кожаных штанах?

– Даже в них вы излучали очарование. Но в этом платье... У меня нет слов.

– Нечасто бывает, чтобы я одевалась таким образом или имела причины для этого. Но раз в доме гости...

Она села на ступеньку, а Дункан опустился рядом с ней и сказал:

– Я смотрел, как Конрад играет с Тайни.

– Они – хорошая пара. Вы давно их знаете?

– С Конрадом мы неразлучны с детства, а Тайни я знал щенком, когда он и в самом деле был крошкой.

– Мэг в кухне готовит свиные ножки с кислой капустой. Она говорит, что много лет не ела этого блюда. Правится ли оно вам?

– Конечно. А что отшельник? Я весь день не видел его.

– Он ошалел – стоит, опершись на посох, и смотрит в пространство. Беспокойный человек...

– Одурманенный, неуверенный в себе, раздираемый противоречиями, он сам не знает, что ему нужно. Много лет он пытался различными способами стать святым, а теперь решил стать солдатом Господа, но это занятие для него тяжеловато.

– Бедняга. Сам по себе он очень хороший человек, но не показывает этого. А как насчет Кутберта? Понравился ли он вам?

– Исключительно. Только иной раз его трудно понять, сложно уследить за его мыслью.

– Он одряхлел, и его разум тоже.

Дункан с удивлением взглянул на нее:

– Вы так думаете?

– Разве вы не видите? Его острый, когда-то блестящий разум теперь отупел от возраста и болезней – он не может порой довести свою мысль до конца, а иной раз бывает нелогичным. Я слежу, чтобы он не повредил самому себе.

– Похоже, что он чем-то расстроен.

– Он последний из клана, известного несколько столетий. Двое, кроме Кутберта, уже умерли. Они пытались сохранить Конгресс, набрав молодых учеников, но ничего не получилось. Здесь мало было сколько-нибудь известных колдунов, не каждый может им стать, нужна способность глубоко погружаться в тайны знания, работать с ними и, возможно, еще что-то – способность к колдовству, например, особая направленность. С таким складом ума во всем мире наберется только горсточка людей.

– А как насчет вас?

Она покачала головой.

– Женщины редко бывают способны заниматься колдовством – не тот склад ума, наверное. Мышление мужчины сформировано и направлено чуточку в другую сторону, чем у женщины. Я, конечно, старалась постичь искусство колдовства, и колдуны поощряли это, потому что они хоть и выгнали Вольферта, но питали глубокое ува-

жение к нему – Вольферт был самым знающим колдуном среди них. Я ухватывала некоторые концепции, могу творить кое-какую мелкую магию, комбинировать простыми манипуляциями, но я не создана для колдовства. Они мне этого не говорили. Со временем сказали бы, но я и сама поняла, что никогда не пойду дальше жалкой ученицы, а для несостоявшихся учеников во всем мире нет крова.

– Но вы живете в колдовском замке?

– Из милости, из искреннего и сердечного сочувствия, потому что я из рода Вольферта. Когда мои родители умерли от чумы, пролетевшей по сельской местности, Кутберт в первый и единственный раз вышел из замка и взял меня как потомка своего лучшего друга, которого, как я теперь уже знаю, в то время уже не было в живых. Все это потом мне рассказал Кутберт, потому что я тогда была слишком мала, чтобы помнить что-нибудь. Он привез меня сюда, и я полюбила всех здешних колдунов, даже пыталась научиться их мастерству, но не смогла. Они не только взяли меня сюда и заботились обо мне, но и отдали мне старого Хуберта, грифона, который принадлежал Вольферту – мой прапрадед оставил его здесь, поскольку не мог взять с собой в мир.

– Настанет день, когда Кутберт умрет, – тихо сказал Дункан. – Что будет тогда с вами? Вы так и останетесь здесь?

– Не знаю. Я стараюсь не думать об этом. Без Кутберта мне будет здесь очень одиноко. Не знаю, что буду делать, ведь для меня нет места в мире, не привыкла к миру и не знаю, что в нем делать. Я не смогу долго скрывать, что во мне кровь колдунов, а внешний мир, боюсь, не будет дружелюбен со мной, когда узнает, кто я...

– Да, мир бывает жестоким. Хотел бы я сказать обратное, но не могу.

Она наклонилась к Дункану и быстро поцеловала его в щеку.

– Мир может быть и добрым. Вот вы были добры ко мне – с таким сочувствием говорили о моих проблемах.

– Спасибо, миледи, за ваши слова и за ваш поцелуй, вы очень добры.

– Вы смеетесь надо мной...

– Ничуть, Диана. Искренняя благодарность за то, что я вовсе не заслужил.

– Кутберт выражал желание увидеть вас, – сказала она, переводя разговор на другую тему.

– Только поскорее. Мы слишком задержались здесь. Нам надо продолжать путь.

Она почему-то заволновалась:

– Зачем так скоро? Отдохните несколько дней. Вам выпадали нелегкие минуты и нужен отдых.

– Нас и так задерживали многие неприятности, а мы должны поскорее добраться до Оксфорда.

– Оксфорд подождет.

– Простите, миледи, но я думаю иначе.

Она быстро встала:

– Надо взглянуть, как там Кутберт. Его нельзя оставлять надолго.

– Я пойду с вами. Вы говорили, что он хотел меня видеть.

– Не сейчас. Я позову вас, когда он будет готов встретиться с вами...

Когда Дункан проходил по большому холлу, его окликнул Скрач:

– Вы не торопитесь, сэр? Не уделите ли вы мне немного времени? С вашей стороны было бы благодеянием, если бы вы поболтали со мной.

Дункан изменил направление, подошел к колонне демона и сказал:

– Леди Диана пошла посмотреть, как поживает колдун, а мои товарищи, видимо, заняты своими делами, так что я могу потратить немного времени на тебя.

– Вот и прекрасно, – обрадовался демон. – Но вам все не обязательно стоять и вытягивать шею, чтобы посмотреть на меня. Если вы поможете мне спуститься, мы сядем на каменную скамью в двух шагах отсюда – моя цепь достаточно длинна.

Демон наклонился, а Дункан протянул руки, взял его за талию и помог спуститься.

– Кабы не искалеченная нога, я бы и сам спустился, сказал Скрач. – Вообще-то я часто это делаю, но как – смотреть противно, – он показал сведенные артритом руки, – они уже не держат.

Дункан и демон уселись на скамью. Скрач покачивал копытом, и цепь звякала.

– Я вам объяснял однажды, что меня зовут Скрач, но ни в коем случае не Олд Скрач, поскольку это вульгарное наименование Его Милости, ведающего адскими операциями. Имя мое мне не нравится, собачье какое-то. Даже грифон получил честное имя – Хуберт, а это вам не Скрач. Много лет, сидя на своей колонне, я обдумывал имя, которое хотел бы иметь, и в конце концов нашел такое – Вальтер. Отличное имя, и звучит так округло, я мог бы им гордиться – солидное, честное имя, подходящее для солидного, честного существа.

– Вот, значит, как ты проводишь время – придумываешь себе новые имена. Неплохой способ.

– Я думаю не только об этом, – сказал Скрач. – Я думаю о том, что было бы, если бы события совершились иначе. Отработал бы я учеником, тогда был бы теперь старшим демоном, а, может быть, и младшим дьяволом. Может, стал бы потолще, но вот в росте вряд ли бы прибавил. Я, знаете ли, коротышка, и от этого, наверное, все мои беды. Что путного может сделать коротышка? Ему предопределен провал.

– Ты, похоже, философски относишься к своему положению. У тебя не появилось горечи, и не скулишь, чтобы тебя жалели. Многие вели бы себя иначе.

– А что изменится, если я стану злиться и скулить? Меня и так не очень любят, а хнычущих совсем уж не терпят. Впрочем, что говорить о любви. Кто станет любить демона? Некоторые жалеют, но жалость – не любовь, а большинство смеются над моим сломанным хвостом и прочими уродствами. А смех, милорд, тяжело переносить. Мне было бы легче, если бы они чувствовали страх или даже отвращение.

– Я не смеюсь над тобой, – сказал Дункан, – и не испытываю чрезмерной жалости, но и не уверяю, что люблю тебя.

– Я этого и не ожидаю. Если бы человек говорил, что любит меня, я заподозрил бы какую-нибудь тайную причину.

– Поскольку я не признаюсь тебе в любви, и ты не ставишь мне этого в вину, могу ли я задать тебе честный вопрос?

– Буду рад ответить на него.

– Что ты можешь сказать мне об Орде Зла? Я думаю, что ты кое-что слышал от колдунов.

– Слышал. Мне кажется, вы кое-что знаете и сами – вы не так давно сражались с Ордой.

– Лишь с небольшой частью, в основном с безволосыми, хотя там были и другие. Я не знаю, много ли их и сколько видов.

– Безволосые, если я правильно понял суть вашего высказывания, это пехота, выполняющая грязную работу. В каком-то смысле они – не подлинное Зло, не члены Орды. Это кости и мышцы. В них очень мало, а может быть, и вовсе нет магии.

– А остальные? Я говорил с одним типом, который видел их. Он рассказывал о бесах и демонах, но, я думаю, он просто пользовался знакомой терминологией, общей для злых сил. В нашей схватке, по ту сторону стены, я убил одного из них, а Тайни прикончил другого. Они не были ни бесами, ни демонами, но я не знаю, кто они.

– Вы совершенно правы – они не бесы и не демоны. Бесы и демоны – из нашего мира, а это пришельцы со звезд. Это отродье с других миров, которые, как я подозреваю, не похожи на наш. Отсюда вывод, что Зло, которое они сеют, не похоже на земное Зло. У них немыслимое количество форм, а самые чуждые – просто сгустки живой плазмы. Их привычки, мотивы и образ действий тоже, я полагаю, не соответствуют земным злым существам. Вы столкнулись с такими созданиями, которых трудно вообразить, да и вряд ли такое возможно.

– Мне сказали, что это не Орда, а рой или улей. Что это значит?

– Не знаю. Я, как вы понимаете, знаю о них только по слухам.

– Я понимаю. Но вот насчет улья. Как-то я разговаривал с почтенным пчелиным мастером, и он рассказал мне, как роятся пчелы. Есть тут что-нибудь похожее?

– Мне посчастливилось слышать один разговор, правда, очень короткий. Вполне возможно, что он относится к этой версии роения.

– Расскажи, пожалуйста.

– В то время, когда Орда опустошала этот район и собиралась разорить Северную Британию, члены Орды иной раз собирались как бы в одну живую массу, вроде как пчелы. Те, кто говорил, слышали об этом от различных наблюдателей и были в полном недоумении от этих действий Орды. А в другое время отдельные члены Орды, когда не занимались погромами, держались по отдельности или очень небольшими группами. Но перед Разрушением, как говорили наблюдатели, они обязательно собираются в большой рой...

– Постой, погоди минутку. Мне говорили, что Орда, опустошая местность, создает себе условия для омоложения.

– Знаете, – возбужденно воскликнул Скрач, – пожалуй, в этом что-то есть. Я никогда не слышал о ритуалах омоложения, но они вполне возможны. Общий сбор всего Зла, личный контакт каждого с каждым, и из этих контактов может возникать неизвестная сила, омолаживающая их. Как вы считаете? По-моему, звучит резонно.

– Я тоже так думаю и рад, что ты разделяешь мое мнение.

– Это объясняет их скученность.

– Пожалуй. Хотя тут так много факторов, так много всего, чего мы не понимаем и вряд ли поймем.

– Правильно, но все-таки это хорошая гипотеза. Над ней стоит поработать. Вы говорили с Кутбертом, что он думает об этом?

– Мы не говорили о рое. Я высказал идею омоложения, но он, кажется, мало об этом думал. Он сказал, что Орда боится чего-то и, возможно, собиралась воедино, чтобы напасть, но по каким-то причинам не решилась. Скажи-ка мне вот что, Скрач, если бы тебе пришлось принимать чью-то сторону в этом деле и нельзя было уклониться, чьей стороны ты держался бы?

Демон подергал копытом и задумчиво произнес:

– Вам покажется странным, но если бы мне пришлось выбирать, я стал бы на сторону людей. Может, я и унаследовал Зло, но Зло земное, или, проще говоря, человеческое. А объединиться с чуждым Злом я просто не в силах. Я их не знаю, и они меня не знают, да мне и неуютно было бы с ними. Зло есть Зло, но у него бывают различные варианты, которые не всегда совместимы.

Послышались шаги, и Дункан обернулся.

Диана, все еще в зеленом платье, как бы плыла по ступеням лестницы. Она подошла к демону и недовольно спросила его:

– Скрач, зачем ты сошел со своего столба?

– Миледи, – сказал Дункан, – я попросил его спуститься и посидеть со мной. Для меня так было удобнее, иначе я вынужден был бы стоять, задрав голову, чтобы видеть его.

– Он не надоел вам?

– Вовсе нет. Мы мило беседовали.

– Полагаю, что мне лучше вернуться обратно, – проворчал Скрач.

– погоди, я помогу тебе, – Дункан поднял демона, чтобы тот смог зацепиться своими исковерканными руками и взобраться наверх. – Мы с тобой хорошо поговорили, спасибо.

– Вам спасибо, милорд. Мы еще побеседуем?

– Почти наверняка.

Дункан повернулся к Диане, которая стояла у входной двери, ожидая его.

– Я подумала, не пройтись ли нам, – предложила Диана. – Я показала бы вам окрестности.

– С огромным удовольствием. Очень мило с вашей стороны.

Дункан предложил ей руку, и они стали спускаться по ступеням высокого крыльца.

– Как чувствует себя Кутберт? – спросил он.

– Хуже, чем вчера, – он кажется каким-то неразумным. Но сейчас он уснул. Я очень волнуюсь за него.

– Может быть, мой визит...

– Нет, вы тут ни при чем. Его состояние ухудшается с каждым днем. Бывает, выпадают хорошие минуты, но не часто. По-видимому, ему стало плохо, когда я уезжала. Я бы не оставила его, но он сказал, что с ним все в порядке, и он обойдется без меня.

– Вы очень любите Кутберта?

– Он стал для меня отцом с тех пор, как я была младенцем. Нас только двое...

Некоторое время они шли молча по тропинке парка позади замка, затем Диана спросила:

– Вы, конечно, считаете, что я груба со Скрачем?

– Да, мне кажется, что грубоваты. Неужели он не имеет права спуститься со столба и посидеть на скамейке?

– Он всем надоедает. Теперь посетители у нас редки, а в былые времена в замок приезжали многие. Он вечно приставал ко всем, чтобы они слушали его глупую болтовню. Кутберт считал, да и не он один, что Скрач немножко не в себе.

– Понятно, но он, в сущности, в полном порядке. Конечно, я ничего не смыслю в демонах...

– Дункан...

– Да?

– Давайте оставим этот дурацкий разговор. Мне надо что-то сказать вам, и если я не скажу сейчас, то потом у меня на это не будет сил.

Диана остановилась у поворота тропинки. Дункан встал перед ней и увидел бледное, осунувшееся лицо.

– Надеюсь, ничего плохого? – с беспокойством спросил он.

– Как сказать. Помните, час тому назад вы сказали, что скоро уйдете, а я ответила – не торопитесь, отдохните?

– Да, помню.

– Я должна была сообщить вам кое-что, но не сказала и ушла, чтобы собраться с духом...

Он хотел что-то ответить, но Диана остановила его жестом:

– Я не могу ждать и должна сказать сейчас. Дункан, дело в том, что вы не можете уйти. Вы никогда не выйдете из замка...

Он слышал, но слова не доходили до него. Он не мог поверить своим ушам.

– Этого не может быть, я не могу...

– Я не знаю, как вам объяснить, но вы не сможете уйти, и никто не сможет вам помочь – это часть колдовства, и его нельзя разрушить...

– Но вы же говорили, что у вас бывали гости? И вы сами...

– С помощью магии, личной магии, а не чьей-нибудь чужой. Это тайное знание, которое каждый держит в себе. Наши гости имели это знание, это волшебство, что и у меня немного есть, а поскольку никто из вас этого не имеет, то...

На глазах у Дианы появились слезы.

– И вы не можете нам помочь? И колдун не поможет?

– Никто не сможет помочь. Только ваши личные способности.

В нем внезапно вспыхнула злоба и ослепила его. Дункан закричал:

– Какого черта тогда вы звали нас в замок?! Вы знали, что случится! Вы знали, что мы попадем в западню! Вы знали...

Он остановился, поскольку усомнился в том, что она слышит его. Диана открыто плакала, опустив голову, одиноко стояла и плакала... Потом подняла свое мокрое от слез лицо и закричала:

– Вы были бы убиты! Вы разбили отряд Разрушителей, но они собрались бы снова и убили вас. Это было только минутное затишье. Они снова стали бы охотиться на вас, как на диких зверей! Понимаете? Поймите, пожалуйста!

Она сделала шаг к Дункану. Он обнял ее и прижал к себе, а она опустила голову на его грудь – все ее тело тряслось от рыданий.

– Я не спала всю ночь, все думала об этом и не знала, как скажу вам. Я хотела просить Кутберта, чтобы он вам сказал, но потом решила – это не его дело. Я виновата, и сама должна вам рассказать. И вот я...

20

Выслушав Дункана, все долго сидели молча. Мэг заговорила первая, пытаясь подбодрить остальных:

– Ну, не знаю, здесь не так уж плохо. Есть куча куда более скверных мест, где старый мешок с костями мог прожить остаток дней.

Никто не смотрел на нее. Конрад зашевелился и произнес:

– Вы говорили, что она кое-что понимает в тайном искусстве. Может, и мы можем научиться?

– Я не очень хорошо понял, – ответил Дункан, – но, кажется, это специфическое знание. Не каждый из нас может научиться этому искусству, а может, и никто. А кто будет нас учить? Кутберт стар и едва живой, Диана сама знает слишком мало. Я бы даже сказал, что у нее не знания, а врожденные способности, позволяющие ей приходить и уходить.

– Наверное, так, – согласился Конрад. – Да и в любом случае это заняло бы слишком много времени, а его у нас нет.

– Да, у нас его нет. Двое умирающих – один здесь, другой в Оксфорде...

– А как насчет Тайни, Дэниела и Бьюти? Они же не могут научиться, а мы не оставим их здесь. Они – часть нас.

– Мы, наверное, могли бы взять их с собой, – сказал Дункан. – Не знаю, конечно, но ведь грифон может улетать и возвращаться, а он тоже непосвященный. Ну а если здесь некому нас учить, то мы будем рыться в куче свитков, правда, не особенно представляя, что искать. И подсказать нам некому. Еще есть проблема языка – я подозреваю, что многие книги написаны на древних языках, которые теперь мало кто знает.

– Для меня лично, – сказал Эндрю, – такой поворот событий – не великая трагедия. Если не будет другой возможности, я охотно останусь здесь. Место приятное, и я могу заниматься своим делом, как и в любом другом месте. Но вот у вас, я знаю, дело великой важности, и вам надо попасть в Оксфорд.

Конрад ударил дубиной о землю.

– Мы должны уйти. Должен же быть какой-нибудь выход, только я его не вижу.

– Ия тоже, – отозвался Дункан.

– У меня было предчувствие, – сказал Эндрю, – когда я увидел птиц и бабочек... Не этого события, но того, что дело неладно.

– Причем тут, к дьяволу, птицы и бабочки? – с раздражением спросил Конрад.

– В лесу, сразу за стоячими камнями, птицы на ветвях не шевелятся – сидят, как неживые, а с виду вроде и не мертвые. И бабочки сидят, не двигаясь. Потом я заметил, что на них тонкая пленка пыли и решил, что они здесь давно. Я подумал, что лес – часть очарованного мира, и время здесь остановилось для всего, кроме людей и Кутберта. Все здесь точно такое, каким было, когда замок был построен с помощью колдовства.

– Остановка времени, – заключил Дункан. – Да, возможно: замок с иголки, стоячие камни тоже.

– Но снаружи, – сказал Конрад, – из того мира, который мы оставили, когда вошли сюда, замок совершенно разрушен, камни повалены. Что вы думаете об этом, милорд?

– Колдовство, – констатировала Мэг. – Очень сильные чары.

– Но мы разрушили чары, наведенные на нас на побережье.

– То были слабые чары, рассчитанные только на то, чтобы смутить нас, сбить с дороги. А здесь – настоящее, древнее добротное произведение колдовства, тщательно и мастерски сделанное.

Дункан понимал, что Мэг права. С такими чарами им не совладать.

Они сидели на нижней ступеньке крыльца, перед которым расстился бархат лужайки. Дэниел и Бьюти недалеко от стоячих камней набивали животы сочной травой, а грифон все еще лежал на том же месте, что и раньше, отяжелев с годами, он старался не двигаться попусту.

– Где Тайни? – спросил Дункан.

– Где-то здесь. Я недавно видел его, он выкапывал мышь, – ответил Конрад.

«Мы и сами в мышеловке, – подумал Дункан. – Манускрипт не только не попадет в Оксфорд, но и пропадет для человечества. Только и останется, что две копии, сделанные в аббатстве».

Его отец и епископ будут ждать известий о нем и о Конраде, но никогда не получают их. Хотя нет, есть способ до-

ставить им известие – Диана может отправить весточку в Стэндиш-Хауз, может отвезти и манускрипт. А может, кто-нибудь успеет еще съездить с ним в Оксфорд? Не через Разоренные Земли, поскольку этот путь чересчур опасен и мало надежды пройти по нему, а морем, хотя там и пираты. Может быть, еще хватит времени собрать флотилию боевых кораблей, набрать отважных матросов и пройти через пиратские заставы?

– Милорд, – позвал Конрад.

– Да?

– Не знаю, как и сказать...

– Какие тут могут быть церемонии? Говори, в чем дело?

– Орда не желает пропустить нас в Оксфорд. Ну, может, не именно в Оксфорд, а вообще куда бы то ни было. Они пытались задержать нас на каждом шагу, но вот мы теперь засели всерьез и больше им не мешаем.

– Что верно, то верно. И что ты думаешь?

– Леди Диана.

– Что леди Диана?

– Может, она связана с ними, и это всего лишь хитрый трюк?

Дункан вспыхнул, открыл было рот, но вовремя прикусил язык.

– Не думаю, – быстро сказал Эндрю. – Не может такого быть. Она дважды помогала нам в стычках. Она не стала бы этого делать, будь она в сговоре с Ордой.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Конрад, – но на все это надо взглянуть с нескольких сторон.

В наступившем молчании, Дункан опять вернулся к

плану отправить манускрипт в Оксфорд какой-нибудь другой дорогой. Да, Диана без лишних вопросов отвезет манускрипт в Стэндиш-Хауз, расскажет там, что случилось с ними, но как все-таки насчет отправки манускрипта морем? Отец и архиепископ подумывали об этом и, похоже, признали этот вариант безнадежным.

«Постой, – сказал он себе, – если Диана может отвезти манускрипт в Стэндиш, она точно так же может слетать и в Оксфорд, передать манускрипт Вайсу и привезти ответ».

Нет, все это фантазии, а не реальное решение проблемы. Он не может доверить манускрипт Диане и вообще никому, кроме Конрада. Кому, кроме как Конраду, он может доверять? Диана заманила его отряд в этот колдовской круг, а теперь уверяет, что ей очень жаль, даже плачет. Но печаль легко сыграть, слезы тоже.

Но дело не только в этом. Манускрипт дан ему, и у него должен оставаться. Он один несет ответственность за документ и ни с кем не может делить ее. В поисках выхода он на минуту забыл о священной клятве, которую дал Его Преосвященству, получая из его рук пергамент...

– Вот еще что, – предложил Конрад. – Не может ли нам помочь демон? Может, у него за пазухой есть пара трюков? Если обратиться к нему и обещать в уплату освобождение...

– Я не стану иметь дело с демоном, – сказал Эндрю.

– Мерзкая скотина.

– А по-моему, – не согласился с ним Дункан, – он вполне приличный малый.

– Нельзя ему верить, – продолжал настаивать Эндрю.

– Он вас обманет.

– Ты говорил, что и Снупи нельзя верить, – напомнил ему Конрад, – однако, если бы мы прислушались к его советам, то не были бы здесь. Он предупреждал нас насчет замка, говорил, чтобы мы близко к нему не подходили.

– Ну, как знаете, – ответил Эндрю. – А меня от этого увольте. Я не стану сговариваться с демоном из Ада.

– Но, возможно, он знает способ, как помочь нам.

– Он потребует плату. Попомните мое слово, придется платить.

– Я готов заплатить, – сказал Конрад.

– Но не ту цену, которую он запросит, – возразил Эндрю.

«Плохо дело, – подумал Дункан. – Скрач, вроде бы, приличный парень но он вряд ли сможет нам помочь... Диана могла бы открыть нам путь, но это также не в ее силах... Ну а раз так, то не поможет никто – колдовство такого рода наверняка имеет «защиту от дураков». Дело закрыто, все предприятие рухнуло! Мы не выйдем из замка! Последняя надежда человечества, как выразился архиепископ, угаснет». Дункан тяжело поднялся и пошел наверх.

– Куда вы, милорд? – спросил Конрад.

Дункан не ответил, потому что не знал ответа. Не знал, куда и зачем он идет. Он об этом не думал, знал только, что должен от чего-то уйти.

Он медленно поднимался и почти дошел до двери, когда услышал вопль непереносимого ужаса, полукрик, полувоющей осужденной души, смешанный с визгом дикого страха. Испуганный Дункан остановился и прислушался – крик доносился откуда-то из замка.

Первая мысль Дункана была о Диане, но это кричала не она – слишком низкий и горловой звук для женщины.

«Значит это Кутберт», – подумал Дункан и, преодолевая ужас, бросился к дверям.

Вбежав в холл, он увидел Кутберта – старик в своем ночном одеянии быстро шел вдоль балкона над холмом, руки его были подняты вверх, как будто от ужасного страха, а лицо искажено так, что почти не походило на человеческое, из покрытых пеной губ исходили вопли.

Старик вдруг поднялся на балюстраду, ограждавшую балкон, и бросился вниз, кувыркаясь в пустоте. Его вопли слились в один непрерывный визг, кончившийся только тогда, когда тело ударилось о плиты пола.

Дункан подбежал, опустился на колени и хотел было поднять тело, но остановился, увидев ручеек крови. Он осторожно перевернул тело, увидел, что стало с головой, и снова повернул его лицом вниз.

С лестницы бежала Диана. Дункан, вскочив на ноги, быстро загородил ей дорогу.

– Не смотрите, – резко сказал он. – Вам не надо смотреть.

– Но Кутберт...

– Он умер.

Дункан поднял голову, услышав над собой треск – часть балюстрады закачалась и обрушилась, осколки камня разлетелись по полу. Откуда-то изнутри замка раздался стонущий звук, затем один из столбов, поддерживавший балкон, сам собой отделился от стены и стал медленно падать по дуге, будто решил лечь отдохнуть. Он со страшным грохотом ударился об пол и покатился, давя обломки балюстрады.

– Уходите отсюда! – раздался крик Конрада. – Весь этот проклятый замок разваливается!

Из глубины замка слышались звуки рушащегося и перемещающегося камня: звуки указывали на невидимые трещины. Каменные блоки стен холла раскачивались и двигались, стены корежились.

– Милорд! – прокричал Конрад. – Уходите!

Дункан, как во сне, пошел к выходу, таща за собой Диану. Позади раздался громовой треск: замок продолжал рушиться.

Мэг бежала к выходу, за ней Эндрю. Конрад подскочил к Дункану, намереваясь схватить его и побыстрее вытащить, но тут по холлу пронесся крик:

– Помогите! Не оставляйте меня здесь!

Дункан круто обернулся, не выпуская Диану.

Скрач прыгнул со своего пьедестала и стоял спиной к ним. Он держал рукой цепь, пытаясь выдернуть ее из камня.

Дункан повернулся лицом к выходу и закричал:

– Бегите и не оглядывайтесь!

Он бросился к демону, но Конрад уже опередил его, оттолкнул демона в сторону и, взявшись обеими руками за цепь, откинулся назад, чтобы всем весом своего тела надавить на вделанную в камень скобу. Звенья цепи визжали от напряжения, но не поддавались.

Дункан тоже взялся за цепь и крикнул:

– Давай!

Но и от двойных усилий скоба не шевельнулась.

– Не получается, – задыхаясь сказал Конрад, – мы ее не вытащим.

– Натяни-ка цепь потуже.

Дункан взмахнул мечом и ударил со всей силой, но меч

только скользнул по цепи – звенья держались. Он бил, искры сыпались, но цепь оставалась целехонькой.

Одна стена холла уже упала, с потолка сыпались камни и отскакивали от пола, в воздухе носилась каменная пыль, и весь пол был усеян мелкими осколками.

Дункан подумал, что еще минута – и все сооружение обрушится на них.

– Оставьте эту проклятую цепь, – причитал демон, – рубите копыто, чтобы освободить меня...

– Он прав, – буркнул Конрад, – это последнее, что осталось. Рубите ему к чертям ногу.

Дункан повернувшись к демону, приказал:

– Ложись и вытягивай ногу.

Скрач послушно растянулся на полу, и Дункан уже поднял меч, как кто-то оттолкнул его – это был Эндрю.

– Уйди с дороги! – закричал Дункан. – Дай мне место...

Но Эндрю, не обращая на него внимания, занес над головой посох и с размаха опустил его на натянутую цепь – та распалась на мельчайшие кусочки. Держа посох в правой руке, Эндрю схватил другой демона за руку и потащил к выходу.

– Бежим! – крикнул Конрад.

Они с Дунканом помчались за Эндрю, который неся вприпрыжку с удивительной скоростью, волоча за собой демона, а Скрач умолял отпустить его, уверяя, что может бежать сам.

Едва все успели проскочить через двери и начали спускаться, как холл обрушился с громовым ревом, и вслед за ними вырвалось облако пыли и мелких осколков.

Эндрю выпустил Скрача – демон, несмотря на искале-

ченную ногу, быстро ковылял вниз. На лужайке стояла на коленях Мэг и крепко держала Диану, не пуская ее в замок, продолжавший рушиться: центральная башня уже упала, стены дрожали... Дункан подбежал к Диане, схватил за руки и быстро произнес:

– Вы не можете вернуться туда.

– Кутберт! – громко вскрикнула Диана.

Мэг, глядя на Дункана, пожаловалась:

– Она хотела бежать туда, но я держала ее изо всех сил.

Она чуть не вырвалась.

– Теперь все в порядке, – успокоил их Дункан, – мы успели выйти. – Он взял Диану за плечи, легонько потряс и сказал:– Все кончено, мы уже ничем ему не поможем, да и не могли – он умер, когда упал.

Дэниел и Бьюти стояли рядышком у парка и смотрели в сторону рушащегося замка, Тайни, прижав уши и вытянув хвост, куда-то убежал, грифона же нигде не было видно.

Скрач стоял перед Эндрю и кланялся:

– Благодарю вас, преподобный отец, за мое спасение. У вас поистине чудотворный посох.

Эндрю поперхнулся, будто проглотил что-то очень противное – лицо выражало отвращение, и он выглядел так, будто вот-вот упадет замертво.

– Я не боялся смерти, – сказал Скрач, – и сомневаюсь, что это возможно – по-моему, я бессмертен. Я боялся худшего: замок мог обрушиться и похоронить меня под развалинами, и я остался бы под этими камнями до тех пор, пока время не превратит их в пыль...

Эндрю квакнул и замахал руками, отгоняя демона.

– Оставь меня, – умолял он, – отойди, дьявольский дух. Я не хочу тебя видеть.

– Вы даже не хотите моей благодарности?

– Менее всего я хочу твоей благодарности, и вообще ничего не хочу от тебя. Прошу только – забудь все.

– Послушай, Эндрю, – сказал Конрад, подходя к нему. – Этот бедняга пытается выразить тебе свою благодарность, и тебе не подобает держаться так по отношению к нему. Пусть он демон, но ты должен признать, что чувство благодарности делает ему честь. И он правильно говорит: посох у тебя – чудо. Почему ты раньше не говорил, что он обладает такой силой?

– Убирайся! – взвыл Эндрю. – Все убирайтесь! Я не хочу, чтобы вы на меня гладили, чтобы вы были свидетелями моего позора.

Он повернулся и убежал в парк. Конрад хотел пойти за ним, но Дункан удержал его.

– Но с ним что-то неладно! – запротестовал Конрад.

– Со временем он сам все расскажет, а сейчас он хочет остаться один. Не надо ему мешать.

Диана отодвинулась от Дункана, взглянула на него и спокойно произнесла:

– Теперь я в порядке, и понимаю, что случилось – со смертью последнего колдуна кончились чары. Теперь все-му конец.

Ярко сиявшее солнце было еще на полпути к западу, а здесь было темно, как ночью. Замок разваливался, и в глубокой темноте казался просто грудой камней, только две башни еще стояли. Слабый туман от каменной пыли стоял над обломками.

Конрад подергал Дункана за рукав:

– Посмотрите на стоячие камни!

Дункан взглянул в указанном направлении – камни уже не стояли: часть их упала, а некоторые сильно покосились. Он снова оглянулся на замок, и в лунном свете увидел курган, каким они видели его, выходя из расщелины, где голос ветра кричал: «СВЯТОЙ!».

– Все кончено, – повторила Диана. – Умер последний колдун, и кончилось колдовство – замок стал могильным холмом, каким он был целые столетия.

– Огни, – сказал Конрад.

Действительно, множество костров горело в темноте между бывшим замком и холмами.

– Орда? – спросил демон. – Она ожидает нас?

– Вряд ли, – ответил Дункан. – Орде не нужны костры.

– Вполне может быть, – предположил Конрад, – что это Снупи и его парни.

– Тебе не обязательно оставаться с нами, – сказал Дункан Скрачу. – Мы не требуем плату за твое освобождение и ничего не ждем от тебя. Если ты хочешь идти куда-нибудь...

– Вы хотите сказать, что не желаете моего общества?

– Нет, я не это имел в виду. Если хочешь остаться с нами – добро пожаловать.

– Я сомневаюсь насчет отшельника. Он будет крайне недоволен, если я останусь, хотя не понимаю...

– Он драматизирует, – успокоил их Конрад. – Подождем немного, и он придет в себя.

– Мне некуда идти, – захныкал Скрач, – у меня нет друзей. А вам я, может быть, пригожусь – я умею прислуживать.

– Ну и оставайся, – решил Дункан. – Наша компания становится все более разнообразной, почему бы нам не принять и демона?

Где-то далеко кричала сова, а в холмах за курганами раздавался волчий вой.

Дункан почувствовал, что под его ногами твердая земля, а не мягкая лужайка.

«Спасены, – подумал он, – выскочили из самой пасти у беды, благодаря столь неожиданным событиям. Кутберт совершил самоубийство то ли преднамеренно, то ли в припадке безумия – теперь уже не узнать. Но это было самоубийство: он сам бросился с балкона вниз...»

Диана подошла к Дункану, крепко взяла под руку и прислонилась головой к его плечу.

– Мне очень жаль, – сказал он, – что все произошло именно так...

– Я должна была знать, что дни Кутберта сочтены, а вместе с ним уйдет и замок. Это знание было где-то в дальнем углу моего сознания, но я не позволяла себе думать об этом.

Он крепче прижал ее к себе, стараясь как-то успокоить, и смотрел на покосившиеся стоячие камни и на костры вдоль склона.

– Видимо, их тут много, – сказал он. – Снупи говорил, что собирает армию.

– Дункан, вы не видели Хуберта? – спросила Диана.

– Нет. Наверное, он где-нибудь здесь. Может, ушел с Дэниелом и Бьюти?

– Едва ли. Думаю, что и его я потеряла. Он был грифonom замка и так долго жил здесь...

– Когда рассветет, мы поищем его. Может быть, он заблудился в темноте.

– Кто-то идет! – насторожился Конрад.

– Я никого не вижу.

– За стоячими камнями... Это, наверное, Снупи. Я думаю, надо пойти им навстречу: они понимают, что что-то случилось, но не знают, что именно, и не захотят обходить камни

– Теперь здесь нет опасности, – уверенно сказала Диана.

– Но они этого не знают, – возразил Конрад.

Он пошел по склону, а следом – Дункан и Диана. Пройдя между стоячими камнями, они увидели несколько маленьких фигурок, которые стояли и ждали их. Одна фигура шагнула вперед и голосом Снупи сказала с упреком:

– Я предупреждал вас. Почему вы не послушались? Я говорил вам, чтобы вы сторонились этого замка...

21

Снупи стоял на коленях у костра и расчищал рукой место на земле.

– Смотрите, – сказал он, – я нарисую карту.

Дункан стоял рядом, смотрел на ровный участок земли и вспоминал, как гоблин рисовал им карту в приделе церкви.

Снупи взял прутик и нарисовал извилистую линию с кружком.

– Мы здесь, – он ткнул прутиком в кружок, потом показал на ломаную линию по северному краю карты, – а это

холмы. – С южной стороны он начертил еще одну линию: – Это река. – Потом изобразил размашистую полосу, идущую к югу, а затем поворачивающую на запад с петлей к северу.

– Топь, – догадался Конрад.

Снупи кивнул, пробежал прутиком по линии холмов, изогнул ее к востоку, сделал петлю и продолжил к югу волнистую линию реки и сказал:

– Орда вытянулась вдоль этой линии. Они окружили нас с севера, востока и юга и прижали к топи. В основном там безволосые, но есть и другие члены Орды.

– Есть какой-нибудь шанс прорваться?– спросил Конрад.

Снупи пожал плечами и ответил:

– Мы не пытались, но если захотим – сможем. Мы просочимся понемногу в разных местах, и они даже не подумают задерживать нас, мы им не нужны. Они хотят взять вас. Они вас потеряли, но знают, что вы не можете перебраться через болота. Может, они думают, что вы прячетесь в кургане, но уверены, что рано или поздно оттуда выйдете, и тогда они вас поймают. А просочиться, как мы, вы не можете.

– Ты имеешь в виду, – сказал Дункан, – что они сидят там, а мы будем сидеть здесь?

– Не совсем так, – ответил Снупи. – Я не считаю, что мы будем сидеть тут. У нас есть для них немного магии, глупые ловушки, которые, конечно, не остановят их, но помешают, смутят, замедлят их маневр. Некоторые ловушки вроде греха. Они знают, что ловушки есть, и стараются избежать их, пока это возможно. Если вдоль их линии начнется движение, мы будем об этом знать.

– Но вы рискуете своими головами ради нас, – сказал Дункан, – а мы не хотим этого. Конечно, мы рады вашей помощи, но не рассчитываем на нее.

– Я вам сказал, что мы можем пройти в любое время. Для нас здесь нет непреодолимой опасности, а для вас она есть.

– Много ли здесь ваших?

– Несколько сотен. Может быть, тысяча.

– Я даже представить себе не мог, что вас соберется так много. Ты говорил, что «маленький народ» не питает любви к человеку.

– Я говорил также, если помните, что Орду мы любим еще меньше. Стоило только узнать, что маленькая группа людей выступает против Орды, как новость разнеслась повсюду со скоростью лесного пожара. День за днем наш народ собирался по одному и группами. Я не собираюсь обманывать вас: мой народ не станет соваться на смерть ради вас. У них насчет битвы кишка тонка – никогда не были хорошими воинами, – но они сделают все, что в их силах.

– И мы им будем за это очень признательны, – сказал Дункан.

– Если бы вы обращали побольше внимания на наши советы, то не оказались бы в таком положении. Я ведь особо предупреждал вас: не подходите близко к замку. Из того, что вы мне рассказали, следует, что вы освободились только благодаря невероятному человеческому везению. – Он недоуменно покачал головой и произнес: – Не понимаю, почему человеку всегда так везет. Наш народ не знает, что такое удача.

– У нас не оставалось выбора, – уточнил Конрад. – Если бы мы не укрылись в замке, то были бы убиты.

– А если бы вы перебрались через реку...

– Уже не было времени, – прервал его Дункан. – Орда догнала бы нас. Они перестроились, когда мы побежали.

– Но вы нанесли им немалый урон, – возразил Снупи, – на поле боя осталось много вражеских трупов.

– Так-то так, – ответил Конрад, – но мы не продержались бы. Нас выручили Диана и Охотник, неожиданная сила их атаки...

Снупи кивнул:

– Да, я знаю.

– Теперь мы будем уделять должное внимание тебе и твоим советам, – пообещал Дункан. – Ну а что ты посоветуешь нам на этот раз?

– Ничего, – ответил гоблин.

– Совсем ничего? Вообще никакого плана?

– Я много думал, – сказал Снупи, – и все наши тоже. Мы держали совет, и многие предлагали различные варианты, но никто не уверен, что что-нибудь получится. Мы очень боимся, что вы погибнете.

Дункан вопросительно взглянул на Конрада.

– Мы найдем способ, милорд, – уверенно сказал Конрад.

– Да, конечно.

Дункан подумал, что, может быть, это была одна из страшных шуток «маленького народа». Шутка или жестокая правда?

– Тем не менее, – сказал Снупи, – мы сделаем для вас все, что сможем. Мы уже нашли одеяло для леди Дианы, потому что ее легкое платье – не защита от холода.

Вокруг костра сидели многие из «маленького народа» — гоблины, гномы, эльфы, духи и феи, но Дункан знал одну только Нэн, баньши. Она сидела у самого огня, обернувшись крыльями. Ее глаза, такие черные, что казались полированными драгоценными камнями, блестели в свете костра под копной растрепанных угольно-черных волос.

Дункан пытался понять выражение их лиц, но не мог. Дружелюбия он не заметил, но и ненависти тоже. Все просто сидели и ждали, а, может быть, просто наблюдали за тем, что делают люди.

— Эти пикеты, что окружают нас, конечно, не вся Орда?— спросил Конрад у Снупи.

— Нет, — ответил он, — основная их масса — за топью, к западу от нее и движется по берегу на север.

— Чтобы запереть нас с запада?

— Вероятно, нет. Дух наблюдал за ними.

— Разве Дух с вами? Где он сейчас?

Снупи махнул рукой.

— Где-то летает. Он и Нэн — наши глаза, они стараются держать нас в курсе всех событий. Я надеялся, что придут и другие баньши — они были бы очень полезны, но пришла только Нэн.

— Ты говоришь, что остальная Орда не станет блокировать нас с запада. Почему ты так считаешь?

— Дух думает, что завтра или послезавтра они пойдут дальше на север, оставив западный берег, прямо через нас. А почему ты заинтересовался? Ведь через топь вам не пройти. Никто из здравомыслящих людей не полезет туда: там есть бездонные места, и вы узнаете об этом, только когда попадете в них, и вас засосет. Нет ни одного шанса выбраться из топи живыми.

– Посмотрим, – не совсем уверенно возразил Конрад. – Если не будет другой возможности – рискнем.

– Если бы Хуберт был здесь... – сказал Дункан. – Диана могла бы патрулировать вместе с Духом и Нэн.

– Кто это – Хуберт?

– Грифон Дианы. Он куда-то исчез, когда рухнул замок.

– Боюсь, что его не найти, – вздохнула Диана.

– Мы все-таки посмотрим, – пообещал Снупи, – а также постараемся восстановить все, что вы потеряли.

– Мы потеряли абсолютно все: одежду, посуду, пищу... – с сожалением сказал Конрад.

– Это не проблема, – ответил гoblin. – Кое-кто из наших уже работает над кожаной одеждой для миледи. То платье, что на ней, не подходит для походных условий.

– Это очень великодушно с вашей стороны, – поблагодарила Диана. – Я просила бы еще об одной вещи: об оружии – мой боевой топор пропал.

– Насчет боевого топора не знаю, но что-нибудь другое можно. Меч, например. Я знаю, где его взять.

– Это было бы просто замечательно.

– Но я не понимаю, какая вам польза от этого? Вы в западне и, по-моему, выбраться из нее невозможно. Когда Орда решит двинуться, она раздавит вас, как кисть винограда...

Дункан оглядел сидевших у костра. Они кивнули в знак согласия.

– За всю жизнь не видел такую кучу трусов, – презрительно сказал Конрад. – Черт побери, вы готовы сдаться, даже не пытаясь что-нибудь сделать. Тогда почему вы не уходите? Мы обойдемся и без вас...

Он повернулся и ушел в темноту.

– Извините моего друга, – сказал Дункан сидящим у костра. – Он не из тех, кто спокойно признает поражение.

За костром, из-за деревьев выглянула чья-то фигура, постояла и снова нырнула обратно. Дункан узнал отшельника и поспешил к нему.

– Эндрю, что с тобой? Что случилось?

– Ну что вам нужно? – жалобно спросил Эндрю.

– Я хочу поговорить с тобой. Ты ведешь себя, как капризный ребенок. Пора кончать с этим.

Эндрю вышел из-за дерева. Дункан подошел к нему.

– Ну? Что тебя гложет?

– Вы знаете...

– Да, пожалуй. Давай-ка поговорим об этом.

Свет костра не доходил до них, и Дункан не мог видеть выражение лица отшельника.

– Вы помните, как ночью мы разговаривали в моей келье? Я рассказал вам, как пытался стать отшельником, как читал патриархов Церкви, смотрел на пламя свечи, и все это оказалось напрасным. Я говорил вам, что отшельник из меня не получился и явно не стану хоть сколь-нибудь святым. Я много чего говорил вам, потому что был очень опечален. Нелегко человеку потратить большую часть жизни на какое-то занятие и в конце концов убедиться, что все было зря, что все мечты и надежды унес ветер.

– Да, я помню, – ответил Дункан, – но думаю, что сейчас ты приукрашиваешь. Отшельник из тебя действительно не получился, но ты ухватился за возможность стать солдатом Господа. И поскольку ты действительно стал им и поступал в основном хорошо, то нет причин дуться.

– Вы не понимаете...

– Объясни.

– Разве вы не видите, что все это бдение в конце концов окупилось? И это, и, возможно, все остальное, что я делал, даже то, что я добровольно стал солдатом Господа. Не уверен, что я святой, да и не столь нахален, чтобы утверждать это, но у меня оказалась сила, какой не было раньше, о которой и не подозревал – мой посох...

– Ну да, твой посох разбил цепь демона, а я мечом ее рубил и ничего не добился – только искры сыпались.

– Но согласитесь, что посох сам по себе не мог бы разбить цепь. То ли в посохе внезапно появилась чудодейственная сила, то ли в человеке, который его держал...

– Согласен. Значит, в тебе есть какая-то святая сила. Ну так и радуйся этому!

– Неужели вы не видите, в какую неприятную историю я попал?

– Боюсь, что ничего такого не замечаю.

– Первым проявлением моей силы было освобождение демона. Как вы не понимаете, что это меня и мучает? Я, святой – если святой, – воспользовался своей силой впервые, понимаете ли, и для чего?! Для освобождения злейшего врага святой матери Церкви!..

– Насчет этого не знаю, но Скрач явно неплохой парень. Он демон, конечно, но – неудачник: не мог справиться с самыми простыми задачами, когда учился у Сатаны. Потому он и удрал из Ада. И доказательством тому, как мало в нем нуждались, служит то, что Дьявол и его приближенные даже пальцем не шевельнули, чтобы вернуть его обратно.

– Вы стараетесь найти в этом положительные стороны, милорд, и я благодарен вам за внимание. Но факт остается фактом: теперь на мне черная отметка.

– Какая еще черная отметка? – спросил Дункан с раздражением.

– Клеймо на моей душе. Никто его не видит, а я знаю. И стереть его нельзя, я буду носить его до самой смерти, а, может быть, и после смерти...

– Скажи-ка ты мне вот что: почему ты ударил посохом, когда видел, что мой меч не может разрубить цепь? У тебя что, предчувствие было какое-то, внутреннее озарение?

– Нет. Просто мне захотелось принять в этом участие. Вы с Конрадом делали, что могли, вот и я почувствовал, что тоже должен делать, что могу.

– Как ты думаешь, когда ты нанес столь мощный удар посохом, ты хотел помочь демону?

– Не знаю, я не думал об этом. А когда я осознал, душа моя сжалась. Зачем я помогал демону? Как я мог?

Дункан схватил отшельника за плечо и крепко сжал.

– Ты хороший человек, Эндрю, лучше, чем я думал.

– Как же это? Каким образом помощь демону делает меня хорошим человеком? Я думаю, что стал хуже. Это ужасно: я помог приспешнику Ада, от которого все еще воняет серой...

– Тому, кто отказался от Ада, – поправил Дункан, – а он отвернулся от Ада, отказался от него, может, не из благих намерений, но отказался, как отказываемся ты и я. Он на нашей стороне, разве ты не понимаешь? Теперь он с нами. Пусть на нем все еще клеймо Зла, но он с нами.

– Не знаю, – с сомнением произнес Эндрю. – Я подумую. С этим надо поработать.

— Пойдем со мной к костру, сядем у огня и с удовольствием поразмыслим над этим. Немного тепла для твоих продрогших костей и немного пищи для твоего брюха, наверное, будут не лишними.

— Да, пожалуй, я голоден. Мэг готовила кислую капусту со свиными ножками. Я мог бы их попробовать, если бы вовремя подумал об этом. Сколько лет я не ел этого кушанья!

— «Маленький народ» не может предложить тебе их, но зато есть тушеная оленина, страшно вкусная. Ее осталось, думаю, больше, чем может вместить твое нутро.

— Если вы думаете, что все в порядке, и если они дадут мне место...

— Они спрашивали о тебе и будут рады тебя увидеть, — уверил его Дункан, а про себя подумал: «Может, это не совсем точно, но небольшая ложь не повредит». — Ну, пошли.

Дункан обнял отшельника за плечи и повел его к костру.

— Вот голодный, — сказал он Нэн. — не осталось ли мисочки тушеного мяса?

— Больше миски, больше, чем он может съесть, как бы ни был голоден, — ответила она и предложила Эндрю: — Садитесь к огню. Сейчас я вам подам.

— Спасибо, мэм, — поблагодарил он.

Дункан огляделся, ища Конрада, но не увидел его. Не было также и Снупи.

Похоже, что время близилось к полночи, всем надо было поспать. Он не представлял себе, что они будут делать утром, но надо было как можно быстрее продумать

план действий. Конрад, по всей вероятности, получил какую-то информацию и было важно увидеться с ним побыстрее. Наверное, Конрад пошел к другому костру.

Дункан пошел туда, но из темноты кустов кто-то свистнул. Дункан быстро обернулся, схватившись за меч.

– Кто там? Покажись!

От кустов отделилась тень. Лунный свет упал на кривой рог.

– Скрач? Что ты там делаешь?

– Жду вас, – ответил демон. – Я хочу кое-что сказать. Потихоньку. Давайте присядем и поговорим.

Дункан присел на корточки против Скрача. Демон тяжело поклонился и сказал:

– Я слышал, мы в опасности.

– А мы все время в опасности.

– Но на этот раз мощные силы окружили нас со всех сторон.

– Это правда.

– И нет возможности вырваться?

– «Маленький народ» подтверждает это, но мы верим, что должен быть какой-то выход.

– Есть путь через топь, – сказал Скрач.

«Но как? – подумал Дункан. – Чем может помочь демон? Что он знает о топи, пробыв целые столетия в замке?»

– Вы мне не верите? – спросил Скрач.

– Трудно поверить. Откуда тебе знать?

– Я говорил вам, что когда-нибудь расскажу о своих приключениях, но сделать этого так и не довелось.

– Говорил. Буду рад выслушать твой рассказ, но не сейчас – я иду искать Конрада.

– Сейчас я расскажу только часть. Когда я удрал из Ада, в человеческих кругах прошел слух, что здесь есть беглый демон, на которого защита Сатаны не распространяется, так что его может поймать любой желающий. За мной начали охотиться. Вот тогда-то и познакомился с этой топью. Я прятался здесь несколько лет, пока не решил, что спасен, что все про меня забыли, что след мой остыл и охота кончилась. Я вышел из топи и почти немедленно был схвачен.

– Но топь – это смерть, как я слышал.

– Если знать дорогу...

– А ты знаешь?

– Мне показал ее водяной эльф – он пожалел меня. Пройти можно, но с большой осторожностью, по определенным ориентирам.

– Но ведь ты был здесь очень давно, отметки могли измениться.

– В топь спускались холмы и остановились. Но более древняя их часть, разрушившаяся, стала островами. Острова крепкие, целиком скалистые, они не могут осесть. Между ними под водой идет каменный гребень, объединяющий их. По этому гребню вы можете перейти топь, но под водой его не видно, надо знать...

– Глубоко?

– В самых глубоких местах мне по шею.

– Через всю топь? К западному берегу?

– Именно, милорд. Часть древних холмов, скрытый гребень. Но есть и обманчивые места.

– Ты их узнаешь?

– Убежден. У меня хорошая память.

– И ты поведешь нас?

– Уважаемый сэр, я должен вам и даже не надеялся хоть когда-нибудь расплатиться. Я покажу вам дорогу, и это будет лишь малой частью оплаты. Но, если вы примете...

– Конечно, примем. Если события потребуют...

– Какие события?

– Может случиться, что основная Орда Разрушителей заблокирует наш путь – они идут по западному берегу болота. Если они пойдут дальше к северу, как они, похоже, намереваются, мы с твоей помощью перейдем топь и минуем их.

– Еще одно.

– Да?

– У западного края топи есть большой остров, больше других. Он охраняется драконами.

– Почему?

– Этот остров – место Плача, место оплакивания мира...

22

Диана, Мэг и Нэн сидели у костра чуть в стороне от остальных, когда Дункан вернулся, ведя за собой хромящего Скрача. Неподалеку, растянувшись на земле, спал Эндрю. На коленях Дианы лежал длинный узкий сверток черного бархата.

Мэг окликнула Дункана:

– Вы только посмотрите, что у Дианы! Посмотрите, что ей дал Снупи!

Дункан повернулся к Диане – та улыбалась, глаза сияли. Она осторожно развернула бархат.

Обнаженный меч сиял сотнями огней. Его рукоять была усыпана драгоценными камнями.

– Я говорила ему, что для меня это чересчур великолепно, но он настаивал, чтобы я взяла...

– Роскошный! – восхитился Дункан.

– Гоблины хранили его много лет, – сказала Нэн, – как священную реликвию. Им и во сне не снилось, что найдется человек, которому они захотят отдать его. – Она пожала плечами и добавила: – И то сказать, он чересчур тяжел для гоблина или кого-нибудь из наших.

Дункан протянул руку к мечу:

– Можно?

Диана кивнула.

Сталь была холодной и гладкой. Он погладил лезвие почти ласково.

– Дункан, – тихо сказала Диана, – я боюсь...

– Боитесь?

– Мне кажется, я знаю, что это за меч. Хотя Снупи и не сказал мне.

– Тогда я не думаю, что вы станете спрашивать. – Он потянул конец бархата и накинул его на меч. – Это драгоценная вещь, ее не нужно выставлять на ночную сырость. Заверните меч как следует. – Он повернулся к Мэг: – Я хочу спросить тебя насчет одной вещи. Ты как-то говорила о Плаче по миру, но вскользь. Ты не можешь рассказать поподробнее?

– Ничего, кроме того, что уже сказала, милорд.

– Ты говорила, что есть несколько таких мест, вероят-

но, весьма отдаленных друг от друга. Ты, кажется, думаешь, что одно из них находится в этих болотах?

— Так говорят.

— И кто оплакивает?

— Женщины, милорд. Кому же еще оплакивать наш мир? Только у женщин есть причины для плача.

— Ты знаешь имена этих женщин?

Мэг нахмурилась, вспоминая.

— Конечно, милорд, имена у них есть, но я не думаю, чтобы слышала о них.

А вы? — спросил он Нэн. — Вы, баньши, тоже плакальщицы?

— Плакальщицы, но не за весь мир, — ответила Нэн. — У нас достаточно хлопот, чтобы не оплакивать тех, кто больше в этом не нуждается.

— А, может, весь мир нуждается в оплакивании его нищеты?

— Наверное, вы правы, но мы плачем дома, в знакомой нам местности: за одинокую вдову, за голодных детей, за нужды стариков. Так много тех, кого нужно оплакивать, что мы заботимся лишь о тех, кого знаем. Мы садимся у одинокого коттеджа, из которого исходят скорбь и нужда, и плачем о тех, кто скорбит и нуждается, и...

— Да, я понял. Но ты ничего не знаешь о тех, кто оплакивает весь мир?

— Только то, что уже сказала ведьма.

Позади Дункана послышались мягкие шаги.

— Кто тут интересуется насчет оплакивания мира? — спросил Снупи.

Дункан обернулся к гоблину.

– Демон сказал, что плач – в болоте.

– Он прав, – сказал гоблин, – я его часто слышу. Но зачем это вам?

– Скрач сказал, что топь можно перейти. Он знает путь.

Снупи сморщился.

– Сомневаюсь. Топь всегда считалась непроходимой.

– Но с достоверностью ты этого не знаешь?

– Нет. Не было такого дурака, чтобы проверить. Никто даже лодку не спускал на эту воду, потому что там скрываются опасности. Что-нибудь может всплыть и схватить лодку.

– Ну, что ж, вот и дурак, смотри на него – я собираюсь рискнуть.

– Вас съедят.

– Нас съедят в любом случае. Ты сам сказал, что Орда сгоняет нас, как скот. Единственный путь – через болото.

– Но основная Орда на западном берегу.

– Ты говорил со слов Духа, что Орда идет на север. Если они продолжают свой путь, дорога для нас будет свободной.

– Но те, кто окружает нас, идут сюда, они стягивают сеть. На востоке уже замечено какое-то движение – мы поставили там магические ловушки.

– Тем больше оснований попытаться перейти топь, и как можно скорее.

– Окружившие нас силы знают, что вы здесь – иначе не было бы движения, – то основная Орда тоже знает.

– Но Орда на западном берегу не может предполагать, что мы пойдем через топь.

Снупи с досадой махнул рукой:

– Идите, коли хотите. Вы не слушаете меня и никогда не слушали...

– Прости, – сказал Дункан, – но ты же ничего не предлагаешь, и я решил идти. Демон пойдет со мной и покажет дорогу. Конрад наверняка пойдет тоже.

– И я, – отозвалась Диана и обратилась к Снупи: – Ты говорил насчет кожаного костюма для меня, когда он будет готов? Я не могу шагать по болоту в этом платье.

– С первыми лучами солнца. Наш народ будет работать всю ночь.

– На рассвете мы не можем идти, – сказал Дункан, как бы ни хотелось этого. Сначала надо найти грифона.

– Ночью искали, но безуспешно, – сказал Снупи. – Попробуем поискать при свете: обыщем всю округу, хотя мы почти не надеемся найти его. Он был слишком близко и долго связан с колдунами и замком. Он постарел и устал от долгой службы и, возможно, не пожелал пережить замок. Для него непросто потерять последнего колдуна. Миледи, наверное, согласна со мной?

– Да, – ответила Диана, – но и без Хуберта я все равно пойду.

– Вы можете сесть на Дэниела, – предложил Дункан.

– Нет. Это ваш конь, боевой, и он не должен нести всадника, кроме как в бою, когда они – одно целое. За все время путешествия даже вы ни разу не садились на него, а сражались бок о бок. Так и должно быть.

– Я тоже пойду с вами, – сказала Нэн. – Топь меня не страшит, поскольку я полечу над ней, но с остановками. Может быть, я буду вам полезна, оглядывая местность сверху.

– Но я начал эту авантюру с вами, – сказал Снупи, – вы не можете оставить меня.

– Не нужно, – сказал Дункан. – Ты не веришь в это дело и, конечно, останешься здесь управлять своим народом.

– Он не нуждается в моем управлении. По правде сказать, я им никогда не управлял, я просто бросил клич, чтобы собрать их. И они пришли, как на пикник, искать приключений, но не хотят встречаться с великой опасностью – этот мудрый народ избегает опасностей. Честно говоря, они уже начали разбегаться. Как только вы уйдете, уйдут и остальные.

– Так почему бы и тебе не уйти с ними? Спасибо за намерение отправиться с нами, но с точки зрения здравого смысла...

Снупи прервал его с наигранной яростью:

– Вы хотите лишить меня возможности совершить подвиг, о котором я стал бы рассказывать в течение многих лет, а мои люди сидели бы вокруг и ловили бы каждое мое слово? Жизнь «маленького народца», как вы его покровительственно называете, так скучна! У нас мало случаев совершить подвиг, мало кто имеет шанс стать героем. Раньше – до того, как появились вы, люди, и выгнали нас с насиженных мест – было по-другому. Земля была наша, и мы разыгрывали на ней маленькие драмы и глупые комедии, но теперь мы этого не делаем, потому что у нас нет места, и на каждом шагу встретится какой-нибудь дурак, который напомним нам о нашем бедственном положении и тем самым отнимет у нас то малое веселье, что еще осталось.

– Ну, тогда ладно, – сказал Дункан. – Мы ценим вашу

компанию. Но я должен предупредить, что кое-где по дороге мы можем встретиться с драконами.

– Мы им устроим! – воскликнул Снупи, щелкнув пальцами.

Из темноты показался Конрад и указал наверх:

– Посмотрите, кого я отыскал.

Они увидели опускающегося Духа.

– Я потерял вас, милорд, – сказал он. – Я искал, но вас и след простыл. Но пока искал, я выполнял полученное мной задание – следил за Ордой, а поскольку вас не было, передал свой рапорт Снупи. Он, как и я, недоумевал, что могло с вами случиться, но подозревал, что ваше отсутствие каким-то образом связано с курганом. И вот сейчас Конрад сказал мне...

– Постой, – прервал его Дункан. – Я хочу кое-что узнать у тебя.

– И у меня, милорд, есть что сообщить вам. Но сначала я спрошу для собственного успокоения: намерены ли вы, несмотря на всяческие помехи, идти в Оксфорд? Я все еще питаю надежду попасть туда, поскольку у меня множество сложных вопросов к тамошним мудрецам. Трудных для меня, разумеется, но, надеюсь, не для них. Моя заветная мечта – получить ответ.

– Да, – сказал Дункан, – мы намерены продолжать путь в Оксфорд. Теперь мой вопрос: что ты можешь сказать насчет той части Орды, что идет по западному берегу болота?

– Они идут к северу, – ответил Дух, – и идут быстро.

– Не собираются остановиться?

– Никаких признаков замедления хода. Они продолжают стремиться вперед.

– Значит, решено, – с некоторым удовлетворением констатировал Дункан, – выходим завтра как можно раньше...

23

Когда небо на востоке посветлело, стали искать Хуберта. Обыскали все вокруг развалин замка, на лугах вдоль реки, но нигде не было и следа грифона. Искали тщательнее, чем ночью, потому что сейчас помогать в поисках остались добровольцы.

Как только стало ясно, что дальнейшие поиски ни к чему не приведут, добровольцы бесследно исчезли, оставив после себя лишь погасшие костры.

С утра стали собираться тяжелые тучи, и теперь они почти закрыли солнце.

Дункан и Конрад собрали свою маленькую армию и направились к болоту. Не прошло и часа, как они услышали слабый плач – далекая жалоба одиночества и безнадёжности, как будто причина плача никогда не пройдет, а будет длиться вечно. Диана вздрогнула, услышав этот звук.

– Этот плач режет, как ножом.

– Вы никогда не слышали его? – спросил Дункан.

– Слышала, конечно, но издалека, и не обращала внимания. Оттуда всегда шли странные звуки. Я не знала, что это, и...

– Но колдуны, наверное, знали?

– Знали, но мне не говорили. Я редко выходила из замка, если не считать моей вылазки из-за Вольферта. В общем-то, я жила под защитой, хотя и не знала об этом.

– Под защитой? Вы, девушка-воин?

– Не ошибайтесь на этот счет. Я не покинутый ребенок, не бездомная девица. Я участвовала в некоторых походах, училась владеть оружием. Да, кстати, я хочу поблагодарить вас: вы вместе со мной поверили в меч.

Она держала меч в руке, потому что ножен не было.

– Да, действительно добрая сталь, – одобрил Дункан.

– Но что это все-таки за меч?

– Снупи не сказал вам, а вы так и не спросили?

– Но этот меч был потерян много лет назад...

– Здесь было много мечей, и многие из них потеряны.

– Ну, ладно. Значит, оставляем?

– Думаю, что он пригодится, – ответил Дункан.

Они поднялись на вершину длинного пологого холма и смотрели на запад, где синела топь. Под холмом виднелась узкая полоска леса, шедшая от северной гряды холмов далеко на юг.

Скрач дернул Дункана за куртку, обращая на себя внимание.

– Что тебе, Скрач?

– Лес.

– Ну и что?

– Его не было раньше. Я помню, потому что был здесь. Никакого леса не было, чистая земля до самой топи.

– Но ведь это было давно, – сказал Конрад.

– Он сидел на цепи несколько столетий, – сказала Диана. – За это время лес мог вырасти.

– Может, он плохо помнит? – сказал Конрад.

Эндрю подошел к ним, стуча посохом.

– Не обращайтесь внимания на это детище сатаны. Он все путает.

– Мэг, ты ничего не знаешь об этом лесе? – спросил Дункан.

– Откуда? Я тут никогда не была.

– Мне он кажется вполне нормальным, – сказал Конрад. – Я всегда первым чую неладное, и этот лес как лес.

– Я тоже не нахожу в нем ничего неправильного, сказал Снупи.

– Я повторяю, – взвизгнул Скрач, – что раньше его не было.

– Пойдем осторожно, – посоветовал Конрад, – и будем предельно внимательны. Раз мы идем к топи, значит придется пройти через лес.

Дункан взглянул на Скрача, все еще держащего куртку. В другой руке был трезубец на длинной ручке. Зубцы были острые и зазубренные.

– Где ты его взял? – спросил он.

– Я дал, – ответил Снупи. – Он принадлежит одному гоблину, но слишком тяжел и неудобен для нас.

– Отдай его мне, – сказал Скрач, – Снупи сказал, что трезубец предназначен для меня.

– Предназначен?

– Ну, конечно, – ответил Снупи. – Вы, милорд, не знакомы в своей теологии.

– Причем тут наша теология?

– Может, я ошибаюсь, – сказал Снупи, – но мне кажется, что была древняя традиция. Не так давно я наткнулся на свиток, который, как я понял, содержал библейские истории. Я не стал тратить время, чтобы путаться в ваших варварских написаниях, а посмотрел картинки. Там я нашел грубо сделанные изображения демонов, похожих на

нашего друга, кидавших грешных людей в адское пламя. Инструменты, которыми пользовались демоны, чтобы подхватывать и кидать, весьма напоминали этот трезубец. Вот это я и имел в виду, когда намекнул, что такое оружие – самое подходящее для демона.

– Пошли, – сказал Дункан.

Слабо заметная тропа изгибалась от подножия холма к лесу и вблизи опушки казалась самой обыкновенной. Никаких других тропинок, похоже, не было. Деревья были древние, седые, толстые, как бочки, с переплетенными ветвями. Тропа, по которой они шли, вела в чащу леса, и была достаточно заметна, так что идти было легко.

– Ты твердо уверен, что этого леса не было? – спросил Дункан Скрача. – Ты уверен, что был именно в этом месте?

– Уверен, – ответил демон. – Не может быть, чтобы я ошибся.

– В любом случае нам придется идти, – сказал Конрад.

– Правильно, – согласился Дункан. – Конрад, иди с Тайни вперед, как всегда. Тропа узкая, так что все равно мы не можем идти все вместе. Мы с Дианой будем охранять тыл. Не отпускай Тайни далеко от себя.

Мэг сползла со спины Дэниела.

– Лезь обратно, – сказал Конрад. – Нас могут остановить.

– Тем более у меня есть основание не путаться под ногами у сражающейся лошади. По лесной тропинке я могу ковылять и сама.

– Я пойду рядом с ней, – предложил Эндрю, – и помогу ей.

– Ну, спасибо, добрый сэр, – сказала Мэг. – Такой старухе, как я, нечасто предлагают эскорт...

– Мэг, что-нибудь неладно? – спросил Дункан, – Ты говорила, что не хочешь мешать Дэниелу. Разве...

Мэг покачала головой.

– Ничего неладного нет, милорд. Но деревья стоят очень плотно.

Они пошли цепочкой. Дункан и Диана шли позади всех, а перед ними тяжело хромал демон, опираясь на посох, как на костыль.

Лес выглядел мрачно, как всякий лес осенью: опадающие листья, дрожащая от холода мелкая поросль. Но кроме этого не чувствовалось ничего, что могло бы показаться необычным. Повсюду стояла удивительная тишина, и Дункан удивился: даже в самый тихий и безветренный день в лесу что-нибудь да шуршит. Тишина леса требовала тишины и от людей: они шли молча по извилистой тропе, а опавшие листья заглушали их шаги. Они шли между деревьев, огибая упавшие гиганты, обходили покрытые мхом валуны...

Дункан замыкал цепочку. Время от времени он останавливался, потому что чувствовал зуд в спине, как будто кто-то следил за ним. Но ничего не было – тропа была пуста, и вообще не было признаков чьего-либо присутствия поблизости. Он подумал, что это ощущение могло исходить из сознания, что очень скоро вся область, контролируемая «маленьким народом», будет кишеть безволосыми и другими силами Орды. «Маленький народ», скорее всего, теперь уже ушел оттуда, рассеялся за ночь, и когда Дункан со своим отрядом уходил, там уже, наверное, ни-

кого не осталось, кроме Снупи, который шел теперь впереди с Конрадом, и Нэн, которая летала наверху и смотрела, не случится ли чего-нибудь. Магические ловушки «маленького народа» могли на время задержать Орду, но вряд ли больше, чем на несколько часов. Как бы ни действенны были эти ловушки, они не могли долго продержаться против более мощной магии Орды.

Дункан положил руку на поясной мешочек, ощущал твердую округлость талисмана, услышал мягкий шелест пергамента и прижал к нему пальцы. Если Скрач прав, и они перейдут через топь, если главные силы Орды отошли к северу, то у них есть еще шанс добраться до Оксфорда — всего один шанс из тысячи. Другого пути он не видел.

Оглянувшись в последний раз на тропу, он быстро повернулся и поспешил догнать Диану. В то время он услышал слабый звук плача — первый с тех пор, как они вошли в лес.

Внезапно тяжелая растительность кончилась, и Дункан очутился на небольшой поляне, почти круглой, будто нарочно вырубленной. Отряд уже собрался в центре поляны. Подойдя, Дункан увидел, что поляна окружена еще более рослыми и широкими деревьями, массивные ветви тянулись над землей всего в нескольких футах и создавали непроницаемый барьер.

Дункан бросился к Конраду:

— Почему вы остановились? Почему не идете дальше?

— Нет тропы, — спокойно ответил Конрад. — Она привела нас на поляну и кончилась. Отсюда не выйти.

— Но и сюда тоже никто не придет... — заметил Эндрю.

Он стучал посохом с раздражением, за которым чувствовался страх.

Дункан оглянулся назад и увидел, что Эндрю прав. Деревья каким-то образом сдвинулись и загородили тропу, по которой они только что шли.

— С большим усилием мы можем проползти, — сказал Конрад. — Но как быть с Дэниелом? Он не может ползти на коленях — придется прорубать для него дорогу. Но даже без рубки мы будем продвигаться очень медленно.

— Колдовство, — сказала Мэг, — самое настоящее колдовство, и очень хитрое, иначе я учуяла бы его.

Снупи бегал взад и вперед, размахивая руками.

— Это все гномы, их двойное заклятие! Я говорил им — не ставьте ловушек вдоль троп возле топи, поскольку там нет никого из Орды. Я говорил, чтобы они сконцентрировали их на севере по речному руслу. Так нет, не послушались! Гномы надменны и никогда не слушают советов. Они поставили эту хитрую ловушку для Орды, а вместо Орды в нее попали мы. А теперь гномы ушли, растворились, и не подумают прийти и снять ловушку.

— Ты в этом уверен? — спросил Дункан.

— Конечно, уверен. Я же знаю гномов. Упрямый народ. И ловки в очень сложной магии. Никто из наших не может делать такую работу, чтобы замкнуть пояс из леса и...

Его прервал звук хлопающих крыльев. Это спускалась Нэн, неуклюже ныряя и размахивая крыльями, чтобы снизить скорость и удержать равновесие. Она приземлилась, упала, но быстро вскочила и метнулась к ним.

— Орда идет сюда! — верещала она. — Она спускается с холма к лесу.

— Что будем делать? — зарыдал Эндрю.

— Прекрати плакать, — грубо ответил Конрад, — и помни, что мы — солдаты Господа.

– Я не солдат Господа! – пронзительно закричал Скрач.
– Но если будет сражение, я буду драться на стороне солдат Господа, а при необходимости могу делать грязную работу.

– Уверена, что сможешь, – поддержала его Мэг.

– Будем надеяться, – сказал Дункан, – что магия гномов работает так же эффективно против Орды, как и против... – Он остановился на полуслове и уставился на деревья. – Боже мой! Взгляните!

Ему вспомнилось, как много лет назад бродячий художник остановился в Стэндиш-Хаузе ради питья и крова и прожил там несколько месяцев, а затем перешел в аббатство, где, надо полагать, живет и сейчас, занимаясь перепиской рукописей, делая эскизы и цветные миниатюры, которыми монахи любят украшать свои манускрипты. Дункан был тогда еще мальчиком и проводил много времени возле маленького письменного стола, за которым работал художник, и с восхищением глядел на магические движения карандаша, воспроизводящего сцены и людей, совершенно не похожих на тех, кого он когда-либо видел. Один набросок особенно заинтересовал его, и художник отдал ему рисунок. На нем была изображена группа деревьев, каким-то образом превратившаяся в сражающийся народ – грубые воинственные лица – стволы, хватающие руки-ветви со множеством пальцев. Деревья обращались в чудовищ. И вот теперь, в этом магическом лесу гномов, деревья становились монстрами – точно такими же, каких рисовал художник.

На стволах – слабо заметные лица с хищными полуоткрытыми ртами, в основном беззубыми, хотя у некоторых

были и клыки, с шишковатыми носами в пол-лица, с дьявольскими злобными глазами. Теперь листья шуршали, когда сучья и ветви стали руками чудовищ — одни с пальцами, другие с когтями, третьи со щупальцами — и все яростно размахивали, чтобы схватить и умертвить.

— Ну, вонючие гномы! — Снупи бесновался. — Никакой порядочности! Их магия не отличает друзей от врагов!

Издалека, видимо, с опушки, донесся приглушенный вопль.

— Это безволосые, — сказал Конрад. — Они дошли до леса и встретились с деревьями.

— Я сомневаюсь, что безволосые будут так орать, — сказал Эндрю. — Может, это деревья?

— Мэг, ты ничего не можешь сделать? — крикнул Дункан. — Нет ли у тебя в запасе чар, которые переплюнули бы эту магию?

Эндрю шагнул к деревьям, размахивая посохом и произнося латинские фразы, — самую ужасную латынь, которую когда-либо слышал Дункан.

— Заткнись! — воскликнул он и опять обратился к Мэг. — Так ты не можешь помочь?

— Попробую. Только моя сила очень слаба. Все мои ведьмины принадлежности отняты.

— Да, знаю. Кровь летучей мыши, навоз хорька и прочее. Но та сила и власть, что заложены в тебе, не нуждаются в приманках. — Он снова закричал отшельнику: — Прекрати этот дурацкий треп! Здесь не то место, где могут помочь церковные псалмы!

— Может быть, мы вместе с ним?.. — тихо произнесла Мэг.

Слабый усик тумана просочился на поляну в том месте, где была тропа.

– Это туман Орды, – сказал Конрад. – Помните, когда мы сражались перед замком? Тот же запах...

– Я не помню никакого запаха, – перебил его Дункан.

– А я помню. У меня нос острее вашего.

– Орда пытается пройти через лес, – продолжала Диана. – Вероятно, лес задержит ее на какое-то время. Но едва ли надолго. Снупи говорил, что нет такой магии, которая действительно остановит Орду.

– Эта задержит их чуточку дольше, чем другие, – сказал Снупи. – Эти чокнутые гномы поистине вложили сюда свое сердце. Все их усилия сконцентрированы в одном месте, где это вовсе не нужно. Если бы не это, мы давно уже добрались бы до топи.

– Может, Мэг наколдует для нас тропу, – ответил Дункан. – Пусть Эндрю заткнется.

Что-то происходило в том месте, откуда они пришли. Деревья яростно раскачивались, ветви хлестали вокруг. Рты на стволах широко раскрылись, как в крике, но крика не было, зато слышались другие звуки: хруст ломающихся ветвей, внезапные вопли.

– Это безволосые, – сказал Конрад. – Проламываются.

Он поднял дубину и быстро шагнул вперед.

Над вершинами деревьев поплыл рваный черный ковер. Он яростно хлопал, снижаясь. К людям тянулась двойная голова, иглы зубов торчали из открытых ртов, крылья с зазубренными когтями хлопали по воздуху.

– Берегись! – крикнул Конрад.

Диана отскочила в сторону, когда этот ковер повис над

ней. Ее меч взлетел и опустился с быстротой молнии, ударил по крылу и отсек его. Двухголовое создание накренилось и встретилось с мечом Дункана. Одна из голов отлетела. Конрад ударил дубиной по другой голове, и тварь рухнула на поляну, извиваясь и подпрыгивая в воздухе, как цыпленок с отрубленной головой.

Меч Дункана был испачкан вонючей черной жидкостью, вроде той, что текла из убитой им летающей твари в сражении у замка. Он быстро взглянул вверх и увидел, что над поляной появился другой такой же ковер, но изменил направление и полетел обратно за деревья.

Мэг и Эндрю стояли рядом у другого конца поляны. Эндрю по-прежнему размахивал посохом и налегал на латынь, а Мэг делала руками каббалистические пассы и выкрикивала нараспев слова, такие искаженные и перекрученные, что они показались Дункану далеко выходящими за рад человеческих языков.

Туман накатился на поляну. Между деревьями, у самой земли показалось извивающееся тело с остроконечной головой и хищным клювом и побежало вперед на маленьких ящеричьих лапках. Диана взмахнула мечом, голова отлетела, но змеиное тело, быстро перебирая лапками, убежало обратно.

Деревья качались, как под яростным ураганом, рты оставались разинутыми в безмолвном крике, ветви тряслись, как хватающие руки. Оборвавшиеся вопли снова зазвучали в глубине леса. Гигантская ветвь, с десятком прикрепленных к ней рук, поднялась в воздух, держа извивающееся тело безволосого. Другой безволосый продрался между деревьев и бросился на людей. Дункан метнулся

вперед, но Конрад опередил его и, прежде чем безволосый успел поднять дубинку, нанес удар. Безволосый упал с расколотым черепом, но на поляну лезли еще и еще – они пробрались через лес и теперь хлынули потоком.

Дункан увидел занесенную над ним дубину и взмахнул мечом. Рука отскочила от тела, дубина при падении задела плечо Дункана. Краем глаза он увидел Диану и ее быстро мелькающий меч.

Безволосый вновь подбежал. Дункан отскочил, уклоняясь от дубины, и вонзил меч в горло врага. Но тут же появился другой, и на этот раз дубина могла поразить Дункана раньше, чем он поднимет меч. Но не успел он об этом подумать, как над его плечом взметнулись две ноги с копытами: одно из них ударило безволосого в плечо. Тело Дэниела толкнуло Дункана, и он упал на колени, а лошадь топталась над ним, злобно фыркая и орудуя копытами и зубами.

Он увидел, что Конрад тоже ползет, правая рука его бессильно мотается. Над ним уже поднялась дубина безволосого. Дункан метнулся вправо, понимая, что опоздает, но внезапно крепкое тело встало между Конрадом и безволосым, и трезубец, направленный сильными руками Скрача, распорол безволосому горло.

– Тропа! Мы добились тропы! – закричал Эндрю.

Дункан был уже на ногах, и его внимание делилось между Эндрю и загарпуненным безволосым, который медленно оседал, выронив дубину, а Скрач дергал древко, стараясь освободить зубья. Позади Конрада Тайни сбил безволосого и приседал для новой атаки.

Но атаковать было некого. Безволосых больше не бы-

ло. Крутящийся туман все еще вытекал из леса, деревья все еще качались, но отряд безволосых, пробившийся через заслон деревьев, был теперь истреблен.

– Есть тропа! – вопил Эндрю.

– Идите к тропе! – закричал Дункан. – Все к тропе. Уходим отсюда!

Он обхватил Конрада вокруг тела и стал поднимать. Конрад, нащарив свою упавшую дубину, поднялся и пошатнулся. Правая рука его висела как плеть. Дункан поддерживал его и повернул кругом.

– Эндрю нашел тропу. Пошли туда.

Прибежал Тайни и прижался к Конраду, пытаясь помочь ему идти. Скрач тоже подошел, размахивая трезубцем, и протиснулся между Тайни и Конрадом.

– Давай, – сказал он, – наваливайся на мое плечо.

Дункан взял дубину из рук Конрада.

– Я понесу ее, а ты прислонись к демону. Он сильный и поможет тебе.

– Не надо мне помогать, – проворчал Конрад.

– Черта с два не надо, – не согласился Дункан.

Конрад положил левую руку на плечо Скрача и, спотыкаясь, пошел. Дункан обернулся. Диана держала Дэниела за гриву и вела его к тропе. С другой стороны к тропе шагала Снупи, подгоняя Бьюти.

Дункан понимал, что им надо уходить отсюда как можно скорее. Магия гномов может пасть и откроется путь для Орды.

«Господи, дай нам время, – помолился он, – выйти из леса и дойти до топи...»

Там они, вероятно, будут в безопасности. Даже если

безволосые и Орда и пойдут за ними через болота, там будет относительно легко защищаться.

Тропа была узкая, только-только протиснуться одному человеку. Дункан подумал, что Дэниелу придется нелегко. Все остальные уже начали спускаться вниз. Дункан вспомнил горькие сетования Снупи, что ловушка глупых гномов не отличает друзей от врагов. В этом Снупи ошибся: ловушка не поддавалась магии Орды, но откликнулась на колдовство Мэг и латинские зазывания Эндрю.

Он медленно спускался, оглядываясь назад. Тропа смыкалась за ним. Деревья материализовались или смыкались, закрывая путь.

– Бежим отсюда, – сказал он Диане.

Через минуту они выскочили из леса.

Остальные уже бежали вниз по склону. Скрач впереди всех, держа путь к болоту. У его края он остановился, ища ориентиры, а затем побежал по берегу до маленькой тропки и бросился в воду, остальные последовали за ним.

Дункан и Диана, дойдя до берега, тоже вошли в воду, которая едва доходила им до щиколоток. Дальше стало глубже, но не выше колена. Перед ними лежал скалистый островок. Шедшие впереди выбрались на него и исчезли. Через несколько минут Дункан и Диана тоже достигли островка, перелезли через кучу камней и нашли остальных, скрытых за скалами. Дэниел стоял в воде с другой стороны островка, тоже совершенно закрытый нагромождением скал.

Скрач подбежал к ним и потянул вниз.

– Мы спрячемся здесь, – сказал он. – Если Орда не увидит нас с берега, то она, скорее всего, не полезет в воду. Они ведь не знают, что через топь можно перейти.

Они лежали за скалами и ждали. Снова раздался плач, то чистый и громкий, то слабый. Снупи прополз по камням и растянулся рядом с Дунканом.

— Эти чокнутые гномы строят лучше, чем можно предположить. Даже ведьма не заметила в лесу магии. И ловушка все еще держится...

Не успел он это сказать, как лес исчез, полностью пропал. По голому склону спускался отряд безволосых, за ними шли другие твари, полускрытые туманом.

Безволосые остановились у края топи и забегали взад и вперед, как собаки, потерявшие след. Через некоторое время они пошли обратно к склону, сопровождаемые туманом, поднялись и скрылись из виду.

Конрад сидел у края островка, прижимая к телу больную руку. Дункан подполз к нему.

— Покажи-ка руку.

— Болит, проклятая, но, кажется, не сломана. Я могу двигать ею, только очень больно. Дубина ударила как раз над плечом.

Верхняя часть руки так вспухла, что кожа блестела. Болезненный кровоподтек из красного стал пурпурным и распространился от плеча до локтя. Дункан слегка надавил.

— Ой, полегче!

Дункан взялся за локоть, согнул и разогнул его.

— Не сломана, — сказал он. — Тебе повезло.

— Надо повесить руку, — посоветовала Диана. — Будет легче.

Она достала из кармана нового жакета тонкое зеленое платье.

– Не надо, я не могу, – жалобно застонал Конрад. – Если дома узнают...

– Чепуха. Можете.

Дункан положил дубинку рядом с Конрадом.

– Спасибо, – поблагодарил Конрад. – Мне было бы жаль потерять ее. Она сработана из хорошего дерева, в подходящий сезон. Я потратил немало часов, пока обработал ее.

Диана быстро соорудила повязку, осторожно обернула руку Конрада, завязав на плече и засмеялась.

– Слишком много материала, он будет висеть на вас, как плащ. Но вы не смущайтесь, мне не хотелось рвать платье. Может, оно мне еще пригодится...

Конрад усмехнулся:

– Все, наверное, голодные, – сказал он. – Бьюти внизу, с Дэниелом. Пусть кто-нибудь снимет с нее выюки. Там есть немного пищи.

– К сожалению, не горячей, – сказал Дункан. – Мы не сможем развести костер.

– Тут и дерева нет, – буркнул Конрад. – Во выюках есть то, что можно есть и холодным...

Вечером Дункан и Диана сидели у воды на камне. Они долго молчали. Наконец, Диана сказала:

– Дункан, я хотела рассказать вам насчет меча, который дал мне Снупи.

– С ним что-нибудь неладно?

– Ничуть. Но он странный.

– Вы к нему не привыкли.

– Не в том дело. Он – как бы это сказать? Будто кто-то помогает мне, будто им управляет чья-то другая рука и

помогает мне действовать мечом. Не то, чтобы я не сама им действовала – я могу управлять им, но кто-то помогает.

– Это ваше воображение.

– Не думаю. Этот меч был брошен в озеро...

– Хватит фантазии, – сурово сказал Дункан. – Не надо.

– Но мне страшно, Дункан.

Он обнял ее за плечи и прижал к себе.

– Все в порядке, – сказал он. – Все в полном порядке...

24

Не один час шли они по воде, точно держась прямого направления. Они шли почти по пятам друг за другом, и каждый следил за малейшим поворотом впереди идущего, чтобы повторить этот маневр и не сойти с узкого подводного гребня, по которому их вел Скрач.

Светила Луна, несколько звезд сияло в небе, хотя легкие облака временами закрывали их. Но плоская гладкая поверхность топи отражала малейшую искру света. Глаза уже настолько привыкли к темноте, что людям казалось, что они идут не среди ночи, а в густых сумерках.

Диана шла в начале колонны, за Скрачем, а Дункан замыкал шествие. Непосредственно перед ним шел Эндрю, и Дункану казалось, что отшельник очень устал: он спотыкался и поднимал посохом большие брызги. Им всем давно уже следовало отдохнуть. Дункан надеялся, что они скоро дойдут до следующего островка. Эндрю был необходим отдых, да и другим, наверняка, тоже. Конраду, несмотря на всю его силу, конечно же трудно было идти из-за больной руки.

Вода была неглубокой, изредка выше колен, но шли они медленно и осторожно, ощупывая дно перед каждым шагом. Никто не мешал им. Дважды крупные тела выныривали из топи, но не приближались к скалистому гребню из-за мелководья.

Всю ночь они слышали далекий плач. Теперь он стал громче и не замирал, как раньше. Дункан даже начал привывать к этим звукам.

Эндрю споткнулся и упал. Дункан быстро схватил его и поднял на ноги.

— Ты устал, — сказал он.

— Устал, — признался отшельник. — И телом, и духом.

— Насчет тела я могу понять, — сказал Дункан, — но почему духом?

— Господь показал мне, что за все годы неустанных трудов я получил чуточку святости. И как же я воспользовался ею? Освободил демона из цепей, преодолел или помог преодолеть злобную языческую магию — но с помощью ведьмы. Это же грех — сотрудничать с ведьмой, милорд! И хуже всего, что я даже не знаю, есть ли моя доля в открытии тропы, которая вывела нас из леса или все сделано одним лишь ведьмовством.

— В один прекрасный день, — успокоил его Дункан, — эта жалость к себе, переполняющая тебя, станет причиной твоей смерти. Вспомни, человече, что ты солдат Господа — самозванный, возможно, но в сердце своем ты — солдат Господа.

— Да, но очень плохой солдат. Глупый и неумелый, трясущийся от страха, не видящий радости от своей службы и тщетно пытающийся стать тем, кем должен быть.

– Как только у тебя будет возможность отдохнуть, ты почувствуешь себя лучше. Дни у нас были тяжелые, а ты не молод, и переносил все хорошо и показал истинный солдатский дух.

– Может, лучше бы мне оставаться в своей келье и не искать приключений. Это путешествие показало вам меня не с лучшей стороны. Я ничего не делал и...

– Постой, ты сделал кучу дел. Если бы ты не освободил демона, кто повел бы нас через топь?

Эндрю оживился.

– Я не подумал об этом. Но все равно, я оказал помощь приспешнику Сатаны.

– Он уже давно не принадлежит Сатане. Помни это. Он бежал из Ада.

– Все равно он из нечистой силы. В нем нет благодати и нет возможности...

– Если ты имеешь в виду, что он не примет христианство, то это совершенно верно. Но за то, что он сделал для нас, мы будем считать его нашим другом и союзником.

– Милорд, мне иногда кажется, что у вас странные оценки.

– Каждый должен решать по собственным оценкам. Ну, шагай. Если оступишься еще раз, я буду здесь и выужу тебя...

Наконец перед Дунканом показались валуны. Еще один островок. Те, кто шел впереди, уже выбрались на него. Дункан прибавил шагу, схватил Эндрю за руку и помог перебраться через препятствие. Он нашел плоский камень и усадил на него отшельника.

– Сиди и отдыхай. Не двигайся, пока я не приду за тобой. Мы все устали до изнеможения.

Эндрю не ответил. Он согнулся и опустил голову на сложенные на коленях руки.

Дункан пробрался по скалам и нашел всю компанию отдыхающей. Он сказал Снупи:

– Я думаю, мы на некоторое время задержимся здесь. Все страшно устали. Эндрю совсем измотался.

– И другие тоже, – ответил Снупи. – Конрад хотя и силен, а тоже чуть жив. Рука ему сильно досаждаёт. Вы поговорите со Скрачем, урезоньте его. Он одержим желанием идти вперед. Этот демон словно железный, – он не знает усталости, и нам вздохнуть не дает.

– Почему он так спешит?

– Не знаю. Мы, вероятно, прошли больше половины пути, но судить трудно – здесь все выглядит одинаково. Никаких ориентиров.

– Я поговорю с ним. Может быть, у него есть причины торопиться. От Нэн никаких известий?

Снупи скорчил гримасу.

– Я думаю, она не появится.

– Ты хочешь сказать – она бросила нас?

– Не скажу с уверенностью, но возможно. Она плохо летает, вы знаете. Над землей, где она может опуститься где угодно, это она – пожалуйста. А здесь не спустишься, одна вода кругом, а баньши ненавидят воду. Да и опасно тут.

– Ты имеешь в виду тех, кто выскакивал из воды?

– Ну да. Мы в безопасности, пока идем по гребню. Они не могут добраться до нас: вода слишком мелка, а они такие крупные. Иначе они давно сожрали бы нас.

– А другие опасности есть?

Снупи пожал плечами.

– Не знаю. О болотах много чего рассказывают, но неизвестно, откуда взялись эти рассказы, ведь никто не рисковал идти по топи.

– Значит, ты считаешь, что Нэн удрала?

– Может быть. Она мне ничего не говорила.

Дункан подошел к краю островка. Скрач сидел на валуне. Дункан присел рядом.

– Люди страшно измучены, – сказал он. – Можем мы остаться здесь до рассвета и немного отдохнуть?

– Мы должны идти как можно скорее, – ответил Скрач. – Взгляните: видите три пика? Это пики острова Плача за Мир.

– Где драконы?

– Именно. Может, в темноте они нас не увидят, хотя – кто знает? Но все-таки лучше подойти к острову до зари. Если они увидят нас в воде издалека, то заклюют насмерть.

– А разве у нас будет лучший шанс на острове, который они охраняют?

– Да. Там они не смогут планировать на нас: там скалы, а у них слишком большой размах крыльев. Они, конечно, могут напасть и на земле, но там с ними легче справиться – убить одного-двух, а остальные удерут. Драконы, как правило, трусливы...

– Значит, надо идти?

– А что нас тут держит?

– Эндрю совсем с ног падает. Конрад ранен, ему тоже трудно.

– Посадите одного из них на лошадь.

– На ней уже едет Мэг. Она легка, как перышко, но я не хочу наваливать на Дэниела более тяжелый груз и утомлять его, потому что среди нас он – лучший боец. Когда мы встретим драконов, он должен быть в форме.

– Милорд, я считаю очень важным добраться до острова до зари.

– А после острова еще далеко идти через топь?

– Нет. Примерно с милю. Западный берег близко.

– И мы сможем уйти с острова, несмотря на драконов?

– Если они увидят, что мы покидаем остров, то, возможно, не станут нас преследовать. Их дело – охранять остров. Когда мы уйдем, то не будем больше представлять угрозы. Думаю, что это сработает.

Наверху что-то зашелестело. Дункан поднял голову и увидел Духа.

– Я принес печальные известия, – сказал Дух.

Он сделал драматическую паузу.

– Ладно, – поторопил Дункан. – Брось ненужное позирование, отдышись и вываливай на нас все беды кучей.

– Я, как вы знаете, не дышу, – ответил Дух. – И не намереваюсь вываливать кучу бед на кого бы то ни было. Я лишь скажу правду.

– Давай, – нетерпеливо попросил Дункан, – выкладывай свою великую правду.

– Орда остановила свое продвижение на север и повернула обратно, – сказал Дух. – Она стоит лагерем на западном берегу против острова Плача, и члены ее начали собираться в массивный шар.

– Боже мой, рой! – Дункан охнул и обернулся к Скрачу. – Ты говорил об этой их привычке.

– Я передал вам то, что слышал, – ответил демон.

– Оборонное роение, ты говорил. Контакт между всеми членами Орды, увеличение личной силы каждого. Сбор перед лицом опасности. Против нас!

– Если то, что я говорил вам тогда – правда, – сказал Скрач, – то я с вами согласен: это все против нас. Мы – единственная реальная опасность для них.

– Кутберт говорил, что Орда напугана, – вспомнил Дункан. – Он, правда, не представлял, что могло ее напугать. Но с чего бы им бояться нас? Они просто побьют нас. Мы не один раз удирали от них. Какую опасность мы для них представляем?

– Но ведь абсолютно ясно, что они боятся нас, – сказал Дух. – Они ни разу по-настоящему не выступили против вас – я имею в виду членов Орды. Только очень немногие. Они посылали против вас безволосых, но это, по-видимому, не члены Орды, а существа, созданные их магией, солдаты, действующие по приказу и не знающие страха.

– Дух прав, – согласился Демон. – Если бы Орда не боялась нас, мы давно были бы убиты.

– Что вы собираетесь предпринимать? – спросил Дух. – Они ждут вас.

– Отступить мы не можем, – ответил Дункан. – Мы слишком далеко зашли, чтобы повернуть назад. Может, нам и удастся прошмыгнуть мимо них. Но нельзя давать им время полностью сформироваться в рой.

– Но что вы можете против них? – спросил Дух. – Моя душа, если она у меня есть, содрогается при одной мысли об этом.

– Сделаем, что сможем. Встанем перед ними, тогда и видно будет.

Он встал.

– Скрач, води нас дальше. Мы выступаем прямо сейчас...

25

Плач стал громче и тяжелее. Он как бы давил на землю и воду, и на все живое, будто невидимая ладонь прижимала все, что лежало на ней. Конрад споткнулся. Дункан метнулся вперед в надежде подхватить его, но поскользнулся сам, и оба упали в воду. Конрад оступался уже в третий раз с тех пор, как они снова тронулись в путь к острову Плача, но в первых двух случаях Дункан успевал поддержать его и не давал упасть. Теперь Дункан выбирался из воды, таща за собой Конрада, который фыркал и кашлял, наглотавшись воды.

– Милорд, – прохрипел он, – идите без меня.

– Мы начали вместе и, Бог даст, закончим вместе.

Наконец Конрад встал на ноги и сказал:

– Все рука, боль отняла у меня всю силу. Меня всего колотит. Идите вперед, я пойду сзади. Хоть на коленках, но поползу.

– Я понесу тебя, если смогу.

– Не сможете. Это все равно, что нести лошадь.

– Ну, поташу за ногу.

– Где моя дубина?

– Ее несет Снупи.

– Она слишком тяжелая для него. Он может уронить ее и она уплывет.

– Смотри, прямо перед нами остров Плача. В полумиле. И признаков зари пока еще нет. Так что – вперед! Пусти в ход ноги, переставляй их живее. Обопрись на меня.

– Мне не полагается наваливаться на вас, милорд.

– К чертям все это! Навались!

Конрад качнулся вперед, тяжело опираясь на Дункана. Он задыхался и весь дрожал. Шаг за шагом они медленно двигались вперед, однако не слишком отставали от остальных. Вся цепочка шла медленно, поскольку все были измучены ужасной дорогой. Где-то впереди Диана помогала Эндрю, подталкивая его вперед, оберегая от падения, не давая заснуть на ходу. Драконов не было видно.

«Может, их нет? – подумал Дункан. – Но хоть бы плач прекратился на минутку, дал бы вздохнуть свободно. Плач и давление, ощущение веса этого плача...»

В Дункане вдруг вспыхнуло, как неоспоримая истина, что на него влияли не только плач и давление, но и несчастья всего мира – нищета и ненависть, страх, боль и вина, извлеченные каким-то образом из всех людей на земле и сконцентрированные здесь, на этом острове, будто все люди мира исповедовались здесь, ища утешения и покоя, которые, возможно, и давались им в какой-то мере благодаря этому плачу. Может, вина и нищета, боль и страх превращались здесь в плач, и ветер разносил их по миру?

Это было удивительное знание, но Дункан отказывался от него, считая его невозможным.

«Удивительно, – подумал он, – что этот остров не корчится в агонии, трясина не кипит и не испаряется от соприкосновения с этим потоком несчастий».

Как ни отталкивал он это знание, а все же был уверен, что оно справедливо.

Пред ними был маленький островок. За ним Дункан снова увидел три пика, вырисовывавшиеся на бледной синеве небес. Близился рассвет.

Неуклюжая темная фигура демона выбралась на скалистый островок и исчезла за камнями. Тайни вернулся посмотреть, как выйдут Дункан и Конрад, и ласково обнял Конрада. Тот сказал ему сквозь стиснутые зубы:

– Все в порядке, иди теперь вперед, к остальным...

Тайни удовлетворенно повернулся и зашлепал по воде.

Дункан и Конрад выбрались и подошли к груде камней.

– Держись за меня крепче, – приказал Дункан. – Я могу выдержать твой вес.

Они медленно и осторожно перебрались через скалы и снова очутились в воде. Другие были уже на полпути к острову Плача.

«Слава Богу, драконов нет, – подумал Дункан. – Наверное, никогда и не было».

– Еще чуть-чуть, – сказал он Конраду, – и сможем отдохнуть и даже поспать.

Он рассчитывал, что им потребуется двое суток на переход через топь, а они прошли за одну ночь.

Шедшие впереди остановились и уставились в небо. Диана выпустила Эндрю, тот упал и барахтался в воде. Дэниел бил задними ногами, Мэг сползла с его спины в воду. Прямо перед ними в воздухе реяла черная фигура с громадными крыльями, изогнутым хвостом и злобной головой.

– Стой на месте! – крикнул Дункан Конраду. – Дракон!

Он прыгнул вперед, выхватывая меч, и поскользнулся,

попытался удержаться, но поскользнулся второй ногой, и упал на спину. Вода сомкнулась над ним, он попытался встать и вновь упал. Резкий крик прорезал тишину: дракон схватил когтями Бьюти и замахал крыльями, пытаясь взлететь. Дэниел подпрыгнул, схватил зубами дракона за шею и повис на нем. Дракон поднял Дэниела в воздух, но снова опустил. Дункан заметил отблеск меча Дианы: она била по второму дракону, но дракон уклонился и почти обрушился в воду, крылом сбив Диану с ног.

Конрад подбежал к Дэниелу и тоже схватил дракона за шею здоровой рукой. Не выдержав дополнительной тяжести, дракон распластался на воде. Бьюти больше не кричала. Ее вялое тело, выпущенное драконом, упало в воду. Дракон яростно отбивался, но в него вцепился Тайни, и дракон наконец затих. Дракон, сбивший Диану, улетел, и она снова стояла на ногах.

Взглянув вверх, Дункан увидел, что небо заполнили драконы. Они быстро снижались.

«Это конец, — подумал он. — Путешествие окончено».

Он и его товарищи, измученные долгой ночной дорогой, стояли на открытом месте в ста футах от острова. Как им устоять против такой атаки? В нем вспыхнула ярость, и он с берсеркским ревом поднял меч и побежал вперед.

Внезапно наверху над кружащимися драконами послышался грохот копыт и дикий лай сотни охотничьих собак. Драконы бросились врассыпную. Дикий охотник разгонял их. Копыта его коня выбивали в небе искры. Лошадь и Охотник спустились так низко, что Дункан на мгновение увидел его лицо, дико горящие глаза под густыми бровями, длинную бороду, закинутую ветром на плечо.

Затем конь стал снова подниматься вверх. Охотник затрубил в рог. Драконы отчаянно улепетывали от собак.

Отряд направился к острову. Дункан подошел к Бьюти. Она была мертва. Он отбуксировал ее к берегу, сел, положил ее голову себе на колени и тихонько погладил длинные шелковистые уши. Он подумал о том, что не услышит больше легкого перестука копыт, танцующих перед ним на дороге. Самый маленький и самый скромный член их отряда ушел от них.

Мягкий нос коснулся его плеча.

Дункан повернул голову. Его осторожно обнюхивал Дэниел. Дункан погладил лошадь.

— Мы потеряли ее, мальчик. Нет больше нашей Бьюти...

26

Дункан шел по лесной тропинке и встретил великана. Была ранняя весна, листья на деревьях едва показывались из почек и было множество цветов — земля под деревьями была вся покрыта мелкими цветочками, они кивали Дункану и ждали приветственного слова. Дункан не знал, откуда он шел и куда, он просто был здесь. И вот на узкой тропинке он встретил великана. Кому-то из них надо было уступить дорогу, но ни тот, ни другой этого не делали, а стояли и смотрели друг на друга. Наконец великан протянул огромную ручищу, поднял Дункана и стал трясти. Голова Дункана качалась, ноги дергались, а руки не могли двигаться, так как были крепко зажаты в кулаке великана.

Великан тряс его и говорил:

– Проснитесь, милорд, вам надо кое-кого увидеть.

Дункану хотелось спать.

– Оставьте меня, – бормотал он.

Но гигант продолжал:

– Проснитесь... Проснитесь...

Странное дело. Это говорил уже не великан, а кто-то другой, и голос был вроде бы Скрача. Кто-то продолжал трясти Дункана. Наконец он открыл глаза и увидел, что лежит под нависшей скалой, а над ним склонился Скрач.

– Проснулись? – спросил он. – Пожалуйста, не засыпайте снова.

Демон присел на корточки и явно не собирался уходить. Дункан сел и протер глаза. Сияло яркое солнце. Неподалеку спали Конрад и привалившийся к нему Тайни. В стороне похрапывал Эндрю. Дункан встал и снова сел, охваченный страхом. Все спали, и не было принято никаких предосторожностей... Он и сам спал, и никто не стоял на страже. Для него, как для лидера, это было непристительно.

Он слабым голосом спросил:

– Все в порядке?

– Да, – ответил Скрач. – Я стоял на вахте, пока все остальные спали.

– Но ты же устал.

Скрач покачал головой.

– Нет. Демоны не устают. Но тут ждут люди, сэр, иначе я не стал бы вас будить.

– Кто ждет?

– Старые женщины, довольно приятные старушки...

Дункан встал.

– Спасибо, Скрач.

Выйдя из-под защиты нависшей скалы, Дункан вновь ощутил давление и груз плача, хотя самого плача сейчас не было.

«Откуда же тогда давление? – спросил он себя и тут же ответил. – Давление не от плача, а от нищеты мира, стекающей сюда...»

На тропинке, шедшей от края топи к возвышенности острова, стояли три женщины в длинных, очень простых платьях без всякой отделки, когда-то белых, а теперь посеревших. В руках у них были корзинки. Они стояли радом и ждали его, а он шел, расправив плечи, чтобы противостоять давлению несчастий мира.

Они встретились лицом к лицу и некоторое время молча смотрели друг на друга. Женщины были стары и выглядели так, будто никогда и не были молодыми, но ведьмами не выглядели. Морщины даже придавали им достоинство, и их окружало спокойствие, что было странно в таком месте, где собрались несчастья.

– Молодой человек, – заговорила одна, – не вы ли совершили жестокость по отношению к нашим драконам?

Вопрос был настолько неожиданным и неуместным, что Дункан невольно рассмеялся.

– Вы страшно напугали их, – продолжала женщина. – Они еще не вернулись, и мы очень беспокоимся о них. И я считаю, что вы убили одного из них.

– Не раньше, чем они убили одного из нас, – резко сказал Дункан. – Только после того, как они убили маленькую Бьюти.

– Кто это – Бьюти?

– Ослик, мэм.

– Только ослик?

– Член нашей группы, – сказал Дункан. – У нас есть еще лошадь и собака, и они тоже входят в нашу компанию. Не просто животные, не любимцы, а члены отряда.

– И еще демон, – сказала женщина, – безобразный хромой демон, который окликнул нас, когда мы шли по тропинке, и угрожал нам своим оружием.

– И демон тоже один из нас. И, если хотите знать, с нами ведьма, гоблин и отшельник, который считает себя солдатом Господа.

Женщина покачала головой.

– Никогда не слышала ни о чем подобном. А могу ли я спросить, кто вы?

– Я, мэм, Дункан из Стэндиш-Хауза.

– Из Стэндиш-Хауза? Тогда почему вы не в Стэндиш-Хаузе, а здесь, беспокоите безобидных драконов?

– Мадам, – спокойно сказал Дункан. – Я даже представить себе не мог, что вы не знаете, но раз так – скажу. Ваши безобидные драконы – самые кровожадные хищники, каких я только видел. Более того, я скажу вам, что хотя мы имели все основания побеспокоить их, эту работу сделали, по сущности, не мы. Мы были слишком измотаны переходом через болото, чтобы сделать это как следует. Их обратил в бегство Дикий Охотник.

Старухи переглянулись.

– Я вам говорила, – сказала вторая, – что слышала Охотника и лай его собак, но вы мне не поверили. Вы сказали, что у Охотника не хватит нахальства приближаться к этому острову и мешать нам в нашей работе...

– Кстати, меня кое-что интересует в вашей работе, – поинтересовался Дункан. – Вы – плакальщицы за мир?

– Молодой Стэндиш, – ответила первая, – это вас не касается. Наши тайны – не предмет обсуждения со смертными. Достаточно уже того, что ваши земные ноги топчут эту священную землю.

– Однако, – сказала другая, – мы прощаем вам ваше святотатство и даже символически распространяем на вас наше гостеприимство: мы принесли вам еды.

Она шагнула вперед и поставила корзину на тропу. Две другие женщины сделали то же.

– Можете есть без опаски: здесь нет отравы. Полноценная, основательная пища. Здесь хватает естественных бед, и мы не желаем увеличивать их.

– Кроме вас, никто бы и не узнал, – начал Дункан и тут же спохватился, что его слова прозвучали весьма невежливо.

Они не ответили и собрались уходить, но он сделал движение к ним.

– Скажите только одно: не видели ли вы случайно с высокой точки острова, каких-либо признаков Орды Разрушителей?

Они изумленно посмотрели на него, затем одна из них сказала:

– Это глупо, сестры. Конечно, он должен знать о Разрушителях. Он зашел далеко в Разоренные земли, как ему не знать? Так почему бы и не ответить ему?

– Это не принесет вреда, – сказала первая женщина. – Ни он, и никто иной не повредят. Орда, сэр Дункан, находится на западном берегу недалеко отсюда. Видимо, они

знают, что вы идете, потому что они собираются в рой, хотя зачем рой для таких, как вы — это выше моего понимания.

— Защитный рой, — сказал Дункан.

— Откуда вы знаете о защитном рое? — резко спросила она.

Дункан улыбнулся.

— Берегите вашу улыбку, молодой человек. Если вы перейдете эту полосу воды и встретитесь с ними, ваша улыбка перекосится...

— А если мы пойдем в другую сторону, ваши драгоценные драконы принесут нам смерть, — возразил Дункан.

— Вы неприятны и невежливы, — сказала одна из старух, — раз говорите так о наших друзьях.

— Друзья?

— Конечно. Драконы — щеночки, а без Орды в мире было бы меньше несчастий.

«Меньше несчастий», — вдруг Дункан понял.

Не исповедальня, облегчающая боль и дающая утешение, не изгнание нечистой силы страха и ужаса, а наслаждение нищетой мира, радостное купание в бедствиях и несчастьях, как собака катается по падали...

— Грифы! — сказал он. — Стервятники!

Сердце его сжалось. Господи, неужели ничего порядочного уже не осталось?

Нэн, баньши, плачет за вдову в скромном домике, за мать, потерявшую ребенка, за старого и дряхлого, за больного. Помогал этот плач или нет — другой вопрос, но он предназначался для утешения. Нэн и ее сестры-баньши горевали с теми, у кого не было близких, могущих горевать с ними.

Но эти плакальщицы за мир, плачут ли они сами или широко разветвленной общиной, или с помощью какой-нибудь адской машины – Дункан представил себе сломанный механизм, где кто-то крутит тяжелую рукоятку и производит плачущие звуки – они живут нищетой мира, они пьют ее и радуются, и желают, чтобы ее было побольше, и увязают в ней, и сами выпачканы, как свиньи, что роются в отвратительных отбросах...

Три женщины повернулись и пошли по тропинке. Он злобно погрозил им вслед.

– Мерзкие суки! – выругался Дункан негромко, почти себе под нос, потому что кричать вреда, вероятно, не будет, но и пользы тоже никакой.

Они его не интересовали. Они – мерзость, мимо которой проходят, через которую перешагивают и стараются не обращать внимания. Его интересовало то, что было за этим островом.

Он быстро поднял корзинки и швырнул их в болото.

– Плевать нам на ваше гостеприимство! – сказал он сквозь зубы. – Не нужны нам ваши подношения! Провалитесь вы к черту!..

Он повернулся и пошел обратно. Скрач и Конрад сидели рядом на гребне.

– Где остальные? – спросил он.

– Отшельник и ведьма пошли за вьюками Бьюти, – сказал Скрач. – Вьюки здорово подмокли, они плыли по воде и пристали к берегу. Но, может быть, кое-что из еды еще сохранилось.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Дункан Конрада. Тот улыбнулся.

– Лихорадка прошла. Рука получше. Опухоль немного спала, и боль не такая жестокая.

– Миледи пошла в том направлении, – сообщил Скрач. Он показал большим пальцем. – Она говорила что-то насчет осмотра местности. Это было еще до того, как я разбудил вас.

Дункан взглянул на небо. Солнце прошло уже полпути от зенита. Они проспали большую часть дня.

– Оставайтесь здесь, – приказал он. – Когда придут остальные, пусть тоже остаются тут, а я пойду за Дианой.

Демон с усмешкой кивнул.

– Если есть какая-то еда, ешьте, не теряйте времени, – добавил Дункан. – Пора в путь...

– Милорд, – сказал Конрад, – вы собираетесь выступить против Орды?

– А что делать? У нас нет выбора. Вернуться мы не можем, оставаться здесь – тоже. Этот остров отвратителен.

Конрад оскалился по-волчьи:

– Я буду рядом с вами, когда мы выступим. Мне хватит и одной руки, чтобы махать дубиной.

– И я тоже, – поддержал Скрач. – Снупи правильно сказал, когда дал мне трезубец. Принадлежность, он сказал. Так и есть. Он подходит к моим рукам, будто для меня сделан.

– Ну, до скорого.

Он нашел Диану на маленькой скале.

Услышав его шаги, она повернула голову.

– Пора идти?

– Почти, – ответил он – Очень скоро.

– Перед Ордой...

– Я кое-что должен сказать вам, – перебил он, – и кое-что показать. Я давно должен был это сделать.

Он достал талисман и протянул его ей. Она глубоко вздохнула, протянула руку, но тут же отдернула.

– Вольферта?

Он кивнул.

– Откуда он у вас? Почему вы мне не сказали?

– Я боялся, что вы потребуете талисман себе. А мне он был нужен.

– Зачем?

– Против Орды. Для этого Вольферт его и сделал.

– Но Кутберт говорил...

– Кутберт ошибался. Талисман защищал нас с того дня, как я его нашел. Орда посылала против нас своих ставленников, но сама, за некоторыми исключениями, не выступала. Она держится от нас подальше.

Диана взяла талисман в свои руки и медленно поворачивала, подставляя сияющие камни под лучи солнца.

– Какая красота! Где вы его нашли?

– В могиле Вольферта. Конрад спрятал меня туда, когда меня оглушили дубиной в том огороде, где мы с вами впервые встретились.

– Странная идея – прятать человека в могилу.

– У Конрада иной раз бывают странные идеи и, как правило, всегда эффективные.

– И вы нашли его там случайно?

– Когда я пришел в себя. Я лежал на нем, и это было очень неудобно. Я думал, что это камень. Сначала я собирался отдать его вам, но когда стало очевидно...

– Понятно... И теперь вы хотите использовать его против Орды. Может, он уничтожит ее?

– Я делаю ставку на это. Нас явно что-то защищало. Конечно, талисман. И, я думаю, Орда боится именно его, иначе зачем бы ей собираться в рой против нас?

– Значит, Вольферт был прав, а все остальные ошибались? Они выгнали его, а он был прав.

– Даже колдуны могут ошибаться.

– Еще одно. Скажите, зачем вы здесь? Что привело вас сюда? Почему для вас так важно попасть в Оксфорд? Вы ничего не говорили ни мне, ни Кутберту. Ему было бы очень интересно. У него было много друзей в Оксфорде, он переписывался с ними много лет.

– Так вот, есть манускрипт. Это долгая история, но я постараюсь передать ее в нескольких словах...

Он быстро рассказал ей суть дела.

– Вайс. Бишоп Вайс. Он стар и болен, потому мы и спешим. Он может умереть.

– Дункан... – тихо сказала она.

– Да? Вам знакомо это имя?

Она кивнула.

– Он был старым другом Кутберта, большим другом.

– Ну и прекрасно.

– Нет, Дункан. Бишоп Вайс умер...

– Умер?

– Несколько недель назад. Кутберт получил известие о его кончине. Наверное, это случилось еще до того, как вы покинули Стэндиш-Хауз.

– Боже мой!

«Бесцельное путешествие, – думал он. – Все зря. Под-

линность манускрипта не будет установлена, вероятно, никогда. Может, лет через сто появится другой человек, такой же, как Бишоп Вайс... Его Преосвященство будет ждать. Святая церковь, весь христианский мир будет ждать этого человека. А будет ли он когда-нибудь?»

Диана подвинулась к нему, положила его голову к себе на колени и держала, как мать ребенка.

– Поплачьте, – сказала она. – Никто не увидит, кроме меня. Слезы облегчают.

Но он не плакал, не мог. Горечь взметнулась в нем, сдавила, скрутила, терзала душу. До этого он не знал, какое значение имел для него этот манускрипт – не как абстрактная вещь, содержащая потенциальное благо для всего мира, а для него лично, для Дункана Стэндиша, христианской души, которая верит, что человек по имени Иисус ходил по земле, говорил слова, переданные потом нам, творил чудеса, улыбался на свадьбе, пил вино со своими собратьями и в конце концов умер на римском кресте...

– Дункан, – тихо сказала Диана, – я горюю вместе с вами.

Он поднял голову и посмотрел на нее.

– Талисман, – проговорил он.

– Вы хотите воспользоваться им, как предполагал Вольферт?

– Это единственное, что остается. По крайней мере хоть какая-то польза от нашего путешествия.

– Вы не сомневаетесь в талисмане?

– Сомнения есть, но что еще можно сделать?

– Ничего.

– Мы можем погибнуть. Талисмана может оказаться недостаточно.

– Я буду с вами, – обещала она.

– И умрете со мной?

– Если так случится. Но я не хочу думать об этом.

Вольферт...

– Вы верите в него?

– Так же, как вы в свой манускрипт.

– А что потом, когда все кончится?

– Что вы имеете в виду?

– Я, например, вернусь в Стэндиш-Хауз.

– Найду место. Есть другие замки колдунов. Там меня примут.

– Пойдем со мной...

– Как ваша подопечная или как ваша любовница?

– Как моя жена.

– Дункан, милый, но во мне же кровь колдунов!

– А в моих жилах кровь бессовестных авантюристов, грабителей, пиратов и Бог знает кого еще.

– Но что скажет ваш отец? Ведь он лорд.

Дункан представил себе отца: прямого, как дерево, раздувающего усы, его серые, как гранит, глаза с теплым блеском...

– Да, он лорд, но и джентльмен. Он будет любить вас, как дочь. У него не было дочери. У него только я. Моя мать умерла много лет назад, Стэндиш-Хауз давно уже ждет женских рук.

– Надо подумать, – сказала она. – Но одно могу сказать сразу: я очень люблю вас...

Рой находился на вершине небольшого гребня. Это было страшное зрелище: чернота, по которой пробегали странные искры, как далекие зарницы. Временами рой казался плотным монолитом в виде черного шара, потом вдруг становился рыхлым, как моток пряжи, как мыльный пузырь, готовый лопнуть. Он находился в непрерывном движении, как будто то, что его составляло, все время меняло место, ища более выгодного положения и перестраиваясь для достижения идеальной конфигурации роя.

Последив за ним некоторое время, Дункан замечал отдельных членов роя, но настолько мимолетно, что даже не был полностью уверен, что действительно видел их.

Он сказал собравшимся вокруг него:

– Вы знаете, что мы сделаем? Я возьму талисман, подниму его вверх, чтобы его было видно, и медленно пойду к рою. В последних лучах солнца камни в талисмане засияют магическими огнями всех цветов радуги, но много ярче радуги...

А если это не сработает? – проворчал Конрад.

– Должно сработать, – холодно ответила Диана.

– Должно сработать, – спокойно согласился Дункан. – Но если, не дай Бог, не сработает – удирайте отсюда к чертям. Возвращайтесь к топи и держите путь к острову.

– Я не побегу, – возразил Конрад. – К черту бегство.

В это мгновение тощая старческая рука протянулась и выхватила у Дункана талисман.

– Эндрю! – заорал Дункан.

Но отшельник уже бежал к рою, высоко подняв талис-

ман, а другой рукой держа посох. Рот его был открыт и он что-то выкрикивал.

– Дурак! Похвальбишка! Сукин сын! – ругался Конрад. Дункан бросился вперед, чтобы схватить Эндрю.

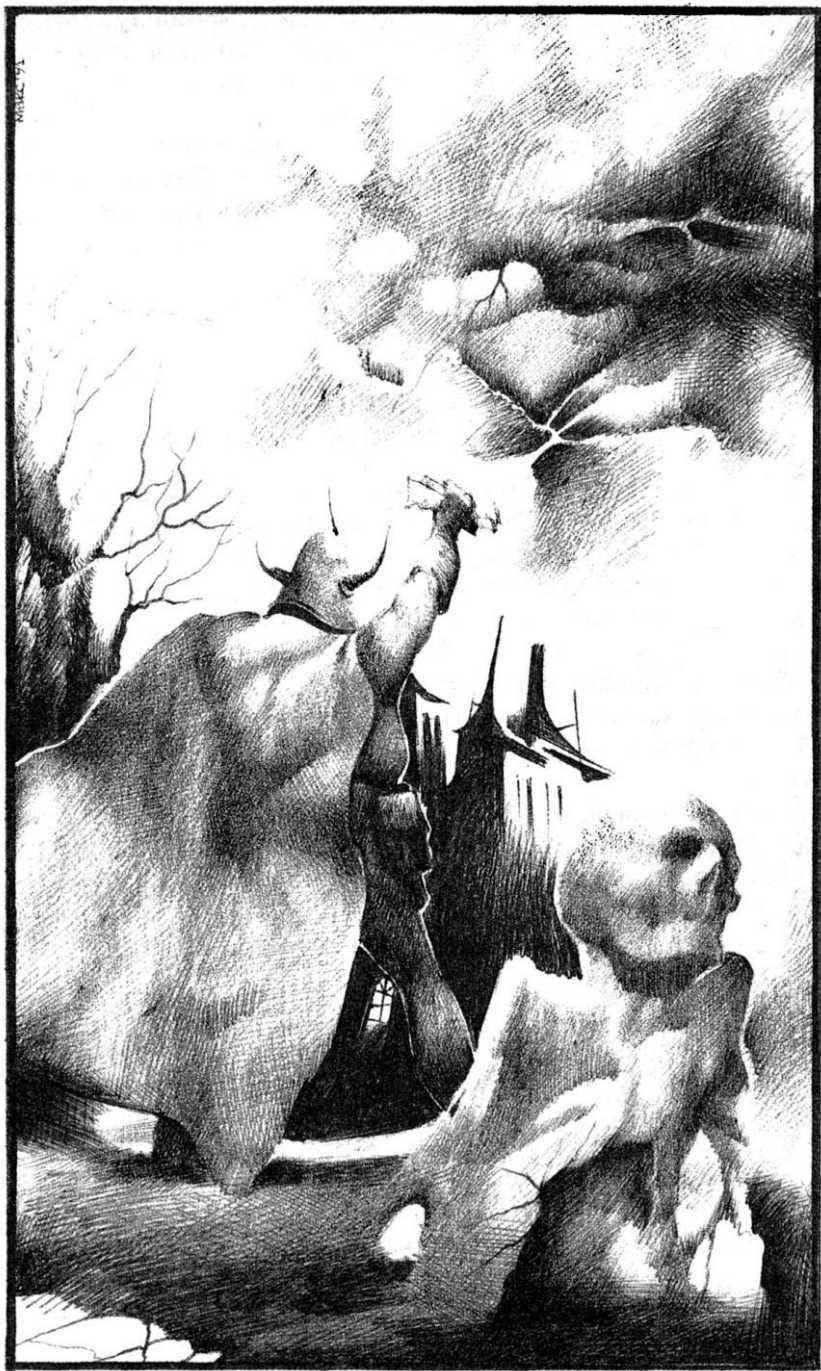
Впереди ударила молния. Полуослепший Дункан увидел Эндрю, вспыхнувшего ярким пламенем. Через секунду пламя погасло, и отшельник стал дымящимся факелом, который задуло порывом ветра. Тонкие усики жирного дыма летели из его поднятых рук. Талисман исчез, а Эндрю медленно сжимался и упал кучкой сгоревшей, дымящейся плоти.

Дункан бросился ничком на землю. Дикая мысль пробежала в его мозгу: «талисман» Вольфберта не был талисманом, не его боялась Орда, не он защищал их в долгих странствиях по Разоренным землям.

«Я должен был понять это, – думал Дункан. – На побережье Орда использовала Гарольда Ривера, чтобы получить то, чего она боялась, но чего не могла взять сама. Она заполучила талисман, но оставила его, как ненужную вещь...»

Единственное, чего они не получили, был манускрипт.

«Манускрипт! – думал он. – Боже мой, манускрипт! Именно его стремилась уничтожить Орда. Для того и была опустошена северная часть Британии. Орда собиралась двинуться на аббатство Стэндиш, где хранился манускрипт, но в то время манускрипта там уже не было. Кутберт говорил, что Орда в смущении и растерянности. Конечно, так оно и было. Манускрипт, о котором орда знала и который как-то чувствовала, был унесен теперь через опустошенную ею землю».

Маленький, щуплый, прячущийся человечек, который так долго следил за компанией Иисуса, но сам не был в этой компании и не стремился в нее, записывал точно, без вариаций и парафраз каждое слово, каждый жест, даже выражение лица Иисуса.

Это было правдой, это была точная хроника и он пронес через столетия славу и силу, и полную мощь Иисуса.

«Но почему ты всегда скрывал от меня свое лицо? — спросил Дункан этого маленького человечка. — Да потому, — сам себе ответил Дункан, — что это было частью всего дела. Человек этот не искал славы для себя. Все обратилось бы в ничто, если бы он думал о славе. Он и впредь должен остаться безличным...»

Громадный черный шар вспыхнул множеством молний. С каждым шагом Дункана молнии становились все ярче, но оставались внутри роя. Такие же вспышки бежали по клубящемуся туману в битве у развалин замка, такая же молния превратила Эндрю в горящий факел, но теперь они не вырывались.

Дункан достал пергамент, вскочил на ноги и, подняв его высоко над головой, с торжествующим ревом бросился к дрожавшему рою.

Внезапно все вспышки слились, и шар взорвался. Множество тлеющих частей взлетело в воздух. Они падали вокруг Дункана, дымились и съеживались на земле, некоторое время корчились, а затем умирали.

Орда погибла и в напоздавших сумерках растянулось, как туман, страшное зловоние...

Дункан опустил руку, сжимавшую помятый пергамент.

Раздался громкий плач, но плач не с острова, а другой,

рядом. Дункан оглянулся и увидел Мэг, скорчившуюся над вонючей кучкой того, что было Эндрю. Она плакала.

– Почему? – спросила Диана, подходя к Дункану. – Отшельник и ведьма...

– Он дал ей кусок сыра, когда мы впервые встретились, – ответил Дункан. – Он помогал ей идти по лесной тропе. Он вместе с ней колдовал тропу через лес. Разве этого мало?..

28

Итак, подлинность манускрипта не будет подтверждена. Со смертью Бишопа Вайса не осталось никого, кто мог бы поставить на нем печать истины. Документ вернется в аббатство Стэндиш и будет лежать там в богато украшенном сундуке, и мир не узнает о нем, потому что некому определить, настоящий он или фальшивый.

Однако Дункан знал, что это подлинник, потому что только правдивые слова Христа могли уничтожить Орду. «Ничто другое, – думал он, – не могло на нее воздействовать».

Он коснулся пальцами мешочка и в который раз услышал похрустывание. Сколько же раз он делал этот жест и слушал шелест пергамента, но никогда не чувствовал такой благодати и безопасности...

Рядом зашевелилась Диана. Он обнял ее за плечи и она придвинулась ближе к нему.

Костер ярко пылал. С одной стороны его Скрач сгребал угли, чтобы испечь рыбу, пойманную им и Конрадом в ручье с помощью рубашки Дункана вместо сети.

– Где Дух? – спросил Дункан. – Он был тут, а теперь исчез.

– Вы его не увидите, – ответила Диана. – Он теперь будет являться в замке.

– В каком замке? Где он его нашел?

– На развалинах замка, – пояснила Диана, – он приходил ко мне и просил разрешения.

– И вы дали?

– Я ему сказала, что замок не мой и я не вправе распоряжаться, но пусть идет, потому что помешать ему я тоже не могу.

– Я ему сказал то же самое, когда он решил идти с нами в Оксфорд. Я удивлен, что он хочет поселиться у замка, он же так хотел попасть в Оксфорд.

– Он говорил, что жаждет иметь дом, место, где являться. Он сказал, что его повесили на жалком деревце, и он не желает являться на дереве, тем более на осине.

– Я тоже слышал эту жалобу. А что бы подумал об этом Кутберт?

– Думаю, что если бы Кутберт знал его, то был бы рад. И Дух, бедняга, так хотел иметь дом.

– Если бы вы побольше слушали его, он бы вам в печенки въелся. Я рад, что избавился от него. Он вообще-то ничего парень, но уж больно нудный.

– А как насчет Скрача?

– Он спас Конраду жизнь на поляне и Конрад никогда не забудет этого.

– И Конрад был любезен с ним в замке. Как и вы. А все остальные в то время считали его отвратительным.

Мэг принесла им рыбу на куске коры и села напротив них.

– Не торопитесь есть, – посоветовала она, – пусть немного остынет.

– А ты куда подаешься после всех этих приключений? – спросила Диана. – Скрач пойдет с нами.

– Стэндиш-Хауз, – сказал Дункан, – вполне может служить резиденцией ведьме. У нас их давным-давно не было.

Мэг покачала головой.

– Я уже надумала и хотела поговорить с вами насчет этого. У меня нет хижины, нет никаких принадлежностей. Но у Эндрю была келья. Как вы думаете, он не обидится? По-моему, я знаю, где она. Если я не найду, Снупи обещал показать.

– Если ты так хочешь, – сказал Дункан, – то, я думаю, Эндрю был бы рад, что ты будешь там жить.

– Я думаю, – сказала Мэг, – что он все-таки немного любил меня. Когда мы встретились, он дал мне кусок сыра, и на сыре были следы его зубов, а он мне его отдал, и он...

Ее голос прерывался. Она закрыла лицо руками, быстро встала и ушла в темноту.

– У них с Эндрю была любовь, – сказала Диана. – Удивительно: ведьма и отшельник...

– Мы все любили его, – согласился Дункан. – Хотя он порой бывал диким упрямцем.

«Упрямец и солдат Господа. Самый неподходящий, но настаивающий на этом звании, хотя он по-прежнему оставался отшельником. Но, бросил вызов смерти, как солдат Господа. Эндрю и Бьюти – солдат и маленький терпеливый ослик. Я потерял их обоих...»

Порыв ветра принес Плач за мир.

«Будут идти года, – подумал Дункан, – и этого Плача будет все меньше и меньше. Какие-то несчастья в мире останутся, но все это будет не то, что раньше, поскольку Орды нет на земле. Меньше пищи для стервятниц на островах, меньше грязи на них».

Диана дернула Дункана за руку.

– Пойдемте со мной. Я не могу сделать это одна. Я хочу, чтобы вы стояли рядом...

Они обошли костер и подошли к Снупи, который ел рыбу. Диана встала напротив Снупи, обеими руками прижимая к себе меч.

– Этот меч слишком драгоценен, чтобы принадлежать человеку, – сказала она. – Не возьмешь ли ты его обратно под охрану «маленького народа»? Храните его, пока он не понадобится вновь.

Снупи осторожно протянул руки и принял меч. В его глазах стояли слезы.

– Значит, вы знаете, миледи, кому он принадлежал когда-то?

Она молча кивнула.

– Тогда мы охотно возьмем его обратно. Мы будем хорошо хранить его и почитать. Когда-нибудь он может оказаться в других руках, и тот человек должен быть героем. Но никто не будет более достойным его, чем вы, миледи.

– Скажи «маленькому народу», что он оказал мне великую честь.

– Это потому, что мы доверяем вам, – признался Снупи. – Мы знаем вас. Вы будете жить в Стэндиш-Хаузе?

– Да, – ответила Диана. – Мы уйдем утром.

– Когда-нибудь мы придем к вам с визитом, – пообещал Снупи.

– Мы будем ждать вас, – сказала Диана. – Будут кексы и эль, и танцы на лужайке. – Она подошла к Дункану. – Ну вот, теперь я готова к завтрашнему дню...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Клиффорд Саймак (1904-1988).

Знаменитый американский писатель, увенчанный полным набором всех премий за заслуги в научной фантастике, Клиффорд Дональд Саймак родился в 1904 году в штате Висконсин. О детстве у него остались самые светлые воспоминания – охота, рыбалка, игры в индейцев, работа на ферме отца – чеха по национальности. Исконно славянская любовь к земле, к деревенскому быту, к простым человеческим ценностям передалась Клиффорду и отразилась в его творчестве. Ни один фантаст не восславил фермера в своих произведениях, как Саймак.

В 1931 году публикуются первые рассказы К. Саймака, отличающиеся высоким литературным мастерством, знанием тонкостей жанра. С этого момента высокая писательская техника и доскональное знакомство с горизонтами фантастики стали отличительными особенностями творчества писателя.

С тех пор он написал и опубликовал более 20 романов и более 100 рассказов.

К. Саймак оптимистично относится к человеку, ему чужд модный нигилизм. Герои его, будучи внешне незаметными, несут в себе потенциал человечности, доброты, достоинства. В них светится искра «богоподобного» всемогущества, и поэтому добро, как правило, побеждает зло. Писатель проповедует гуманистическую мораль, доказывая ее превосходство, ее благостность для людей. Более того, К. Саймака можно считать одним из исследователей «космической этики». Этот мотив разработан наиболее

впечатляюще. Недаром писателю два раза присуждалась премия «Хьюго» (в 1958 и 1964 гг.) за произведения, в которых убедительно проводится мысль о причастности Земли и землян к судьбам вселенной.

В творчестве Саймака можно выделить два момента, последовательно пронизывающих большинство его произведений: это, во-первых, тема Контакта с иным разумом, во-вторых, утверждение характера обыкновенного, нормального, честного человека, которому чужды расизм, ксенофобия, комплекс превосходства, зато присущи достоинство, доброта, стремление к справедливости.

В настоящей книге, наряду с известными произведениями представлен ранее не публиковавшийся роман «Братство Талисмана».

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках первую книгу из новой серии зарубежной фантастики.

Наше издательство планирует выпуск десяти томного собрания сочинений произведений Клиффорда Саймака. В двух следующих томах будут представлены его лучшие рассказы.

Следите за поступлениями в продажу наших книг!

Подписано в печать 20.04.92. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Объём 14 физ. п. л. Тираж 100 000 экз. Заказ 233. „С“-1

Издательство МП «Принтекс»

**Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.**

